

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2015 Том 21

№ 2

Март – Апрель

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2015 Volume 21

№ 2

March – April

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой исторической информатики,
научный руководитель Центра экономической истории
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва)

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт литературных исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of Department of Historical Informatics,
principal investigator of Economic History Centre of Historical
Faculty of Lomonosov Moscow State University
Russian Natural Sciences Academy full member,
chairman of scientific council of Russian Academy
of Sciences on the issues of Russian
and world economics (Moscow)

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Literary Investigations Institute of Russian Academy
of Sciences (Saint Petersburg)

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, заведующий кафедрой
отечественной истории Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных литератур и языков
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт литературных исследований Российской
Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства
и права Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Mal'tsev Department of State and Law Theory,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation
head of Department of Russian History,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Foreign Writings and Languages
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Literary Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
Aleksandr Grigoriyevich
and Nikolay Grigoriyevich Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of State and Law Theory,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики
русского языка Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX в.

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой церковной и общей истории
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария (г. Иваново)

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного, финансового
и информационного права Нижегородского института
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
руководитель кафедры «Частно-правовые науки»
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

НАЗАРИ ФАТЕМЕ ТОРАБ
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русского языка
Университет им. Шахида Бехешти (г. Тегеран, Иран)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Documentation Scientific Discipline
and Russian Language Stylistics
Leo Tolstoy Tula State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Literature Theory
and the 20th Century's Russian Literature,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University
head of Department of Church and Worldly History,
Saint Alexius Orthodox
theological seminary (Ivanovo)

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literature Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of Administrative,
Financial and Informational Law, Nizhny Novgorod
Management Institute – branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
head of Department of Individual Right
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

NAZARI FATEME TORAB
Candidate of Philological Sciences,
head of Russian Language Chair
Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Курочкина С.А.**
Чаши-пиалы нижеволжских столиц Улуса Джучи
- 12 **Полывянный Д.И., Ешиллы Н.В.**
Разбойничество в османских судебных документах XVI–XVIII веков: проблемы терминологии
- 16 **Шигарева А.Н.**
Фридрих II об уроках европейской истории
- 19 **Петровичева Е.М., Харитонов С.С.**
Проблемы взаимоотношений интеллигенции, общества и государства в работах писателя-народника И. Н. Харламова
- 23 **Федюк В.П.**
Александр Керенский:
феномен политического лидерства
- 30 **Кочешков Г.Н.**
Февральская революция и аграрный вопрос в России:
неудавшийся либеральный проект
- 37 **Васеха М.В.**
Проблемы актуализации практик плодизгнания
в условиях демографической модернизации в 1920-х гг.
(на материалах Западной Сибири)
- 41 **Данильченко И.В.**
Общехозяйственное состояние музеев Костромской
области в 1945–1991 годах
- 45 **Петрова И.А., Кибасова Г.П.**
Глазами американцев: внешняя политика СССР
накануне войны

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 49 **Иванова В.А.**
Первый нират в аюттийской литературе –
поэма «Камсуан Сии Праат»
- 53 **Голубков А.В.**
Флорилегия и рапсодия: к классической предыстории
романтического фрагмента
- 57 **Ненарокова М.Р.**
Язык цветов: образ сухих листьев в европейской
и русской поэзии 1-ой половины XIX века
- 61 **Пешкова В.В.**
Роман «Отар из Бретани» М. Хансена в контексте
европейской литературной традиции
первой половины XIX века
- 64 **Дубинская М.В.**
«Голос» природы у Ф.М. Достоевского и Андре Жида:
к поэтике принципа тройственной полифонии
- 68 **Тихомиров В.В.**
Литературная критика старших славянофилов:
И.В. Киреевский
- 75 **Ермилова Г.Г., Данг Тхи Хьюнг**
«Евангельский текст» в романе Льва Толстого
«Воскресение» в переводе на вьетнамский язык
- 79 **Акатова А.А.**
Семантика паратекстуальности (на материале романа
Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта»)
- 84 **Морозов Н.Г.**
Мотивы древнерусской литературы в очерке
Б.К. Зайцева «Слово о Родине» (Статья вторая)
- 88 **Ильина Н.К.**
Методики определения ритмических свойств прозы
- 92 **Хазова М.А.**
В. Тарсис и В. Максимов о судьбе человека
в тоталитарном государстве
(«Палата №7» – «Семь дней творения»)
- 97 **Кучина Т.Г., Бокарев А.С.**
«Кругом возможно сон»:
онейропозитика Алексея Цветкова

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **S.A. Kurochkina**
Bowls of the Lower Volga capitals of Ulus of Jochi
- 12 **D.I. Polyvyanny, N.V. Yesilli**
Brigandage in the Ottoman court records of the 16th–18th
centuries: the problems of terminology
- 16 **A.N. Shigareva**
Frederick the Great on the lessons of the European history
- 19 **Ye.M. Petrovicheva, S.S. Kharitonov**
Problems of mutual relations of the intelligentsia, society
and state in the works of the writer and the figure
of Narodnik movement Ivan Kharlamov
- 23 **V.P. Fedyuk**
Alexander Kerensky:
the phenomenon of political leadership
- 30 **G.N. Kocheshkov**
The February Revolution and agricultural legislation in
Russia: failed liberal project
- 37 **M.V. Vasekha**
Legal and illegal abortion practices actualization in terms
of demographic modernization in the 1920s (based on the
Western Siberia materials)
- 41 **I.V. Danil'chenko**
General economy state of the museums of Kostroma
Region in 1945–1991
- 45 **I.A. Petrova, G.P. Kibasova**
Through the Americans' eyes: USSR's foreign policy on
the eve of the participation in the World War II

SCIENCE OF LITERATURE

- 49 **V.A. Ivanova**
The first nirat poem composed during the Ayutthaya period
«Kamsuan Sriprat»
- 53 **A.V. Golubkov**
Florilegium and rhapsody: concerning the classic
background of the romantic fragment
- 57 **M.R. Nenarokova**
The Language of Flowers: dead leaves in the European and
Russian poetry of the 1st half of the 19th century
- 61 **V.V. Peshkova**
The novel of Maurits Hansen «Othar av Bretagne»
in the context of European literary tradition
of the 1st half of the 19th century
- 64 **M.V. Dubinskaya**
“The voice” of the nature in the works of Fyodor Dostoyevsky
and André Gide: on the poetics of the triple-based polyphony
- 68 **V.V. Tikhomirov**
Literary criticism of the founders of the Slavophile
movement: Ivan Kireyevsky
- 75 **G.G. Yermilova, Đặng Thị Thu Hương**
«Gospel text» in the novel «Resurrection» by Leo Tolstoy
when translating into Vietnamese language
- 79 **A.A. Akatova**
Semantics of paratextuality (based on the novel “The
French Lieutenant's Woman” by John Fowles)
- 84 **N.G. Morozov**
Motifs of literature of the Old Rus' in Boris Zaytsev's
feature story “The Tale of Motherland”. Part 2
- 88 **N.K. Il'ina**
Methods of determining rhythmic properties of prose
- 92 **M.A. Khazova**
Valery Tarsis and Vladimir Maximov on the human fate
in what is called a totalitarian state («Ward 7» vs «Seven
Days of Creation»)
- 97 **T.G. Kuchina, A.S. Bokarev**
«All Around You May Be Just a Dream»: oneiric poetics of
Alexei Tsvetkov

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 101 Голомидова М.В.**
Названия золотых приисков Урала как часть культурного капитала территории: лингвокультурологический аспект
- 105 Баженова Т.Е., Долгова Е.Ю.**
Ареальная характеристика лексико-семантических вариантов диалектных слов в самарских говорах
- 110 Ганцовская Н.С., Дмитрук Л.А.**
Семантизация лексики комической оперы А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» в «Словаре русского языка XVIII века»
- 114 Зверева Ю.В.**
Структура микропонимов Пермского края
- 119 Суханова И.А.**
О парциальной и миметической интермедальности
- 124 Дмитриева А.А.**
Общая характеристика жанрообразующих языковых средств в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской
- 127 Данг Тхи Хуе**
Категория количества в идиоматике языка (на материале русской фразеологии)
- 131 Кудрявцева Е.В.**
Фразеологизмы с компонентом-зоонимом *собака*: лингвокультурологический комментарий
- 134 Шаджанова Е.И.**
Концепт ДЕНЬ в структуре когнитивного уровня языковой личности Виктора Цоя
- 137 Шляхтина Е.В.**
Перевод наименований профессий с компонентом *specialist* с английского на русский язык
- 141 Избицкая М.В.**
Глуттонии-неологизмы как важные компоненты культуры повседневности (на материале электронного словаря новых слов Word Spy)
- 145 Аверина А.В.**
Проявление грамматических свойств модальных частиц немецкого языка в сложном предложении
- 149 Шипова И.А.**
О некоторых лингвистических особенностях немецкоязычного художественного текста XXI века

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 154 Бессарабов В.Г.**
Деятельность прокуратуры России по реализации конституционного права граждан на обращение в органы государственной власти и органов местного самоуправления
- 160 Сосенков Ф.С.**
Вопросы государственного единства в политико-правовых воззрениях Л.А. Тихомирова и политические реформы 1905–1906 годов в России
- 163 Нуриев А.Д.**
Употребление спиртного напитка в мусульманском праве раннего средневековья: предмет и состав преступления
- 167 Груздев В.В.**
Правовое состояние личности как субстанциональное и функциональное правовое явление
- 173 Сиверская Л.А., Конардов С.Б.**
Проверка сообщения о преступлении и принятие процессуального решения по ее результатам: новеллы законодательного регулирования
- 179 Демидюк В.А.**
Правовая природа представительства с участием федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования

SCIENCE OF LANGUAGE

- 101 M.V. Golomidova**
Naming of the goldfields of the Urals as part of the territory's cultural capital: lingual and culturological aspect
- 105 T.Ye. Bazhenova, Ye.Yu. Dolgova**
Areal characteristic of the lexical-semantic versions of dialect words in Samara patois
- 110 N.S. Gantsovskaya, L.A. Dmitruk**
Semantization of vocabulary of Alexander Ablesimov's ballad opera «The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker» in the «Russian dictionary of 18th century»
- 114 Yu.V. Zvereva**
Structural features of micro-toponyms in Perm Land
- 119 I.A. Sukhanova**
On partial and mimetic intermediality
- 124 A.A. Dmitriyeva**
Basic characteristics of genre-forming lingual tools in «Memoirs» by Anna Dostoyevskaya
- 127 Đặng Thị Huệ**
Quantity category in idiomatic language (on the basis of Russian phraseology)
- 131 Ye.V. Kudryavtseva**
Phraseological units with the zoonym component *dog*: linguocultural aspect
- 134 Ye.I. Shadzhanova**
The concept DAY in the structure of the cognitive level of linguistic identity of Viktor Tsoi
- 137 Ye.V. Shlyakhtina**
The translation of the job titles with the component *specialist* from English into Russian
- 141 M.V. Izbitskaya**
Neologisms in the field of gluttony (new words from the sphere «food and drinks») as the important components of everyday culture
- 145 A.V. Averina**
The manifestation of properties of German modal particles in compound sentences and texts
- 149 I.A. Shipova**
About certain linguistic peculiarities of German fiction text of the 21st century

JUDICIAL SCIENCES

- 154 V.G. Bessarabov**
Russia's Procuracy activity in the field of realization of citizens' constitutional right of submitting application to governmental authorities and local self government bodies
- 160 F.S. Sosonkov**
Issues of state unity in political and legal views of Lev Tikhomirov and political reforms of 1905–1906 in Russia
- 163 A.D. Nuriyev**
The use of alcoholic drink in the Islamic law of the Early Middle Ages: object and formal elements of crime
- 167 V.V. Gruzdev**
Legal condition of the personality as substational and functional legal phenomenon
- 173 L.A. Siverskaya, S.B. Konardov**
Verifying a crime report and making procedural decision by its results: chapters referring to legislative regulation
- 179 V.A. Demidyuk**
Representation legal phenomenon with participation of federal state budgetary educative institutions of higher professional education

184 Черкасов К.В., Фаузер В.Э.

Административно-правовое регулирование
оказания государственных услуг в России:
некоторые проблемы на примере Республики Коми

189 Зензинов Г.А.

Об оценке регулирующего воздействия
в Костромской области

195 Бибиков А.И.

Принцип добросовестности в цивилистической
доктрине и судебной практике: проблемы толкования

200 SUMMARY

215 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

184 K.V. Cherkasov, V.E. Fauzer

Administrative and legal regulation of rendering the state
services in Russia: some problems on the example of the
Komi Republic

189 G.A. Zenzinov

On regulatory impact assessment
in Kostroma Region

195 A.I. Bibikov

The principle of good faith in civil law doctrine and
jurisprudence: problems of interpretation

200 SUMMARY

215 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.26(470)

Курочкина Светлана Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола
kurochkina-sveta@bk.ru

ЧАШИ-ПИАЛЫ НИЖНЕВОЛЖСКИХ СТОЛИЦ УЛУСА ДЖУЧИ

Во второй половине XIII–XIV вв. в Нижнем Поволжье в ассортименте красноглиняной керамики появились небольшие чаши-пиалы. Это сосуды с усеченно-коническим округлымверху туловом, с небольшим поддоном. Хотя они встречаются на многих золотоордынских городищах, но везде в этой форме есть свои особенности. Это связано с тем, что в золотоордынских городах сложились местные керамические школы. В городах Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедид сложились самостоятельные керамические школы с двумя группами мастерских. Первая группа мастерских изготавливала неполивную красноглиняную керамику, а вторая группа выпускала неполивную и поливную красноглиняную керамику. В керамическом комплексе данных городов красноглиняные чаши-пиалы встречаются в двух отделах: неполивая и поливая керамика. В отделе неполивых чаш-пиал по характеру дополнительной обработки поверхности выделяется один подотдел: керамика без ангоба и без лощения. Здесь мы выделяем по особенностям формы тулова, венчика и поддона несколько вариантов изделий. Среди поливных чаш-пиал по характеру дополнительной обработки поверхности выделяется два подотдела: с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке и с желтой поливой по ангобной подгрунтовке. В свою очередь, по особенностям формы тулова, венчика, поддона и цвету кроющей поливы также выделяется несколько вариантов изделий. Причем при характеристике поливных чаш-пиал необходимо обращать внимание на технику изготовления кольцевого поддона и на последовательность формовки изделия. Мастера, их изготавливавшие, работали под влиянием закавказских или среднеазиатских традиций. Скорее всего, глиняные чаши-пиалы основная масса населения использовала для питья чая.

Ключевые слова: керамическое производство, техника изготовления, красноглиняная керамика, поливная и неполивая керамика, чаши-пиалы.

В золотоордынское время в Нижнем Поволжье появились сосуды чашевидной формы, среди которых особое место занимают чаши-пиалы – небольшие пиалообразные чаши с усеченно-коническим округлымверху туловом, с небольшим поддоном.

Данный вид изделий встречается на золотоордынских городищах, но везде в этой форме есть свои особенности (морфология, пропорции, технология изготовления). Возможно, это связано с тем, что в ряде золотоордынских центров сложились местные керамические школы, для которых характерен определенный видовой ассортимент изделий.

В статье мы остановимся на характеристике чаш-пиал, найденных при раскопках нижеволжских столиц Улуса Джучи: гг. Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедид. Изучение керамического комплекса показывает, что в них сложились самостоятельные керамические школы с двумя группами мастерских. Первая группа мастерских изготавливала неполивную красноглиняную керамику, а вторая группа выпускала неполивную и поливную красноглиняную керамику. Характеризуя данный вид изделий, мы будем рассматривать отдельно неполивные и поливные изделия городов Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедид.

Чаши-пиалы Селитренного городища (г. Сарай ал-Махруса)

В керамическом комплексе Селитренного городища красноглиняные чаши-пиалы встречаются в *отделах*: неполивая и поливая керамика. Для неполивых и поливных изделий характерны при-

знаки: в качестве исходного сырья использовалась ожелезненная глина; среди примесей фиксируются включения редкого, крупного шамота и песка мелкой фракции.

Неполивные чаши-пиалы вытянуты на круге из одного куска глины (РФК-7). В материалах фиксируется донно-емкостная программа конструирования полого тела. Внешняя поверхность изделий заглажена рукой. По характеру дополнительной обработки внешней поверхности (ДОП) выделяется один *подотдел*: неполивая керамика без ангоба и лощения. На доньях сосудов видны следы среза нитью с круга. Обжиг сплошной, равномерный. Черепок звонкий, цвет колеблется от кирпично-красного до коричневого. Выделяется 3 *варианта* по особенностям формы тулова, венчика и поддона (табл. 1).

Вариант 1 (рис. 1/1). Тулово сегментовидное, сужающееся к низу. Венчик, отогнутый наружу, закруглен по внешнему краю. Поддон плоский, выделенный. Сосуд не сохранился [15, рис. 48/2].

Вариант 2 (рис. 1/2). Тулово полусферическое, сужающееся к низу. Венчик прямой без утолщения. Поддон плоский, выделенный [12, с. 133, табл. 71/6].

Вариант 3 (рис. 1/3). Тулово усеченно-коническое, сужающееся к дну. Венчик, отогнутый наружу, косо срезан по внутреннему краю. Поддон плоский, невыделенный [12, с. 133, табл. 71/7].

Рассматривая *поливные чаши-пиалы*, необходимо обращать внимание на технику изготовления кольцевого поддона и на последовательность их формовки. Течение формовочной массы в изломах

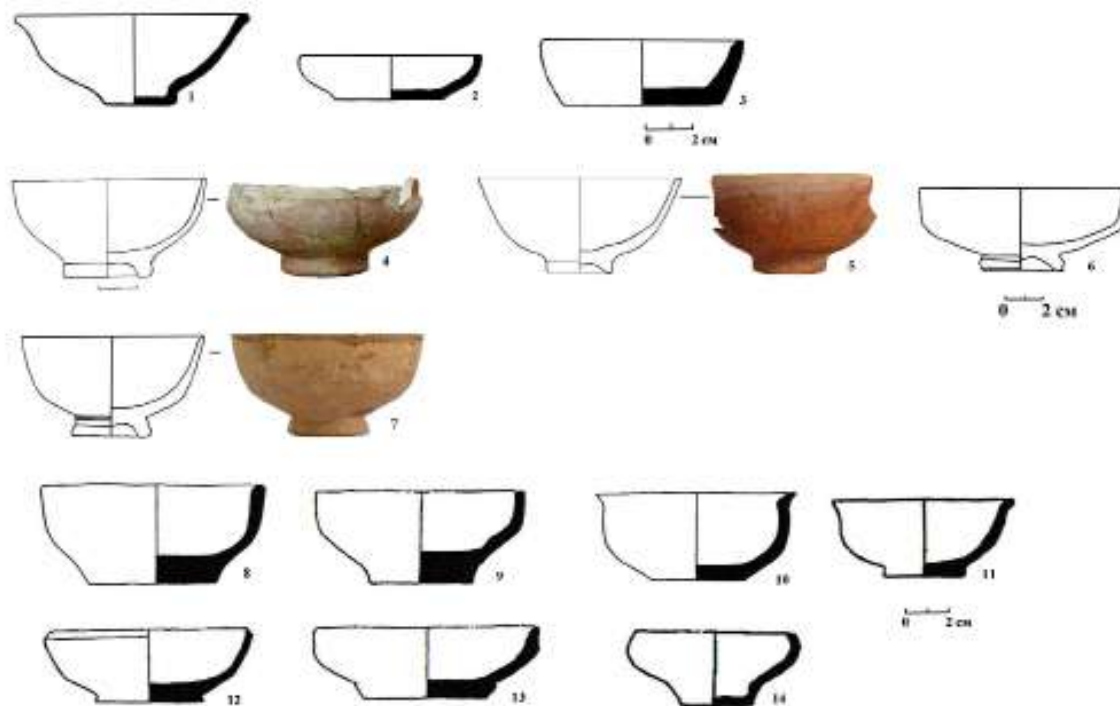

Рис. 1. Чаши-пиалы красноглиняные:

1-7 – Селитренное городище (г. Сарай ал-Махруса); 8-14 – Царевское городище (г. Сарай ал-Джедид) (1-3, 8-14 – неполивные; 4-6 – с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке; 7 – с желтой поливой по ангобной подгрунтовке) (1-3 – сборы ПАЭ, не сохранились; 4 – Р 43/2011, кв. 10 шт. 3; 5 – Р 43/2012, кв. 55-56 шт. 3, соор. 3; 6 – Р 42/2007, уч. Б-В/3-4 шт. 15, соор. 15; 7 – Р 42/2007, уч. А/5 шт. 4; 8 – Р I/1996, яма 18; 9, 12-13 – Р I/1998, яма 12; 10 – Р I/1996, кв. Б3/5, яма 19).

Таблица 1

Параметры красноглиняных неполивных чаш-пиал Селитренного городища (см)

Параметры	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Диаметр по венчику	10,5	8,7–8	9
Максимальный диаметр	10	8,7–8	9,5
Диаметр поддона	3,5	8-4-5	7
Высота максимального диаметра	3	2,5–2	2,5
Высота поддона	0,5	0,25	-
Общая высота сосуда	4	4,3–2	3
Количество сосудов	1	2	1
Общее количество	4		

днищ позволяет выделить донно-емкостный начин. Чаши-пиалы на кольцевом поддоне вытянуты из одного куска глины (РФК-7). Полость поддона вырезана ножом. По характеру ДОП выделяется 2 поддела: с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке и с желтой поливой по ангобной подгрунтовке. По особенностям формы тулова, венчика, поддона и цвету кроющей поливы выделяется несколько вариантов изделий (табл. 2).

Поддел 1 – с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке

Вариант 1 (рис. 1/4). Тулово полусферическое, с небольшим прогибом под венчиком. Венчик невыделенный, округлый по верху. Вырезанный поддон с небольшим выступом дна и сужением стенок внутри, с вертикальной внешней стенкой и с плоским краем.

Вариант 2 (рис. 1/5). Тулово полусферическое. Венчик невыделенный, округлый по верху. Вырезанный поддон с выступом дна и сужением стенок внутри, с вертикальной внешней стенкой и с плоским краем.

Вариант 3 (рис. 1/6). Тулово усеченно-коническое, с вертикальными стенками. Венчик невыделенный, заостренный по верху. Вырезанный, слегка расширяющийся, поддон с выступом дна и сужением стенок внутри, на внешней стороне поддона – небольшой валик.

Поддел 2 – с желтой поливой по ангобной подгрунтовке

Вариант 1 (рис. 1/7). Тулово полусферическое. Венчик невыделенный, заостренный по верху. Вырезанный расширяющийся поддон с выступом дна и сужением стенок внутри. На вертикальной внеш-

Таблица 2

Параметры красноглиняных поливных чаш-пиал Селитренного городища (см)

Параметры	П/о: с зеленой поливой			П/о: с желтой поливой
	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 1
Диаметр по венчику	10,2	12	9,5	9,4
Максимальный диаметр	10	311	9	8,5
Диаметр поддона	4,5	3,9	3,7	4
Высота максимального диаметра	3	5	2,5	2
Высота поддона	0,8	0,7	0,7	1
Общая высота сосуда	4	6	4	5
Количество сосудов	1	1	1	1
Общее количество	4			

ней стенке поддона есть небольшой горизонтальный выступ.

Чаши-пиалы Царевского городища (г. Сарай ал-Джедид)

В керамическом комплексе Царевского городища красноглиняные чаши-пиалы встречаются в одном отделе: *неполивная керамика*. Для них характерны признаки: в качестве исходного сырья использовалась ожелезненная глина; среди примесей фиксируются включения извести, органики, песка мелкой фракции. Сосуды вытянуты на круге, из одного куска глины (РФК-7). В представленных материалах фиксируется донно-емкостная программа конструирования полого тела. Внешняя поверхность изделий заглаживалась рукой. По характеру ДОП выделяется *подотдел*: неполивная керамика без ангоба и лощения. На доньях сосудов видны следы среза нитью с круга и присыпки (песок, глина). Обжиг сплошной, равномерный. Черепок звонкий, цвет колеблется от кирпично-красного до светло-коричневого. Выделяется 6 вариантов по особенностям формы тулова, венчика и поддона (табл. 3).

Вариант 1 (рис. 1/8). Тулово усеченно-коническое, с вертикальными стенками. Венчик невыделенный, округлый по верху. Поддон плоский, выделенный.

Вариант 2 (рис. 1/9). От варианта 1 отличается формой венчика: прямой без утолщения.

Вариант 3 (рис. 1/10). Тулово полусферическое, сужающееся к дну. Венчик отогнут наружу, косо срезан по внутреннему краю. Поддон плоский, выделенный.

Вариант 4 (рис. 1/11). Тулово полусферическое, Венчик, округлый по краю, отогнут наружу. Поддон плоский, расширяющийся. Сосуд не сохранился [15, рис. 48/4; 12, с. 133, табл. 71/5].

Вариант 5 (рис. 1/12). Тулово сегментовидное, сужающееся к дну. Венчик невыделенный, косо срезанный по внешнему краю. Поддон плоский, расширяющийся.

Вариант 6 (рис. 1/13). Тулово усеченно-коническое, сужающееся к дну, с вертикальными стенками с небольшим прогибом. Венчик невыделенный, косо срезан по внутреннему краю. Поддон выделенный, сужающийся.

Вариант 7 (рис. 1/14). Тулово усеченно-коническое с округлыми, загнутыми внутрь стенками. Венчик невыделенный, прямой. Поддон плоский, выделенный. Сосуд не сохранился [15, рис. 48/3; 12, с. 132, табл. 71/3].

Таким образом, на сегодняшний день из нижневожских столиц Улуса Джучи нам известно о 16 чашах-пиалах: 12 неполивных и 4 поливных.

В литературе данный вид изделий не имеет единого названия. В керамике Азербайджана встречаются поливные «солонки». К примеру, в XII–XIII вв. в Орен-Кала – миниатюрные круговые сосуды с низкими вертикальными бортиками высотой 2–3 см, покрытые прозрачной поливой по ангобу [9, с. 120]. «Солонки» с зеленой поливой по ангобу – в Киране в XI–XIII вв.: с вертикальными или вогнутыми стенками, скошенной придонной частью, плоским дном [3, с. 87, рис. 25/14–16]. Сосуды, называемые «солонками», встречаются в керамике Армении: известны в Двине XI–XIII вв. [4,

Таблица 3

Параметры красноглиняных неполивных чаш-пиал Царевского городища (см)

Параметры	В 1	В 2	В 3	В 4	В 5	В 6	В 7
Диаметр по венчику	11	9,5	10,2	10	8,6	10	8,5–9
Максимальный диаметр	11	9,5	9,6	9,5	9	10	9–9,5
Диаметр поддона	6,5	4,8	4,9	4,3	4,8	5,5	4–5
Высота максимального диаметра	3	3	2,7	3,5	2,6	2	2,5–3
Высота поддона	0,6	0,6	0,2	0,8	0,4	0,7	0,9
Общая высота сосуда	5	4,2	4,5	4,5	3,2	3,3	3,7–4
Количество сосудов	1	1	1	1	1	1	2
Общее количество	8						

с. 288]. Полусферические чашечки на переходном поддоне есть среди поливной керамики Хорезма XII–XIV вв. [1, с. 316]. В X–XIII вв. в Биляре встречаются «маленькие плошки». А.Ф. Кочкина говорит о неполивных маленьких плошках с вогнутым бортиком, узким днищем, округлым или заостренным венчиком, поддон отсутствует, с лощением [6, с. 49–50, рис. 10/14]. В.Н. Макарова, А.Х. Халиков выделяют их в поливной керамике [7, с. 56, рис. 3/7–9]. С.И. Валиулина, характеризуя мастерскую билярского стеклодува конца XII – начала XIII вв., упоминает о «мелких блюдечках» [2, с. 159, рис. 39/9–11]. Н.А. Кокорина считает, что в Биляре в начале XIII в. бытовали пиалы, которые могли быть заимствованы из городских центров Средней Азии и Южного Казахстана [5, с. 70, 291, рис. 37/12–13]. В золотоордынское время в Волжской Болгарии бытовали чашевидные пиалообразные сосуды [13, с. 82–84, рис. 61/5–6]. По мнению О.С. Хованской, здесь они начали производиться с начала XIV в. как подражание штампованной привозной керамике [14, с. 351]. С.Е. Михальченко, классифицируя золотоордынскую керамику, называла их «солонками» [8, с. 123, рис. 3/15]. Неполивные «солонки» полусферической формы с простым венчиком, плоским дном встречаются в материалах Сарайчика [11, с. 41, 108]. Небольшие чашечки встречаются в золотоордынском Азаке.

Называть подобные сосуды «солонками» не очень правомерно, потому что такое количество «сосудов для соли» не могло использоваться в повседневной жизни. Вполне возможно, что эта форма была заимствована из поливной закавказской керамики. Возможен и другой источник заимствования – Средняя Азия. Е.М. Пещерева отмечает, что в XIX в. во многих местах Средней Азии «пиёла» – поливные чашечки небольшого размера (вместимостью не более 200 г) использовались для питья вина, но не воды. Производились они в очень малых количествах. Для питья чая использовали только фарфоровые сосуды [10, с. 280].

О происхождении чаш-пиал трудно сказать что-либо определенное. Возможно, что в раннее средневековье эти сосуды использовались для вина. Пиала как форма сосуда в виде чашечки без ручки на кольцевой ножке, с прямыми или слегка скругленными стенками была выработана в Мавераннахре. Появилась там около IX в. одновременно с поливной керамикой. Первоначально название «пиала» употреблялось в Средней Азии, Иране в значении «винной чаши». С течением времени вид и назначение этих сосудов несколько меняются. Кольцевая ножка видоизменилась в невысокий дисковидный поддон. Исчезло глазурованное покрытие. В последующие века (после XII в.), когда для вина стали использоваться стеклянные бокалообразные сосуды, их называют уже чайными чашечками. Вероятно, это связано с появлением чая

как напитка в Азии. Американский ученый Лауфер (В. Laufer) на основании лингвистических данных предположил, что передатчиками чая, возможно, были монголы. На Западе чай распространяется не раньше XIII в. Среди тюркских народов Средней Азии был распространен монгольский способ варки чая. Основная масса населения использовала глиняные пиалы [10, с. 284–290]. Такой способ формовки известен по этнографическим данным на территории Средней Азии [10, с. 160–220] и в Закавказье (Азербайджан).

Таким образом, небольшие чаши-пиалы, найденные на золотоордынских городищах, по совокупности технологических и морфологических признаков относятся ко второй местной группе, а мастера, их изготовлявшие, возможно, работали под влиянием закавказских или среднеазиатских традиций.

Библиографический список

1. *Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – Т. 4. [Керамика Хорезма]. – М.: АН СССР, 1959. – С. 261–342.
2. *Валиулина С.И.* Стекло Волжской Болгарии (по материалам Билярского городища). – Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 280 с.
3. *Ибрагимов Б.И.* Средневековый город Кирин. – Баку: АН Азербайджана; М.: Институт археологии и этнографии, 2000. – 176 с.
4. *Калантарян А.А.* К вопросу о способах изготовления керамики в средневековой Армении // Археологические памятники феодальной Грузии. – Тбилиси, [б/и], 1974. – Т. 2. – С. 280–290.
5. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV вв. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). – Казань: Институт истории, 2002. – 383 с.
6. *Кочкина А.Ф.* Гончарная посуда // Посуда Биляра. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. – С. 24–53.
7. *Макарова В.Н.* Поливная или глазурованная керамика билярского производства / В.Н. Макарова, А.Х. Халиков // Посуда Биляра. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. – С. 53–60.
8. *Михальченко С.Е.* Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // Советская археология. – 1973. – № 3. – С. 118–132.
9. *Наджафова Н.Н.* Художественная керамика Азербайджана XII–XV вв. – Баку: Элм, 1964. – 140 с.
10. *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – Т. 42. – М.; Л.: АН СССР, 1959. – 396 с.

11. Самашев З. Керамика Сарайчика / З. Самашев, О. Кузнецова, В. Плахов. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2008. – 264 с.

12. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. – М.: МГУ, 2001. – 256 с.

13. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 7–102.

14. Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // МИА. – № 42. – Т. 1. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – М.: АН СССР, 1954. – С. 340–368.

15. *Fedorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Transl. from the Russian by H. Bartlett Wells. British Archaeological Reports. – International Series. Oxf., 1984. – 278 p.*

УДК 94(560)

Полывянный Дмитрий Игоревич

доктор исторических наук, профессор
Ивановский государственный университет
dipol53@mail.ru

Ешиллы Наталья Владимировна

Ивановский государственный университет
esce_homo@mail.ru

РАЗБОЙНИЧЕСТВО В ОСМАНСКИХ СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТАХ XVI–XVIII ВЕКОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена основным причинам многообразия терминологии гайдучества как формы разбойничества в протоколах шариатских судов Османской империи XVI–XVIII вв. Синтетический характер османского языка, значительную долю лексики которого составляли заимствования из арабского и персидского, его склонность к ассимиляции новых терминов в известной мере отражали типологию разбойничества, обозначаемого богатым набором понятий. Терминологическое разнообразие османской судебной документации демонстрирует и особенности использования норм шариата, различавших наказания разнородных категорий разбойников. Слово «гайдук» появилось на территории Османской империи в связи с обострением ситуации на венгерской границе, став затем эквивалентным наиболее традиционному обозначению разбойничества («эшкия»), а в условиях нараставшего структурного кризиса XVIII века – термину «бунтовщик», который получает более широкое распространение в связи с шариатской нормой, направленной на устранение группы людей, обвиненных в вооруженном выступлении против властей. Относительно происхождения слова «гайдук» существует несколько версий, наиболее убедительной из которых представляется версия румынского историка Тр. Ионеску-Нишкова. По мнению ученого, слово «гайдук» берет начало от венгерского «hajdu» – «погонщик скота». В результате анализа имеющихся данных было выявлено 14 документов, в оригиналах которых присутствует слово «haydut» или его сочетания с другими терминами.

Ключевые слова: Османская империя, шариат, суд, разбойничество, терминология.

Характерной чертой протоколов шариатских судов Османской империи (*сиджлилов*) раннего Нового времени является разнообразие терминологии, применявшейся по отношению к разбойникам и разбойным группам. Так, македонским исследователем А. Матковским было выявлено более 50 вариантов слов и словосочетаний для обозначения субъектов разбойничества с различной степенью проявления в них таких атрибутивных свойств, как «насильник», «убийца», «вор», «непокорный», «преступник», «смутьян» и т. д. [3, с. 43–46]. Вместе с тем, наибольшее распространение в источниках получил гипероним «разбойник» – «eşkiya» (араб., мн. ч. – şâki) [9, s. 147].

Возникает вопрос: почему, несмотря на возможность османских властей использовать наиболее общий термин для расширения круга лиц, попадавших под действие права, направленного на нейтрализацию или устранение потенциально опасных для государства элементов, шариатские суды продолжали применять столь богатый набор терминов по отношению к разбойничеству.

На наш взгляд, причина этого крылась в целом комплексе обстоятельств. Уже сам синтетический

характер османского языка делопроизводства, значительную долю лексики которого составляли заимствования из арабского и персидского, обуславливал разнообразие сходной по значению терминологии, имеющей различное происхождение. В правовой документации встречаются, например, термины *ıǧrı* (тур. уст.) – вор; *şerîr* (араб.) – жестокий порочный человек, причиняющий зло, смутьян; *harâm-zâde* (араб.-пер.) – мошенник, обманщик; *harâmi* (араб.) – вор, *гайдук*, разбойник с большой дороги [8, s. 327]; *kuttâ-i tarik/kutta-üt tarik* (араб.) – разбойники с большой дороги, *гайдуки* [8, s. 530].

Интересно отметить, что при объяснении значений двух последних арабских слов в словарных статьях используется термин «гайдук», применявшийся преимущественно по отношению к разбойничеству в балканском регионе. До сих пор исследователи не пришли к единому мнению о том, было ли слово «гайдук» абсолютным синонимом терминов «*harâmi*» и «*kuttâ-i tarik*», либо же оно несло на себе дополнительную смысловую нагрузку, на чем настаивают многие балканские и отечественные исследователи, отождествляющие тер-

мин «гайдук» с антифеодальной и антиосманской освободительной борьбой.

Обращение к турецким словарям, где «гайдук» (*haydut*) трактуется как «человек, грабящий людей с помощью оружия, разбойник» (*eşkıyâ, şâki*) или «горный вор» (*dağ hırsızı*), не дает оснований сделать предположение о его точном значении.

По версии, высказанной в одной из работ проф. С.И. Муртузалиева, еще с XVI века в османской системе права существовало разделение «социально опасных элементов на отдельные категории» [4, с. 185], что выражалось в использовании термина «разбойник» преимущественно для христиан, а «харамия» – для социально опасных элементов – мусульман. В то же время автор пишет: «...в XVIII в. представители османской власти не только отличали разбойников от гайдуков, но и отмечали факты их совместных действий и религиозную их принадлежность» [4, с. 185].

Относительно происхождения слова «гайдук» существует несколько версий, наиболее убедительной из которых представляется версия румынского историка Тр. Ионеску-Нишкова, согласно которому, слово берет начало от венгерского «hajdu» – «погонщик скота» [2, с. 11]. Это название, получившее широкое распространение в Венгрии начиная с XV века в связи с развитием отгонного скотоводства, в последующем закрепляется за венгерскими солдатами-наемниками. С начала XVII века трансильванским князем Иштваном Бочкаи в благодарность за помощь, оказанную гайдуками в его противостоянии с Габсбургами, гайдуцким поселениям был дарован привилегированный статус с сохранением за ними обязанности несения военной службы [1, с. 24]. Вливаясь в состав пограничной охраны Венгрии или переходя на службу к Габсбургам, гайдуки совершали нападения на османские владения, из-за чего, вероятно, и приобрели для османов статус «врагов государства», а для неминуемо страдавшего от разорений мирного населения османских провинций стали синонимом разбойничества.

Следуя документам, изданным болгарской исследовательницей Б. Цветковой, одни из первых упоминаний о гайдуках в Османской империи принадлежат иностранцам. Это: анонимный автор, описавший путешествие венецианского посла в Константинополе П. Контарини (1580 г.); Мелхиор Безолт, входивший в состав посольства Священной Римской империи по поводу нарушения турками мира (1584 г.); французский ученый и дипломат Якоб Бонгарс (1585 г.); фламандский энциклопедист Левинус Хулсиус (1595 г.) и посланник австрийского императора в Валахии Георг Сирмаи (1598 г.) [6, с. 85, 86, 87, 91, 93]. При этом в двух свидетельствах речь шла о гайдуках, пришедших из Сербии («двенадцать тысяч свободных рашских хайдуков», расположившихся в районе

Стара-Планины [6, с. 93]), либо действовавших совместно с сербами («В феврале 1595 г. 2000 сербов и гайдуков собрались и перешли Дунай, напали на Софию, разграбили и подожгли ее» [6, с. 91]). Данный факт указывает на возможность заимствования слова «гайдук» в славянские (серб. *hajduk/hajduk*, болг. *хайдут*, макед. *ajduk*), а затем и турецкий языки через сербский, тем более, что, как отмечалось в заметках секретаря английского посольства короля Карла II Рико, в 1665 году отправленного в Константинополь, термин «гайдуки» использовался прежде всего «простолюдинами» [6, с. 206].

Систематическое, хотя еще не повсеместное, употребление термина «гайдук» в османской правовой документации отмечается со второй половины XVII века, однако, особую важность для определения его коннотаций представляют судебные протоколы (сиджилы) XVIII века, периода более поздней и, соответственно, более зрелой правовой практики.

Располагая сиджилами, изданными на македонском языке [5], и допуская, в связи с этим, возможность погрешностей в переводе, было важно выявить хотя бы часть документов, где термин «гайдук» содержится в османских оригиналах. Для этого нами были использованы данные о терминологии, зафиксированной в факсимиле некоторых документов, приложенных к четвертому тому сборника сиджилов [4, с. 183–184], а также транслитерации текстов из «Книги жалоб» (1781–1783 гг.) [10], содержащей 74 совпадения с документами из пятого тома сборника А. Матковского.

В результате анализа имеющихся данных было выявлено 14 документов, в оригиналах которых присутствует слово «haydut» или его сочетания с другими терминами (табл. 1).

Обращение к содержанию этих документов позволяет сделать следующие первоначальные выводы:

1. Термин «гайдук» употреблялся, прежде всего, для обозначения разбойников-зимми (немусульман), о чём говорит прямая (указания имен – зимми Кулак, Белче, Белчун и Маджар [5, т. 3, с. 30–31]; Шарко, Сафрин, Нико, Голче [5, т. 3, с. 55]; банда «Леко Огулари» и «Косто Огулари», т. е. сыновья Леко и Косто [5, т. 4, с. 66]; Йове [5, т. 4, с. 85]) или косвенная (указания на обязанность выплаты налога джизье, которым облагались лишь зимми [5, т. 3, с. 31–32, 47, 54]) информация из документов.

В то же время термин «гайдук» не нес на себе религиозной нагрузки, поскольку также мог использоваться по отношению к разбойникам-мусульманам (покаяние гайдуков-разбойников из райи, т. е. из податного населения Османской империи, включавшего в себя как зимми, так и мусульман [5, т. 3, с. 47]; участие в гайдуцкой банде мусульманина Мерджана-оглу (брата Нико) [5, т. 3, с. 55]; избрание Йове главарем гайдуцкой дружи-

**Термин «гайдук» в оригиналах битольских сиджилов
и его перевод в сборнике, составленном А. Матковским**

№ док.	Год	Тип документа	Термин в оригинале*	Перевод А. Матковского
Том 3				
31	1706	Судебное заявление	«haydût eşkiyâsi»	гайдуки-разбойники («ајдутите-разбојници»)
32	1706	Ферман	«haydût taifesi» (<i>догл.</i> «шайка гайдуков»)	гайдуки («ајдутите»)
45	1707	Буюрулду	«tapma** haydûdlar»	покаявшиеся гайдуки («покаените ајдути»)
54	1709	Ферман	«tapma haydûd eşkiyâ»	покаявшиеся гайдуки-разбойники («покаените ајдути-разбојници»)
64	1709	Ферман	«tâpma haydûd»	покаявшиеся гайдуки-разбойники («покаените ајдути-разбојници»)
150	1717	Буюрулду	«düşman-i din ve haydud eşkiyasi» (<i>догл.</i> «враги религии и гайдуки-разбойники»)	религиозные враги-гайдуцкие разбойники («верските душмани-ајдутските разбојници»)
Том 4				
3	1728	Буюрулду	haydud-eşkiya	гайдуки-разбойники
4	1728	Поручительство	haydut	Гайдуки
59	1740	[жалоба]	haydud-eşkiya	гайдуки-разбойники
64	1740	Ферман	haydud-eşkiya	гайдуцкие разбойники
81	1742	Ферман	haydud-eşkiya	разбойники и гайдуки
93	1743	Прошение	haydud-eşkiya	разбойники
103	1746	Список распределения расходов	arnavud-haydut	арнаутские (албанские) разбойники
Том 5				
44	1782	Записка	«haydûd»	гайдуки («ајдути»)

Примечания:

* В т. 3 наличие термина «гайдук» в шести документах обозначено самим составителем в постраничных ссылках. Список оригинальных названий из тома 4 составлен на основе транслитерированных на русский язык терминов, указанных в статье С.И. Муртузалиева, – хайдут, арнавуд-хайдут, хайдуд-ишкья.

** Вероятно, от тур. «tapmak» – поклоняться; преклоняться; боготворить; восхвалять, т. е. преклонившиеся (покаявшиеся) перед властью.

ны, составленной из мусульман и «неверных» [5, т. 4, с. 85]).

2. Использование термина «гайдук» в османских документах не было детерминировано религиозной принадлежностью объектов нападения разбойников (кража гайдуками коня у мусульманина в Вароше, пленение шестерых «неверных» (зимми) в Мариово [5, т. 3, с. 39]; пленение трех зимми при нападении гайдуков на молочную ферму в районе г. Велес [5, т. 4, с. 86]; жалобы райи с. Буково о нападении на них с целью ограбления в период ярмарки жителей соседних сел совместно с гайдуками [5, т. 4, с. 96]; нападение булукбаши (начальник янычарского полка) Мехмеда и девяти гайдуков на кетху (управляющий, деревенский или квартальный староста) Абди, ограбление, принуждение ходить с ним по горам [5, т. 5, с. 36]).

3. Термин «гайдук» не выполнял функции национального маркера. Свидетельством этого, помимо словосочетания «arnavud haydut» [5, т. 4, с. 104], т. е. «албанец-гайдук», где «гайдук» в большей степени играет роль определяющего род деятельности термина, является один из вариантов наименования турецких разбойников на террито-

рии эгейского района Анатолии «zeybek hayadidi» (hayâdid – мн. ч. от haydûd), т. е. «зейбеки-гайдуки», встречающийся наряду с такими сочетаниями как «zeybek», «zeybek eşkiyası» (зейбеки-разбойники) [7, с. 69].

Очевидно, что в словосочетаниях «arnavud haydut» и «zeybek hayadidi» термин «гайдук» использовался в качестве эквивалента слова «eşkiya», являвшегося, как правило, составной единицей многих правовых терминов, например, «haydut eşkiyası», «kutta-i tarik eşkiyası», «ekrad eşkiyası» (разбойник курд), «Türkmen eşkiyası» (разбойник тюркмен), «levendat eşkiyası» (разбойник левенд). Существование подобных сочетаний, на первый взгляд, указывает на различие смысловых нагрузок терминов «haydut» и «kutta-i tarik», хотя контекст их употребления – ограбления путников, населенных пунктов, убийства и насилие – сходен. Наиболее очевидным отличием терминов представляется среда их применения: преимущественное использование слова «haydut» в случаях, где истцами выступали немусульмане (славяноязычное население), «kutta-i tarik» – в судебных заявлениях мусульман [12, с. 113; 13, с. 36, 255].

На основе приведенных выше примеров можно заключить, что термин «гайдук» закрепился в языке официальной османской документации благодаря балканскому населению, использовавшему это слово в подававшихся на рассмотрение кадийского суда устных или письменных жалобах. Впоследствии термин подвергся процессу лексической ассимиляции, превратившись сначала при помощи характерного для турецкого языка окончания существительных «-luk» словоформу «haydutluk» (у А. Матковского – «айдутлак») [5, т. 3, с. 23, 29, 31], т. е. гайдучество, а затем – приобретя общую семантику с термином «eşkiya».

Терминологическое разнообразие османской судебной документации отражает и особенности использования норм шариата, различавших наказания различных категорий разбойников. Так, термин «бунтовщик» (например: «âsi», «isyankar», «ehl-i fesad») получает более широкое распространение в связи с шариатской нормой, направленной на устранение группы людей, обвиненных в вооруженном выступлении против властей. Интерпретируя разбой как действие, сопутствующими элементами которого являются ограбление, насилие или убийство, обратим внимание на меры, применявшиеся к людям, обвиненным в совершении упомянутых преступлений.

Поскольку, согласно шариату, разбой входил в число преступлений направленных против религии, то наказанием за него были заранее определенные Кораном меры – *hadd* (*hadd*): если разбой не сопровождался убийством, то он приравнялся к воровству и наказывался отрезанием руки и/или ноги; если же ограбленный человек был убит, то наказание устанавливалось в соответствии с принципом *kisas* (*kisas*), т. е. «правом ответного действия», аналогичному принципу талиона, что предполагало вынесение смертного приговора.

Если же преступление было совершено группой разбойников, то, согласно шариату, все они несли одинаковое наказание. Однако, если вина хотя бы одного из них не могла быть доказана, то наказание *hadd* опускалось также для всех [11, р. 63]. Поэтому, по предположению, высказанному турецком историком М. Озом, единственным быстрым способом устранения принимавшего широкий размах и не поддававшегося контролю местных властей разбойничества было использование понятия «бунтовщик» ко всем членам разбойной банды [14, с. 37]. Поскольку в трактовке исламского права бунт (*bağy*) являлся не просто выступлением против законно существующего государства или его правителя, но и самого Аллаха [15, с. 451–452], то естественным наказанием за бунт являлась смертная казнь.

В связи с этим, вполне вероятно, что термин «бунтовщик», возникающий в документах с общими формулировками об усилении мер безопас-

ности и борьбы с разбойничеством (например, «приложите все усилия по предотвращению деятельности и изгнанию появившихся гайдуков, воров, разбойников с большой дороги и других злоумышленников и бунтовщиков» [5, т. 4, с. 8]), следует понимать не как свидетельство начала освободительной борьбы против османского господства, а как своеобразную форму предоставления свободы действий местным властям по отношению к правонарушителям.

Таким образом, богатство встречающейся в османских документах терминологии о разбойничестве не только отражало разнообразие его проявлений, но и было обусловлено набиравшим силу структурным кризисом империи. В этой обстановке термин «гайдук», пришедший на территорию Османской империи с ее дунайской границы, перешел в язык права в качестве регионального термина для обозначения людей, занимавшихся разбоем, а затем был уравнен с термином, обозначающим бунтовщиков.

Библиографический список

1. Гайдуки // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов: в 14 ч. – СПб., 1840. – Ч. 4. – С. 24–25.
2. Драгнев Д.М. Гайдуки – народные мстители. Очерк истории героической борьбы молдавских гайдуков против местных и иноземных угнетателей. – Кишинев: Штиинца, 1962. – 52 с.
3. Матковски А. Отпорот во Македонија во времето на турско владеење: 4 т. Т. 3. Ајдутството. – Скопје: Мисла, 1983. – 621 с.
4. Муртузалиев С.И. Методический аспект изучения болгарского гайдуцкого движения XV–XVI вв. (гайдуки, харамии, разбойники) // Втори Международен конгрес по българистика. Т. 7. България през XV–XIX век. – София, 1989. – С. 180–188.
5. Турски извори за ајдутството и арамиство-то во Македонија / превод, редакција и коментар А. Матковски: 5 т. – Скопје: Институт за национална историја, 1961–1980.
6. Цветкова Б. Хайдутството в българските земи през 15/18 век. Т. 1. – София: Наука и изкуство, 1971. – 428 с.
7. Çetin A. Osmanlı Arşiv Belgelerinde Zeybekler Hakkında Bilgiler // Zeybek Kültürü Sempozyumu (24–25 Ekim 2002) / hzl. N. Açıkgöz, M. N. Önal. – Muğla: Muğla Üniversitesi, 2004. – S. 69–125.
8. Devellioğlu F. Osmanlıca – Türkçe Ansiklopedik Lûgat. – Ankara: Aydın Kitabevi Yayınları, 2008. – 1195 s.
9. Ertaş M.Y. 18. ve 19. Yüzyılda Osmanlı Taşrasında Yasadışılık: Yerel İdarecilerle Eşkiya İlişkileri // Osmanlı'dan Günümüze Eşkiyalık ve Terör / hzl. O. Köse. – Samsun: Etüt Yayınları, 2009. – S. 147–156.

10. Grievance administration (Şikayet) in an Ottoman province: The Kaymakam of Rumelia's "Record book of complaints" of 1781–1783 / by Michael Ursinus. – London: Routledge Curzon, 2005. – 190 p.

11. *Heffening W.* Sarika // The Encyclopedia of Islam / ed. by C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs and the late G. Lecomte. – V. 9. San-Sze. – Leiden: Brill, 1997. – P. 62–63.

12. *Hezarfen A.* Rumeli ve Anadolu Ayan ve Eşkıyası: Osmanlı Arşiv Belgeleri – 1. – İstanbul: Kaynak Yayınları, 2002. – 280 s.

13. *Hezarfen A.* Rumeli ve Anadolu Ayan ve Eşkıyası: Osmanlı Arşiv Belgeleri – 2. – İstanbul: Kaynak Yayınları, 2004. – 375 s.

14. *Öz M.* Modernleşme Öncesinde Osmanlı Toplumunda Eşkıyalık Hareketlerinin Niteliği ve Özellikleri // Osmanlı'dan Günümüze Eşkıyalık ve Terör / hzl. O. Köse. – Samsun: Etüt Yayınları, 2009. – S. 35–42.

15. *Şafak A.* Bağy // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi: 44 c. – İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Vakıf Yayınları, 1991. – C. 4. – S. 451–452.

УДК 94(44)''18''

Шигарева Анна Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aufklaerung@yandex.ru

ФРИДРИХ II ОБ УРОКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

В статье предпринята попытка проследить роль обращения к урокам европейской истории в системе взглядов видного представителя просвещенного абсолютизма – прусского короля Фридриха II Гогенцоллерна (1712–1786). Предметом рассмотрения стало не только отношение короля к отдельным историческим личностям или фактам, но и его понимание исторического процесса, предшествующих эпох.

Исторические представления монарха вполне вписываются в дискурс Просвещения: уничижительные характеристики Средневековья и превозношение Античности. Ценности собственной эпохи он ставит выше, чем достижения предшественников. Но в отличие от просвещенных писателей обращение к прошлому европейской истории могло быть продиктовано прагматическими мотивами. Внешняя политика Пруссии в годы его правления (1740–1786) была направлена на изменение политических границ в Центральной и Восточной Европе. Потребность в легитимации территориальных приращений заставляла короля довольно часто прибегать к методу исторических ассоциаций, устанавливая параллели между современными и историческими событиями.

Рационалистически настроенный правитель был вполне готов расстаться с религиозной основой «старого порядка», но не с доктриной «просвещенного деспотизма». Защищая апогей абсолютной монархии во Франции, эпоху «короля-солнца» Людовика XIV, Фридрих оградил от критики прусский политический режим. История Европы для просвещенного короля – это своеобразный учебник большой политики и одновременно средство репрезентации собственной политической линии как служения обществу и государству.

Ключевые слова: история международных отношений, Новое время, абсолютизм, Просвещение.

Государственный деятель и полководец XVIII века Фридрих II, чьи выдающиеся способности к рефлексии собственной деятельности измеряются тридцатью томами сочинений, особое внимание уделял происхождению политических событий в жизни Европы. «Как искусный механик не довольствуется тем, что видит внешность часов, но открывает их, и рассматривает все пружины и колеса: так искусный политик старается узнать... политические пружины каждого государя и источники происшествий», – писал король, подчеркивая важность поиска причинно-следственных связей. [5, с. 2]. Его размышления о прошлом Европы также являлись частью механизма принятия властных решений.

В подобной политической манере короля историк Р. Нюрнбергер увидел высшую ступень неостойчивого учения о *vita active* (практической жизни), унаследованного монархами XVIII века еще от Ришелье [9, с. 94]. Вопреки расхожим представлениям подобная политика требовала высокой степени сознательности, ответственности за государство, умения анализировать и использовать

накопленный исторический опыт. Таким образом, хороший политик должен обладать способностью прогнозирования важнейших событий, что невозможно без анализа событий минувшего.

И хотя история не была той сферой, в которой у активного государственного деятеля была возможность реализоваться в полной мере. Все же он оставил после себя работы исторического характера: «История Бранденбургская...», «История Семилетней войны», «Заметки о военных талантах и характере Карла XII» и др., позволяющие судить о его взглядах на историю Германии и Европы в целом. Определенное отношение у этого влиятельнейшего интеллектуала Нового времени сложилось не только к отдельным историческим фактам и личностям, но и целым эпохам.

Обращение к Древней истории Европы свойственно наследию короля, разделявшего идеи Просвещения. Характеризуя экспансионистские устремления Франции в Центральной Европе, Фридрих считал, что подобные планы простираются до Рейна, «некогда бывшей границы Галлии» [8, с. 209]. В письмах он постоянно прибегает

к методу исторических ассоциаций, устанавливая параллели между современными и историческими событиями: польские проблемы – это «несогласия сарматов»; граф Алексей Орлов, разбивший турок в греческих землях, – «лакедемонянин». Париж, как центр Просвещения, король уподобляет древним Афинам. Для своей политики Фридрих тоже нашел страницу Древней истории, сравнивая свою политику против Габсбургов, возглавлявших Священную Римскую Империю германской нации, с войнами понтийского царя Митридата против Рима в I веке до н. э. Приведенные сравнения лишь небольшая часть исторической канвы остроумных политических размышлений этого монарха, ставшего идеологом и практиком «просвещенного абсолютизма».

Фридрих уже вполне ощущал себя человеком нового времени и прекрасно владел дискурсом Просвещения. На прошлое он взирает с высоты достижений эпохи Разума и Прогресса. «Прекрасный памятник Вольтеру есть тот, который он воздвиг сам себе... это суть его творения, которые будут существовать дольше, нежели храм святого Петра, нежели Лувр», – расставляет свои акценты король даже в период охлаждения отношений с французским просветителем [4, с. 199]. И хотя он с удовольствием проводит время за чтением книг по средневековой истории, его отношение к самим Средним векам весьма и весьма критическое.

Следуя историографической традиции, заложенной еще Х. Келлером, начало Средневековья Фридрих связывает со временем Константина Великого, а окончание этого периода «суеверий и всевластия духовенства» – с Реформацией [4, с. 124–125]. Кануло в прошлое, по его мнению, и влияние папства, уже «не направляющего народы на путь истинный и не лишаящего правителей трона». Авторитет религии безвозвратно утрачен в век Просвещения: «Громовые стрелы, угрожающие отлучением от церкви, давно уже ржавеют в Ватикане, но надобно ли вынимать их бессильною рукой, да и в какое время? Когда разум дерзновенно отвергает все таинственное и невразумительное пустословие» [4, с. 154]. Таким образом, утраченное фундаментальное значение религии восполнялось новыми ценностями, начало которых король связывает с эпохой Реформации, обозначенной им как «великий религиозный раскол Западной церкви».

В «Истории Бранденбургской» он рассмотрел целый ряд предпосылок Реформации в Европе в историческом контексте, а не в протестантском духе богооткровения. К факторам, вызвавшим церковный раскол, Фридрих причислил: невежество священства, роскошную жизнь и нравы монашества, торговлю индульгенциями, начатую Львом X ради строительства Собора Св. Петра в Риме [2, с. 22–23]. Не ограничиваясь описанием происхождения Реформации в Германии, монарх выделяет

ее отличительную черту, а именно материальные претензии немецких курфюрстов к церкви: «для князей было весьма мило отнять имения у духовных князей» [2, с. 23]. С того времени, как в Европе уменьшилась церковная собственность, сократилось и число реформаторов – резюмирует автор. Другая причина – это потеря интереса к религиозной духовности образованного европейского общества в Новое время.

Уничижительную оценку эпохи Средневековья можно найти у Вольтера и других просветителей, но, если ученые преодолевают свое увлечение «просвещенным абсолютизмом», то Фридрих готов отстаивать эту доктрину до конца. «Поле битвы» между королем и философами вновь становится историей. В защите от нападок потомков, по мнению Фридриха, прежде всего, нуждается «король-солнце» Людовик XIV (1638–1715), чья деятельность стала воплощением абсолютизма. Отметая обвинение в том, что Людовик первым показал пример содержания многочисленной армии (похожее обвинение могло быть выдвинуто и против него самого), Фридрих приводит следующие аргументы: большие армии были уже у Древнего Рима, Людовик предвидел нападения соседей и основательно готовился к разделу Испанского наследства. Французы должны быть благодарны своему монарху, продолжает он, за прекрасные мануфактуры и неприступные крепости, покровительство наукам и искусству. В письмах д'Аламберу Фридрих выражает уверенность в том, что век Людовика XIV «имеет вкус и превосходство разума» в отличие от предреволюционной Франции [4, с. 268]. Защита властного дискурса [1], как видим, требует аргументации дискурса Просвещения, иначе король был бы не услышан его просвещенными оппонентами. Защищая монархию «старого порядка» от республиканской критики, Фридрих вновь напоминает о том, что степень социальной ответственности у главы государства намного выше, чем у писателя-утописта. По своей внутренней идентичности он, прежде всего, король, правитель, и только потом – мыслитель.

Интерес к европейской истории недавнего прошлого по прагматическим причинам занимал Фридриха намного больше, чем древняя или средневековая история. Прогноз возможного политического развития Европы он строил на основе исторических уроков этих стран, что отразилось на анализе политической ситуации в Англии, союзнике Пруссии по Семилетней войне (1756–1763).

Критично оценивая возможность возвращения Стюартам английской короны, а Шотландии и Ирландии независимости, он довольно эмоционально обращается к доводам истории: «Кто захочет вновь водрузить им (Стюартам) на голову корону, которой они часто обладали и которую утратили? Английский народ? Англичане казнили Карла I и от-

правили в изгнание Якова II. Или Франция? Она только использовала Стюартов для отвлекающих маневров в борьбе против Франции» [8, s. 231]. Как и значительная часть современников и историков, основной причиной падения Стюартов он считал религиозные мотивы.

На разрешение английской Смуты XVII века, по его мнению, во многом повлиял личностный фактор. «Империи зависят от людей, – подытоживает король в своем первом “Политическом завещании”. – Вспомните, что при Кромвеле Англию уважали, а при Карле II (Стюарте. – *А.Ш.*) презирали». Личность во многом определяет характер власти. С политикой Карла XII он отождествляет шведский абсолютизм, в то время как Густав Адольф пользовался более ограниченной властью [8, s. 212].

В то же время он не абсолютизировал роль личности в истории. Характер эпохи, исторические условия определяют раскрытие того или иного политического гения. «Поверь мне, – пишет король в дружеском письме, – что все зависит от времени, в которое человек рождается. Если бы Александр Македонский родился в Македонии сейчас, то был бы счастливым бездельником. Если бы ваш Людовик XIV был внуком Людовика XV, то при самом восшествии на престол сделался бы банкротом... Одних способностей недостаточно, нужны средства» [4, с. 269]. Под «средствами» он подразумевает исторические условия и обстоятельства той или иной эпохи.

В век утопий и веры в абсолютные возможности человеческого разума Фридрих приходит к важному выводу о том, что «человеческий ум не властен над грядущими событиями... великие проекты, к выполнению которых приступили слишком рано никогда не удаются» [8, s. 219.] Как он приходит к этому? Благодаря не только собственному политическому опыту, но, в первую очередь, размышлениям над провалами «больших политических проектов» в европейской политике. Прекрасная осведомленность по истории международных отношений позволила ему привести убедительные примеры. К провалившимся дипломатическим замыслам он отнес: неудачную попытку Людовика XIV сколотить коалицию против Голландии; авантюру кардинала Альберони «поднять всю Европу против английского короля»; несостоявшийся проект утверждения на испанском троне баварского принца; длительную и безуспешную политику императора Карла VI по признанию Прагматической санкции (1713) [8, s. 219–220]. Что же, по мнению короля, разрушило эти проекты? Множество случайных конъюнктурных событий в европейской политике, в подавляющем большинстве случаев – факты смерти монархов, министров или наследников.

Прошлое является также фундаментом, подведенным королем под особый статус Пруссии среди других государственных образований империи, за-

частую получающих субсидии от великих держав, а следовательно, по Фридриху, «вынуждены соглашаться на все, чего требует могущественный союзник» [8, s. 211]. Пруссия, за исключением периода правления Фридриха I, по его мнению, никогда не прибегала к подобной наемнической тактике.

Нераздельность собственной судьбы с судьбой Пруссии очевидна для короля. Находясь на грани военной катастрофы в разгар Семилетней войны осенью 1760 года, Фридрих вновь обращается к европейской истории времени, чтобы найти ответы на свои вопросы. Он приступает к анализу деятельности одаренного военными талантами, но потерпевшего военное и политическое фиаско Карла XII, проводя очевидную параллель с собственным катастрофическим положением [7]. В письмах к маркизу д'Аржансу Фридрих пишет, что еще не исследовал, стоило Карлу умертвить себя или нет, но после поражения шведов у Штральзунда (1715) такой поступок он бы понял. И тут же оговаривается, что «пример его не есть для меня правило» [3, с. 21]. Две других более жизнеутверждающих биографии французских королей Генриха IV и Людовика XIV также не становятся для него образцом. Здесь Фридрих одновременно и категоричен и патриотичен: «Бранденбург стоял еще гораздо прежде, нежели я произошел на свет, он также будет стоять и после моей смерти... Я или погребу себя под развалинами моего Отечества... или окончу сам свои несчастья». Служение государству в лучших традициях Людовика XIV у короля Пруссии доходило до высшей степени самоотречения не только в «минуты роковые», но и на протяжении всего длительного правления. История Европы для просвещенного короля – это своеобразный учебник большой политики и одновременно средство репрезентации собственной политической линии, завоевательных походов и политической доктрины «просвещенного абсолютизма».

Библиографический список

1. Батретдинов З.А. Конструирование дискурса власти в социальном мире: формальная и содержательные стороны / З.А. Батретдинов, В.З. Батретдинов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 36–38.
2. Фридрих II. История Бранденбургская с тремя рассуждениями о нравах, обычаях и успехах человеческого разума, о суеверии и законах, о причинах установления и уничтожения законов. Сочинение: в 4 ч. / пер. с фр. А.А. Волынцевой. – М., 1770. – 378 с.
3. Фридрих II. Письма к маркизу д'Аржансу // Оставшиеся творения Фридриха II, короля прусского. – СПб., 1789–1791. – Т. 7. – С. 1–135.
4. Фридрих II. Письма к господину д'Аламберу // Оставшиеся творения Фридриха II, короля прусского. – СПб., 1789–1791. – Т. 7–8.

5. *Фридрих II*. Рассуждения о нынешнем состоянии европейского политического тела // Оставшиеся творения Фридриха II, короля прусского. – СПб., 1790–1791. – Т. 6.

6. *Шигарева А.Н.* Фридрих II – дипломат эпохи Нового времени // Личность в истории Нового и Новейшего времени: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань: Изд-во «Концепция», 2014. – С. 186–190.

7. *Friedrich der Grosse*. Betrachtungen über die militärischen Talente und Charakter Karls XII // Die

Werke Friedrichs des Grossen. Bd VI. – Berlin: Verlag von Heimar Robbing, 1912. – S. 226–245.

8. *Friedrich der Grosse*. Das Politische Testament von 1752 // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit. B-de XXII. – Osnabrück, 1996. – S. 211.

9. *Nürnberg R.* Friedrich der Große als Staatsmann // Friedrich der Große in seiner Zeit / mit Betr. Von Peter Baumgart. Hrsg. von O. Hauser. – Köln; Wien: Böhlau, 1987. – S. 93–108.

УДК 930.1(091)

Петровичева Елена Михайловна

доктор исторических наук, профессор

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

helenp94@mail.ru

Харитонов Сергей Сергеевич

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ss.haritonov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РАБОТАХ ПИСАТЕЛЯ-НАРОДНИКА И. Н. ХАРЛАМОВА

В статье рассматриваются социально-политические взгляды И.Н. Харламова как типичного представителя легального народничества, их положение в рамках народнической парадигмы. Дан краткий историографический обзор основных исследований общественно-политического наследия народничества в отечественной историографии. Рассмотрена интерпретация взглядов народников в исследованиях современных учёных – Г.Н. Мокшина, Ю.А. Зеленина, Т.В. Кузнецовой, наиболее близких проблематике данной работы.

Проанализированы понятия «народ» и «интеллигенция», исследованы критерии, определяющие принадлежность к названным социальным группам в представлении И.Н. Харламова, подчеркнута роль культурного фактора в процессе их социально-исторической самоидентификации. Проанализирована проблема участия народных масс в общественной жизни. Особо отмечено стремление народника к установлению диалога различных общественных сил, субъектному подходу во взаимоотношениях различных институтов российского общества последней четверти XIX века. Роль государства в сфере социально-политических взаимоотношений представлена в исторической перспективе, подчеркнута неоднозначное отношение И.Н. Харламова к этому вопросу. В статье затронута тема расширения гражданских свобод как краеугольная проблема, стоявшая перед Российским государством второй половины XIX века. Намечены перспективы развития российского общества, исходя из системы взглядов народника.

Ключевые слова: народ, народничество, интеллигенция, государство, общество, общественно-политические взгляды, гражданские свободы.

В 2014 году исполнилось 160 лет со дня рождения владимирского писателя-народника И.Н. Харламова (1854–1887). Значительная часть его литературно-публицистического наследия, посвящённая общественно-политической проблематике, остается неизученной в отечественной историографии, что подтверждает актуальность представленного исследования. Социально-политические взгляды народника касаются гражданских и культурных основ идентичности российского общества второй половины XIX века, отражают сложности противостояния индивидуального и коллективного начал в общественной жизни.

История изучения общественно-политических идей народников в отечественной и зарубежной историографии насчитывает уже более века. Среди дореволюционных исследователей, анализировавших идеологию народничества, следует назвать,

прежде всего, В.Я. Богучарского, П.Л. Лаврова, Р.В. Иванова-Разумника. Советская историография связана с именами В.И. Ленина, Б.П. Козьмина, Э.С. Виленской, А.Н. Цамутали, В.И. Харламова и др. В постсоветской историографии эта проблематика глубоко разрабатывалась в трудах Б.П. Балугева, В.В. Блохина, В.В. Зверева, Д.Д. Жвани, С.Н. Касторнова. Значительный интерес представляет интерпретация взглядов народников в работах современных исследователей Г.Н. Мокшина, Ю.А. Зеленина, Т.В. Кузнецовой.

Г.Н. Мокшин исследовал зарождение движения народничества, периодизацию его развития, публицистическое наследие. Вопросы эволюции легального народничества исследованы учёным сквозь призму социокультурного подхода. Г.Н. Мокшин рассматривает значение понятия «интеллигенция», анализирует основные подходы к интерпретации природы русской интеллигенции

в идеологии реформаторского народничества – социально-этический и социально-экономический. Принципиально важно то, что оба подхода имели прочную внутреннюю связь, обусловленную «ориентацией народнической доктрины на подготовку и осуществление программы политической и экономической демократизации страны». Кроме этого, Г.Н. Мокшин исследует проблему государства как субъекта общественных преобразований, анализирует противоречивое отношение легальных народников к царской власти. Народники, по замечанию исследователя, признавали «особую роль царской власти в постепенном “насаждении” в России элементов правового государства и гражданского общества... но считали эту деятельность недостаточной, а избранный правительством курс на капиталистическую модернизацию страны в корне ошибочным» [4, с. 108–109].

Ю.А. Зеленин в своей научной публикации коснулся проблемы базовых компонентов в идеологии классического народничества. В качестве таковых он выделяет общенародное согласие, достижимое мирными средствами, диалогичность в отношениях между властью и обществом, народнический «антиэтатизм», федерализм [1, с. 234–238].

На раскрытие феномена народности в народническом понимании нацелено исследование Т.В. Кузнецовой, в котором представлен анализ основных составляющих их идеологии. В народничестве, по мнению учёной, окончательно закрепляется трактовка народа как «особого социального слоя» [2, с. 84]. Т.В. Кузнецова анализирует различия в отношении представителей интеллигенции к народу, разделяя народническую интеллигенцию на «слепую» и «критическую». Необходимо отметить, что все упомянутые публикации касаются общих процессов, характерных для народнической субкультуры последней трети XIX века. Взгляды И.Н. Харламова как типичного представителя реформаторского народничества по проблемам взаимоотношений интеллигенции, общества и государства до настоящего времени не становились предметом изучения в историографии.

Исследование целесообразно начать с определения И.Н. Харламовым понятий «народ» и «интеллигенция» и выяснения того, какой смысл вкладывал в них народник. «Мы думаем, – отмечал И.Н. Харламов в одной из статей, – что понятие “народ” может быть приложено не только к совокупности особей, связанных племенным, кровным родством, не только одинаковостью, так сказать, национального темперамента, но единством воззрений, вплоть до суеверий и образа жизни» [13, с. 6]. Тем самым писатель, очерчивая границу категории «народ», подчёркивал культурную составляющую его идентичности. В связи с этим представители городской культуры, в том числе и пролетариат, оказывались за рамками «народа»,

потому как, по мнению писателя, «не в городе сосредоточилась народная жизнь» [14, с. 30–31]. Подобное утверждение характеризует И.Н. Харламова как типичного народника. В то же время, критикуя взгляды славянофилов, он отрицал наличие специфического «русского духа». Писатель полагал, что нет никаких особенных специфических откровений русского духа, что даже в самобытном народном творчестве русский дух не произвёл ничего такого, «чему бы не нашлось на том же Западе полных и бесспорных аналогий, доказывающих ту простую истину, что человеческий дух, будет ли он русский или французский, чувствует и мыслит по одним и тем же психическим законам» [14, с. 2].

В рассмотренных работах И.Н. Харламов не дал прямого определения понятия «интеллигенция». Вместе с тем, исходя из контекста размышлений писателя, можно прийти к заключению, что круг интеллигенции определялся не сословными рамками или отношением к труду, а скорее той миссией, которую она была призвана играть в обществе. Данное положение соответствует социально-этическому подходу, применённому Г.Н. Мокшиным: интеллигенция – это «совокупность лиц, объединённых общими идеалами и нравственными ценностями... Главный критерий для истинной интеллигенции... служение народу и прогрессу» [5, с. 54]. Однако можно найти аргументы и в пользу другого, социально-экономического, подхода.

Об эволюции русской интеллигенции, наблюдавшейся начиная с 1860-х годов, И.Н. Харламов говорил в связи с вопросом об отношении общества к старообрядцам и религиозным сектантам. Народник противопоставил два течения внутри интеллигенции: либеральное («неустановившееся», «сплошь либеральная суматоха») – с одной стороны, и систематически развивавшееся, разделявшее нарождавшуюся теорию реализма в науке и искусстве («скоро ставшую модной и даже дошедшую до геркулесовых столбов в своих крайних выводах» [9, с. 12]) – с другой. Здесь, вероятно, противопоставляются либеральная, дворянская, и разночинная, демократическая, интеллигенция.

Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа представлена в работах И.Н. Харламова в двух аспектах: во-первых, рассмотрено место интеллигенции в обществе относительно народных масс, а во-вторых, проанализирована её роль в судьбе народа.

Определение места русской интеллигенции относительно народа выясняется, исходя из ответа на вопрос: окажется ли интеллигенция внутри народной общности или будет занимать по отношению к ней внешнее положение. В народнических дискуссиях второй половины XIX века существовало немало сторонников как той, так и другой точек зрения. И.Н. Харламов отстаивал мнение, что интеллигенция не является частью народа и по сво-

ему развитию, и по экономическому положению, и по исторической роли. «Нам незачем печалиться, – писал народник, – если “интеллигенция” не попадает под понятие “народ”; мы – не народ в тесном смысле, это правда, но вместе с народом мы образуем нацию (на основе племенного родства и единства языка), образуем государство, задача которого – устранять противоречия интересов наших и народных, регулировать борьбу этих общественных групп, примирять противоречия жизненных интересов народа и интеллигенции, если таковые окажутся» [13, с. 6].

Вопрос о роли интеллигенции в судьбе народа логически связан с предыдущим и выражен в виде проблемы долга интеллигенции перед народом, популярной в интеллигентской (в том числе и народнической) среде второй половины XIX века. По мнению Н.Н. Златовратского, суть «народного вопроса» заключалась в том, что перед образованным обществом стояла дилемма: «Или интеллигенция должна всецело слить свои идеалы и интересы с общинными интересами и идеалами народа, или же, наоборот, взять народ под свою опеку и заставить его принять те бытовые формы, в которых жило и исторически развивалось культурное общество» [3, с. 140]. Очевидно, что эти варианты оказывались взаимоисключающими.

В рамках этой проблемы И.Н. Харламов говорил о двух типах отношения демократической интеллигенции к народу. Первое направление, связанное с именами Д.И. Писарева и Г.И. Успенского, полагало, что интеллигенция должна выступать в роли вожака, спасти народ, научить его, как нужно жить. Этой точки зрения придерживались также Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко. По мнению И.Н. Харламова, интеллигенция «устремилась на подвиг с целью слишком общей и потому слишком неопределённой... устремилась и чуть не на всех пунктах обожглась» [11, с. 8]. Второе направление, связанное с именами Н.А. Добролюбова и Н.Н. Златовратского, более спокойное и обдуманное, ставило на первое место не себя (т.е. интеллигенцию), а народ. Интеллигенты видели в народе не просто забитую и обездоленную массу, а прежде всего носителя высоких общественных идеалов, «таких великих нравственных начал, каких нет у интеллигенции, и каким ей не мешало бы поучиться у него» [11, с. 8]. В соответствии с этим, в задачи интеллигенции входило «ближе присмотреться к народу, хорошенько изучить его, понять, почему он отказывается от наших рецептов и гонит нас прочь?» [11, с. 8]. Возвращаясь к терминологии Г.Н. Мокшина, представленные рассуждения приводят к выводу, что в определении интеллигенции И.Н. Харламов придерживался скорее не социально-этического, а социально-экономического подхода, сближавшего его с идеологами «малых дел» И.И. Каблицем, С.Н. Кривенко, В.П. Воронцовым.

Оспаривая распространённый в среде легального народничества лозунг «всё для народа, но не при посредстве его», И.Н. Харламов не только стремился подчеркнуть наличие в народе общественной жизни, высокий уровень развития самосознания, но и отстаивать право народа на активное участие в общественной деятельности и определении своей судьбы. «У народа и интеллигенции есть общие интересы, – утверждал народник. – Нельзя же не знать своих союзников, своих товарищей в общем деле» [9, с. 13]. Таким образом, И.Н. Харламов придерживался идеи приоритета коллективного начала над индивидуальным, диалогичности, преодоления отчуждения между личностью и обществом, интеллигенцией и народом, т.е. стремления к синтезу тех национальных ценностей, которые в иных идеологиях (марксизм, либерализм), по мнению Ю.А. Зеленина, оказываются несоединимыми [1, с. 234].

Основную задачу, стоящую перед российским обществом второй половины XIX века, И.Н. Харламов видел в расширении гражданских прав. «Все наши симпатии, – признавался он, – на стороне общественной самодеятельности, оживления действительно *гражданской жизни*» [15, с. 3]. При этом поставленная цель должна быть достигнута с помощью легальных методов.

Теме государства И.Н. Харламов не посвятил отдельной публикации, однако проблема его участия в общественной жизни, его роль в историческом процессе, так или иначе, анализируются во многих работах народника. И.Н. Харламов обращал внимание на тенденцию усиления государственной централизации, сопровождавшейся ограничением гражданских прав и свобод, укреплением роли чиновничьего аппарата. Однако не стоит воспринимать отношение народника к государственной власти однобоко. Подтверждением этого является идея активной роли государства в устранении противоречий между народом и интеллигенцией, о чём было сказано выше. Таким образом, государство должно было учитывать интересы всех слоёв населения, т.е. быть общенародным (бесклассовым) [4, с. 105]. Не исключено, что подобная точка зрения возникла в среде легальных народников после провала идеи «хождения в народ», что можно отметить и в работах И.Н. Харламова. Было ли в этом подлинное понимание невозможности осуществления народнических идеалов без участия государства, или это можно рассматривать лишь как политическую тактику? Однозначный ответ на этот вопрос дать сложно.

Форму государственного устройства в будущем И.Н. Харламов предполагал в виде ограниченной монархии с широким народным представительством, определяющим основные направления политики. Эту позицию наглядно характеризует ситуация с газетой «Страна», в которой народ-

ник состоял секретарём. «Энергическая передовица в “Стране”, – вспоминал видный публицист Н.С. Русанов, – ясно говорившая о необходимости дать России свободные политические учреждения, принадлежала перу покойного И.Н. Харламова» [7, т. 1, с. 358]. В начале 1881 года «Страна» возбудила вопрос об освобождении Н.Г. Чернышевского [6, с. 392], за что получила первое предупреждение от цензурного комитета. В № 27 от 3 марта 1881 года (т. е. непосредственно после убийства императора Александра II) на передовице «Страны» был помещён призыв «уменьшить ответственность главы государства, а тем самым – и опасность, лично ему угрожающую от злодеев-фанатиков». В статье говорилось, что основные черты внутренних политических мер должны были внушаться «представителями русской земли, а потом лежали на их ответственности». При этом самодержец должен был «служить впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспения России», т. е. фактически выдвигался призыв к ограничению верховной власти. За это газета получила второе предупреждение.

Признавая правомерность участия государства в общественной жизни, И.Н. Харламов вместе с тем занимал бескомпромиссную позицию в отношении бюрократического аппарата, крепостнической партии и местного чиновничества. Для противодействия сложившемуся в обществе убеждению о всемогуществе бюрократии народники, как отмечает Г.Н. Мокшин, «активно продвигали идею о том, что чиновники это не государство, а всего лишь исполнители его функций» [4, с. 107], используя свое положение в корыстных целях. В качестве альтернативы бюрократии народниками предлагались системы всесословного земства и крестьянского самоуправления, основанные на коллективных началах. К этому стоит добавить, что народник и сам некоторое время работал статистиком в Смоленском губернском земстве.

На уровне сельских обществ идея коллективного самоуправления воплощалась в институте сельской общины. В своих работах И.Н. Харламов подчёркивал комплексный, многогранный характер данного явления, отмечая, что «община не представляет вовсе только земельной организации; она проникает весь склад крестьянской жизни, во всех её экономических и нравственно-юридических проявлениях» [8, с. 59].

И.Н. Харламов неоднократно высказывался в пользу гражданских свобод: за отмену паспортной системы, тормозившей свободу труда и передвижения, свободу совести, равенство вероисповеданий, полагая, что необходимо сравнять права разных верований «не раздачей новых привилегий, а уничтожением привилегий, данных одним в ущерб другим» [10, с. 3]. Религия, по мнению

И.Н. Харламова, могла, кроме прочего, явиться оплотом против революционных учений, но при неременном условии – «когда она *свободно* вынашивается в душе человека, когда для проявления религиозной мысли нет никаких стесняющих рамок, никаких мертвящих уз авторитета» [12, с. 5–6]. При этом он отмечал неэффективность попыток реформировать общество путём религиозной проповеди, нравственного самоусовершенствования, к которым склонялись старообрядцы и религиозные сектанты, поскольку «общественные отношения больше влияют на нравственное усовершенствование личности, чем нравственная личность на улучшение общественных форм» [9, с. 26]. Таким образом, можно свидетельствовать о материалистическом характере мировоззрения народника.

Таким образом, общественно-политическая позиция И.Н. Харламова выражалась в признании необходимости постепенного реформирования общественно-политических отношений путём широкого вовлечения в них народных масс на правах равноправного субъекта. Участникам отношений – народу и интеллигенции – для полноценного диалога были необходимы гражданские свободы, прежде всего, свобода слова, право народного представительства, свобода совести. Регулятором общественных отношений, защищающим интересы всех сословий, должно было выступать государство. Все перечисленные условия были необходимы, по мнению И.Н. Харламова, для преодоления противостояния общинного и индивидуального начал в общественно-политической сфере, формирования гражданской, культурной и религиозной идентичности российского общества второй половины XIX века.

Библиографический список

1. Зеленин Ю.А. Базовые компоненты идеологии классического народничества в России // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История/Политология. – Барнаул, 2007. – №4/3. – С. 234–238.
2. Кузнецова Т.В. Проблема народности в духовном наследии народников // Философия и общество. – 2005. – № 1. – С. 82–93.
3. Михайлова С.Б. Н. Златовратский и Л. Толстой (Идейные искания Н.Н. Златовратского в 80-е годы) // Русская литература. – 1969. – № 4. – С. 136–147.
4. Мокшин Г.Н. Легальные народники и проблема государства как субъекта общественных преобразований // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2009. – № 2. – С. 104–109.
5. Мокшин Г.Н. Типология русской интеллигенции в публицистике легальных народников // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2007. – № 1. – С. 52–62.

6. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов: коллективная монография. – М.: Наука, 1983.

7. Русанов Н.С. Событие 1 марта и Н.В. Шелгунов // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.М. Воспоминания: в 2 т. – М.: ИХЛ, 1967.

8. Харламов И.Н. Женщина в русской семье // Русское богатство. – 1880. – № 3. – С. 59–107; № 4. – С. 57–112.

9. Харламов И.Н. Идеализаторы раскола // Дело. – 1881. – № 8. – С. 1–26; № 9. – С. 1–26.

10. Харламов И.Н. К вопросу о веротерпимости // Русский курьер. – 1880. – № 256, 263.

11. Харламов И.Н. Наблюдения над народной жизнью. Рец. на кн.: Г. Успенский. Деревенские не-

урядицы: в 3 т. 1881–1882. Н. Златовратский. Деревенские будни. 1882 // Страна. – 1882. – № 87. – С. 7–8.

12. Харламов И.Н. Рец. на ст.: Антропов. Русские раскольники и английские диссиденты (Русская речь. 1881. № 4) // Страна. – 1881. – № 47. – С. 5–6.

13. Харламов И.Н. Рец. на кн. А.Н. Пыпин. Изучение русской народности (Вестник Европы. 1881. № 7) // Страна. – 1881. – № 97. – С. 6–7.

14. Харламов И.Н. Русский народный юмор // Дело. – 1881. – № 12. – С. 1–36.

15. Харламов И.Н. Старообрядческое братство // Страна. – 1881. – № 23. – С. 3.

УДК 94(470)“1917”

Федюк Владимир Павлович

доктор исторических наук, профессор
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова
fediuk@mail.ru

АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ: ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

В статье раскрывается сущность «феномена Керенского» как одного из самых ярких проявлений общественных настроений 1917 г. Менее чем за полгода молодой политик Керенский оказался вознесенным на вершину власти, став фактически единоличным правителем России. Однако всего несколько месяцев спустя прежние восторженные почитатели отрелись от Керенского, обвинив его в развале страны и в попустительстве большевикам. Объяснение этого взлета и падения может помочь более глубоко понять причины, обусловившие конечный результат русской революции.

В современной России белые вожди нашли почитателей и последователей. Но ни одна политическая сила не спешит написать на своих знаменах имя Керенского. Для «державников», тех, кто ратует за сильную национально окрашенную власть, Керенский остается человеком, развалившим великую страну.

Керенский неотделим от «эпохи надежд», и конец ее стал концом и его самого. В личности Керенского, в его стремительном взлете и падении нашло отражение сумасшедшее время, когда слова значили больше, чем дела, когда пьянящее чувство свободы толкало людей на страшные поступки, когда шкурничество маскировалось под идеализм, а идеализм служил оправданием убийству и предательству. Судьба дала возможность Керенскому выступить на самой главной сцене, перед самой большой аудиторией. Ему в полной мере досталось и восторженного поклонения, и яростной ненависти.

Ключевые слова: Керенский, русская революция, 1917 год, общественные настроения, власть, политическое лидерство.

В июне 2003 г. городская дума Ульяновска приняла постановление о включении в список почетных граждан города Владимира Ульянова (Ленина) и Александра Керенского. Казалось бы, в наши времена, когда ставятся памятники белым генералам, в этом нет ничего удивительного. Но с белыми генералами дело обстоит куда проще. В ситуации с ними присутствует некий общий знаменатель – патриотизм, принимаемый и левыми, и правыми. Это и позволяет бронзовому Колчаку мирно соседствовать с такими же бронзовыми или гранитными сталинскими маршалами.

В современной России белые вожди нашли почитателей и последователей. С Керенским все не так. Ни одна политическая сила не спешит написать его имя на своих знаменах. Для «державников», тех, кто ратует за сильную национально окрашенную власть, Керенский остается человеком,

развалившим великую страну. Социалисты, к которым причислял себя Керенский, ныне в загоне. Умеренно-социалистические течения в нынешней России приживаются плохо, несмотря на регулярные попытки насаждения их сверху. Единственным организованным отрядом последователей Маркса остаются коммунисты, а для них Керенский традиционно фигура враждебная.

Казалось бы, Керенского должны были приветить либералы. Ведь именно период его пребывания у власти нынешние либералы считают единственным глотком свободы в долгой истории сменявших друг друга тираний. Но и либералы от Керенского отворачиваются. Давно возведен в ранг величайшего политического мудреца Милюков, любой мало-мальски заметный деятель начальной эпохи в истории российского либерализма удостоился как минимум мемориальной доски. Один Керенский остается забытым и никому не нужным.

Объяснение одно – подсознательно Керенский воспринимается как неудачник. Ни одно политическое движение не хочет связывать с ним свое имя, опасаясь насмешек со стороны конкурентов. В массовом сознании Керенский так и остался мужчиной в женском платье, а значит, и не мужчиной вовсе. Но так ли все обстояло на самом деле? Забудем, в конце концов, про костюм сестры милосердия. Поставим вопрос серьезнее – действительно ли Керенский развалил страну?

Прежде всего, эта задача была явно не по плечу одному человеку. Критики Керенского, обвиняя его в развале России, сами попадают в плен противоречия. Не мог развалить крепкое, не знающее внутренних проблем государство человек слабый и лишенный воли. В дни революции Россия с невероятной быстротой летела в пропасть, и вина Керенского только в том, что он не смог этому помешать. Сделать это не смог бы никто. Те же большевики сначала окончательно доконали прежнюю Россию и лишь потом на ее руинах воздвигли советскую империю.

Итак, Керенский не может считаться единственным виновником гибели старой России. Если он и приложил к этому свою руку, то наряду со многими другими. Но на совести Керенского другое преступление, которое обычному человеку гораздо сложнее оправдать. Керенский убил надежды, которые сам в значительной мере и породил. Это были надежды на скорое счастье, на то, что свобода принесет немедленные, материально ощутимые и, естественно, сугубо позитивные плоды. Такой обман не прощается. Поэтому-то Керенский и остался в общественном восприятии пустым болтуном, как и другой, живший гораздо позднее политик, тоже любивший говорить о свободе и в итоге приведший страну к катастрофе.

Керенский был человеком сложным. В его характере и поведении перемешалось все – и искренний идеализм, и неприкрытый эгоизм, приверженность к свободе и демократии и какое-то совершенно пошлое тщеславие. Зинаида Гиппиус, хорошо знавшая Керенского, сумела найти для него правильные слова:

Проклятой памяти безвольник,
И не герой – и не злодей,
Пьеро, болтун, порочный школьник,
Провинциальный лицедей,

Упрям, по-женски своенравен,
Кокетлив и правдиво-лжив,
Не честолобец – но тщеславен,
И невоспитан, и труслив...

В своей одежде неопрятной
Развел он нечисть наших дней,
Но о свободе незакатной
Звенел, чем дальше, тем нежней...

Когда распучившейся гади
Осточертела песнь Пьеро, –

Он, своего спасенья ради
Исчез, как легкое перо.

Уже весной он, министр юстиции, – человек, занимающий не самый значимый в кабинете пост – воспринимался как символ Временного правительства и, в широком смысле, всей революции. С назначением на должность военного министра к числу восторженных поклонников Керенского примкнули миллионы солдат на фронте и в тылу. Никогда, ни раньше, ни позже, ни один из российских лидеров не удостоивался такого масштабного и беззаветного обожания. Конечно, можно вспомнить Сталина и позднейших советских вождей, но в этом случае поклонение в значительной степени было разыгранным, между тем как восторги по адресу Керенского были искренними и бескорыстными.

Весной и летом 1917 г. газеты были полны приветственными телеграммами в адрес Керенского. Вот один, взятый наугад, пример: «Команда ярославского военного лазарета, собравшись 9 мая для выборов членов дисциплинарного суда, единогласно постановила приветствовать Вас – первого министра-социалиста, пользующегося любовью и уважением всей Руси великой. С радостью отдаем все наши силы в Ваше распоряжение» [3]. Теперь попробуем в этом разобраться. Лазаретная команда (сколько в ней числилось человек? Двадцать? Тридцать?), собравшись для решения вполне конкретного вопроса, ни с того ни с сего посылает министру телеграмму с выражением преданности и любви. Если подумать, в этом было что-то ненормальное.

Энтузиазм поклонников Керенского не знал границ. В мае 1917 г. газеты серьезно обсуждали вопрос о создании специального «Фонда имени Друга Человечества А.Ф. Керенского». Тогда же московская фабрика Д.Л. Кучкина, специализировавшаяся на изготовлении памятных знаков, выпустила жетон с портретом нового министра юстиции. На обороте красовалась надпись: «Славный, мудрый, честный и любимый вождь свободного народа». Об этой атмосфере всеобщего восхищения Керенским позже с иронией писал В.В. Маяковский:

Подшит к истории,
пронумерован
и скреплен,
и его
рисуют –
и Бродский и Репин.

К слову, о «теме Керенского» в живописи. Оба упомянутых Маяковским портрета, к счастью, сохранились, и мы можем увидеть, каким запечатлела Керенского кисть самых известных художников его времени. На незаконченном портрете Репина Керенский изображен в интерьере своего рабочего кабинета в Зимнем дворце. Приглушенные тона, едва пробивающийся через стекло свет создают

впечатление интимности и умиротворения. Керенский расслаблен, каким он редко бывал в реальной жизни, он улыбается и совсем не похож на главу правительства революционной России. Совсем другим выглядит Керенский на портрете Бродского. Будущий автор пафосных портретов Ленина изобразил Керенского в напряженной, почти угрожающей позе. Его плечи, да и вся фигура непропорционально велики по сравнению с головой, так что создается впечатление, что он как бы нависает над зрителем. Это другой Керенский – не «друг человечества», а скорее «вождь», решительный и неутомимый. Стоит ли говорить, что Керенский не был ни тем, ни другим?

Но вернемся у «феномену Керенского». Нйти объяснение ему пытались уже современники, не говоря об историках позднейших лет. Главное, что чаще всего упоминается в этой связи – это якобы поразительный ораторский талант Керенского. Действительно, революция была временем ораторов – больших и малых, талантливых и бездарных. Генерал П.Н. Врангель, оказавшийся весной 1917 г. в Петрограде, вспоминал: «Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул и начинал говорить. Ему отвечал другой, третий и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь были заняты речами членов Временного правительства, членов Совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: осуждение старого режима, апология «бескровной революции», провозглашение «борьбы до победного конца» (до «мира без аннексий и контрибуций» тогда еще не договорились), восхваление «завоеваний революции»» [2, с. 27].

Следует учитывать еще одно обстоятельство. В условиях дефицита массовых зрелищ эту нехватку в значительной мере восполняли революционные митинги. На популярных ораторов «ходили», как прежде ходили на талантливого певца или артиста. Не случайно существовало расхожее выражение «теноры революции», иронически обозначавшее профессионалов этого жанра. В этом ряду Керенский был на одном из первых мест.

Английский дипломат-разведчик Р. Локкарт оставил любопытное описание одного из выступлений Керенского. Дело было 25 мая 1917 г., Керенский только что прибыл с фронта в Москву и прямо с вокзала отправился в Большой театр, где должен был состояться очередной концерт-митинг. Перед собравшейся в театре публикой читал стихи Бальмонт, пел Собинов, но это был лишь «разогрев» в ожидании главного номера. Наконец, под

гром аплодисментов на сцене появился Керенский. Он поднял руку и заговорил. Содержание его выступления передать сложно, но главное в данном случае не содержание, а то, что было потом. «Окончив речь, он в изнеможении упал назад, подхваченный адъютантом. Солдаты помогли ему спуститься со сцены, пока в истерическом припадке вся аудитория повскакала с мест и до хрипоты кричала «ура». Человек с одной почкой, человек, которому осталось жить полтора месяца, еще спасет Россию. Жена какого-то миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожерелье. Все женщины последовали ее примеру. И град драгоценностей посыпался из всех уголков громадного здания» [1, с. 163].

Локкарт, человек далеко не восторженный, называл Керенского одним из величайших ораторов в истории. Однако вот что странно: опубликованные речи Керенского абсолютно не производят впечатления. В них нет ни убеждающей логики, ни эффектных риторических приемов. По содержанию своему они представляют собой набор одних и тех же повторяющихся фраз, излишне пафосных, излишне красивых и чаще всего абсолютно бессодержательных. «Я растопчу цветы души моей... Я замкну свое сердце и брошу ключи в море» – это типичные для Керенского обороты. Самая известная фраза Керенского о «взбунтовавшихся рабах» была, во-первых, прямой цитатой из Аксакова, а во-вторых, подсказана ему накануне одним из его собеседников.

Выступая перед многотысячной толпой, Керенский словно преображался. В обычной жизни у него был совсем не сильный, а скорее мягкий голос. К тому же он слегка картавил. Но на трибуне все менялось. Голос Керенского становился хриплым. Начиная речь спокойно и даже тихо, он к концу уже не говорил, а что-то отрывочно выкрикивал.

Сенатор С.В. Завадский, знавший Керенского по министерству юстиции, полагал, что его ораторские способности более воздействовали не на ум и даже не на чувства, а на нервы слушателей [5, с. 33]. Выступая, он заводил не только аудиторию, но и самого себя. Неудивительно, что всплески нервной энергии чередовались у Керенского с неизбежными срывами, очень напоминавшими наркотическую абстиненцию. Не случайно ходили слухи о том, будто Керенский и впрямь нюхает то ли эфир, то ли кокаин.

Позже, уже в эмиграции писатель Р.Б. Гуль записал любопытную историю, услышанную им от Керенского. Речь шла о тех временах, когда Керенский еще работал адвокатом. Как-то председатель суда попросил его вкратце набросать содержание своего выступления. Керенский ответил, что сделать этого не может. «Почему?» – удивился собеседник. «Потому что когда я выступаю, я не знаю, что я скажу. А когда я кончил, я не помню, что

я сказал» [4, с. 71]. Публика слушала Керенского, но не слышала, о чем он говорит. Воспринимались не слова, а жесты, интонации, общий настрой. Причем эмоциональное воздействие выступлений Керенского было настолько сильно, что действовало не только на непосредственных слушателей, но через них – на более широкую аудиторию.

Можно сказать, что Керенский был телевизионным политиком дотелевизионной эпохи. Он имел тот необходимый артистический талант, который должен быть присущ каждому политику, напрямую общающемуся с массами. Несостоявшийся «артист императорских театров» все-таки взял свое. Но как в артисте или оперном певце, аудитория Керенского ценила не слова, а манеру исполнения. В этом-то и была главная слабость Керенского-оратора. Он не убеждал, а заражал своими чувствами. Поэтому когда эмоциональный удар ослабевал, у слушателей Керенского не оставалось в головах ничего кроме неясных воспоминаний.

Как талантливый артист, Керенский умел и любил нравиться, причем эта любовь подчас принимала характер болезненной страсти. Это было заложено в характере, Керенскому сложно было сделать что-то с собой. Буквально за несколько дней до большевистского переворота он с гордостью сообщил своим коллегам по кабинету министров: «Знаете, что я сейчас сделал? Я написал 300 своих портретов» [9, с. 20]. Как артисту ему льстила популярность, как политик он принимал ее за искреннюю поддержку и просчитался в этом.

Конечно, ораторские способности Керенского сыграли огромную роль в формировании его необыкновенной популярности, но одного этого было бы мало. «Феномен Керенского» сложился из целого ряда факторов. Во-первых, молодость, которая воспринималась как положительное качество, учитывая, что трем последним премьерам царской России было каждому далеко за шестьдесят. Во-вторых, то обстоятельство, что Керенский не уставал причислять себя к социалистам. Совместная пропаганда левых партий сумела в это время внушить значительной части населения представление о социализме как единственном варианте развития страны, а Керенский был лучшим кандидатом на роль живого воплощения этого курса.

Все это вместе взятое можно объединить одним словом – надежда. Даже в февральско-мартовские дни, когда эйфория, казалось бы, захлестнула всех, в сознании людей подспудно нарастало ощущение чего-то страшного. Страна ждала лидера, человека, способного совершить чудо. Эти надежды же на лучшее постепенно и стали отождествляться с Керенским. Иллюстрацией таких настроений может служить стихотворение, присланное некой дамой из Моршанска в редакцию одного из столичных журналов:

Гляжу портрет его.
Какое славное лицо,
Как много мужества, ума и воли.
И стало на душе легко -
Анархии не будет боле [10, с. 153].

Эти строки могут показаться наивными и смешными, но они, несомненно, искренни. Чувствуя, что от него ждут, Керенский играл сильного человека. Но это была только игра, ибо ни по причине личных качеств, ни в силу обстановки помешать надвигавшемуся ужасу он не мог. Один из современников, достаточно близко знавший Керенского, позже писал: «Я редко видел человека, который бы так старался доказать свою силу и вместе с тем оставлял такое яркое впечатление безволия и слабости» [15, с. 312]. Постепенно это становилось заметно и другим.

В начале осени, когда популярность Керенского начала уже стремительно падать, журнал «Республика» преподнес читателям запоздавший сюрприз – специальный номер, посвященный недавнему кумиру. Эпиграфом к нему стали строки: «Его, как первую любовь, России сердце не забудет». Первая любовь, как это чаще всего и бывает, оказалась непрочной. Несбывшиеся надежды рождали разочарование, разочарование перерастало в ненависть. В памяти большинства Керенский остался калифом на час, человеком, развалившим Россию, приведшим к власти большевиков.

Не случайно, что именно этот образ был использован Сергеем Есениным, когда тот писал о Керенском в поэме «Анна Снегина»:

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над страной калифствовал
Керенский на белом коне.

Интересно, что эпизод с «Керенским на белом коне» имел место в действительности. Дело происходило в июне 1917 г., когда Керенский только что был назначен военным министром. По этому случаю он задумал организовать в Павловске смотр местного гарнизона. Командующий округом генерал Половцев убедил Керенского в том, что объезжать строй нужно непременно верхом. Керенскому привели огромного белого коня, на котором некогда ездил царь. В воспоминаниях Половцева эта картина описывается так: «Он взгромоздился в седло и, взяв в руки мундштучный повод с одной стороны и трензельный с другой, поехал по фронту. В то время как один конюх следовал пешком у головы лошади, по временам давая ей направление, а другой бежал сзади, вероятно с целью подобрать Керенского, если он свалится. Рожи казаков запасной сводно-гвардейской сотни не оставили во мне никаких сомнений относительно впечатления, произведенного объездом» [12, с. 102]. На следующий день газеты поместили подробное описание церемонии, особенно смакуя то обстоятельство, что Керенский объезжал строй верхом на царском коне.

Писать о Керенском трудно, прежде всего, потому, что главные свидетели – современники – не могли воспринимать его беспристрастно. Восторг, безграничное поклонение или столь же безграничная ненависть – вот разброс оценок мемуаристов. Даже внешность Керенского с помощью цитат из воспоминаний современников нарисовать крайне трудно. «Наружность он имел не совсем урядную. Рыжеватые волосы он носил бобриком. Большая его голова при среднем росте казалась слишком несоразмерна туловищу. И лицо он имел бледное с нездоровой и дряблой кожей» [6, с. 412]. Таким запомнил Керенского писатель М.М. Зощенко. Другой очевидец тоже вспоминает «топорщащийся бобрик над вытянутым, длинным лицом, и собачью старость переутомленных висячих щек, и тяжелый грушеобразный нос, и нездоровый, серо-желтый цвет кожи» [14, с. 257].

В воображении после этого возникает образ почти карикатурный. К слову сказать, карикатуристы очень любили рисовать Керенского именно из-за наличия узнаваемых черт, которым кисть художника легко могла придать гротесковый вид. Конечно, можно обвинить авторов воспроизведенных нами воспоминаний в сознательном или бессознательном принижении бывшего кумира. Однако рассматривая многочисленные фотографии Керенского в 1917 г., приходишь к выводу, что в этих описаниях немало истины. На фотографиях Керенский действительно выглядит намного старше своих 36 лет.

Главная причина этого – тот сумасшедший ритм, который Керенский задал себе с самого начала. Нередко ему приходилось бодрствовать по несколько суток подряд, трижды и даже четырежды в день выступать с речами перед многотысячной аудиторией. Спать он ложился в три-четыре часа ночи, а вставал уже в восемь утра. В бытность Керенского премьер-министром заседания кабинета, подчиняясь ночному образу жизни главы правительства, начинались в полночь, а то и позже.

Известный философ Ф.А. Степун, близко общавшийся в ту пору с Керенским, позже писал: «Я глубоко уверен, что большинство сделанных Керенским ошибок объяснялись не тою смесью самоуверенности и безволия, в которой его обвиняют враги, а полной неспособностью к технической организации рабочего дня. Человек, не имеющий в своем распоряжении ни одного тихого, сосредоточенного часа в день, не может управлять государством. Если бы у Керенского была непреодолимая страсть к ужению рыбы, он, может быть, и не проиграл бы Россию большевикам» [13, с. 376].

Знаменитая деталь, запомнившаяся современникам и увековеченная на сотнях фотографий – Керенский с правой рукой, висящей на перевязи или заложенной за пуговицы френча. Эта «наполеоновская» поза дала повод для многих язвительных

замечаний. На деле все было просто – во время поездок на фронт Керенскому пришлось за руку здороваться с тысячами поклонников. Он сам вспоминал о том, что как-то его «целовала целая дивизия». После речи военного министра наэлектризованная толпа смяла охрану, чтобы лично прикоснуться к кумиру. По словам Керенского, «это было черт знает что, я был в полной уверенности, что через полчаса окажусь трупом» [5, с. 76]. Результатом бесчисленных рукопожатий стала тяжелая форма невралгии, не позволявшая ему даже пошевелить пальцами.

Удивительно, как организм Керенского выдерживал эту нагрузку, особенно если вспомнить, что его трудно было назвать здоровым человеком. Он пережил тяжелейшую операцию по удалению почки. В довершение всего Керенский был близорук почти до слепоты. Он тщательно скрывал это обстоятельство даже от друзей и сознательно не носил очки. Скорее всего, отказ Керенского носить очки объяснялся (как это и бывает в большинстве случаев) страхом испортить сложившийся образ. В быту близорукость ему не слишком мешала, а на самый крайний случай у него имелся лорнет, придававший его лицу удивительно старушечий вид.

К слову, возможно, именно крайняя близорукость Керенского определила его манеру публичных речей. Выступая перед публикой, он просто не видел аудитории и вынужден был реагировать на другие факторы. Говоря по другому, он «чувствовал» своих слушателей именно потому, что не мог их видеть.

Надо сказать, что Керенский очень тщательно следил за тем, как он выглядит на публике. В дни своего пребывания депутатом думы он одевался по последней моде, даже с некоторой щеголеватостью. Но революция мгновенно изменила его внешний вид. Теперь он носил черную тужурку со стоячим воротником, в которой был похож не то на студента, не то на великовозрастного гимназиста.

Момент превращения запечатлел в своих воспоминаниях управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков. Дело было в тот самый день, когда Керенский добился от Совета одобрения своего вхождения в состав правительства. Керенский был одет как всегда – в костюм и крахмальную рубашку с галстуком. Рубашка по тогдашней моде имела жесткий воротничок с загнутыми углами. Керенский неожиданно взялся за эти уголки и отодрал их. В результате галстук съехал куда-то под жилетку и новоявленный министр юстиции приобрел нарочито-пролетарский вид [11, с. 16].

Вступление Керенского в должность военного министра привело к новому переодеванию. На фотографиях, запечатлевших его в первые дни после нового назначения, он еще одет как человек сугубо штатский – в длинное летнее пальто и мягкую шля-

пу. Но уже во время поездки на фронт Керенский появляется в новом облике. На нем короткий френч английского образца, а на голове – кепи с высокой тульей. Новый костюм придавал Керенскому «полувоенный вид». С другой стороны отсутствие каких-либо знаков различия и видимые расхождения с форменной одеждой должны были показать, что военный министр – лицо гражданское.

Если не брать во внимание одежду, то в быту Керенский был непритворен. У него не было особых пристрастий в еде, разве что он любил сладкое и мог зараз съесть три порции десерта. Один из тех, кому пришлось как-то присутствовать за столом у Керенского, описывает это так. «Блюда вполне скромного завтрака подавались, довольно нескладно, двумя министерскими курьерами (теперь «товарищами»), одетыми в летние коломянковые тужурки. Вина на столе не было, но был квас и вода. Пухлые салфетки и вся сервировка напоминали буфет второстепенной железнодорожной станции, да и сами завтракавшие за одним столом люди казались сборищем куда-то спешащих пассажиров, случайно очутившихся за общей буфетной трапезой» [8, с. 132].

Это происходило на служебной квартире министра юстиции, располагавшейся прямо в здании министерства. После назначения министром Керенскому первую неделю пришлось ночевать в кабинете, так как в квартире продолжала жить семья его предшественника – царского министра юстиции Добровольского. Свою семью он сумел перевезти в министерский особняк только в середине марта. Казенное жилье было холодным и неудобным. Квартира представляла собой анфиладу проходных комнат и уединиться в ней не было никакой возможности. К тому же, несмотря на часовых у входа, в квартире всегда толпились какой-то случайный народ – студенты, курсистки, жалобщики и просители.

Когда Керенский был назначен военным министром, он переехал в «довмин» на набережной Мойки. Однако семью он с собой не взял. Ольга Львовна Керенская вместе с сыновьями Олегом и Глебом вернулась в квартиру на Тверской улице, которую она предусмотрительно оставила за собой. Квартира находилась на первом этаже, но Керенскому и в голову не пришло поставить охрану на улице или у подъезда.

Для Керенского, как и для многих политиков, платой за общественный успех стал семейный разлад. В первые недели революции Ольга Львовна старалась всегда быть рядом с мужем. В те дни ее видели и запомнили многие современники. «Очень моложавая на вид, энергичная и подвижная, она производила впечатление плохо упитанной курсистки, нервно и повышенно воспринимающей жизненные тяготы. Бледное лицо ее, обрамленное светло-русыми, зачесанными к низу волоса-

ми, было скорее приятно» [8, с. 130]. Другой увидел Ольгу Керенскую в ту пору юный гимназист, а позже писатель и литературовед Лев Успенский: «Милое лицо, большие грустные глаза как у дамы на том серовском портрете, взглянув на который психиатр Тарновский сразу же определил тяжелую судьбу и душевные недуги женщины, послужившей художнику моделью... Была в этих ее глазах какая-то тревога, смутный испуг, страх перед будущим» [14, с. 266].

У Ольги Львовны были основания для тревоги – она не могла не видеть, что муж все более отдаляется от нее. Уже к середине лета по Петрограду поползли слухи о разводе Керенского. Разлучницей называли актрису Елизавету Тиме. По словам знающих людей, Керенский то ли тайно оброчился с ней, то ли уже обвенчался. В былые годы Керенский действительно не слишком усердно хранил супружескую верность. У него было много романов на стороне, самым продолжительным из которых был роман с двоюродной сестрой его жены студенткой-медичкой Еленой Барановской. Ольга Львовна знала об изменах мужа, но каждый раз прощала его. Однако слухи о Керенском и актрисе Тиме вряд ли имели серьезную основу. У него попросту не оставалось времени на любовную интрижку, да и каждую минуту его окружали десятки людей, не давая ни минуты побыть одному. Конкуренткой Ольги Львовны была не другая женщина – с этим она привыкла мириться, а большая политика, отнимавшая у Керенского все силы.

Постоянное напряжение требовало разрядки. К несчастью Керенского, ему не удалось найти эффективного способа релаксации. Он никогда не курил, был равнодушен к алкоголю (хотя в совсем уж тяжелую минуту мог выпить предложенную рюмку коньяку), все слухи о том, что он то ли нюхает эфир, то ли вкалывает морфий, были не более чем слухами. В былые, казавшиеся теперь спокойными времена в квартире Керенских по праздникам собирались шумные компании. Душой общества был сам хозяин. Он был хорошим рассказчиком, имел неплохой голос – мягкий баритон и знал десятки оперных арий и романсов. Но сейчас все это ушло в прошлое.

Как ни странно, при всей крайней общительности Керенского, друзей у него оказалось мало. Знакомым было несть числа, еще больше – восторженных поклонников обоного пола, но не друзей, на которых можно было бы опереться в тяжелую минуту. Впрочем, в окружении Керенского был человек, никогда не занимавший никаких постов, но очень близкий ему лично. Это «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская.

Керенский познакомился с ней в 1912 г. во время поездки на ленские прииски. Первым же своим распоряжением в качестве министра юстиции Керенский распорядился освободить Бреш-

ко-Брешковскую и со всеми почестями отправить ее в столицу. «Бабушка» поселилась в квартире Керенского, хотя в Петрограде жил ее родной сын – скандальный писатель и журналист. Даже в Зимнем дворце, куда Керенский не взял семью, для «бабушки» он распорядился выделить особое помещение. Он всегда относился к Брешко-Брешковской с огромным уважением, но никогда не спрашивал ее совета в практических делах.

Надо признать, что человеку, поднявшемуся к вершинам власти, трудно сохранить друзей. К тому же дружба в такой ситуации может стать попросту обременительной, поскольку друзья, как правило, претендуют на особое положение. Политическому лидеру важнее иметь не друзей, но команду помощников – умных и деловых, способных на то, на что не способен он сам, но не претендующих на его место. У Керенского такой команды людей, на которых он мог опереться, не было. Это проявлялось и раньше, но особенно стало ощутимо с назначением его на пост военного министра.

Керенский прожил почти девяносто лет. Но почти две трети этой жизни были жизнью после смерти. Нина Берберова назвала Керенского «человеком, убитым 1917 годом». С формальной точки зрения это не совсем так. В эмиграции Керенский не просто влачил существование, живя исключительно прошлым. Он в полной мере отдавался сегодняшнему дню – любил, интриговал, ссорился и мирился. Но все это было жизнью рядового обывателя, одного из тысяч русских беженцев. Такой человек, если и будет упомянут на страницах истории, то в лучшем случае мелким шрифтом в примечаниях. Тот же Керенский, которому было суждено попасть в учебники, действительно умер в 36 лет. Он перестал быть человеком, а стал символом – для кого-то символом развала и унижения России, для других – олицетворением короткого мига свободы, предшествовавшего страшным временам.

Летом 1917 г., когда популярность Керенского достигала высшей точки, одним из его секретарей был молодой и мало кому известный поэт Леонид Каннегисер. Год спустя его имя прогремит на всю Россию – Каннегисер совершит покушение на чекиста Моисея Урицкого, будет схвачен и расстрелян. Словно предчувствуя это, в одном из своих стихотворений он писал:

И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о мать,
И буду в покинутом поле
С прострелянной грудью лежать,

Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне

Я вспомню – Россия. Свобода.

Керенский на белом коне [7, с. 95].

Керенский неотделим от «эпохи надежд», и конец ее стал концом и его самого. В личности Керенского, в его стремительном взлете и падении нашло отражение сумасшедшее время, когда слова значили больше, чем дела, когда пьянящее чувство свободы толкало людей на страшные поступки, когда шкурничество маскировалось под идеализм, а идеализм служил оправданием убийству и предательству. Судьба дала возможность Керенскому выступить на самой главной сцене, перед самой большой аудиторией. Ему в полной мере досталось и восторженного поклонения, и яростной ненависти. И лишь те немногие, кто сохранил память об «эпохе надежд», не предали поруганию ее главного героя.

Библиографический список

1. Брюс Локкарт Р.Г. История изнутри. Мемуары британского агента. – М.: Новости, 1991. – 320 с.
2. Врангель П.Н. Записки. Кн. 1. – М.: Менеджер, 1991. – 293 с.
3. Голос (Ярославль). – 1917. – 11 мая.
4. Гуль Р. Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 512 с.
5. Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. – Берлин: Изд. И.В. Гессен, 1923. – Т. 11. – С. 29–58.
6. Зоценко М. Керенский // Рассказы и повести. – Л.: Лениздат, 1960. – 652 с.
7. Каннегисер Л. Из посмертных стихов // Наше наследие. – 1993. – № 3 – С. 92–96.
8. Карабчевский Н. Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия. Берлин. – Изд. Ольги Дьяковой, 1921. – 256 с.
9. Кроть Л.А. За три года. – Владивосток, 1921. – 289 с.
10. Летопись (Петроград). – 1917. – № 5. – С. 153.
11. Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. – Берлин: Изд. И.В. Гессен, 1922. – Т. 1. – С. 6–82.
12. Половцев Л.В. Дни затмения. – М.: ГПИБ, 1999. – 273 с.
13. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Изд. С-ПбГУ, 1995. – 579 с.
14. Успенский Л. Записки старого петербуржца. – Л.: Лениздат. – 512 с.
15. Шидловский С.И. Воспоминания // Февральская революция в описании белогвардейцев. – М.: Госиздат, 1926. – С. 282–315.

**ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ:
НЕУДАВШИЙСЯ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ**

Земельная реформа являлась одной из труднейших и сложнейших социально-экономических проблем, которые когда-либо ставила перед человечеством история. В России первоочередной задачей было не регулирование арендных отношений, а отчуждение частновладельческой земли, площадь которой более чем в десять раз превышала земельную площадь английских ленд-лордов. Проработка аграрного вопроса предполагалась на основе гражданского согласия различных общественно-политических сил. Для этого была создана система государственно-общественных органов в лице Главного и местных земельных комитетов. На Главный земельный комитет возлагалась функция общего руководства сбором, разработкой необходимых для земельной реформы сведений, а также составлением проекта земельной реформы на основе всех соображений, какие будут представлены местными земельными комитетами. За период своего существования Главный земельный комитет провел четыре сессии, обсудив следующие вопросы: о проекте выкупа и частичной ликвидации крупного землевладения; о сохранении и укреплении культурных владельческих имений; о расчете норм и очередности наделения землей; об организации территории для развития фермерского хозяйства. Наряду с Главным земельным комитетом и одновременно с ним в разработку аграрной реформы включилась другая, неофициальная, но влиятельная научно-общественная организация – Лига аграрных реформ.

Ключевые слова: Временное правительство, Главный земельный комитет, Лига аграрных реформ, Министерство земледелия, социализация

Земельная реформа являлась одной из труднейших и сложнейших социально-экономических проблем, которые когда-либо ставила перед человечеством история. Все то, что приходилось делать в области земельных отношений в других странах, даже самым отдаленным образом не могло идти в сравнение с тем, что предстояло осуществить в России. Например, английскому законодательству потребовалось свыше 30 лет, чтобы урегулировать земельные отношения и добиться определенных и окончательных результатов. Речь шла всего о 3–4 млн десятин помещичьей земли, арендуемых крестьянами. В России первоочередной задачей было не регулирование арендных отношений, а отчуждение частновладельческой земли, площадь которой более чем в десять раз превышала земельную площадь английских ленд-лордов.

16 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О национализации земельных и других имуществ удельного ведомства и о порядке управления ими» [25, ч. 3, с. 207]. 27 марта был принят еще один документ – «О национализации земельных и других имуществ Кабинета бывшего императора» [25, ч. 3, с. 210–211]. Некоторые авторы упоминают об этих актах мимоходом, отмечая, что крестьянам эти меры ничего не дали, поскольку, мол, крестьянству нужны были земли помещиков [21]. Более того, предпринимались попытки прямого передергивания фактов. Так, Д. Лутохин заявлял, что передача удельных и кабинетских земель в заведование и управление министерства земледелия не могла рассматриваться как акт национализации [18, с. 347]. Однако если внимательно прочитать постановления, то становится ясным, что речь шла именно о национализации земель: «Признать все удельные и находящиеся в заведы-

вании удельного имущества предприятия и капиталы государственной (национальной) собственности» [25, ч. 1, с. 207]. Национализация удельных и кабинетских земель – это ни много ни мало 47 млн десятин земли [23, с. 12], т.е. больше, чем все частновладельческие земли России.

Проработка аграрного вопроса предполагалась на основе гражданского согласия различных общественно-политических сил. Для этого была создана система государственно-общественных органов в лице Главного и местных земельных комитетов. На Главный земельный комитет возлагалась функция общего руководства сбором, разработкой необходимых для земельной реформы сведений, а также составлением проекта земельной реформы на основе всех соображений, какие будут представлены местными земельными комитетами.

Председателем Совета являлся член Государственной Думы профессор А.С. Посников, состоявший номинально в партии прогрессистов, однако по земельному вопросу он имел серьезные расхождения со своими коллегами. В своих воспоминаниях С.И. Шидловский так охарактеризовал эти разногласия: «В аграрном вопросе мы с ним стояли на совершенно противоположных полюсах. Он был ярым поклонником общины, насколько я был и остаюсь ее противником» [24, с. 138]. Товарищами председателя были избраны эсер С.Л. Маслов, позже сменивший В.М. Чернова на посту министра земледелия, и энес В.И. Анисимов. Активную роль в Совете играли эсер Н.Я. Быховский, энес Н.П. Огановский, кадет А.А. Кауфман, радикал-демократ Б.Д. Бруцкус, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров (организационно-производственная группа экономистов-аграрников) и др.

Главный земельный комитет не обладал законодательными правами, тем не менее полномочия

этого земельного органа были достаточно широкими: он мог влиять на деятельность и характер принимаемых указов, постановлений министерства земледелия.

За период своего существования Главный земельный комитет провел четыре сессии, обсудив следующие вопросы: о проекте выкупа и частичной ликвидации крупного землевладения; о сохранении и укреплении культурных владельческих имений; о расчете норм и очередности наделения землей; об организации территории для развития фермерского хозяйства.

На первой учредительной сессии Главного земельного комитета (19–20 мая) присутствовали 70 делегатов, имевших 55 решающих и 15 совещательных голосов [4].

Открыл заседание А.С. Посников. В своей речи он определил основные принципы будущей земельной реформы: «Земли сельскохозяйственного назначения должны принадлежать земледельческому населению». Будучи защитником коллективной формы землевладения, Посников высказался против насильственных способов земельной реформы, хотя и признавал, что «частные интересы, несмотря ни на какие слезоточивые речи, должны подчиниться общегосударственным интересам». До сессии и во время сессии в комиссиях Главного земельного комитета среди различных общественных и политических организаций шли споры о мерах отчуждения частновладельческих земель. А.С. Посников свое отношение к этой проблеме высказал прямо: безвозмездного отчуждения частновладельческих земель допустить нельзя, так как это могло бы «в подавляющем большинстве случаев быть поражением интересов не тех, кого хотят поразить: огромнейшая масса имений заложена в большинстве случаев почти до крайних пределов, до которых может зайти залог... Безвозмездный захват земли поразил бы тех, кто владеет закладными листами – в значительном числе людей маленьких, вложивших в них свои сбережения» [11, с. 9]. Посников предупреждал, что это могло бы привести к великим экономическим потрясениям.

В возникших прениях представитель трудовой группы М.Е. Березин считал необходимым национализировать все земли в стране. Ему возражали С.И. Шидловский и Н.Н. Черненко. Еще дальше пошел представитель большевиков И.Т. Смилга, который высказал убеждение, что только организованный захват частновладельческой земли крестьянами устранил разруху в стране. В ответ В.М. Чернов заявил, что само понятие «организованный захват» включает в себе отсутствие всякой логики; захват противоречит организации, таит опасность для революции и может привести к полной дезорганизации [2]. Товарищ министра земледелия А.Г. Хрущов прочел ряд сообщений с мест, письменных и телеграфных, с жалобами от част-

ных владельцев на захватные действия крестьян. Выступающий указал на необходимость принятия всех доступных мер к обеспечению законности и порядка в деревне. Сессия приняла две резолюции: первая – «Об аграрных волнениях» – считала неотложной задачей создание местных земельных комитетов с учреждением при них посреднических и примирительных камер. На Главный земельный комитет возлагалась задача издания указов, способствующих урегулированию взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами [16, с. 14–15]. Вторая резолюция, принятая 20 мая, определяла общие направления будущей земельной реформы: «В соответствии с основными потребностями нашего народного хозяйства, с неоднократно выражавшимися пожеланиями крестьянства и с провозглашенными всеми демократическими партиями страны программами в основу будущей земельной реформы должна быть положена та мысль, что все земли сельскохозяйственного назначения должны перейти в пользование трудового земледельческого населения... До созыва Учредительного собрания окончательное разрешение земельного вопроса не может быть никем принято и тем более осуществляемо. Правильное решение земельного вопроса возможно только в том случае, если в основу его будет положен общегосударственный план поземельного устройства, имеющий в виду интересы всего народа (подчеркнуто мною. – Г.К.), а не интересы и желания отдельных групп населения или отдельных местностей. Попытки самочинного удовлетворения населением своих земельных нужд путем захвата чужих земель представляют серьезную опасность для государства и вместо ожидаемого разрешения земельного вопроса создадут множество новых вопросов, которые нельзя уже будет потом разрешить без сильнейших потрясений всей народной жизни» [7, с. 3].

В результате отсутствия законодательных распоряжений министерства земледелия и четких инструкций Главного земельного комитета местные земельные органы начали издавать обязательные постановления, приведшие к серьезным земельным правонарушениям, от которых в первую очередь пострадали частные владельцы. Такие постановления были приняты Казанским, Минским, Могилевским, Пензенским и др. губернскими земельными комитетами [6]. В документах отмечалось, что «все земли без исключения должны перейти в ведение земельного комитета... все сельскохозяйственные машины и орудия, а равно и лошади, находящиеся в частновладельческих имениях и признанные земельными комитетами излишними для хозяйства данного имения, поступают в распоряжение волостного земельного комитета» [5]. Встревоженный массовыми нарушениями земельных прав частных владельцев, волной протестов хлеборобов-землевладельцев Главный

земельный комитет вынужден был рассылать на места телеграммы с разъяснениями о превышении губернскими земельными комитетами своих полномочий. Вот лишь один образчик такого документа. В начале октября 1917 г. Управление делами Главного земельного комитета послало телеграмму Херсонскому губернскому земельному комитету в связи с опубликованием вышеуказанным комитетом обязательного постановления. Текст очень характерен и показателен для позиции Главного земельного комитета: «Обязательное постановление должно быть составлено в соответствии с действующими законами и не должно преступать пределов полномочий, предоставленных комитетам специальными узаконениями... При рассмотрении пунктов обязательного постановления, связанных с пользованием частновладельческих земель, Управление делами обращает внимание Комитета, что в этом вопросе ему надлежало руководствоваться законом 11 апреля 1917 г. об охране посевов и инструкцией министра земледелия земельным комитетам 16 июля 1917 г. Основным принципом как названного закона, так и инструкции является стремление законодателя взять на учет всю землю, которую владелец ее окажется не в состоянии обработать и засеять. Такая земля, по соглашению с продовольственными комитетами, берется на учет земельными комитетами и поступает в распоряжение волостных земельных комитетов для ведения общественного хозяйства или для распределения между крестьянами для обработки посева. Поэтому губернский комитет не мог... объявлять о переходе всех земель арендного сельскохозяйственного пользования в земельный фонд на праве распоряжения уездных земельных комитетов...» [3, л. 147–149].

С целью разрешения споров между частными земельными собственниками и крестьянами Главный земельный комитет рекомендовал местным земельным органам создавать примирительные камеры.

Как правило, примирительная камера должна была играть роль арбитра, объективно оценивающей ситуацию. Главная слабость этого органа заключалась в том, что обе противоборствующие стороны должны были согласиться на то, чтобы камера вынесла решение, удовлетворяющее всех, что было крайне затруднительно сделать. Кроме того, примирительные камеры не имели реальной власти для проведения своих решений в жизнь.

С 1 по 6 июля в Петрограде состоялась вторая сессия Главного земельного комитета. На ней присутствовали 106 делегатов, из них 82 с решающим и 24 с совещательным голосами [12, с. 10–11]. Сессия подверглась резкой критике аграрную политику Временного правительства, констатируя, что происходящая на местах ломка земельного уклада выявляет стремление крестьян к новым зе-

мельным «правоотношениям». Наблюдаемые при этом осложнения являются следствием отсутствия соответствующих норм и указаний со стороны центральной власти. Правительственная власть совершенно «отстала от жизни, не снабдив до настоящего времени комитеты ни одной общей мерой, не издав ни одного общего закона» [3, л. 35]. Сессия потребовала издания правительственного распоряжения о передаче всех земель в ведение земельных комитетов с одновременным расширением прав последних [3, л. 35].

За несколько дней до открытия второй сессии Совет Главного земельного комитета утвердил проект правил об упорядочении земельных отношений. Проект давал земельным комитетам право определять, в каких размерах, кому и на каких условиях должны быть предоставлены в возмездное пользование и обработку следующие категории земель: 1) отдававшиеся или отдаваемые владельцами в аренду; 2) земли из состава сельскохозяйственных имений, фактически поступившие в пользование местного населения; 3) земли, которые не будут в ближайшее время надлежащим образом обработаны [25, ч. 3, с. 229–231]. На II сессии Главного земельного комитета проект подвергся резкой критике со стороны провинциальных делегатов. Сессия пошла дальше и постановила дополнить постановление Временного правительства от 21 апреля следующим пунктом: «В ведение земельных комитетов впредь до разрешения Учредительным собранием земельного вопроса поступают все земли сельскохозяйственного пользования. Комитетам предоставляется право устанавливать и регулировать порядок хозяйственного пользования названными угодьями». Сессия уточнила, что «комитеты не должны, однако, принимать таких мер, которые могли бы воспрепятствовать как распределению земель между трудовым населением на основаниях, которые будут установлены Учредительным собранием, так и сохранению хозяйств, представляющих экономическую и культурную ценность» [12, с. 12].

Временное правительство проект отклонило, предложив министру земледелия представить его в переработанном виде. Проект министерства земледелия, как и проект Главного земельного комитета, исходил из тех же принципов образования арендного фонда и определения условий пользования землями. Вместе с тем проект В.М. Чернова предусматривал сокращение земель арендного фонда. 9 августа Временное правительство назначило специальное заседание по аграрному вопросу. Заслушав доклад В.М. Чернова, правительство никакого решения не приняло. 20 октября Временное правительство вновь вернулось к рассмотрению законопроекта об упорядочении земельных отношений, подготовленного новым министром земледелия С.Л. Масловым. Главной целью проекта, как

отмечал С.Л. Маслов в беседе с представителями печати, являлось наделение местного крестьянского населения земель за счет арендного фонда. В состав фонда подлежали зачислению частновладельческие земли, находившиеся в арендном пользовании, а также земли, оставшиеся незасеянными. К землям арендного фонда, по законопроекту, могли причисляться также частные сельскохозяйственные имения, обрабатываемые местными владельцами, если земельные комитеты предварительно установят крайнюю земельную нужду крестьян при наличии у последних рабочих сил и трудового характера их хозяйств [10]. Осуществление мероприятий, намеченных законопроектом, возлагалось на земельные комитеты. В заседании 24 октября рассмотрение аграрного законопроекта было возобновлено, но было уже поздно: местные земельные комитеты, не дождавшись документа, по-своему, стихийным путем приступили к захвату частновладельческих земель.

В подготовке земельной реформы особое место занимал вопрос о крупнокрестьянских хозяйствах. Эсеры, которые имели большинство мест в Главном земельном комитете, не включали крестьянские хозяйства посевной площадью свыше 50 десятин в число частновладельческих производств. Главный земельный комитет характеризовал такие хозяйства как хозяйства «полутрудовые» или «полукапиталистические». Характерным признаком социальной сущности такого типа хозяйств считалось то, что все члены его принимали участие в производстве и произведенный продукт шел на удовлетворение потребностей семьи. Использование наемного труда в этих хозяйствах, по мнению сторонников трудовых крестьянских хозяйств, не противоречило «природе трудового хозяйства» [8, с. 41]. Комиссия заслушала доклады Н.Д. Кондратьева и Н.П. Макарова. Различия двух экономистов в оценке «полутрудового» хозяйства носили принципиальный характер. Если Н.Д. Кондратьев высказывал сомнения в целесообразности сохранения такого типа хозяйств, то Н.П. Макаров, напротив, предостерегал правительство от опасности полного уничтожения «полутрудовых крестьянских хозяйств, которые имели большое значение в народнохозяйственной жизни страны» [9, с. 69]. Комиссией было установлено, что частичное отчуждение земли у крупнокрестьянских хозяйств могло быть произведено только при наличии купленной земли, обрабатываемой с наймом более одного постоянного работника, и если посевная площадь всей земли превышала двойную норму «потребительно-трудового хозяйства» [9, с. 69–70]. Полностью сохранялись «полутрудовые» крестьянские хозяйства на наделных общинных землях, даже если бы крестьяне нанимали рабочих. Такие хозяйства получали возможность расширять свое производство за счет аренды земли, обрабаты-

вая ее наемным трудом. Комиссия предостерегала против немедленных и прямолинейных действий в отношении крупнокрестьянских хозяйств.

Наряду с Главным земельным комитетом и одновременно с ним в разработку аграрной реформы включилась другая, неофициальная, но влиятельная научно-общественная организация – Лига аграрных реформ.

В конце марта 1917 г. на первом собрании учредителей был избран организационный комитет Лиги в составе Н.П. Макарова, П.П. Маслова, С.Л. Маслова, К.А. Мацкевича, Н.П. Огановского, А.В. Пешехонова, М.И. Туган-Барановского и А.В. Чаянова.

16–18 апреля состоялся учредительный съезд Лиги, в котором приняло участие 130 человек из 20 губерний России. Президиум съезда был избран в составе председателя съезда А.И. Стебута и товарищей председателя: А.П. Левицкого, П.П. Маслова, С.Л. Маслова и А.Н. Челинцева. С докладом «О возникновении и ближайших задачах Лиги» от Организационного комитета выступил А.В. Чаянов. Он отметил, что различные партии стремятся сблизиться друг с другом, а не отгородиться, как это было десять лет назад. Все это заставило группу экономистов пересмотреть партийные программы, составить новый план аграрной реформы и учредить межпартийную Лигу аграрных реформ, в которой обсуждение аграрного вопроса с разных точек зрения при столкновении мнений могло привести к единому решению.

Внушительен размах деятельности Лиги. Лига имела 52 филиала, созданных преимущественно в губернских городах. На протяжении 1917 г. Лига провела три съезда – в апреле, июне и в ноябре, предприняла 12 собственных изданий.

Деятельность Лиги позволяет говорить о том, что она была своего рода «согласительным комитетом» [22, с. 91] между различными политическими партиями, представители которых участвовали в этой общественной организации, и Главным земельным комитетом. Лига являлась чем-то вроде «экспериментальной площадки», где проигрывались различные варианты решения аграрного вопроса. Ученые-аграрники «подпитывали» земельный комитет апробированными идеями. После обсуждения тех или иных идей, концепций, теоретических построений, получаемых из Лиги аграрных реформ, Главный земельный комитет вырабатывал законопроекты, которые он передавал Временному правительству. Такова цепочка действий, которая, казалось бы, не должна была порваться. Однако очень сложными были взаимоотношения между Главным земельным комитетом и министерством земледелия. Стремление Главного земельного комитета к законотворческой деятельности не нравилось Центральному земельному ведомству, в результате нередко были конфликты,

приводившие к тому, что единства действий не получалось: министерство земледелия ревниво оберегало свою независимость от каких бы то ни было общественно-политических организаций или комитетов.

Программа работы Лиги была чрезвычайно обширной. Предполагалось провести сельскохозяйственную перепись населения по категориям хозяйств частновладельческих и крестьянских по наиболее значимым показателям, намечен перечень работ, которые должны были осуществить местные комитеты Лиги: характеристика различных форм землевладения и землепользования на местах; характеристика капиталистического и помещичьего хозяйств; группировка крестьянского хозяйства по размерам землевладения и пользования; выходы из общины на хутора и отруба; доходность одной десятины земли как у крестьян, так и у частных владельцев; цены на землю как покупные, так и арендные; задолженность частного землевладения различным банкам и др. [16, с. 38–41]. Лига собиралась решить вопросы о нормах наделения земель (трудовой, потребительской), выяснить вопрос о том, как представляют себе реформу в различных местностях России. Все эти вопросы были рассмотрены на втором съезде Лиги аграрных реформ, который открылся 23 июня. Председателем съезда был избран А.С. Посников.

В докладах и выступлениях на съезде прозвучали три основные точки зрения. Эсеры отстаивали свои традиционные убеждения о необходимости социализации земли на основе уравнительного землепользования, ссылаясь на исконные чаяния широких масс крестьянства: «...Всякая собственность на землю должна быть уничтожена и земля должна перейти в общенародное достояние без выкупа для уравнительного трудового пользования» [20, с. 30–31]. Эсеры считали также необходимым сохранить общинное землевладение. В своем выступлении на II съезде Лиги аграрных реформ Н.Я. Быховский заметил, что «доминирующей формой землевладения у нас является землевладение общинное... Кроме общинного землевладения, преобладающего во всех великорусских губерниях, на юге России хотя и нет общины, имеется форма семейного землевладения, которая в отношении наследования и некоторых других правовых норм глубоко отличается от формы единоличного владения, существующего в Западной Европе» [17, с. 7]. Эсеры предлагали всем крестьянам, вышедшим из общины, добровольно в нее возвратиться или организовать общины из отрубников и хуторян, причем излишки земли должны быть возвращены общине [20, с. 33].

Энесы выдвинули проект национализации земли, но не всей, а только крупных земельных владений, предлагая сохранить мелкое частное землевладение. Докладчик В.И. Анисимов считал, что

земля «должна быть передана из собственности и распоряжения отдельных лиц в распоряжение государственной и общественной власти, и эта земля передается во временное пользование свободным товариществам землевладельцев» [17, с. 30]. Свои доводы против крупного землевладения он аргументировал следующим образом: «В значительной своей части крупное землевладение у нас использовалось как источник дохода, не путем ведения хозяйства на нем, а путем сдачи в аренду... Можно утверждать, что крупное частное землевладение не служило точкой опоры для развития высших форм сельскохозяйственной культуры. Мы знаем отдельные культурные хозяйства, которые могут быть ценимы нами очень высоко с общественно-хозяйственной точки зрения, но в массе своей крупные наши хозяйства отличаются своей малой культурностью... Чтобы устранить те чрезвычайно уродливые явления, которыми характеризуются у нас отношения землепользования, те уродливые формы арендных отношений, которые у нас создались, мы должны ликвидировать крупное землевладение и передать его в государственный фонд» [17, с. 30]. На мелкую собственность, как считали энесы, посягать нельзя. Не потому, что институт частной собственности является для них неприкосновенным, а потому что «такая постановка... вопроса... представляется серьезной тактической ошибкой, которая подвергла бы весьма серьезной опасности судьбу предстоящей реформы», ибо «взгляд на землю как на частную собственность укрепился и пустил глубокие корни среди крестьян» [17, с. 30]. Проблема заключалась, по мнению энесов, лишь в том, чтобы определить трудовую норму для частных крестьянских хозяйств.

Социал-демократ (меньшевик) Н.А. Рожков также выступал с позиции национализации крупных и средних владений, а также земель монастырских, церковных, удельных и кабинетских [17, с. 25].

Кадеты и ученые-аграрники защищали право частной собственности на землю и минимального вмешательства государства в поземельные отношения. И те и другие резко выступали против национализации земли. В докладе «Аграрный вопрос» Н.Н. Черненко, отвечая оппонентам из лагеря социал-демократии, отмечал: «Необходимо строго установить, что именно понимается под понятием «огосударствления» земель, находящихся в эксплуатации трудовых хозяйств: имеется ли в виду предоставление государственным органам сколько-нибудь широких функций распоряжения этими землями или же только функций законодательного регулирования» [15, с. 38]. В подкреплении формулы «Вся земля всему народу» эсеры ссылались на то, что в сотнях и тысячах приговоров, постановлений, резолюций крестьяне требуют «национализации» или «социализации» земли. Но

какой действительный смысл всех этих резолюций и постановлений? Разве крестьянин в самом деле требует «всей земли всему народу»? Конечно, нет – он требует земли трудовому крестьянству, то есть самому себе. Он думает не о «социализации» или «национализации». Он даже не понимает смысла этих слов. Он просто хочет и требует себе нарезки из казенных, удельных, помещичьих земель. «Заурядный, массовый крестьянин думает не о социальной справедливости, а о себе и о своих интересах, всякий крестьянин держится за свою землю. Крестьянин подписывается под каким угодно лозунгом, лишь бы этот лозунг обещал ему земли. Но ни за какие «национализации» и «социализации» он добровольно не отдаст ни пяди своей земли» [13, с. 244].

Экономист Б.Д. Бруцкус, выступая за сохранение частной собственности, отмечал преимущества как мелких, так и крупных хозяйств: «Трудовое хозяйство повсюду в современных условиях оказалось формой хозяйства жизнеспособной и с народнохозяйственной точки зрения целесообразной... Основное достоинство мелкого хозяйства состоит в том, что оно имеет тенденцию к поднятию производительности земли» [16, с. 40]. Характеризуя крупное землевладение, Б.Д. Бруцкус советовал различать две категории земли в этом земельном фонде: «Одна часть, и притом весьма значительная, фактически используется в крестьянских хозяйствах и служит только землевладельцам фондом для эксплуатации народного труда без того, чтобы землевладелец вносил какой-либо творческий элемент в производство» [16, с. 41]. Эту землю необходимо передать в руки трудящихся. Осторожнее надо относиться к другой части земельного фонда крупного землевладения – к той, на которой ведется интенсивное хозяйство. Как ученый Б.Д. Бруцкус видел опасность немедленного отчуждения земель крупных владельцев, советуя тщательно продумать аграрную политику по отношению к таким хозяйствам: «Даже когда мы подходим к организованным крупным хозяйствам, хотя бы и не удовлетворяющим указанным требованиям высокой интенсивности, то все же мы должны разрушать их по мере того, как мы можем использовать сейчас же их земли путем передачи тем, кто эти земли может обработать. Это процесс не простой, ибо крестьянство должно иметь орудия производства для использования отчуждаемой земли» [16, с. 42].

После обсуждения проблемы общей постановки аграрного вопроса съезд принял предварительные наметки будущих мероприятий: 1) земля должна быть изъята из торгового оборота; 2) земля окладывается прогрессивным дифференцированным налогом – тем большим, чем больше размеры хозяйства превышают трудовую норму; 3) крупные хозяйства подлежат принудительному отчужде-

нию; 4) леса и специальные виды хозяйств (племенные, селекционные, технические и пр.) национализуются и находятся в кооперативном или земском пользовании или во временном условном пользовании частных лиц.

Съезд отверг идею безвозмездного отчуждения (или конфискации. – Г.К.) крупных частных владений, которую пропагандировали эсеры. В этой связи Б.Д. Бруцкус предложил: «Пусть они не в народных аудиториях среди серых шинелей, а здесь, с кафедры ученого общества объяснят, как они без всякого вознаграждения сумеют взять землю» [17, с. 43]. Конфискация частных земель расстроила бы не только всю финансовую систему государства (так и случилось в результате реализации мероприятий в аграрной сфере, проведенных Советской властью), но и разорила бы обладателей закладных листов на заложенную в банках землю частных собственников, среди владельцев которых находились и крестьяне. Безвозмездная конфискация привела бы и к смуте среди части крестьян – покупателей помещичьей земли. «Увидев, что теперь помещичьи земли берутся даром, они могут потребовать, чтобы и им вернули заплаченные ими деньги... если взять помещичьи земли даром, то будет совершена несправедливость: у части богатых людей, именно у тех, которые владеют землей, их достояние будет отобрано, а у людей богатых капиталами ничего взято не будет» [19, с. 8]. Предполагалось заплатить за отчуждаемые латифундии столько, чтобы народное хозяйство от этого акта не пострадало.

Возражая своим оппонентам, требовавшим безвозмездного отчуждения земли во имя блага всего народа, Бруцкус заметил: «...у нас часто говорят: мы решаем дело в пользу большинства, меньшинство должно страдать. Но так можно только сорганизовать контрреволюцию. Таких лозунгов бросать в массы не следует» [17, с. 43]. Ученые предупреждали, что раздел землевладельческих земель среди крестьян не устранил малоземелье. Все, что могут получить крестьяне в результате этой меры – это прибавку в одну десятину земли [13]. Таким образом, это не приведет к коренному разрешению аграрного вопроса, малоземелье только смягчится, но не устранился. «Расширить крестьянское землевладение надо, но одного расширения крестьянского землевладения мало; самое важное – это улучшение крестьянского хозяйства и повышение производительности труда» [13, с. 244], – неоднократно отмечал А.А. Кауфман.

Рассматривался и вопрос об условиях передачи земли крестьянам. Представители социалистических партий выступали за бесплатную передачу, в то время как кадеты и ученые-аграрники, тяготевшие к позиции этой партии, были против бесплатной раздачи земли крестьянам, обосновывая свою позицию тем, что «крестьянство должно

определенно ощущать, что оно получает важную народнохозяйственную ценность... Всякий, получающий землю, должен сознавать, что он берет на себя обязательство перед народным хозяйством, выражающееся в платеже за землю» [17, с. 43]. Однако государство может предоставить известные льготы тем, кто пользуется землей в пределах потребительской нормы [17, с. 43], но пользование землей сверх нормы должно быть оплачено, «ибо никто не вправе пользоваться национальным достоянием, не используя своих обязанностей перед государством» [17, с. 43]. Не следует забывать, что «если в демократии народу принадлежит вся власть, то на него же падает великая ответственность, и если народу передаются в распоряжение важнейшие орудия производства, то не мешает сказать ему и о падающих на него перед государством обязанностях» [17, с. 44].

Исключительная важность земельных отношений для России диктовала крайне осторожный подход к ним. Ситуация усугублялась тем, что коренная ломка земельных отношений могла бы вызвать резкое понижение эффективности сельскохозяйственного производства, что в условиях войны означало подрыв продовольственного обеспечения фронта и тыла.

Февральская концепция аграрной реформы имела мало шансов на успех, так как реалистические планы соседствовали в ней с популистскими лозунгами и утопическими рекомендациями, принятыми под воздействием радикализованных масс, втянутых в политическую жизнь страны. «Революции, — отмечал П.В. Волобуев, — отличаются от обычных периодов истории тем, что порождают в массах огромные, нередко несбыточные ожидания. И горе революционным правителям, если они обманывают эти ожидания — последние тогда действуют по закону бумеранга. Так произошло и в России в восьмимесячный период правления Временного правительства» [1, с. 11–12].

Библиографический список

1. Волобуев П.В. Историческое место Февральской революции // 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция. Проблемы истории Февральской революции. Материалы первой сессии. Февраль 1992 года / под ред. проф. В.А. Корнилова. — М., 1992. — С. 3–16.
2. Воля народа. — Пг. — 1917. — 20 мая.
3. ГАРФ. — Ф. 1796. Главный земельный комитет. — Оп. I. — Д. 2. — Л. 35, Л. 147–149.
4. ГАРФ. — Ф. 1796. Главный земельный комитет. — Оп. I. — Д. 10. — Л. 1–3.
5. ГАРФ. — Ф. 1796. Главный земельный комитет. — Оп. I. — Д. 109. — Л. 16.
6. ГАРФ. — Ф. 4100. Министерство труда Временного правительства. — Оп. 3. — Д. 30. — Л. 7; Ф. 1788. Министерство внутренних дел Времен-

ного правительства. 2 марта — 26 октября 1917 г. — Оп. 1. — Д. 35. — Л. 12.

7. Главный земельный комитет. Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Вып. 1–2. О крупном землевладении. — Пг., 1917. — 121 с.

8. Главный земельный комитет. Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Вып. 2. Нормы земельного обеспечения. — Пг., 1917. — 135 с.

9. Главный земельный комитет. Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Вып. 3. О крупнокрестьянских хозяйствах. — М., 1917 г. — 130 с.

10. День. — Пг. — 1917.

11. Известия Главного земельного комитета. — М., 1917. — № 1. — С. 9; Власть народу. — Пг., 1917. — 20 мая.

12. Известия Главного земельного комитета. — М., 1917. — № 2–3.

13. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. — 2-е изд., доп. — М., 1918. — 267 с.

14. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / пер. с англ. — М.: Республика, 1993. — 384 с.

15. Лига аграрных реформ. Основные вопросы аграрной реформы на 2-м Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. — М.: Универс. б-ка, 1917. — 44 с.

16. Лига аграрных реформ. Органы земельной реформы: земельные комитеты и Лига аграрных реформ. — М.: Универс. б-ка, 1917. — 48 с.

17. Лига аграрных реформ. Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. — М., 1918. — Вып. I.

18. Лутохин Д. Земельный вопрос в деятельности Временного правительства // Записки института изучения России. — Прага, 1925. — С. 346–369.

19. Рожков Н. Как должно распорядиться землей Учредительное собрание. — М., 1917.

20. Великая революция и аграрный вопрос. Материалы и документы / собрал В.Л. Львов-Рогачевский; с предисл. Н.В. Валентинова и библиогр. лит. по аграр. вопросу И.В. Владиславлева. — М., 1917. — Вып. I. — 66 с.

21. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). — М.: Мысль, 1977. — 366 с.

22. Першин П.Н. Аграрная революция в России: историко-экономическое исследование. Кн. I. От реформ к революции. — М.: Наука, 1966. — 490 с.

23. Цифры о России. Землевладение. — 3-е изд. — Пг., 1917. — 19 с.

24. Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. — М.: Книга, 1991. — С. 120–153.

25. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — Ч. 1. Март–октябрь 1917 г. — 692 с.; Ч. 2. — 703 с.; Ч. 3. — 702 с.

ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРАКТИК ПЛОДОИЗГНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В 1920-х гг. (на материалах Западной Сибири)*

В статье раскрываются причины актуализации практик плодизгнания (легальные и нелегальные аборт) среди сибирячек в связи с реализацией государственной семейной политики в Сибири в 1920-е гг. Автор рассматривает особенности внедрения политики в области медицинских аборт в Сибири, показывает отсутствие альтернативных аборт предложений планирования семьи. В статье приводятся новые данные о состоянии этого вопроса среди крестьянок-сибирячек и «адаптации» этих медицинских практик у деревенских «бабушек». Автор статьи показывает, все лицемерие политики советской власти по отношению к населению страны, ведь декларируя свободу женщины в распоряжении собственным телом, в том числе и в принятии решения по планированию семьи, государство пыталось решить вопросы восстановления народного хозяйства и перехода к курсу индустриализации. Иллюзорная свобода прокреативного выбора, практически без альтернативных вариантов, сформировала тактику планирования семьи в Сибири и России в целом на протяжении XX в. На фоне общей дезорганизации семейной жизни, падения морально-нравственных установок все же довольно незначительная часть сибирских крестьянок, по сравнению с горожанками, обращались к новому для них способу регулирования рождаемости, при этом предпочитая «бабушек». Сельское население в 1920-х гг. не было готово активно пользоваться новыми законодательными возможностями, все еще придерживаясь традиционных взглядов на этот вопрос.

Ключевые слова: планирование семьи, практики плодизгнания, аборт, раскрепощение женщин, телесность, 1920-е годы.

Молодая советская власть впервые в мировой практике 18 ноября 1920 г. легализовала медицинский аборт по медицинским и социальным показателям. Постановление Наркома здравоохранения «Об охране здоровья женщин» [12] подкрепляло политический проект по «раскрепощению женщины», целью которого было выведение ее за пределы семейных обязанностей (жены, матери, хранительницы семейного очага) и добавление функционала общественной работницы и политически активной гражданки [4, с. 43–46]. При этом материнство оставалось репродуктивной обязанностью женщины перед советским обществом. Эксперимент с внедрением медицинского аборта в существовавшее тогда традиционное репродуктивное поведение должен был помочь женщине распоряжаться собственным телом и принимать решения о перспективах собственной жизни, а, по словам В.И. Ленина, аборт являлся охраной «азбучных демократических прав гражданина и гражданки» [10, т. 23, с. 257].

Идеи о половой свободе, дискуссии об обобществлении жен и детей, раскрепощении межполовых отношений и т. д. в Сибири 1920-х гг. воплотились в примитивизации моральных норм, связанных не только с отношениями между полами, но и в отношении собственных детей [3, с. 191–196].

На собраниях 1920-х гг. работников Крайздрава и отделов охраны материнства и младенчества Сибкрая вопрос об участвовавших случаях подкидывания младенцев и криминальных детоубийствах стоял во главе угла. Сотрудники этих госу-

дарственных органов считали главными мерами борьбы с этими явлениями проведение с женщинами консультаций, ассигнование на социальную помощь безработным матерям и матерям-одиночкам (считалось, что именно эта категория женщин более всех склонна избавляться от детей), а также широкое ознакомление населения с методами искусственного прерывания беременности и методами контрацепции [7, л. 11]. Методами предохранения, известными в те годы, сибирский врач П.Б. Болтянская на страницах журнала «Красная сибирячка» в 1929 г. называла химические или лекарственные средства, например, таблетки «Контрацептин», шарики «Контрацептин», паста «Преконсоль». Эти препараты выпускались аптекой Отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава и выдавались по рецепту врача. Были известны и механические средства – колпачки и презервативы. Одновременно с вышеперечисленными контрацептивами, средствами предохранения у населения считались «естественные меры» (прерванный половой акт и пролонгация лактации детей до 2–3-х лет). Однако, как отмечала опытный сибирский врач, последнее средство предохранения является неэффективным: из 100 женщин 60 вновь становились беременными. Важно отметить, что в женской популярной периодике 1920-х гг., кроме этой публикации, автору не встретились другие документы, пропагандировавшие средства превентивной контрацепции [2, с. 12].

Идея планирования семьи посредством противозачаточных средств не стала популярной среди населения Сибири, как, впрочем, и всей страны. В середине 1920-х гг. медработники констатиру-

* Работа поддержана грантом РГНФ № 12-01-00229.

ли резкий рост числа абортотворений как в городах Сибири, так и в сельской местности [1, с. 39].

В дореволюционной России женщине, сделавшей аборт, и лицам, способствовавшим этому, полагалась ссылка на каторгу [15, с. 775]. В целом прокреативное поведение крестьянства до начала его трансформации (1920-е гг.) носило выраженную пронаталистскую ориентацию. Женская фертильность представлялась божественным даром, изменение же репродуктивного поведения у русских считалось страшным грехом [9, с. 42]. В то же время появление ребенка в бедных многодетных семьях воспринималось как отягощение, однако как ни тяжело было бы женщине с детьми, она не решалась вмешаться в процесс беременности и родов [16, с. 192–195; 11, с. 100].

Медицинский аборт, по установкам советских медресов, являлся «неотъемлемой особенностью культурного развития человечества», а законы, регулирующие аборты, – «большим прогрессом советского законодательства» [1, с. 39–42]. На протяжении 1920-х гг. по всей стране прослеживалась тенденция роста числа абортов, появилось много частных кабинетов, акушеров, «специалистов-абортотворителей», а в сельской местности просто «бабушек», не имевших отношения к медицине.

Западную Сибирь рост практик плодотворения, нелегальных абортов, в том числе с летальным исходом, также не миновал. В своей статье «Аборт в деревне» в 1926 г. доктор В.Е. Смирнов из Змеиногорской участковой больницы писал [14, с. 43–47], что в деревне знали три вида различных способов вытравливания плода. Это абортотворные вещества: свинцовые белила, селитра, настойка багульника, можжевельник, чистотел, «мужской папоротник», «сорокапотужная травка» и т. д. Случалось, что крестьянки употребляли эти ядовитые вещества в смертельных дозах, что приводило к летальному исходу. Автор также писал о распространенности на селе «случайных» причин, таких как падение, поднятие тяжестей, битье по животу бутылками и кулаками, «накидывание горшков» и пр. Как отмечал В.Е. Смирнов, оба эти метода широко использовались «бабушками» в деревне с давних времен. Нередко женщины после подобной «помощи» становились инвалидами на всю жизнь. По сведениям доктора, из города от невежественных «специалистов-абортотворителей», перенявших хирургические методы врачей-гинекологов, в деревенскую глушь пришли новые способы изведения плода. «Абортных дел мастера» в деревне по-своему восприняли методы бужирования матки и катеторы: за неимением инструментов «бабушки» использовали «подручные» инструменты. Сам врач сталкивался в своей практике со следующим: березовый прутик из веника или метлы, набивалка гильз Катык, ржавые гвозди, спица от зонтика и т. д. Эти предметы извлекались из полости матки у женщин, которые

приходили в больницу с очень сильными болями и кровотечениями. По словам больных, «бабушки» делали укол в матку и обещали, что «предмет выйдет сам вместе с кровью». В большинстве случаев, писал Смирнов, с так называемым «начавшимся абортотворением» в больницы обращаются разведенные женщины и солдатки, пытавшиеся «скрыть свой позор» [14, с. 43–47].

Сбор статистических данных об абортах начался только в 1924 г. с введения обязательной регистрации женщин, попавших в больницу для производства полного аборта, и женщин, поступивших в больницу с начатым вне больницы (неполным) абортотворением [6, с. 22]. В медицинских журналах 1920-х гг. отмечалось: «Стали делать аборты насильем, не утруждая больную снять галоши, а больные, в свою очередь, стали проделывать аборты между делом, мимоходом» [1, с. 41]. По данным сибирских врачей, женщины, как городские, так и деревенские, в 1920-е гг. продолжали обращаться к непрофессиональным частникам, а не в абортные комиссии. Абортные комиссии (врач-гинеколог и представители женотдела) решали, существуют ли социальные или медицинские показания для искусственного прерывания беременности. Отказы женщинам поступали только в редких случаях, в основном по причине нехватки мест в стационаре.

Врачи-энтузиасты в некоторых городах Сибиряки пытались составить общую картину, характеризующую это явление, опираясь на имеющиеся у них официальные данные прошений в абортные комиссии и карточки пациенток после медаборта. Так, например, врачом П.Т. Приходько [13, с. 19–24] дается характеристика возрастного, социального, семейного состояния женщин, прошедших медицинский аборт в Томской и Судженской больницах в 1925–1926 гг. В больницу обращались женщины от 16 до 46 лет, около 40% из них были с осложнениями после нелегального аборта, что говорит о широкой распространенности и неконтролируемости этого явления. Средний возраст обратившихся за легальным абортотворением (через абортные комиссии) был 32,1 года, у поступивших с нелегальным – 24,3 года. Это значит, что более молодые сибирячки фертильного возраста предпочитали первоначально обращаться за помощью не к врачам, а к подпольным специалистам. Из всех женщин, прошедших медаборт в Томской больнице, большую часть составила возрастная группа от 20 до 30 лет – около 60%, женщин старше 30 лет – примерно 33%, моложе 20 лет – 5%, у 2% – возраст был неизвестен. По семейному состоянию большинство женщин были замужними (87,5%), и лишь 12,5% не имели законных мужей (одиночки, вдовы, девицы), однако сюда были включены и женщины, жившие в незарегистрированном браке. П.Т. Приходько считал, что нестабильное положение женщины в незарегистрированном браке

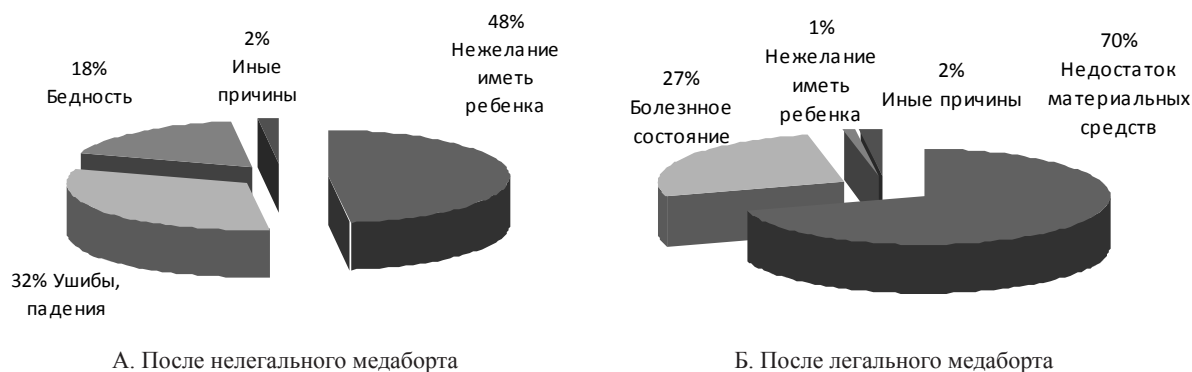

Рис. 1. Причины, толкнувшие женщин на аборт в 1925–1926 гг., по анкетам пациентов Судженской и Томской больниц.

Составлено по: Приходько П.Т. Социальные основы аборт в Анжеро-Судженском районе Томского округа // Сибирский медицинский журнал. – 1927. – № 1. – С. 19–24.

в большей степени провоцирует ее на избавление от ребенка, чем в зарегистрированном [13, с. 24]. Данные о том, что большинство женщин, решившихся на операцию (как легальную, так и не легальную) были замужем, говорит о том, что эта мера не была инструментом скрытия «позора», а вполне осознанным средством планирования семьи.

Врач Приходько в статье приводил причины, по которым женщины шли на операцию (пациентки указывали их сами). Источником стали анкеты пациентов за 1925–1926 гг., в которых была заполнена на соответствующую графу, всего таких анкет было 345 (рис. 1).

Причинами, заставлявшими женщин прибегать к таким мерам планирования семьи как аборт, по мнению акушера-врача, по большей части, являлось нежелание иметь ребенка (как это хорошо видно из ответов женщин после нелегального аборта). В ответах женщин, прошедших через абортные комиссии, эта причина практически не звучала. Однако, как считал Приходько, пациентки приводили такие существенные доводы, как болезненное состояние и недостаток средств, по причине того, что это позволяло получить от комиссии 100 % разрешение, в отличие от эгоистического желания женщины избавиться от ребенка [13, с. 19–24].

Между тем, показатели количества легальных аборт (не говоря уже о нелегальных) к 1925–1926 гг. резко выросли по всей России, не обошло это явление и регионы Западной Сибири (табл. 1).

Почти во всех округах Сибкрая возросло число аборт, в некоторых из них число операций за полгода в 1926 г. превысило общее количество операций, сделанных за весь 1925 г. В 1925 г. женщины с «неполными абортами» (после криминальных) составляли 32% от числа всех операций, в первой половине 1926 г. их было уже 35%. Этот факт говорит о том, что количество женщин, пошедших на аборт выросло не только в специальных медицинских учреждениях, но и у «специалистов-абортистов». Если в 1925 г. отказов со стороны абортной комиссии не было, то в 1926 г. они уже появились, что во многом было связано с низкой пропускной способностью «абортных коек в больницах и абортариях». В Сибкрае за 6 месяцев 1926 г. специалистами абортных комиссий был дан отказ на операцию почти 13% женщин. Эти 420 женщин, по мнению врачей, стали потенциальными клиентками подпольных специалистов. Женщины, которым было отказано в операции по тем или иным причинам, как проследили в красноярской окружной больнице, обычно не останавливались и обращались к «повитухам» [13, с. 19–24].

Унизительное собиание справок для абортной комиссии, придание публичности столь интимному мероприятию, в особенности в узком деревенском мирке, а также возможный отказ в производстве аборт толкали большинство женщин к «народным умельцам». Только по официальной статистике в 1928 г. в Омском округе женщин с начавшимися

Таблица 1

Количество аборт по Сибкраю за 1925 г. и 6 месяцев 1926 г. (легальных, прошедших через комиссии по разрешению аборт)

Округ	1925 г.				6 месяцев 1926 г.			
	Всего	Полных	Не полных	Отказано	Всего	Полных	Не полных	Отказано
Итого	4964	3368	1596	0	4367	2843	1524	420

Составлено по: Отчет о движении аборт в Сибкрае (по данным абортных комиссий) // Сибирский медицинский журнал. – 1927. – № 6/7. – С. 108; По Иркутскому округу сведения отсутствуют.

выкидышами, доставленных в больницы, было 115 на каждые 100 легальных медицинских аборт [8, с. 19].

Аборты хотя и не были редкостью в деревне, однако, по официальной статистике, крестьянок, прошедших эту операцию, было в несколько раз меньше, чем горожанок. В медицинских журналах 1920-х гг. часто встречаются заметки врачей, имеющих дело с начавшимися выкидышами у селянок, которые, в силу меньшей осведомленности и сложившихся традиций, обращались к «бабушкам». С 1924 г., в связи с началом работы госкомиссии по борьбе с абортами, врачи и работники комитетов по Охране материнства и младенчества начинают говорить о вреде абортов для женского здоровья и называть это явление «социальным злом». В 1929 г. в статье «Предохранительные средства от беременности» сибирский врач П.Б. Болтянская писала о несомненном зле абортов, представляющих большой вред для здоровья женщины [2, с. 12]. Выход из ситуации неуклонно растущего числа абортов специалистам виделся в поднятии санитарной грамотности населения, расширении сети женских консультаций, где будет рассказываться о вреде аборта и проводиться широкая пропаганда противозачаточных средств. Врачи с середины 1920-х гг. начали говорить о необходимости устранения абортных комиссий, которые отказом «толкают женщин в лапы повитухам» [13, с. 19–24].

Приняв во внимание сложившуюся ситуацию, в 1929 г. Отдел здравоохранения при ИК Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся принял новую инструкцию о производстве абортов [7, л. 33–39]. В инструкции значилось: отказать от работы абортных комиссий, а обязанности распределения бесплатных абортов возложить на врачей. Врачи должны были действовать по инструкции: все женщины, не лишённые избирательного права, имеющие не менее троих детей, имели право на бесплатный аборт. Социально-имущественное положение женщины определяло очередность на данную операцию. В первую очередь на селе преимущество имели «батрачки», следующими в списке были колхозницы, жены батраков и красноармейцев, далее – «беднячки-единоличницы» и только потом «середнячки». Остальные должны были платить за операцию в зависимости от заработка на члена семьи (от 5 до 30 рублей).

Принципиальным делом в Отделе здравоохранения Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся считали увеличение количества абортных коек, поскольку «задачи вовлечения женского труда во все отрасли промышленности и сельского хозяйства наталкиваются на вопрос “женской заболеваемости” (т. е. время беременности и послеродовой период. – М.В.), дающей большие прогулы работниц и колхозниц, особенно растущих по Западно-Сибирскому краю благодаря

крайне ничтожной сети родильных коек и почти полному отсутствию абортных» [7, л. 33–39]. Пожалуй, в этих словах сосредоточено все лицемерие политики советской власти по отношению к населению страны. Декларируя свободу женщины в распоряжении собственным телом, в том числе и в принятии решения по планированию семьи, государство пыталось решить вопросы восстановления народного хозяйства и перехода к курсу индустриализации. Вот почему среди городских женщин-работниц поощрялись отказы от права на отпуск по беременности, не говоря уже о селянках, привыкших на следующий день после родов приниматься вновь за хозяйство [17, с. 37–38].

Иллюзорная свобода прокреативного выбора, практически без альтернативных вариантов, сформировала тактику планирования семьи в Сибири и России в целом на протяжении XX в. На фоне общей дезорганизации семейной жизни, падения морально-нравственных установок все же довольно незначительная часть сибирских крестьянок, по сравнению с горожанками, обращались к новому для них способу регулирования рождаемости, при этом предпочитая «бабушек». Сельское население в 1920-х гг. не было готово активно пользоваться новыми законодательными возможностями, все еще придерживаясь традиционных взглядов на этот вопрос.

Библиографический список

1. *Благодаров А.А.* Современный аборт // Сибирский медицинский журнал – 1927. – № 5. – С. 39.
2. *Болтянская П.Б.* Предохранительные средства от беременности // Красная сибирячка – 1929. – № 11. – С. 12.
3. *Васеха М.В.* Проявления некоторых аспектов демографической модернизации в деревнях Западной Сибири (по материалам 1920-х гг.) // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные системы и гендерные отношения в прошлом и настоящем. – М.: ИЭА РАН, 2014. – С. 191–196.
4. *Васеха М.В.* Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. (по материалам юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. – Т. 2. – № 4. – С. 43–46.
5. *Вишневский А.Г.* Демографическая модернизация России, 1900–2000. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
6. *Генс А.Б.* Аборт в РСФСР: Доклад на Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества (1–8 декабря 1925 г.). – М.: Охрана материнства и младенчества, 1926.
7. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 46.
8. Еще раз о вреде аборта и мерах борьбы с ним // Красная сибирячка. – 1929. – № 20. – С. 19.

9. Коляскина Е.А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Бийск, 2010. – 283 с.

10. Ленин В.И. Рабочий класс и неомальтузианство // Полное собрание сочинений. – Т. 23. – М.: Политиздат, 1973. – 595 с.

11. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае (XVIII – XX в.). – М.: Наука, 1996. – 296 с.

12. Постановление Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 18.11.1920 «Об охране здоровья женщин» [Консультант Плюс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU;n=26749> (дата обращения 25.11.2014).

13. Приходько П.Т. Социальные основы абортов в Анжеро-Судженском районе Томского округа //

Сибирский медицинский журнал. – 1927. – № 1. – С. 19–24.

14. Смирнов В.Е. Аборт в деревне // Сибирский медицинский журнал. – 1926. – № 2. – С. 43–47.

15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – СПб.: Изд. Н.С. Таганцева, 1898. – 800 с.

16. Фурсова Е.Ф. Обычаи, связанные с рождением ребенка, в среде сибиряков Приобья: прошлое и настоящее (по полевым материалам 1980–1990-х гг.) // Сохранение и развитие русской культуры: семья, язык, общество. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – С. 192–195.

17. Фурсова Е.Ф. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. – Новосибирск: Издательство Ин-та археологии и этнологии СО РАН, 2011. – 424 с.

УДК 069

Данильченко Иван Вениаминович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ivandaniil@mail.ru

ОБЩЕХОЗЯЙСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МУЗЕЕВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1991 ГОДАХ

В статье освещено состояние зданий и помещений музеев Костромской области в 1945–1991 гг. и условия хранения в них экспонатов. Положение музеев области в отношении помещений, условий хранения и ремонта в послевоенное время оставалось практически неизменным. Проблема эта сохранялась долгие десятилетия. Построение экспозиций, сбор экспонатов находились в прямой зависимости от свободной площади фондохранилищ музея. Как в областном центре, так и в районах были сложности в получении музеями более подходящих помещений. Эта проблема десятилетиями решалась так же, как и вопрос ремонта. Если Костромской областной музей, после преобразования в музей-заповедник, в 1958 г. получил здания бывшего Ипатьевского монастыря и смог произвести ремонт (в течение почти десяти лет), то музеи районов оставались в тесных помещениях, не приведенных в должное состояние. За редким исключением в некоторых райцентрах выделялись более просторные помещения, но в таких же ветхих зданиях. Некоторые музеи, располагаясь в сооружениях, признанных памятниками архитектуры светского или церковного значения, не имели даже водяного отопления вплоть до начала 1980-х годов. Развитие районных музеев зависело от благосклонности местной власти.

Ключевые слова: музей, музейное здание, памятник, реставрация, экспозиционная площадь, экспонаты.

Без знаний о состоянии музейных зданий и помещений, условиях хранения экспонатов невозможно сложить целостное представление о развитии музейного дела в нашем крае. Построение экспозиций, сбор экспонатов во многом зависели от того, насколько была велика площадь музея. Эти факторы оказывали сильное влияние на работу музеев в период 1945–1991 гг.

После окончания Великой Отечественной войны первоочередной задачей всех музеев являлось восстановление приостановленной в военные годы музейной работы. Для чего требовалось получить здания и помещения, привести в порядок законсервированные фонды и разместить их в хранилищах. И только после этого сотрудники музеев могли приступить к развертыванию экспозиций и выставок [27, л. 34].

Костромской областной музей, занимая здание бывшего Романовского музея (построено в 1913 г. изначально как музейное), имел три этажа. Однако и в таком здании не хватало экспозиционной

площади. Не было отдельного помещения для библиотеки. При музее отсутствовали лаборатории и мастерские. Еще три зала временно, как предполагалось, занимала Костромская картинная галерея [24, л. 1].

Несмотря на специальное здание, условия хранения фондов в Костромском областном музее не являлись идеальными. Зимой 1945/46 гг. музею не хватало топлива [25, л. 3]. Помехой в работе на тот момент являлись холод, пыль, что стало причиной порчи экспонатов [25, л. 11]. Часть более ценных и легко поддающихся порче предметов успели переложить газетами, пересыпать нафталином и перенести в сухое помещение. Для книжных фондов не было специального помещения – книги хранились в шкафах по коридорам, а часть – в канцелярии [27, л. 36–37]. Для фондов было выделено отдельное помещение, в котором экспонаты размещались в шкафах, на стеллажах в открытом виде [24, л. 13].

В 1946 г. областной музей провел текущий ремонт устаревшего печного отопления и канализа-

ционной системы, которые в дальнейшем еще требовали капитального ремонта. В отделе природы и историческом отделе частично побелили залы, а также покрасили фасад музея [27, л. 35].

В октябре 1950 г. в порядке взаимопроверки деятельности музеев проводилось обследование Костромского областного музея. В комиссию входили: заместитель директора и заведующий отделом истории Ярославского областного музея, представитель отдела культпросвет работы при облисполкоме г. Костромы [29, л. 1]. Комиссия пришла к выводу, что Костромской музей занимал одно из лучших зданий города, хорошо отремонтированное, с недавно подключенным паровым отоплением. Всего на трех этажах музей имел девять довольно просторных экспозиционных залов. Фонды располагались в отдельных помещениях, которые запирались и опечатывались заведующим фондами. Среди недостатков в работе музея комиссия нашла отсутствие помещения для библиотеки [24, л. 24].

Дополнительные помещения Костромской областной музей получил за счет открытия в 1946 г. своего филиала в Троицком соборе бывшего Ипатьевского монастыря. Но собор добавил только выставочную площадь [21, л. 11].

Недостаток свободных помещений подтолкнул директоров Костромского областного краеведческого музея и Костромской картинной галереи в 1954 г. писать в Управление музеев РСФСР с просьбой объединить оба музея. Это дало бы и дополнительные площади, и дополнительный штат работников. Но после рассмотрения вопроса на министерском уровне в объединении было отказано [3, л. 1].

Если Костромской областной краеведческий музей занимал специальное каменное трехэтажное здание, то музеи периферии специальных помещений не имели. Размещаясь в приспособленных зданиях бывших церквей, старых особняков, большинство районных музеев нуждались в капитальном ремонте, так как в годы войны, а иногда и более, они не ремонтировались [27, л. 34].

Здания, помещения и условия хранения в районных музеях Костромской области за полтора послевоенных десятилетия практически не изменились. Чухломский краеведческий музей располагался в бывшем купеческом доме площадью 200 кв. м. Условия хранения фондов были неудовлетворительными [18, л. 3–4]. Здание требовало срочного ремонта с заменой половых балок и перестилкой полов, а также перекладкой всех печей, пришедших в полную негодность [27, л. 35]. Была попытка в 1961 г. перевести музей в здание военкомата. Но в результате, после ремонта старого помещения, музей вернули обратно. Директор музея Г. И. Лебедев, недовольный этим решением, писал, что «в отношении помещения для музея наши ру-

ководители поговорили везде и всюду много прекрасных слов, но в результате пришли к выводу и предложили мне снова перебраться туда, где я был до этого» [1, л. 12].

Буйский краеведческий музей размещался в помещении в 70 кв. м. В музее не было ни одного свободного квадратного метра экспозиционной площади. Поэтому сотрудники не приступали даже к разработке новых экспозиций [4, л. 6]. Вполне естественно, что создать безупречную экспозицию на 20 кв. м. невозможно. Одна комната посвящалась отделу истории края с древнейших времен до Октябрьской революции. В другой комнате размещалось несколько разделов (сельского и лесного хозяйства, полезные ископаемые, природа края). Коридор же использовался под временные выставки [4, л. 9–10].

Хранение фондов Буйского музея не соответствовало элементарным требованиям. Не имелось оборудованного фондохранилища, из-за чего часть экспонатов пострадала от сырости. Буйский горисполком за послевоенные годы не смог выделить хотя бы временное помещение для фондов. С 1958 г. решался вопрос о предоставлении музею другого, более удобного здания или постройке нового. Нахождение же в старом здании угрожало музею закрытием [4, л. 11].

На 1948 г. Солигаличский краеведческий музей частично занимал здание памятника архитектуры XVII в. – Рождественский собор. Музею принадлежали два помещения верхнего этажа собора общей площадью 232,5 кв. м. Фондохранилище (39,5 кв. м) находилось в бывшей церкви под колокольной. Имелось и отдельное жилое помещение для сторожа площадью 22,9 кв. м. Основной же зал собора (летняя церковь) площадью 452 кв. м находился в пользовании религиозной общины. В таком здании было недостаточно естественного освещения, а печное отопление не могло обеспечить требуемой температуры. Поскольку в нижнем этаже находились неотапливаемые склады, то каменные перекрытия под полом промерзали [2, л. 23].

За десять лет в Солигаличском музее ничего не изменилось. В 1958 г. общая площадь музея составляла так же 295 кв. м. Часть помещений пустовала, эти площади и могли бы использоваться музеем, но требовали ремонта [18, л. 2]. Не было даже электрического освещения [6, л. 2].

Кологривский же музей находился в лучшем положении. Он имел общую площадь 600 кв. м, 500 из которых – под экспозициями [5, л. 24]. Фонды были оборудованы шкафами и стеллажами. А библиотека находилась в благоустроенном помещении со шкафами [4, л. 3–4].

Созданный в 1958 г. на базе ансамбля бывшего Ипатьевского монастыря, церкви Иоанна Богослова, часовни у с. Некрасова и собраний Костромского областного краеведческого музея Костромской

историко-архитектурный музей-заповедник не сразу переместился на новое место [19, л. 29]. Он только расширил площади благодаря включению в него новых памятников архитектуры. Основное здание музея-заповедника по-прежнему находилось на проспекте Мира (Романовский музей) [22, л. 50–51].

Переезд Костромского музея-заповедника планировался именно в Ипатьевский монастырь, в котором началась масштабная реставрация. Ремонт проводили в звоннице, в корпусе над погребями. В Троицком соборе, кроме внешней побелки стен, позолотой были покрыты главы, а также заново перекрыта кровля, проведена научно-исследовательская работа по реставрации фресковой живописи. Полная реставрация проведена в здании бывшей богадельни. Таким образом, в 1961 г. музей получил 8 экспозиционных залов общей площадью 740 кв. м [22, л. 36–37].

Реставрационные работы в Ипатьевском монастыре производились несколько лет. Здания, занимаемые жилыми квартирами, одно за другим освобождались от жильцов. В этих отремонтированных помещениях постепенно разворачивались экспозиции по истории Костромы и Костромского края. Монументальные сооружения монастыря были переведены на центральное отопление. С целью решения этой задачи приглашался для консультации профессор из Киева, имевший опыт устройства отопления в Киево-Печерской лавре [30].

С 1 января 1967 г. Костромской музей-заповедник был полностью переведен в бывший Ипатьевский монастырь. Музей располагал теперь 76-ю залами площадью 4134 кв. м [8, л. 1]. Несмотря на полный переезд заповедника, все еще продолжалась реставрация росписей Троицкого собора [20, л. 18].

Результаты реставрации восхищали даже московских архитекторов. В книге отзывов за 1966 г. архитекторы В.М. Моргулис, Л.З. Перхаев оставили такую запись: «Мы восхищаемся размахом и качеством реставрационных работ в Ипатьевском монастыре. Особенно разителен контраст с Ростовским кремлем, где было затрачено много времени и средств, но дело не довели до конца, и все находится в запустении, территория захламлена. Здесь у вас чувствуется вкус, рука архитектора. Скрытая электропроводка, территория не обезображена столбами, зеленый газон, группы камневалунов... Огромная благодарность коллективу реставрационной мастерской и Галереи Густавовне Тороп – главному архитектору!» [17, л. 6].

Ремонт зданий музея шел и в отдаленных районах Костромской области. В Вохомском краеведческом музее завершился капитальный ремонт каменного здания музея, выделенного райисполкомом. В нем было смонтировано центральное отопление и проведен водопровод [9, л. 15]. И хотя

это приспособленное здание бывшей церкви, выставочная площадь была значительная – 285 кв. м. Для хранения экспонатов выделена отдельная комната 63 кв. м [12, л. 5].

Были попытки строительства нового здания для музея в г. Буйе Костромской области. В 1958 г. на строительство уже были отпущены деньги. Но по причине того, что горком и горисполком использовали автора проекта на другой работе, тем самым лишив его возможности закончить проект [5, л. 22].

В следующем 1959 году Буйский музей по-прежнему находился в старом здании и страдал от нехватки экспозиционной площади. В строительстве нового здания местные руководящие органы в итоге отказали [6, л. 10–11]. Но в апреле 1961 г. музей все же получил другое, более просторное помещение площадью в 103 кв. м. Однако помещение нуждалось в капитальном ремонте. Деньги на ремонт нашли с помощью областного управления культуры и областного музея, поскольку горком отказал в помощи [7, л. 11]. На 1978 г. Буйский музей располагался уже в капитально отремонтированном двухэтажном каменном здании площадью 380 кв. м, оборудованном канализацией, водопроводом и своей котельной [11, л. 44].

И в 1970-е гг. во многих музеях и филиалах Костромского музея-заповедника все еще не было оборудованных помещений для хранения фондов. В Солигаличском, Чухломском, Галичском, Островском музеях экспонаты хранились в непригодных, тесных и сырых помещениях, что приводило к порче многих ценностей [10, л. 27]. По этой причине не возвращали в Солигаличский музей после реставрации портреты художника Григория Островского (более известные как «Солигаличские находки», экспонировавшиеся в 1979 г. в числе других портретов на выставке в Париже). Но в короткий срок, за вторую половину 1970-х гг., музей превратился из захламленного помещения в образцовое хранилище. Впервые провели отопление, установив нормальный температурно-влажностный режим, заново построили экспозиции [31, с. 78–79].

Даже в 1980 г. районные музеи пребывали в сложных условиях в отношении зданий. Несколько лет планировалась пристройка дополнительных помещений к зданию Кологривского филиала Костромского музея-заповедника. Чухломский филиал располагался в пожароопасном здании, в котором недопустимо хранение музейных коллекций. Галичский филиал также был пожароопасен [14, л. 6].

Судиславский музей в это время занимал часть (160 кв. м) старого каменного полуподвального здания с печным отоплением. Фондохранилища в музее не имелось, кроме фондовой комнаты в 13 кв. м. Экспонаты хранились на шкафах коридора, в проемах окон экспозиций, что создавало опасность их хищения [15, л. 10].

Несмотря на это, проведенная в 1980 г. проверка Костромского музея-заповедника и его филиалов показала, что за последнее время музейными сотрудниками проделана определенная работа по улучшению учета и сохранности коллекций [13, л. 25].

В 1980 г. в музее-заповеднике появилась другая проблема укрепления береговой линии Ипатьевского монастыря. Из-за устройства в 1956 г. Горьковского водохранилища увеличился уровень воды в реке Костроме. С этого времени в стенах монастыря и Троицкого собора появились трещины [9, л. 5].

Размыв берегового откоса реки Костромы и первое обрушение защитной стенки береговой линии произошло еще в 1971 г. Тогда же был разработан проект укрепления берега, который оставался нереализованным десять лет [28, л. 46–47]. Костромское областное управление культуры в 1976 г. просило Российское специальное научно-реставрационное объединение «Реставрация» изыскать возможность выполнения работ по укреплению конструкций Троицкого собора [9, л. 5]. По-видимому, все осталось без изменений, поскольку два года спустя проседание южной стены Троицкого собора продолжалось [10, л. 25].

Тревогу заби́ли только после обрушения в 1980 г. еще 15 метров стенки. После этого директор специальной научно-реставрационной мастерской А.Д. Ляпин написал письма первому секретарю костромского обкома и председателю облисполкома. Работы по укреплению береговой линии включили в смету 1981 г. за счет средств, предусмотренных на развитие коммунального хозяйства и благоустройства города [28, л. 54].

После обследования в мае 1981 г. Троицкого собора Ипатьевского монастыря комиссия сделала еще одно заключение. При интенсивной эксплуатации собора большое скопление людей вызывает запыление и повышенную концентрацию углекислоты в атмосфере собора, что загрязняет живопись и действует разрушающе на красочный слой. В целях сохранения памятника с 1 июля 1981 г. ограничили экскурсионное посещение собора и запретили посещение собора в неблагоприятные дни (повышенная влажность, дождь, мокрый снег) [16, л. 22].

Запрет посещения Троицкого собора, конечно, вызвал недовольство посетителей. В книге отзывов появились записи туристов с проходящих теплоходов: «При входе в Ипатьевский монастырь нас не предупредили о невозможности попасть в Троицкий собор. В результате мы потеряли время...» [23, л. 4].

Таким образом, мелкий или текущий ремонт музеям требовался постоянно. Из-за трудностей

в отношении зданий, пригодных для музейных целей, возникали и сложности в создании нормальных условий для хранения экспонатов. Даже Костромской областной музей, занимая специальное здание Романовского музея, не имел идеальных фондохранилищ до полного переезда в Ипатьевский монастырь. Районные музеи вообще занимали приспособленные помещения, страдая от острой нехватки экспозиционной площади. В некоторых музеях долгое время сохранялось печное отопление. Проблему частично смогли разрешить к 1980-м гг., немного улучшив условия хранения фондов. Но улучшения эти проводились с помощью выделения помещений в таких же старых зданиях, но с большей площадью и требовавших дальнейшего ремонта.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. Р-1043. – Оп. 1. – Д. 490.
2. ГАКО. – Ф. Р-2523. – Оп. 1. – Д. 279.
3. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 12.
4. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 27.
5. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 34.
6. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 39.
7. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 51.
8. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 97.
9. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 270.
10. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 307.
11. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 312.
12. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 347.
13. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 354.
14. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 367.
15. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 368.
16. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 391.
17. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 70.
18. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 76.
19. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 84.
20. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 87.
21. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 137.
22. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 141.
23. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 172.
24. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 2. – Д. 37.
25. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 913.
26. ГАНИКО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 913.
27. ГАНИКО. – Ф. 765. – Оп. 1. – Д. 917.
28. ГАНИКО. – Ф. 765. – Оп. 38. – Д. 121.
29. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 266.
30. Глебов К. Музей-заповедник // Волжская новь. – 1962. – 7 авг.
31. Ямщиков С. Хранители вечного. Записки художника-реставратора. – М., 1987.

Петрова Ирина Александровна

доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор
Волгоградский государственный медицинский университет
vip@sprint-v.com.ru

Кибасова Галина Петровна

доктор философских наук, профессор
Волгоградский государственный медицинский университет
gakina-kibasova@eandex.ru

ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В современной историографии проанализированы объективные предпосылки Второй Мировой войны, сущность и причины процветания нацизма и милитаризма, давно осужденных международным трибуналом. Но сейчас, на фоне борьбы с международным терроризмом, мы видим насколько сложно народам, стремящимся к миру, объединиться для действенной борьбы против агрессии, насколько опасны идеологические шоры, политика двойных стандартов в международных отношениях. Сегодня на Западе часто задаются вопросом: не означают ли «санкции» возврат к «холодной войне», – не желая замечать, что война давно идет, и совсем не «холодная». В современных условиях роста русофобских настроений в Европе и США, когда повторяются попытки в очередной раз «изолировать» Россию, подчинить ее диктату Западу, особый интерес представляют уроки истории. В статье анализируется процесс эволюции англо-американской историографии и политической пропаганды по вопросам оценки Советско-германского пакта о ненападении 1939 г. На основе широкого круга работ английских и американских историков, а также материалов периодической печати рассматриваются противоречия возникающие в оценках советской внешней политики, показывается, что недалековидная политика «умиротворения» стала одной из причин Второй мировой войны.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, пакт о ненападении, политика «умиротворения», историография.

В наши дни вновь и вновь предпринимаются попытки пересмотреть историю Второй мировой войны, что заставляет в очередной раз обратиться к размышлениям о её причинах. В современной историографии проанализированы объективные предпосылки Второй Мировой войны, сущность и причины процветания нацизма и милитаризма, давно осужденных международным трибуналом. Но слишком болезненные уроки не ушли в прошлое. В современном мире, на фоне борьбы с международным терроризмом, мы видим, насколько сложно народам, стремящимся к миру, объединиться для действенной борьбы с агрессией, насколько опасны идеологические шоры, политика двойных стандартов в международных отношениях.

Развернувшаяся в постсоветской публицистике борьба с советской идеологией не оставила в стороне и внешнюю политику советского государства в предвоенный период. В центре этих политизированных дискуссий оказался Договор о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года, провозглашаемый чуть ли не главной причиной войны. Для «доказательства» подобных взглядов данный документ, как правило, выдергивался из контекста не только военно-политической обстановки, но и контекста развития международных дипломатических отношений, причем не только сколь-нибудь длительных, но и непосредственно ему предшествующих.

Представляется достаточно очевидным, что советская внешняя политика претерпела резкие изменения в период с сентября 1938 года по сентябрь 1939 года. Мюнхенское соглашение и последовавшие вслед за ним англо-германская и франко-гер-

манская декларации, ставшие венцом «политики умиротворения», поставили СССР в позицию нежелательного наблюдателя за стремительным развитием агрессии в Европе. Если ведущую роль в осуществлении политики «коллективной безопасности» советское руководство отводило Лиге Наций, то сразу после Мюнхена деятельность советской делегации в этой организации была практически приостановлена отзывом из нее наркома иностранных дел М.М. Литвинова. Вплоть до марта 1939 года внешнеполитическая деятельность носила характер выжидания и формальных ответов на зондаж позиции как со стороны агрессивного блока, так и их потенциальных жертв. В то же время советские добровольцы вели борьбу с фашизмом на стороне республиканской Испании. Но в марте республика пала. Март 1939 года стал, в какой-то степени, переломным. После ввода немецких войск в Прагу, резко пошатнулись внутриполитические позиции «умиротворителей»: по Англии и Франции прокатились волны массовых демонстраций, требующих отпора агрессии. И.В. Сталин в отчетном докладе XVIII съезду партии дал резкую критику политике «умиротворения».

Летом 1939 года Советский Союз, выполняя свои союзнические обязательства, пришёл на помощь Монголии в войне против японского милитаризма. Опасность войны на два фронта, так же как и ее близость, были очевидны для советского руководства. Об этом красноречиво говорит начавшаяся корректировка планов только что утвержденной на XVIII съезде третьей пятилетки, изменения коснулись увеличения показателей оборонной промышленности.

Во второй половине 1930-х годов отмечается резкое увеличение внимания американцев к сфере международных отношений и характеру внешней политики администрации США. Развитие сентябрьского кризиса и Мюнхенское соглашение на страницах американских газет и журналов, в политической и исторической литературе стали предметом острейшей дискуссии. В Белом доме, в конгрессе США, внутри различных партий, общественных организаций шла ожесточенная борьба по вопросам характера внешней политики США, роли страны на международной арене.

Общественное мнение, так же как и позиции профессиональных политиков, разделилось на две части: «изоляционисты» и «интервенционисты». Первые продолжали традиционную для США линию, настаивая на «невмешательстве» в европейские дела. «Интервенционисты» доказывали необходимость поддержки антифашистской борьбы европейских «демократий». Их позиции, вплоть до начала Второй мировой войны, ослаблялись политикой «умиротворения», проводимой самими европейскими «демократиями». Надо отметить, что и «изоляционисты», и их противники представляли собой весьма неоднородные в социально-политическом отношении группы.

В конце 1938 года, после межсессионных выборов и обострения международной обстановки, в конгрессе США стали более четко просматриваться социальные параметры обеих групп. Среди «изоляционистов» преобладали представители монополий, связанных экономическими интересами с Германией, а также лидеры профашистских и расистских организаций. Большинство «изоляционистов» являлись членами республиканской партии США (А. Ванденберг, Г. Фиш, Д. Гинкхэм и др.). Открытый антисоветизм использовался этой группировкой в своих партийных внутривнутриполитических целях для борьбы с внешнеполитическим курсом администрации Ф.Д. Рузвельта.

На слушаниях в конгрессе в 1939 году «изоляционисты» подняли вопрос о «нарушении» со стороны представителей президентской администрации соглашения «Рузвельт — Литвинов», обвиняя Ф. Рузвельта чуть ли не в сочувствии Советам. Попутно был поставлен вопрос о «долгах» СССР американским гражданам. В целом эта кампания носила открыто провокационный и клеветнический характер.

«Интервенционисты» в конгрессе были представлены членами демократической партии, поддерживаемыми Ф. Рузвельта, занимавшего в то время крайне осторожную позицию, сориентированную на поддержку европейских демократий, и в первую очередь Англии. По мере развития фашистской агрессии «интервенционисты» пришли к признанию необходимости отдельных соглашений с Советским Союзом. После начала Второй миро-

вой войны «коммунистическая угроза» представлялась им эфемерной по сравнению с фашистской. В конечном итоге логика антифашистской борьбы, рост симпатий к СССР как жертве агрессии привели к развитию союзнических отношений с СССР.

Критерием оценки внешней (как и внутренней) политики Советского Союза явилась «доктрина тоталитаризма», в соответствии с которой СССР приравнивался к фашистским государствам и противопоставлялся истинным «демократиям» [1; 2; 9].

Наиболее мощная антисоветская волна в американской печати поднялась после подписания пакта Молотова — Риббентропа. «Наконец, — отмечала влиятельная “Times”, — образовался демократический фронт. Обманный фронт разрушен и антидемократические системы — на одной стороне, а демократические — на другой» [12].

Эту позицию поддержало большинство изданий. Разногласия в оценке пакта касались в основном поиска виновных. Печатные издания концерна Херста обвиняли в этом «английских радикалов, коммунистов, псевдокоммунистов, красных, розовых и лиловых». «Почему Германия заключила договор с Россией, своим социальным и политическим врагом? — спрашивал “Journal American”. — Потому что Германия была не в состоянии заключить мирный союз с Францией и Англией, ее естественными соседями и политическими партнерами» [8, с. 19]. В позиции крайне правых, таким образом, ясно очерчено стремление к созданию единого антисоветского фронта.

Практически близкие по смыслу оценки советской внешней политики мы находим в популярном в предвоенные годы журнале, претендующем на научность, «Current History». Уже в начале 1939 года журнал дал отрицательную оценку Мюнхенскому соглашению. В связи с отставкой М.М. Литвинова редколлегия журнала высоко оценила его борьбу за создание системы коллективной безопасности в Лиге Наций и развитие двусторонних отношений СССР с другими странами. Цель этой статьи была прямо противоположной: единственный человек, который боролся за мир в СССР, устранен; позиция Литвинова не имеет ничего общего с позицией советского правительства в целом [2]. Удивительно, как подобное могло произойти в «тоталитарной» стране! Нагромождением прямой лжи явилась серия статей Л. Лора, опубликованных в 1939–1940 годах. Интересно заметить, что автор выступает против СССР от имени «международного рабочего движения и мировой революции» [1].

Печать США нашла поддержку в политической и исторической литературе. Как это ни странно, но крайне правые концепции были поддержаны бывшими марксистами, такими, как Ю. Лайонс и М. Истмэн. Так, Лайонс утверждал, что предстоящая борьба — «это не борьба между коммунизмом и фашизмом, это борьба за моральные и этические

идеалы, которые не признаются обоими этими движениями». Главный вывод работ Истмэна еще проще: «Сталин – суперфашист» [8, с. 22].

Интересны и книги русских эмигрантов, посвященные рассматриваемой проблеме: как правило, несмотря на крайний антисоветизм, их работы характеризуются более обширной источниковедческой базой, неоднозначностью оценок.

Среди работ русских эмигрантов, в первую очередь, выделим книгу бывшего русского летчика, белогвардейского офицера Т.А. Таракуцио «Война и мир в советской дипломатии», неоднократно переиздававшуюся в послевоенный период. Автор подчеркивает целеустремленность Советского государства в борьбе за мир и коллективную безопасность, анализирует теоретическую базу марксизма. Выделены и обоснованы три направления борьбы за мир в деятельности советского правительства: использование трибуны и аппарата Лиги Наций; заключение двусторонних договоров с «некоммунистическими» странами и налаживание отношений по дипломатическим каналам; борьба за проведение в жизнь тактики единого народного фронта против фашизма [14].

Значительной известностью среди американцев пользовались работы русской эмигрантки В.М. Дин, занимавшей в предвоенные годы пост заместителя директора «Foreign Police Association». Она, в отличие от Таракуцио, достаточно критически оценивала политику «умиротворения», и особенно Мюнхенское соглашение. По ее мнению, политика «умиротворения» закончилась в начале 1939 года. В.М. Дин считала, что советско-германский пакт был наказанием за Мюнхен. Как и многие «интервенционисты», Вера Мишель Дин не отрицала тоталитаризм Советского государства, но доказывала, что во внешней политике СССР руководствуется принципами соблюдения «национальных интересов» [3].

Большое влияние на общественное мнение в предвоенный период оказала книга европейского корреспондента «The New York Times» Кларенса К. Стрейта «Союз сейчас» [7], представлявшего позицию умеренной части «интервенционистов». Находясь под влиянием концепций тоталитаризма, Стрейт ратует за немедленное создание системы коллективной безопасности для отпора фашистской агрессии, отмечая возможность и желательность объединения «демократий» с СССР. К. Стрейт раньше других показал отрицательные последствия Мюнхена и отметил антисоветскую направленность «Пакта четырех», правда, только в плане игнорирования СССР.

В первые дни после заключения советско-германского пакта о ненападении далеко не все американские историки восприняли его как сенсацию, как «взорвавшуюся бомбу». В радиодискуссии, состоявшейся 27 августа, принял участие профессор

Чикагского университета У. Лэвис. Он отметил, что «в результате этого соглашения Россия сохраняет баланс сил не только в Европе, но и в Азии». Его поддержали другие участники дискуссии. К. Райт подчеркнул что СССР «предотвратил окружение со стороны Японии и Германии, и это то, чего он никогда не смог бы достигнуть другим путем». Во время дискуссии была дана отрицательная оценка мюнхенской политики, подчеркнута ее антисоветская направленность. Участники дискуссии подчеркнули, что, если бы Англия, Франция и СССР заключили бы союзный военный договор, то «войну можно было предотвратить» [7]. По существу, участники этого разговора обозначили весь спектр концепций, которые стали господствующими в американской историографии на долгие десятилетия.

Американский либерализм в этот период был представлен журналистами «The New Republic» и «The Nation». В этих изданиях сотрудничали многие известные деятели американской культуры и науки. Журнал «The Nation» в конце августа 1939 года опубликовал письмо известных общественных деятелей «Всем сторонникам демократий и мира» (всего 4000 подписей; в их числе были Р. Кент, Ф. Шуман, М. Лернер, А.Р. Уильямс, В. Шин и др.). В этом письме прозвучал страстный призыв к сотрудничеству СССР и США, Советский Союз объявлялся «форпостом» против войны и агрессии [12]. В воззвании подчеркивалась необходимость бороться с разжиганием волны антисоветизма: «С целью повернуть антифашистские чувства против СССР они (профашистские идеологи) распространяют чудовищную ложь, что СССР и тоталитарные государства практически одно и то же. Таким образом, они надеются создать разногласия прогрессивных сил, чьи объединенные усилия являются делом первостепенной важности во имя поражения фашизма» [9].

К моменту нападения Германии на Советский Союз американцы привыкли к молниеносным победам рейха в Европе. Они начинали понимать ту реальную угрозу, которую нес фашизм всем народам, стали осознавать, что Америке не удастся остаться вне войны. Американское правительство открыто стало на сторону «демократий», приступив к оказанию материальной помощи Англии. Опросы общественного мнения июня-июля 1941 года, проведенные институтом Дж. Гэллага, показали рост симпатий к СССР. Так, 72% американцев желали победы в начавшейся войне СССР и только 4% – Германии. Правда, 44% думали, что победит Германия, лишь 22% опрошенных отдавали победу Советам [6]. За оказание материальной помощи Советской России высказались менее 40% американцев [16].

В этот период произошел поворот в тоне и настроениях средств массовой информации США

в отношении оценки внешней политики СССР. Большинству казалось, что «произошло чудо», и «стало ясно, что о Советском Союзе в последние 20 лет было сказано больше лжи, чем о любой другой нации» [10]. В это время в США широкое распространение получают либеральные внешнеполитические концепции С. Нирина, Дж. Дэвиса, К. Ламонта, А.Р. Уильямса.

Даже в годы «холодной войны» наибольшее распространение в англо-американской историографии получила либеральная концепция Э.Дж.П. Тейлора, обоснованная им в его самой известной книге, выдержавшей на Западе не один десяток изданий «Происхождение Второй мировой войны». По мысли Тейлора, советско-германский пакт «не был договором о совместной агрессии» или «о разделе сфер влияния», в отличие от Мюнхена, СССР сделал то, о чем его так долго просили западные партнеры, а именно «остался в стороне от надвигающегося конфликта». «Более того, – подчеркивает Тейлор, – в определенной степени... пакт был антифашистским, так как ограничивал продвижение фашистской агрессии хотя бы на Восток» [15].

8 ноября 2014 года английская газета «The Guardian» опубликовала статью литовского министра иностранных дел Линаса Линкявичуса «Путин защищает наци-советский пакт. Не пора ли Западу проснуться?», в которой повторяются все наиболее реакционные тезисы «умиротворителей» 1939 года и новых инициаторов «похода на Восток». Однако европейские читатели, включившись в активное обсуждение данного опуса (более 1000 комментариев), в подавляющем своем большинстве дали отпор автору статьи. Сегодня на Западе часто задаются вопросом: не означают ли «санкции» возврат к «холодной войне», – не желая замечать, что война давно идет и совсем не «холодная». Бомбы падали и падают на города Ирака и Сирии, Югославии и Украины, Ливии, Палестины и Израиля. Невольно вспоминаются знаменитые строки Александра Блока:

Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Библиографический список

1. Current History. – 1939. – Vol. 49. – № 6. – P. 17–19.
2. Current History. – 1939. – Vol. 5. – P. 87.
3. Dean V.M. Russia's Role in the European Conflict // Foreign Affairs. – 1940. – March, 9. – Vol. XIX. – № 24. – P. 301–316.
4. Davies J.E. Our Soviet Ally in War and Peace. – N. Y., 1944.
5. Goetz D. Russia and America. Old Friends – New Neighbors. – N. Y., 1945.
6. Hero A.O. American Religious Groups View Foreign Policy: Trends in Rank-and-Fill Opinion, 1937–1969. – Ounham, 1973.
7. Laves W. A Radio Discussion of Europe on the Verge / W. Laves, C. Utley, Q. Wright. – Chicago, 1939. – P. 7–11.
8. Levering R.B. American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1976. – P. 262.
9. The Nation. – 1939. – August, 26. – P. 228.
10. Nearing S. United World. The Road to International Peace. – N. Y., 1945.
11. The New Republic. – 1939. – № 1291. – P. 88–89.
12. The New York Times. – 1939. – August, 24.
13. Streit K. Union Now: A Proposal for a Federal Union of the North Atlantic. – N. Y., 1939.
14. Taracousio T.A. War and Peace in Soviet Diplomacy. – West Point, 1975. – P. 218–226.
15. Taylor A.J.P. The origins of the Second World War. – Harmondsworth, Middlesex, 1974. – P. 246–248.
16. Ward H. The Soviet Spirit. – N. Y., 1944. – P. 10.
17. Warren C. American Attitudes toward Russia // Antioch Review. – 1947. – June. – P. 183–185.

ПЕРВЫЙ НИРАТ В АЮТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ – ПОЭМА «КАМСУАН СИИ ПРААТ»

В статье ставится задача исследовать первое поэтическое произведение жанра *нират* в литературе Аютии – поэму «Камсуан Си Праат», выявить характеристики, присущие этому жанру. В результате анализа сюжетно-композиционных характеристик, а также лингвистического и художественно-стихотворного содержания «Камсуан Си Праат» автор приходит к выводу, что *нират* представляет собою специфический поэтический жанр, которому присущи некоторые черты, сближающие *нират* с такими жанрами, как элегия и путешествие, а поэма «Камсуан Си Праат» обладает спектром своеобразных особенностей, отличающих ее от произведений традиционной тайской литературы.

Детализированное описание картин окружающей природы, красоты возлюбленной, предельно полное отображение внутреннего мира главного героя, вариативность лексики, придающая стройность поэме, ее яркость, сочность, точность, глубина, а также богатство и разнообразие поэтических приемов, таких как эпитеты, метафоры, повторы, анафоры, гармоничное сочетание рифм, доведенных до совершенства, наполняют произведение «Камсуан Си Праат» внутренней красотой и изящностью. Таким образом, данная поэма, созданная благодаря новаторскому таланту придворного поэта Си Праата, по праву является самым выразительным произведением жанра *нират* и служит образцом для подражания авторами многочисленных *ниратов*, написанных в последующие периоды.

Ключевые слова: жанр *нират*, Си Праат, Аютия, «Камсуан Си Праат», тайская (сиамская) литература.

Годы существования Аютии (1350–1767) – время активного становления новых оригинальных поэтических жанров в литературе Сиам, и в частности – жанра *нират*, раскрывающего внутренний мир и душевные переживания человека. Первое произведение такого рода – поэма «Камсуан», созданная выдающейся творческой личностью Аютии – поэтом Си Праатом (XVII в.) [4].

В сиамской поэзии *нират* (от санскритского «разлука») представляет собою специфический поэтический жанр, которому присущи некоторые черты, сближающие *нират* с такими жанрами, как элегия и путешествие, синтез которых позволяет говорить об этом новом, оригинальном направлении тайской литературы. Цель данной статьи – выявление особенностей жанра *нират* путем исследования талантливо написанного произведения – поэмы «Камсуан».

Среди тайских литературоведов до сих пор отсутствует единая точка зрения на дату создания произведения «Камсуан Си Праат», поскольку известен не полный вариант оригинала поэмы, а несколько его рукописных редакций. Сохранившиеся рукописи называются самутами. Они представляют собой листы длиной более метра, сложенные гармошкой. Текст написан разными чернилами. В Национальной библиотеке Таиланда хранится девять дошедших до нас самутов, неравноценных по объему: число стрóf варьируется от 112 до 129 [3, с. 132]. Стили текста каждой редакции принципиально не отличаются. Единое название отсутствует. Во избежание разночтений ученые озаглавили все *нираты* одинаково – «Камсуан Си Праата» [7, с. 5]. Предметом исследования для дан-

ной статьи послужил наиболее полный вариант из 129 стрóf.

Если рассматривать это произведение с сюжетно-композиционной точки зрения, то поэма «Камсуан Си Праат» – лирическое произведение, состоящее из трех неравных частей: вступления, основной части и заключения. В основу сюжета положено, возможно, реальное, а возможно, вымышленное драматическое событие, имевшее место в жизни Си Праата: путешествие (ссылка) поэта, полюбившего главную королевскую наложницу Си Тьюлалак, в провинциальный город Накхонситхаммат.

В первой части *нирата* – вступлении – читатель узнает о том, что главный герой – сам автор – с тяжелым сердцем покидает возлюбленную и отправляется в далекое морское путешествие, во время которого сочиняет поэму. Следуя каноническим правилам жанра, поэт воздаст хвалу величественному городу, небесам и Будде, воспекает великолепие и роскошь храмов и дворцов Аютии:

О, Аютия! Ты чтима в небесах и в высях горных.

Благодаря благим деяниям монархов

Возведены прекрасные дворцы и храмы Индры,
Обильно позлащенные снаружи и внутри¹ [5, с. 161].

Вторая часть поэмы – основная. Она значительно больше других по объему и несет главную эмоционально-смысловую нагрузку произведения. В ее сюжетно-композиционном строе прослеживаются черты жанра путешествия: непосредственное описание странствий главного действующего лица, коим является сам Си Праат. Внешний план произведения представлен активным перемещением героя в пространстве, о чем и ведется повествование. Внутренний план проступает в столь подробном описании чувств и переживаний путе-

шественника, что элементы прямого перемещения уже не имеют решающего значения. Следовательно, в *нирате* «Камсуан Сии Праат» впервые происходит смещение акцента с внешнего плана на внутренний, что совершенно нехарактерно для более ранних классических произведений сиамской поэзии. Эта особенность сразу же выделяет *нират* среди других традиционных аюттйских жанров.

Каким же образом Сии Праат акцентирует позиции внутреннего мира героев? Исследование показывает: посредством новаторского применения ряда литературных приемов.

Первый прием – многочисленные риторические обращения. Например, описывая свои чувства, вызванные разлукой с возлюбленной, постоянно думая о девушке на протяжении всего морского похода и восхищаясь ее красотой, автор мысленно обращается к Сии Тьюлалак с восклицаниями:

О, моя дева прекрасная!

Доверю тебя океанской волне – и что же тогда?.. [5, с. 162].

Моя единственная путеводная звезда!.. [5, с. 172].

О, райская дева моя!.. [5, с. 190].

Второй прием – возвышенное литературное сравнение. Говоря о силе и глубине любовных переживаний, поэт сравнивает себя и Сии Тьюлалак с эпическими героями Рамой и Сидой, Сутхоратхану и Тьинрапрапхой, Самуттакотом и Пхинтхумбоди, известными каждому тайцу как образцы искренних чувств [3, с. 141]. Он проводит параллель между их переживаниями:

Бесконечно преследуют лики двух королев:

Пхинтхумбоди и Тьирапрапха, что живут одиноко
в пышном дворце.

Так же, как и я, обреченные, счастья они не вкусили.

О, красавица! Так же, как я, разлучены они
с половинками своими вторыми
И очень страдают [5, с. 183].

Однако легендарные герои воссоединяются со своими возлюбленными. Сии Праат в глубине души тоже надеется, но все надежды напрасны. Окружающий мир, словно нарочно, усиливает боль потери, постоянно напоминая о любимой Сии Тьюлалак – о ее волосах, коже, запахе, что причиняет герою невыразимые страдания:

Дальше плыву. Воздух наполнился

Благоуханным дыханьем сандала.

Этот чарующий запах, в памяти

Кожи родной аромат оживляя, так стоек! [5, с. 165].

Третий прием является авторским и поистине революционным. Сии Праат впервые в истории аюттйской поэзии допустил нарушение фабульной последовательности и начал разворачивать разновременные события попеременно: повествование «Камсуан Сии Праат» всё время возвращается из момента совершающегося действия в разные предыдущие временные пласты, потом опять обращается к настоящему, чтобы тотчас же вернуться в прошлое. Эта уникальная особенность свидетельствует о том, что *нират* создавался в форме свободной композиции, которая, фактически, мо-

тивирована воспоминаниями героя. Поэтому и соотношение времен здесь совсем иное. В «Камсуан...» мы наблюдаем столкновение прошедшего и настоящего. Прибегая к ретроспективе, поэт синтезирует целый комплекс переживаний, чувств, вкладывая в уста героя воспоминания о былых временах, о любимой девушке, о той поре, когда они были счастливы, – всё это Сии Праат усиливает описанием реальной красоты природы и переживает как некое условное настоящее. Одновременно поэт описывает и реальное путешествие, в которое был отправлен. Таким образом, мы наблюдаем как бы два события: одно – фактическое – поездка героя из одного пункта назначения в другой, и второе – нереальное – путешествие в мечтах и думах героя. Оба события налагаются друг на друга, но в то же время противопоставляются одно другому. Первое путешествие – фактическое – устремляет поэта вперед, а второе – нереальное – постоянно тянет в прошлое. Место и время в *нирате* осязаемы и составляют единую канву поэмы. Все слито воедино, рисуя окружающую действительность со всеми достоинствами и недостатками.

Еще одно новаторское открытие Сии Праата, наблюдаемое во второй части произведения, – огромное усиление роли внесюжетных элементов, в результате чего именно на них смещается центр тяжести читательского внимания. По объему внесюжетные элементы занимают большую часть текста. Описание окружающего мира, картин природы, быта и традиций автор мастерски переплетает с описанием интимных и тонких чувств. Автор очень педантично, пунктуально и детально фиксирует все увиденное в мельчайших деталях. Такие пейзажные зарисовки во многом несут психологическую нагрузку, создают особый настрой восприятия текста, являются фоном, помогая раскрыть внутреннее состояние главного действующего лица. Благодаря этому читатель может в полной мере осознать трагедию героя, ощутить его эмоциональное напряжение и внутренний конфликт.

Третья часть поэмы – заключение – представляет собой одну строфу. Там не содержится какой-то определенной развязки, оно является чисто формальным. Поэт не подводит итог своему путешествию и не сообщает о месте его окончания. Он просто обращается к своей возлюбленной:

Это письмо сохрани под подушкой

И не читай его для развлечения.

Пусть в ночной час, дорогая красавица,

Другом оно тебе станет доверенным.

Вечером каждым его перечитывай,

Если появится время свободное [5, с. 192].

Такое внешне незамысловатое завершение произведения крупной формы, можно предположить, тоже является очередным оригинальным новаторским приемом Сии Праата.

Кроме сюжета и композиции, при воплощении темы/идеи любого художественного произведения

важную роль играет система образов, создаваемая автором. С этой точки зрения *нират* «Камсуан Сии Праат» анализируется далее.

Главным действующим лицом поэмы выступает лирический герой, от имени которого ведется повествование. Он – выразитель мыслей, чувств, идей, эмоций автора – Сии Праата. Это личность пассивная – ничего изменить не может; это не герой-творец, а созерцатель, вынужденный отправиться в долгое безвозвратное путешествие. Он способен только переживать, стенать и плакать, находясь в состоянии бессилия, пустоты и бессмысленности:

Я свой алмаз сверкающий покинул. На улицах разлегся
вечер.

И улиц пустота разбила мое сердце грустью
и печалью... [5, с. 166].

Однако образ главного героя всегда положителен.

Второй по степени значимости герой поэмы – любимая девушка Сии Тьулалак. Этот второстепенный персонаж является собственно адресатом, к которому обращено «послание» главного героя. Второстепенный герой *нирата* не является активным действующим лицом, но он обязательно вызывает у автора трепетные чувства, его образ незримо присутствует в мыслях, воспоминаниях главного героя, к нему беспрерывно обращается автор. В *нирате* «Камсуан Сии Праат» образ возлюбленной прорисовывается довольно ярко, и это касается не столько каких-то черт ее характера, сколько внешности, манеры поведения и т.д.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод: система образов в *нирате* «Камсуан...» является неразвернутой и достаточно своеобразной.

Если исследовать эмоциональную нагрузку поэмы, то можно заключить: самым сильными мотивами *нирата* «Камсуан Сии Праат» является мотивы одиночества, разочарования и утраты:

...Как одинок я, как я раздавлен, как сердце вызывает,
тоскуя!

Душа – словно рабу господин – отдает моим членам
приказы [5, с. 164].

Такая экзальтированная реакция главного действующего лица на явления окружающего мира в некотором роде сближает *нират* с элегией. И в *нирате*, и в элегии устойчивыми чертами являются интимность, внутренняя дисгармония, несчастная любовь, одиночество. Повествование всегда ведется от первого лица – главного героя произведения. Но довольно строгая и ограниченная рамками путешествия композиция отличает *нират* от элегии.

Анализ лингвистического и художественно-стихотворного содержания *нирата* «Камсуан Сии Праат» показывает: с лингвистической точки зрения, произведение «Камсуан Сии Праат» примечательно присутствием большого количества архаизмов, что представляется вполне закономерным.

Архаизмы принадлежат возвышенной лексике и выполняют ее функции: именно они придают поэме элегически-печальное звучание. Помимо архаизмов в целях обеспечения благозвучия Сии Праат целенаправленно использует поэтизмы и заимствования из санскритского, палийского, кхмерского языков, которые одновременно воссоздают исторический колорит эпохи. Тайские слова поэт заменяет более звучными синонимичными словами из других языков. Например, вместо тайских слов [даан¹] – таможня, [ма³муанг²] – манго, [моо²] – чайник автор использует синонимы кхмерского происхождения [кха¹ноон⁴], [са¹ваай⁴], [ча¹нанг⁴] соответственно [3, с. 142]. Это представляет определенную сложность для понимания произведения не только иностранцами, но и самими тайцами.

В области стихосложения Сии Праат также проявил себя незаурядным и очень талантливым новатором, уделяя большое внимание художественной форме стихотворения, его строфической композиции и ритмической организации. Для этой цели он применяет разнообразные художественно-изобразительные средства: метафоры, эпитеты, сравнения, метонимии, олицетворения, параллелизм, антитезу и др. Использование таких художественно-изобразительных средств придает *нирату* «Камсуан Сии Праат» особую выразительность и оказывает максимально сильное воздействие на читателя. Приведем примеры наиболее широко применяемых в *нирате* «Камсуан Сии Праат» художественно-изобразительных средств.

Сравнение:

...Как будто рай приоткрывается перед
глазами смертных [5, с. 162].

...Он словно шлет во все концы тоски известия [5, с. 166].

Риторическое восклицание (особенно большое количество):

О, я умру от неведения! На мачте судна парус... [5, с. 184].

О, сила мощнейшая искреннего обещания! [5, с. 189].

О! Стонет сердце в груди в ожидании судов
многочисленных... [5, с. 189].

Такие риторические восклицания акцентируют внимание на конкретных эмоциях героя, явлениях или предметах. Они как бы «выхватывают» отдельные предложения из общего повествования, придавая им максимальное значение в границах определенной строфы и произведения вообще.

Риторическое обращение (об этом уже говорилось ранее):

О, моя дорогая! Как прекрасны, прелестны ланиты твои!..

...О, дама прекрасная, танцовщица, чайка моя! [5, с. 190].

Риторические обращения в *нирате* помогают передать соответствующее настроение, проникнуться печально-элегическим духом всего произведения. Вместе с риторическими восклицаниями они максимально точно транспозиционируют эмоциональное состояние героя.

Анафора:

Тьяак мaa кээу куу кхам соок кхвэ
Я свой алмаз, сверкающий, покинул.
На улицах разлегся вечер...

Тьяак мaa кээу пхынг пхээ тьай рак мaa мээ

Я свой алмаз, сверкающий, покинул,
что жаркую любовь... [5, с. 166].

Использование анафоры позволило Сии Праату придать больше экспрессивности смежным ритмическим рядам (стихам, строфам) поэмы, что способствовало усилению восприятия читателем состояния души героя и вызывало ощущение личного участия в происходящем.

В поэме «Камсуан» Сии Праат применяет еще один необычный лексико-композиционный прием – лексическую акромонограмму, которая представляет повторение конца предыдущего стиха в начале последующего:

Возлюбленную я покинул – и на душе
от этого мне больно.

Больно, тоскливо: печалюсь постоянно
я в странствии о ней.

Глубоко шип вонзился в грудь мою –
И грудь моя так жестко ноет, что дева милая рыдает
и стенает одиноко [5, с. 167].

При исследовании речевых конструкций *нирата* «Камсуан» выявляется следующее: с точки зрения синтаксиса они довольно простые. В «Камсуане» отсутствуют нагромождения сложных и сложноподчиненных предложений. Напротив, автор апеллирует исключительно к прямым, даже порой излишне кратким фразам, что очень четко, ярко и лаконично передает мысль поэта, показывает передвижение героя, быструю смену времен. Этому способствует также синтаксический параллелизм, усиливающий передаваемые образы. Для придания героям большей реалистичности автор очень грамотно подходит к выбору каждой синтаксической конструкции.

Немного о строфической композиции и ритмической организации произведения. *Нират* «Камсуан» написан в виде четверостиший в размере кхлонгдан баткунчхон и райдан [3, с. 132]. Причем в размере райдан написано только одна строфа, которая пред-

положительно была добавлена к *нирату* «Камсуан» уже в позднее время. Все остальное произведение написано в размере кхлонгдан баткунчхон, строгие и сложные правила которого определяют не только количество слогов в строке и систему рифм, но и позиции слов с диакритическими знаками май-ек и май-тхо, указывающими на тональность слова в зависимости от его первого согласного [6, с. 224]. Такова рифмовка размера кхлонгдан баткунчхон в поэме «Камсуан Сии Праат» (см. рис. 1).

Рифмическая организация *нирата* «Камсуан» Сии Праат тоже очень своеобразна, позволительно даже сказать, уникальна: автор довел стихотворные рифмы произведения до совершенства, которого не удалось достигнуть впоследствии никому. Помимо внешней рифмовки строчных окончаний, Сии Праат безукоризненно соблюдает внутреннюю рифмовку согласных и гласных в пределах каждой строки:

Пхраай пхраай пхратхаат тьяу тьяан тьян тьээм хээ
Дух Будды, словно яркая луна, по трем мирам витает...

Саалаа анеек саанг сээн сау соот хээ
Возведены беседки, темы павильонов,
и множество колонн рядом стоят... [5, с. 161].

Айутхайаа йот йоок фаа фаак дин
Аютя! От небес и до края земного благодать твоя
неизбывна... [5, с. 162].

Йинна мaa йинна тьяак тьяу куу тьеп
Возлюбленную я покинул, и на душе от этого
мне больно... [5, с. 167].

Столь непростая оригинальная рифма представляет значительную трудность при осуществлении стихосложения на тайском языке. Произведения, написанные в таком размере, свидетельствуют о выдающихся способностях стихотворца. По внешней рифмовке оценивается искусство владения техникой стихосложения, а по внутренней рифмовке – красота звучания стиха.

Подводя итог исследования, можно сделать вывод: поэма «Камсуан Сии Праат» обладает спектром особенностей, отличающих ее от произведений традиционной тайской литературы. Созданный благодаря новаторскому таланту Сии Праата, «Камсуан...» по праву является пионером, учредителем, самым выразительным произведением жанра *нират*, а так-

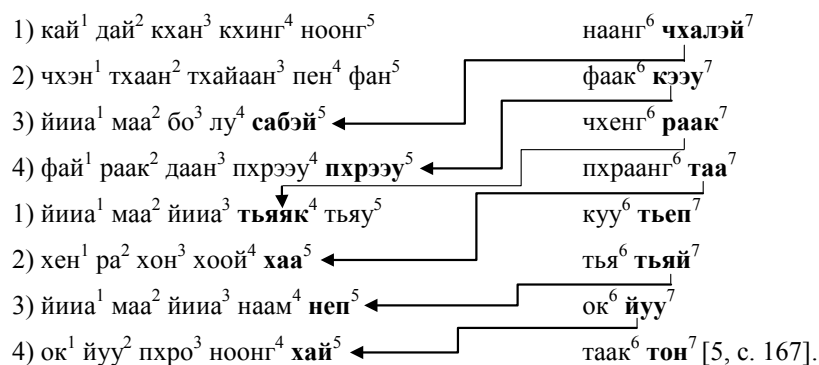

Рис. 1.

же служит образцом для авторов многочисленных *ниратов*, написанных в XVIII–XX вв.

Примечание

¹ Перевод здесь и далее выполнен автором статьи.

Библиографический список

1. *Афанасьева Е.Н.* Буддизм Тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII вв. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 320 с.
2. *Корнев И.В.* Литература Таиланда. Краткий очерк. – М.: Наука, 1971. – 238 с.
3. Нитайа Кантъянаван. Вааннакаам аютхайа (Литература аютхайского периода). – Бангкок, 1996. – 258 с.

4. *Осипов Ю.М.* Таиландская (сиамская) литература. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl6/vl6-6792.htm> (дата обращения: 20.02.2015).

5. Сии Праат / под ред. ассоциации древнего искусства в Ситхаммаратате. – Бангкок: Самнакпхим тонбун, 2009. – 1500 с.

6. Словарь литературоведческих терминов. Стихосложение. – Бангкок, 2009. – 2000 с.

7. Сутьит Вонгтхет. Камсуан самут рыи камсуан Сии Праат пен пхрааачанипхон йюктонкрungsii-айютхайаа («Камсуан Самут» или «Камсуан Сии Праат» является королевским сочинением ранне-аютхайского периода?). – Бангкок, 2006. – 182 с.

УДК 821.09"18/19"

Голубков Андрей Васильевич

кандидат филологических наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького (г. Москва)

andreygolubkov@mail.ru

ФЛОРИЛЕГИЯ И РАПСОДИЯ: К КЛАССИЧЕСКОЙ ПРЕДЫСТОРИИ РОМАНТИЧЕСКОГО ФРАГМЕНТА

Статья посвящена анализу фрагмента как привилегированного жанра и нарративного принципа эпохи романтизма. Для монографического осмысления избираются составленные Новалисом сборники «Цветочная пыльца» и «Предварительный набросок», созданные на рубеже XVIII–XIX вв. Отрывочное, несвязное повествование идеально соответствовало мировоззренческим основам Новалиса и йенских романтиков. Сам Новалис, а также братья Шлегели воспринимали культивируемый ими фрагментарный стиль письма революционной инновацией, однако истоки такого типа повествования обнаруживаются в истории западной словесности в средневековом жанре «цветов», получившем к XVII веку название флорилегия. Изначально флорилегия представляла собой антологию разнообразного (часто школярского) знания. По мере усиления субъективности в эпоху Возрождения активизировалась роль составителя, появились обширные комментарии внутри текста, свидетельством изменений оказывается текст «Опытов» Монтеня, который назвал свое произведение «рапсодией». Посредником усвоения «рапсодической» формы немецкими романтиками стала книга графа Шефтсбери «Смешанные размышления», где фрагмент представлен как метод организации литературного произведения, при котором игнорируются традиционные поэтологические категории художественного текста – начало, кульминация, развязка, интрига и т.д. Такая форма дискурса была популяризирована немецкими романтиками, которые стремились предложить свой взгляд на Вселенную, отвергающий рациональную структуру и порядок.

Ключевые слова: романтизм, фрагмент, флорилегия, рапсодия, Новалис, М. де Монтень, Шефтсбери.

Общеизвестно, что в процессе общения Новалиса и братьев Шлегелей в течение 1797 и 1798 гг. ими была абсолютизирована фрагментарная форма письма; все трое обменивались эпистолярными репликами, которые впоследствии были опубликованы в журнале «Athenäum», став символической точкой отсчета европейского романтизма. В одном письме от 26 декабря 1797 года Новалис описывает своё потрясение от фрагментов Фридриха Шлегеля: «Твои фрагменты настолько новы – они подобны настоящим революционным плакатам. Некоторые меня проняли до кости» [9, т. 4, с. 230]. Далее он пророчески добавляет, что с журналом и публикацией фрагментов «может начаться новый этап литературы» [9, т. 4, с. 241]. Новалис сам размышляет о собственных фрагментарных записках (Bruchstücke), которые он сочинял в течение 1797 года: «Это фрагменты нескончаемого диалога

с самим собой <...> Ты можешь делать с ними, что хочешь. Мне кажется, что содержание их весьма революционно <...> Всевозможные мысли посещали мой разум в течение последних трех месяцев. Вначале это была поэзия, затем политика, потом физика *en masse*». [9, т. 4, с. 241–242]. Новалис собрал эти фрагменты в смесь, назвал её «Цветочная пыльца» («Blütenstaub») и кропотливо работал над «обработкой», но логика отделки принципиально не предполагала навязывания отдельным частям структуры и складывания их в единое целое. Невозможно воспринимать данный сборник как предтекст, набросок к чему-либо, который остался в виде фрагментов по причине невнимательности автора или его охлаждения к проекту: перед нами поистине «набросок к ничему», который самоценен сам по себе именно как собрание частей отсутствующего целого. Мы имеем дело с оторефлектированной и избранной формой организации текста.

Заметим еще одно обстоятельство: именно при подготовке к изданию «Цветочной пыльцы» Новалис стал *Новалисом*, избрав этот литературный псевдоним, который *volens nolens* апеллирует к созданному им тексту. В письме от 24 февраля 1798 года к Августу Шлегелю читаем: «Ежели у вас возникнет желание предать публичной огласке [то, что я посылаю], то я прошу вас подписать это *Новалис* – древним семейным именем» [9, т. 4, с. 251]. Этимология псевдонима отсылает нас к генеалогии автора: в Средние века его предки именovali себя *de novali*, что восходит к латинскому *novalis*, «новая», то есть «отдыхающая» земля. Очевидно, выбор псевдонима неслучаен – *Новалис* призван «оплодотворить» поле, которое долгое время было «под паром», и именно мотив разбрасывания семян появляется в первом же фрагменте цикла: «Друзья, почва бедна, нам надо разбросать побольше семян, дабы получить обильный урожай» [9, т. 4, с. 262]. Новалис выстроил текстовое пространство, в котором представлены не результаты (*плоды*) учёности, но слиты зародыши (*семена*) разных дисциплин – представленные читателю фрагменты хаотично включают рассуждения по поводу философии, поэзии, политики, физики, математики. Новалис стремится к радикальному разрыву с популярным на тот момент рациональным порядком знания, который стал общим местом западноевропейского интеллектуального ландшафта и воплотился в имевшей грандиозный успех французской «Энциклопедии»; он предлагает не структурное разделение дисциплин, но их синтез, пропагандируя возвращение к синкретической стадии примитивного знания, игнорировавшего сегрегацию и иерархичность. Вместо того чтобы обнаруживать различие в вещах (что, в сущности, и является базовой моделью рационального познания мира, идущего от Аристотеля), Новалис предлагает разглядывать их сродство, и хаотичная организация его текста оказывается вполне логичной: «Чудеса и законы природы – в обоюдной связи друг с другом: они взаимно ограничивают друг друга и образуют единство. Они соединяются в том, что взаимно нейтрализуют друг друга. Без естественного хода событий нет чуда и наоборот» [9, т. 2, с. 417]; «Жизнь есть начало смерти; жизнь – из-за смерти. Смерть одновременно начало и продолжение» [9, т. 2, с. 417].

Новалис редуцирует базовый принцип дистинкции вещей – «самость», провозглашая их перманентную зависимость друг от друга и несамодостаточность, в связи с чем возникает резонный вопрос о возможности определения такой новалисовой вещи, ее *называния* и описания; весь этот мир нерасчленённого единства всего во всем могут описать только поэты, они же священники: «Поэт и жрец были вначале едины, и только позднейшие времена их разделили. Но истинный поэт всегда оставался

жрецом так же, как и истинный жрец – поэтом. И не должно ли Грядущее вновь возвратить древнее состояние вещей?» [9, т. 2, с. 441]. На поставленный вопрос Новалис утвердительно ответил, занявшись созданием своей *энциклопедии*, которая возвращает «древнее состояние вещей». Вспомним, что Новалис обучался праву в Йенском университете, а также проходил курс естественных наук в Фрайбургской горной академии, так что мир природы был ему знаком и он, несомненно, был в курсе тех процессов, которые происходили в науке его времени; современники описывали его занятия математикой, сам он признавался в увлечении физикой. Безусловно, Новалис пользовался «Энциклопедией» Дидро и д'Аламбера: во время создания «Цветочной пыльцы» он параллельно составлял выписки. Новалис задумывает энциклопедию, в которой хочет *соединить* все знания и все дисциплины, но в иной манере, нежели это было предпринято Просветителями, очевидно не приемля дистинктивную практики классификации знания. Вот как характеризуется им его работа в письме к Фридриху Шлегелю от 7 ноября 1797 года: «Я рассуждаю об истинах и идеях *en grand*, о том, как прийти к гениальным мыслям, как составить живой научный органон, используя синкретическую манеру ума, о том, как открыть путь к настоящей практике, к истинному процессу соединения» [9, т. 4, с. 262].

«Предварительный набросок» к Энциклопедии (*Allgemeine Brouillon*), составленный Новалисом, представляет собой нагромождение фрагментов в духе «Цветочной пыльцы», исполненных в самых разнообразных жанрах и стилях, о чем говорит и сам Новалис: «Каждая часть моей книги может быть написана разными способами – она может быть во фрагментах, в письмах, в стихах, в виде серьезных научных эссе и т.д.» [9, т. 3, с. 450]. Новалис предполагал, что грядущая энциклопедия должна стать совокупностью знания, в которой науки не будут разделены: «Знание начинается ни с антиномы, ни с биномы, но с инфинитины» (фрагмент 39). Собственно, фраза из «Наброска» предопределяет *син-эстетику* романтизма: «Самыми великими сегодняшними истинами мы обязаны контакту между долгое время разделенными частями тотальной науки» (фрагмент 57). О. Шерер, размышляя над причинами Новалисовой *антиметодичности* (в рационалистском смысле слова), указывал на «завороженность перед разнообразием конкретного» [12, с. 15]. Однако, как думается, дело обстоит значительно сложнее. Несколько раз Новалис указывает на цель своего проекта, которую его же словами (фрагмент 526) можно определить таким образом: «Все H[ауки] – одно» (*Alle W[issenschaft] ist Eine*), а также актуализирует свою цель, фактически сравнивая себя с Коперником: «Все замечательные исследователи – медики, наблюдатели, мыслители – подобны

Копернику, они переворачивают данные и метод, дабы таким образом убедиться, не лучше ли складываются вещи» (фрагмент 61).

Новалис фрагмент за фрагментом обнаруживает свои размышления, которые, в сущности, никак не связаны друг с другом, но именно эта несвязность, кажется, как раз и создаёт подлинный образ вселенной. Фрагменты оказываются идеальным способом намекнуть на Абсолют и его непостижимость. В связи с этим можно говорить о том, что Новалис создает свою энциклопедию, максимально сходную с самой описываемой Вселенной. В связи с этим Новалис, в сущности, снимает вопрос о порядке или беспорядке, ибо они оба исходят из единой концептуальной схемы, которая *придумана* человеческим разумом и не имеет к Вселенной никакого отношения: «Нет ни порядка, ни беспорядка там, где не существует никакой предустановленной идеи в отношении перечисления и разделения вещей» (фрагмент 24). Собственно, Новалис упраздняет основополагающий концепт западного рационализма – в традиционной энциклопедии *нет* реальности, есть ее рационализированное переформатирование, которое полностью игнорирует реальные связи между предметами окружающего мира. Свою революционность Новалис как раз и усматривает в том, чтобы убрать *предустановленную разумом* стратегию сегрегации знания из-за неправдивости получающегося образа мироздания; картина мира, создаваемая поэтом-жрецом, не предполагает иерархизацию бытия, но оказывается «бессистемной системностью» [4, с. 36–45] и обладает преимущественно суггестивным потенциалом, предоставляя самому читателю сиюминутно выстраивать возможные связи между объектами и конструировать собственную Вселенную. Так фрагментарная форма сама оказывается *содержанием* Новалисова проекта.

Неплохо изучен вопрос о ближайших истоках «Цветочной пыльцы» и «Наброска» [6, с. 126–129] и их зависимости от культивируемого в XVIII веке научного дискурса [7, с. 24–47]. Нам же хотелось отметить парадоксальную классичность и традиционность проектов Новалиса: намеренное избрание фрагментарного дискурса и принципиальное пренебрежение порядком, антиметодичность вполне могут быть соотносены с энциклопедической культурой Европы «дорационального» периода. Новалис, безусловно, встраивается в традиционную метафорику, связанную с *цветами* при обозначении компилятивных текстов, хотя апеллирует не к плодам, но к зародышам – семенам, пыльце. «Цветами» назывались многие классические смеси учености, которые сегодня мы обозначаем довольно поздним (появившимся к XVII столетию) словом «флорилегия»; в самой же средневековой и ренессансной культуре использовались различные названия – «Книга цветов» («*Liber florum*»), «Книги сорванных цветов» («*Libri deflorationum*»),

«Цветы рая» («*Flores paradisi*»), «Букет цветов» («*Manipulus florum*»), «Сад цветов» («*Florarium*») и др. Американские исследователи супруги Роузы, дали флорилегиям предельно широкую дефиницию: «*Florilegium* – это сборник отрывков, собранных одним человеком из написанного другими; это новая аранжировка старого материала <...> из разных источников, для разных целей, но без вмешательства в текст» [10, с. 165]. Определение флорилегиям дает и французская исследовательница Ж. Амесс: «Флорилегия – сборник цитат, фрагменты которого взяты из авторитетных источников и не содержат личных ремарок компилятора, чья функция ограничивается отбором и организацией разнообразных выдержек» [5, с. 181]. Норвежский исследователь Мунк Ольсен, как кажется, ближе к истине, *не считая отсутствие комментария* неотъемлемым жанровым принципом «Флорилегий» и указывая на внушительное количество маргинальных и внутритекстовых глосс [8, с. 151]. Сборники флорилегий преимущественно имели образовательную и дидактическую функцию в Средние века, поэтому авторы, входящие в школьный канон, представлены во флорилегиях наиболее часто; школяры, очевидно, составляли основную часть их потребителей, ибо у них часто не было времени для знакомства с полным текстом литературного памятника, а флорилегия содержала все необходимые ««цветы» учености». Мунк Ольсен замечает, что флорилегия в своем «чистом» виде часто подвергалась опасности, ибо составитель неизбежно стремился превратиться в комментатора: глоссы помещались не только на маргиналиях флорилегий, но иногда буквально вторгались в текст.

Разрастание комментария внутри флорилегии привело к почти полному упразднению в них авторитетного текста и их превращению в сплошную глоссу, свидетельство чему – «Опыты» Монтеня, текст декларированно субъективный, автор глоссами *конструирует* в ней собственный сюжет: «Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, и по сей час ещё наслаждаются сладостной свободой изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги – я сам, а это отнюдь не причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному» [2, т. 1, с. 5].

Исключительно интересна рецепция Монтеня текста английской культурой в XVIII столетии. Эта рецепция в значительной степени помогает

нам расследовать обстоятельства эволюции флорилегии к романтическому фрагменту. Энтони Эшли Купер, 3-й граф Шефтсбери, в начале 3-го тома своего сводного труда «Характеристики людей, нравов, мнений и эпох» («The Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times») наряду с предшествующими сочинениями поместил раздел «Смешанные размышления» («Miscellaneous reflexions»)¹. «Смесь» и «опыты» трактуются Шефтсбери не просто как жанр, но как супрапоэтическая «манера письма» (Manner of writing) и «естественное и здоровое производное разума» (the natural and lawful Issue of the Brain). Важной характеристикой такого «прекрасного метода» (happy method) Шефтсбери считает как раз отсутствие метода, спонтанную свободу, несвязанность правилами композиции, жанра, стиля (without examination of the Kind, or Censure of the Form), которые загоняют в канон и стандартизируют мысль. Шефтсбери отмечает, что «манера смеси в настоящее время на подъеме» (the Miscellaneous Manner is at present in the highest esteem). Первое положительное качество, которое Шефтсбери усматривает в этой манере письма – стимулирование *inventio*; смесь способствует проращению семян остроумия (*wit*) у авторов [11, т. 3, с. 1–2]. Шефтсбери вполне в духе средневековых и ренессансных флорилегий говорит о функциональном преимуществе смеси – автор из различных цветов культивирует прекрасный сад, актуализируя еще античное, идущее по крайней мере от Сенеки и Макробия сравнение писательского мастерства со сбором пчелой нектара и его последующей переработки в мёд. Вспомним известный фрагмент Сенекова текста: «Мы должны подражать пчелам: вычитанное из разных книг разделять, потому что порознь всё сохраняется лучше, а потом, употребив все тщание и все способности ума, слить разные пробы и добиться единого вкуса, так что, даже если будет видно, откуда что-то взято, оно должно выглядеть иным, нежели там, откуда было взято. Ведь то же самое в нашем теле делает без нашего старания сама природа» [1, с. 68].

В сущности, эволюционную стратегию флорилегии можно описать как все более усиливающееся стремление переварить нектар и произвести мёд; чистый нектар как таковой становится менее востребованным: флорилегия перерастает функционал хранилища информации, но оказывается способной развернуть авторский сюжет (такую возможность продемонстрировал Монтень). Подобный способ литературного творчества, в котором автор предстаёт создателем бесконечного комментария, Шефтсбери сравнивает с ткацким делом, когда на основе существующих элементов оказывается возможным создание новой композиции. В получившихся согласно новому методу произведениях нет ни начала, ни середины, ни заключения, которые всегда наличествуют у текста, выстроенного

согласно риторическим или поэтическим моделям; более того, Шефтсбери даже лишает новые тексты права именоваться собственно художественным произведением, избирая для них другое наименование: «Это простая рапсодия, а не произведение, и чем более она будет принимать вид настоящего произведения, тем она станет более объектом насмешек» [14, с. 260]. Что примечательно – Шефтсбери заимствует наименование «рапсодия» напрямую из Монтеня, который так назвал свои «Опыты»: «Нет предмета, сколь бы ничтожен он ни был, который оказался бы неуместным среди этой моей причудливой смеси» [2, т. 1, с. 41].

Безусловно, Новалис своим творчеством, и прежде всего фрагментами, открыл новую страницу в истории европейской литературы, но в то же время говорить о радикальном *разрыве* с классической традицией контрпродуктивно. Романтизм не творился *ex nihilum*, и мы вправе говорить о «классичности» и даже традиционности творчества первого немецкого романтика, абсолютизовавшего уже разработанную в классической культуре «рапсодическую» форму литературного произведения.

Примечание

¹ На русском языке существует издание трудов Шефтсбери: Шефтсбери. Эстетические опыты. – М., 1975; в нем интересующие нас фрагменты не представлены. В то же время большое значение имеет вступительная статья А.В. Михайлова «Эстетический мир Шефтсбери» к данному тому [3, с. 7–77]. В частности, для нас важны размышления А.В. Михайлова о влиянии Шефтсбери на немецких романтиков и Гёте.

Библиографический список

1. Луций Аней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / пер. и прим. С.А. Ошерова. – М.: Наука, 1977. – С. 384.
2. Монтень М. Опыты: в 2 т. – М.: Терра, 1996.
3. Шефтсбери. Эстетические опыты. – М.: Искусство, 1975. – С. 536.
4. Вайнштейн О.Б. Язык романтической мысли. О философском стиле Новалиса и Фридриха Шлегеля. – М.: РГГУ, 1994. – С. 80.
5. Hamesse J. Les florilèges philosophiques du XIIIe au XVe siècle // Les genres littéraires dans les sources théologiques et philosophiques médiévales: définition, critique et exploitation. Actes du colloque international de Louvain-la-Neuve 25–27 mai 1981. – Louvain-la-Neuve: Institut d'études médiévales de l'Université catholique de Louvain, 1982. – P. 181–195.
6. Lacoue-Labarthe Ph., Nancy J.-L. L'Absolu littéraire: Théorie de la littérature du romantisme allemand. – P.: Ed. du Seuil, 1978. – 444 p.
7. Macé S. Enjeu philosophique du conte romantique. Conceptions esthétiques de Novalis. – P.: L'Harmattan, 2003. – 273 p.

8. Munk Olsen B. Les florilèges d'auteurs classiques // Les genres littéraires dans les sources théologiques et philosophiques médiévales: définition, critique et exploitation. Actes du colloque international de Louvain-la-Neuve 25–27 mai 1981. – Louvain-la-Neuve: Institut d'études médiévales de l'Université catholique de Louvain, 1982. – P. 151–164.

9. Novalis-Schriften: Die Werke Friedrich von Hardenbergs. – Stuttgart: Kohlhammer, 1960–2011.

10. Rouse M.A., Rouse R.H. Florilegia of patristic texts // Les genres littéraires dans les sources

théologiques et philosophiques médiévales: définition, critique et exploitation. Actes du colloque international de Louvain-la-Neuve 25–27 mai 1981. – Louvain-la-Neuve: Institut d'études médiévales de l'Université catholique de Louvain, 1982. – P. 165–180.

11. Shaftesbury. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times / 2nd ed. – 3 vol. – L.: John Darby Jr., 1714.

12. Schefer O. Novalis. – P.: Le Félin, 2011. – 276 p.

УДК 821(4).09"19"

Ненарокова Мария Равильевна

доктор филологических наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

maria.nenarokova@yandex.ru

ЯЗЫК ЦВЕТОВ: ОБРАЗ СУХИХ ЛИСТЬЕВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1-ОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена языку цветов – важному культурному явлению 1-ой половины XIX в. Автор рассматривает образ сухих листьев как в европейской, так и в русской поэзии, а также в европейских сборниках эмблем и словарях языка цветов. Утверждается, что образ сухих листьев восходит к барочным эмблемам, символизируя увядание, старость, меланхолию. Анализируется связь французского и английского языка цветов, с одной стороны, с барочной культурной традицией, с другой, с поэзией Франции и Англии в это же время. Исследователь рассматривает соотношение значений, приписываемых сухим листьям в словарях языка цветов, и контекстных значений, возникающих в поэзии. В результате анализа английских и французских поэтических текстов обнаруживается, что контекстными значениями сухих листьев, складывающимися в единый образ, становятся «печаль, скорбь», «одиночество», «беззащитность», «игрушка или жертва страстей», «быстротечность жизни», «смерть». Данные значения образа сухих листьев типичны, в основном, для жанров элегии и басни. Указывается, что контекстные значения образа сухих листьев, характерные для европейской поэзии, были усвоены и русскими поэтами через посредство французской литературы. В русской поэзии 1-ой пол. XIX в. сухие листья обнаруживаются и в стихотворных посланиях, где символизируют спокойное и радостное принятие быстротечности жизни. В статье делается вывод о том, что в русской поэзии значения образа сухих листьев, отражающие синтез английской и французской традиций языка цветов, испытали и влияние русской культуры.

Ключевые слова: язык цветов, сухие листья, Европа, Франция, Англия, Россия, русская культура, русская поэзия XIX вв., русская литература, символика.

О образ сухих листьев распространен как в европейской, так и в русской поэзии 1-ой половины XIX в. Он встречается чаще всего в баснях и элегиях, но иногда и в посланиях.

Барочная эмблематическая традиция рассматривает сухие ветви, листья, цветы, плоды как символы увядания и утраты и чувств, с ними связанных. Так, Бедность изображалась «в виде сухощавой старухи, сидящей на снопе соломы» [5, с. 39]. Голова ее либо «обвита ветвями, коих посохшие листья изображают утрату имени» [5, с. 38], либо ее украшает «венец из засохших цветов» [5, с. 115]. Зима, время всеобщего увядания, сна Природы, сходного со смертью, изображалась как старик «в венце, сделанном из древесных ветвей, с которых спал лист» [5, с. 125]. Есть и иное изображение зимы: «Зима... стоит перед деревом, коего лист уже опал. В одной руке держит сухие плоды» [5, с. 60]. Увядание и утрата пробуждают в человеке печаль, тоску. Эти чувства также выражаются посредством эмблемы: «Меланхолия, представляется в виде старой печальной женщины

ны, сидящей на диком камне, поддерживая рукою голову. Иногда подле нее представляют дерево, с коего листья все опали, для показания, что от Меланхолии разум наш увядает» [5, с. 177].

Система символов барочной эмблематики, в частности ее растительная символика, во 2-ой половине XVIII в. была усвоена так называемым «языком цветов», в котором роль слов, а иногда и коротких предложений, выполняют растения. Возникнув во Франции, «язык цветов», распространился по Европе, попал и в Америку, под влиянием особенностей той или иной культуры приобретал особые черты, поэтому можно говорить о нескольких традициях «языка цветов». Европейские традиции, особенно французская, имеют большое значение для русской культуры, в частности для литературы и изобразительного искусства. «Сухие [букв. мертвые] листья» включаются не во все словари «языка цветов», поскольку это «относится почти исключительно к области любви и дружбы» [14, с. 9] и выражает радостные чувства. Тем не менее их присутствие во французских словарях

можно проследить на протяжении всего XIX в., что более важно, – его 1-ой половины. В книге Шарлотт де Латур «Язык цветов» [12, с. 146], первое издание которой вышло в 1818 г., сухие листья означают «меланхолия». То же значение сухие листья сохраняют во французских словарях языка цветов и в 1832 [16, с. 230], и в 1850 [11, с. 30] годах.

Это же значение перешло и в английский язык цветов, причем Г. Филлипс, автор первой книги, посвященной символике растений, – «Цветочные эмблемы» – пишет о сухих листьях отдельную главу, подтверждая свою краткую расшифровку значения (меланхолия понимается как «печальное и задумчивое настроение» [17, с. 208]) примерами из современной ему английской поэзии.

При всем том, что в словарях языка цветов сухие листья неизменно толковались как «меланхолия» (в английской традиции еще и «печаль»), в поэтических текстах можно наблюдать довольно широкий спектр контекстуальных значений, из которых, собственно, и складывался образ, запечатлевшийся в сознании читательской аудитории.

Если рассматривать текст Г. Филлипса как основу образа сухих листьев для англоязычного читателя, то окажется, что автор иллюстрирует само понятие «меланхолия» цитатами из стихотворений своих современников. Открывает главу строфа из стихотворения безымянного автора «Последний листок». Стихотворение, подписанное лишь буквой Q, было напечатано в издании *Literary Gazette* [15, с. 107] и явно пользовалось большой популярностью у читателей, поскольку его текст в следующем году был перепечатан в литературном альманахе *Time's Telescope for 1826* [18, с. 231]. В этом стихотворении встречаем довольно полный набор значений «последнего листка»: «печальная эмблема унылой скорби» («печаль, скорбь») [18, с. 231], «давно оставлен всеми своими близкими» («одиночество») [18, с. 231], «добыча каждой бури, / Сотрясаемая каждым резким порывом ветра» («беззащитность») [18, с. 231]. Поэт проводит параллель между одиноким листом и собой и обнаруживает, что его судьба еще горше: «И все же – ах! – в то время как множество увлажненных глаз / Обращается на тебя с печальным взглядом, / Добросердечное сострадание не вздыхает мимоходом, / Не роняет обо мне и одной слезы!» [18, с. 231].

Следующая цитата взята из стихотворения Джорджа Крэбба (1754–1832): «Туманное утро становилось холоднее, день был короток, / На вишне едва держался алый лист» [17, с. 208]. Если у Крэбба дается краткое, но довольно реалистическое описание осеннего дня, то цитата из стихотворения Генри Нила (1798–1828) описывает то, что полагается чувствовать осенним днем: меланхолия «никогда не окрашивает / Дух» [17, с. 208], но «только запечатлевает / На нем свой собственный холодный образ» [17, с. 208].

В английской поэзии «сухие листья» приобретали и значение «смерть». В альманахе *Time's Telescope for 1826* было напечатано небольшое стихотворение, автор которого пожелал остаться неизвестным: «Тьма и смерть над миром погружены в раздумья – / Осенние листья шуршат, увядают и опадают, / Зимний ветер, подобно серпу, их все уничтожает; / Сады сняли свой весенний наряд, / И Природа в слезах, в то время как лед и снег / Суть безрадостные и холодные траурные одежды ее одинокой скорби, / Которые сообщают миру омрачающие ее [душу] горести» [18, с. 319].

Во французской поэзии 1-ой половины XIX в. также находим образ сухих листьев, но акценты там несколько иные. Как кажется, для русской культуры одним из важнейших текстов, в котором реализуется образ сухого листка, является басня мадам де Жанлис (1746–1830) «Листья» [13, с. 25–26], входившая в состав сборника «Нравственный гербарий» (1801). Ее произведения были весьма популярны в России.

В основной части басни «Листья» три героя: ветка и два листка, один все еще прикреплен к ветке, другой – сух, легок и летуч. Жизнь сухого листка показана с двух точек зрения. Зеленый листок, которого угнетает его несвобода, завидует «славной судьбе / Счастливого летающего листка» [13, с. 25], ибо он живет, «Следуя склонности, которая им управляет» [13, с. 25]. Называя сухой листок «Счастливым соперником мотылька» [13, с. 25], зеленый листок печалится о том, что сам он «навсегда / прикован к этому дереву в глубине рощи» [13, с. 25]. Другая точка зрения высказывается от лица ветки, к которой все еще «прикован» зеленый листок. Если с точки зрения зеленого листка сухой листок «свободен» [13, с. 26], то ветка считает это мнение основанным на «невежестве и заблуждении» [13, с. 26]. Сухой листок не сам определяет свой полет, «его подгоняет ветер, / Он не направляет листок, а влечет его за собой» [13, с. 26]. На самом деле сухой листок не знает свободы, он «одновременно невольник и жертва» [13, с. 26], и полет его оканчивается «на дне бездны» [13, с. 26]. В последних восьми строках басни одновременно раскрывается аллегория, которая лежит в ее основе, и преподается нравственный урок читателю: «Так же, как наш листок – увя! – юное сердце, / Легковерное и неопытное, / Игрушка страстей, ищущее независимости, / Увлеченное ложной надеждой. / Без сомнения, высшее счастье / Заключается в свободе, / Но насладиться этим благом, коему расточают такие хвалы, / Можно лишь, если неукоснительно укрощать свои страсти» [13, с. 26]. Как видим, к группе значений, придаваемых «сухим листьям», прибавляется еще и значение «игрушка или жертва страстей».

Другой текст, столь же значимый для русской культуры, – стихотворение «Листок» (1815) [9,

с. 190] – принадлежит перу А.-В. Арно (1766–1834) и также относится к жанру басни. Басню «Листок» переводили такие известные поэты 1-ой половины XIX в., как В. Жуковский, Д. Давыдов, С. Дуров [9, с. 191, 193]. Стихотворение представляет собой вопрос и развернутый ответ на него. Собеседник спрашивает «бедный высохший листок» [9, с. 190], куда он летит. Ответ листка и есть основное содержание басни. Листок сообщает, что гроза поразила дуб, который был его «единственной защитой» [9, с. 190], и ветер теперь несет его «своим непостоянным дыханием» [9, с. 190], куда хочет: «Из леса на равнину, / С горы в ложбину» [9, с. 190]. Так реализуется уже упоминавшееся значение «игрушка или жертва страстей». В отличие от басни мадам де Жанлис «Листок» Арно не завершается особым поучением, раскрывающим аллереорию. Поучение высказывается самим листком: «Я иду туда, куда идет всё [все вещи], / Куда идет листок розы, / Куда идет листок лавра» [9, с. 190]. Иными словами, сухой листок «идет путем всея плоти», то есть в небытие, умирает, как проходят и любовь, которую обозначает роза, и слава, символом которой является листок лавра. «Сухой листок» обретает здесь значение «быстротечность жизни».

Еще одно стихотворение, «Падение листьев» [9, с. 202, 204] (1812–1814) Ш.-Ю. Мильвуа, принадлежащее к жанру элегии, также оставило свой след в русской поэзии 1-ой половины XIX в. Оно было известно в переводе Е. Баратынского [9, с. 203, 205] и В. Григорьева [4, с. 248–250]. В стихотворении отсутствует аллегория, хотя его герой, «Печальный и слабеющий с начала своих дней / Юный больной» [9, с. 202], сравнивает себя с чахлым кустиком, который, едва украсившись несколькими цветками, начал увядать [9, с. 204]. Однако «сухих листьев» в стихотворении предостаточно. Первые же строки элегии содержат метафорическое обозначение «сухих листьев»: «Покровом нашего леса / Осень усыпала землю» [9, с. 202] («меланхолия»). Каждый опадающий листок видится герою стихотворения как «предвестник смерти» [9, с. 202], и его ощущение оправдывается: «Последний опадающий листок / Предвестил его последний день [на земле]» [9, с. 204] («смерть», причем безвременная и оттого трагическая).

Все перечисленные выше значения «сухих листьев», которые встречались в европейской поэзии, находим и в русской поэзии 1-ой половины XIX в. Довольно часто встречается контекстное значение «меланхолия». Так, в элегии В. Туманского «Монастырь» «листочки ... / иссохшие травы» [8, с. 135] предвещают появление необычного персонажа: «Тут Меланхолия в вечерний, тихий час, / При шепоте древес, при месячном сиянье, / Сидит, погружена в приятное мечтанье, / На гроб облокотясь» [8, с. 138]. Часто находим контекстное значение «смерть». Челнок в бурном море сравни-

вается с «иссохшим листом» [6, с. 188], и читателю становится ясно, что гибель «пловца» [6, с. 188] неминуема: «туча над рекой темнела и сгущалась, / Ударил гром сильнее – челнок – как не бывал!» [6, с. 188] (И. Подшивалов. «Мечтание»). Ощущение одиночества, неприкаянности появляется в элегии «Одиночество», переведенной В. Григорьевым с французского языка без указания автора оригинала: «Лист с дерева падет, и ветер пробужденный, / Схватив его, несет под небосклон: / И я как лист сухой, землю отчужденный – / Умчи ж меня, о бурный Аквилон!...» [3, с. 156–157]. В стихотворении И. Подшивалова «Песня» герой, оплакивая разлуку с любимой, просит, чтобы «места, где [он] привык ее любить» [7, с. 301], разделили с ним его одиночество: «Я хочу, чтоб лист дубравы облетел» [7, с. 302]. Опадающие листья могут означать «быстротечность жизни»: «Героев прежних нет – и времени рука / Сокрыла смертных роды: / Векам во след – идут века, / Народам вслед – народы. / Так листья вянущих ветвей / Летят за бледными листьями...» [2, с. 226] (В.В. Вердеревский, «Последняя песнь Оссиана»).

В русской поэзии 1-ой половины XIX в. «сухие листья» становятся знаком не просто философского принятия «быстротечности жизни», а ощущения спокойной радости от того, что ход вещей правилен. Таково, например, стихотворение И. Богданова «К родине»: «К вам, мирные поля, из града я спешу, / В места, гордынею забвенью обреченны; / В стране отцев моих свободнее дышу, / Кичливой пышности и блеска удаленный. / Здесь тихих дней моих невидимый поток / Полъется медленно в пространную долину, / Как с древа сорванный, поблекнувший листок, / Летит в безбрежную, воздушную пучину» [1, с. 266]. С этим стихотворением перекликается стихотворение Н.А. Цертелева «Н.Я. За-у», в котором поэт приглашает в гости своего соседа по имени «Душою, мыслями делиться, / Поспорить вместе, помечтать, / Смотреть, как желтый лист упасть с дерев стремится, / Земную нашу жизнь ему уподоблять. / Как лист, все в мире увядает, / Все к своему концу спешит; / И нас уж осень настигает / И скучною зимой грозит! / Так станем же, сосед любезной! / Конца покойно ожидать, / И путь сей жизни скоротечной / Весельем чистым усеивать...» [10, с. 8]. Как кажется, подобное развитие значения произошло под влиянием православного мировоззрения, согласно которому уныние является одним из смертных грехов. Нарочитость уныния, скорби, которым обычно предается герой в жанре элегии, оправдывается требованиями этого жанра, но жанр стихотворного послания, к которому относятся оба вышеупомянутых стихотворения, допускает большую естественность и свободу в выражении чувств, поскольку адресатом послания обычно является человек, связанный с поэтом узами дружбы.

Заимствовав всю палитру значений «сухих листьев» из Европы, русский язык цветов, тем не менее, не реализуется в поэзии 1-ой половины XIX в. механически. Переводы помогают усвоить иностранный материал и создать некое обобщенное представление о символике «сухих листьев», однако в творчестве русских поэтов этот образ развивается и получает новые обертоны, созвучные русской культуре.

Библиографический список

1. Богданов И. К родине // Благонамеренный. – 1821. – № 17–18. – С. 261–266.
2. Вердеревский В.В. Последняя песнь Оссиана // Благонамеренный. – 1822. – № 6. – С. 220–228.
3. Григорьев В. Одиночество // Благонамеренный. – 1821. – № 15. – С. 154–157.
4. Григорьев В. Романс // Благонамеренный. – 1820. – № 22. – С. 248–250.
5. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых Стихотворцев. С французского переведен Академии Наук Переводчиком Иваном Акимовым. – СПб.: При Императорской Академии Наук, 1786. – С. 328.
6. Подшивалов И. Мечтание // Благонамеренный. – 1820. – № 3. – С. 187–189.
7. Подшивалов И. Песня // Благонамеренный. – 1822. – № 47. – С. 298–302.
8. Туманский В. Монастырь // Благонамеренный. – 1818. – № 5. – С. 135–139.
9. Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв. На французском и русском языках / сост. Е.Г. Эткинд. – М., 1969. – С. 614.
10. Цертелев Н.А. Н.Я. За-у // Благонамеренный. – 1825. – № 1. – С. 5–9.
11. L'Ancien et nouveau langage des fleurs. – P.: Le Bailly, [1850]. – P. 108.
12. De La Tour Ch. Le Langage des Fleurs. – P.: Garnier, 1882. (1-е изд. – 1818). – P. 152.
13. Genlis de Mme. Herbar moral, ou Recueil de Fables Nouvelles. – P., 1801. – P. xvi, [1], 144.
14. Leneveux L. Les Fleurs Emblematiques ou leur Histoire, leur Symble, leur Langage. Nouvelle Edition. – P.: Librairie Encyclopedique de Roret, 1855. – P. 346.
15. The London Literary Gazette and Journal of Belles Lettres, Arts, Sciences, Etc. for 1825. – L., 1825. – P. 846.
16. Nouveau Langage des Fleurs, ou Parterre de Flore, contenant Le Symbole et Le Langage des Fleurs, Leur Histoire et Leur Origine Mythologique, ainsi que les plus jolis vers composés a ce sujet Par M. – Bruxelles: Th. Lejeune, 1832. – P. 298.
17. Phillips H. Floral Emblems. – L., 1825.
18. Time's Telescope for 1826. – L., 1826. – P. 332.

РОМАН «ОТАР ИЗ БРЕТАНИ» М. ХАНСЕНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена анализу романа норвежского писателя Мауритца Хансена «Отар из Бретани». Дается обзор творчества Хансена – одного из наиболее крупных норвежских авторов XIX в. Отмечается, что произведения писателя неоднократно переиздавались, а современники высоко ценили его творчество. Выявляется значение данного романа для становления художественной прозы в Норвегии XIX века. Анализируется первый роман М. Хансена, значение которого многократно отмечалось норвежскими критиками и литературоведами. Исследование показало, что Хансен воспринял и переосмыслил традиции европейской литературы, создал первый в Норвегии роман, органично сочетающий в себе элементы готики, рыцарского и криминального романов, романа-воспитания и романтической традиции. В статье делается вывод о том, что роман «Отар из Бретани» является важной вехой в норвежской повествовательной традиции, которая развивалась далее в новеллах и романах М. Хансена и прослеживается в творчестве Камиллы Коллетт, крестьянских идиллиях Б.М. Бьёрнсона, реалистическом романе Йонаса Ли и историческом романе Сигрид Унсет.

Ключевые слова: норвежская литература, Мауриц Хансен, готический роман, роман-воспитание, романтизм, мистика.

Имя Мауритца Кристофера Хансена (1794–1842) было широко известно в Норвегии, а сам он считался одним из наиболее крупных писателей этой страны. В своем поэтическом посвящении Х. Вергеланн, высоко ценивший его творчество, точно передает важность фигуры писателя: «Ликованье, звучи по всему небу: / Счастья нам! Сюда скальд пришел. / Чтобы небесные обитатели радовались, / Любимый наш поэт, ты должен / Поведать нам еще один рассказ!» [13, d.I, b.3, s. 71]. Камилла Коллетт более чем через 30 лет после смерти Хансена в предисловии к своему роману «Дочери Амтманна» утверждает, что он является «крупнейшим романистом, которого мы имеем» [6, s. 6]. Ему принадлежит первая крестьянская идиллия «Рожок», которая долго не сходила со страниц школьных хрестоматий. В нескольких произведениях значительное место отведено криминальному и мистическому элементам, например, «Кедан, или Монастырские руины», «Ютускоппен» и «Убитый жених». Однако наиболее заметно это в романе «Убийство изобретателя Рольфсена», опубликованном в пятом томе «Литературных плодов Норвегии» в 1840 году и неоднократно переиздававшимся.

Н.Я. Берковский писал о Новалисе, что он «подобен открывателю золотой жилы, который, не теряя времени, хочет от нее получить то, что только та в себе содержит» [3, с. 169]. Эту мысль можно в полной мере отнести и к Хансену, который был очень разносторонним и плодовитым автором, писавшим преимущественно прозу, в то время как большинство его современников отдавали предпочтение лирике и драме. После смерти писателя его друг поэт К.Н. Швах опубликовал его литературные произведения в восьми томах.

Профессор Бьёрн Тишдал в своей книге «Искусство рассказчика Мауритца Хансена» (1988) подчер-

кивает значение творчества писателя для становления норвежской литературы, называя его «строителем мостов», благодаря которому «норвежская литература смогла после 1814 года воспринять богатые традиции европейской литературы» [11, s. 198].

«Отар из Бретани» («Othar av Bretagne») (1819) – первый норвежский роман, который, по мнению Вилли Дала, занял бы достойное место в мировой литературе, «если бы был написан на языке, распространенном во всем мире» [7, s. 113], поскольку в нем Хансен соединил традиции европейского готического романа, романа воспитания конца XVIII в. с особенностями романтической прозы начала XIX в. Роман состоит из трех частей, каждая из которых соответствует определенному этапу жизни главного героя: «Ночные видения и утренние сны», «Облака тумана и дневные бури», «Вечерняя роса и утреннее небо». В первой части рассказывается о детских годах Отара, оставленного в крестьянской семье загадочной женщиной. Детство героя беззаботно и радостно, но иная реальность рано входит в его жизнь: мальчиком Отар встречает фантастического карлика, который служит страшному колдуну из подземного дворца. Во второй части Отар становится рыцарем, совершает подвиги, знакомится с прекрасной девушкой, но душа его уже заражена тщеславием, и он вступает на путь нравственного падения. И только в третьей части ему удается обрести счастье и искупить свою вину.

События «Отара из Бретани» начинают развиваться в традициях готического романа. Действие происходит в атмосфере условного Средневековья: в скупом освещенных, мрачных лесах, наполненных коварными разбойниками, или в лишенной всякой географической определенности местности, в зловещих руинах замка, роль которых в сюжетном развитии готического романа обосновал Э. Райло: «Замок сам по себе – один из фокусов

готического романа. Из образа замка он заимствует все свои атрибуты: массивные двери, с грохотом поворачивающиеся на ржавых петлях и неизменно закрывающиеся с гулко отдающимся под сводами скрежетом; мрачные галереи; шаткие лестницы; заброшенные покои и обвалившиеся перекрытия» [10, р. 125]. И если замок – это пассивный элемент в создании атмосферы ужаса в романе, то готический злодей Варлун играет активную роль: «Он рожден, чтобы дополнять старинные развалины, и его природа определена его происхождением. Его задача – преследовать» героя и «угрожать» ему [12, р. 36]. Не случайно вход в его царство расположен именно в старых развалинах замка.

Рождение героя и связанное с ним зловещее пророчество окутаны тайной, которая становится главным организующим элементом романа. Благодаря этому события, кажущиеся случайными в жизни героя, на самом деле оказываются целенаправленными действиями злых сил, борющихся за его душу.

Постепенно в повествовании нагнетается атмосфера таинственности и ужаса. Старый друг по детским играм внезапно кажется Отару зловещим: «В тот же миг он оскалил зубы, и черты его лица уродливо исказились в гримасу. <...> Но чем дольше он разглядывал его, тем страшнее ему становилось» [8, с. 37]. Лицо старого и мудрого Германа также приобретает демоническое выражение. Появление старого рыцаря, пораженного безумием и лишённого памяти из-за нарушения страшной клятвы, приоткрывает читателю завесу тайны, окружающей судьбу героя. Его рассказ о человеке, заключившем сделку с демоном, поедающим детей, и нарушившем ее условия, оказывается историей самого Отара. Сверхъестественные силы, вторгающиеся в жизнь героя, подталкивают действие к разгадке и в финале романа оказываются низвергнутыми.

Через весь роман проходит образ человеческой жизни как игры в шахматы. Уже в первой части книги Уллер рассказывает Отару о шахматной доске своего хозяина Варлуна. Он целыми днями играет в шахматы, которые, по мнению Уллера, являются очень скверной игрой, потому что фигурки на доске выглядят совсем как живые люди. Они плачут и стонут, как будто им больно, но иногда Варлуну не хватает сил сдвинуть фигурку с поля, и тогда «он пытается сдвинуть сначала одну, потом другую фигурку, до тех пор, пока что-нибудь не получится сдвинуть, а затем выстраивает их вокруг той, что не двигается, и она высвобождается» [8, с. 29–30]. Этот образ иллюстрирует борьбу, которую ведут добрые и злые силы за человеческую душу, и вскоре Отар получает подтверждение своего мнения о шахматах, когда видит и свою собственную фигурку на игровой доске, но ужас первых минут сменяется в его душе желанием научиться управлять человеческими судьбами, что становится первым шагом к его нравственному падению.

Хотя произведение имеет структуру готического романа, автор дает романтическую трактовку некоторых элементов: делает акцент на проблеме самоидентификации личности, сложности человеческой психологии – актуальной проблеме именно для романтической литературы. В связи с этим в роман вводится тема двойничества. Отар и Уллер – братья-близнецы, разлученные еще в младенчестве и не знающие о своем родстве. Оба стали заложком в сделке своего отца с дьяволом, но если Уллеру удалось сохранить детскую невинность и злой демон в своем бессилии лишь изуродовал красивую наружность юноши, то Отар с самого начала испытывает большой интерес к темным наукам и легко попадает в расставленные для него сети.

Сказочный элемент также занимает в романе значительное место. Это в первую очередь одновременное существование двух миров – сказочного, где обитают Варлун и его слуги: старый оруженосец Герман и граф Ди Руно, и материального, в котором живет сам Отар. Главный герой проникает в параллельный мир через потайную дверь в развалинах замка в лесу, оказывается в сверкающем дворце и, бросившись со скалы, снова оказывается в хижине у своих приемных родителей. Обе сделки, заключенные в романе, имеют фольклорную основу: сначала отец Отара, находясь в путешествии, обещает отдать незнакомцу половину того, чего у него еще нет, а затем и сам Отар во время сражения принимает помощь ведьмы, не интересуясь условиями, а та требует взамен «разделить с ней ложе».

Вместе с тем образ главного действующего лица дан в произведении в традициях романа воспитания. Н.Я. Берковский пишет о том, что «жизнь с ее событиями служит уже не пробным камнем и средством испытания готового героя. Теперь жизнь с ее событиями, освещенная идеей становления, раскрывается как опыт героя, школа, среда, впервые формирующие характер героя и его мировоззрение» [2, с. 127]. Образ Отара не является статичным, он проходит определенные этапы в процессе своего взросления: беззаботное отрочество в атмосфере любящей приемной семьи; столкновение с реальным миром в юности, когда все его принципы подвергаются различным испытаниям: славой, почестями, деньгами, сладострастием, запретными знаниями и могуществом. Испытания закаляют характер Отара, и на смену разрушительным чувствам, таким как зависть, злоба и эгоизм, приходят благородство, самоотверженность, великодушие.

Писатель делает акцент на особенностях характера героя, показывает, как меняется его внутренний мир. В связи с этим особое внимание в романе уделяется теме любви. С помощью контрастных образов Хансену удается раскрыть совершенно противоположные чувства, испытанные героем. Вл.В. Луков, характеризуя эпоху начала XIX века, пишет о любви как «неистовости, которая может

привести человека на грань преступления и даже заставляет переступить эту грань» [4, с. 136], – эту сторону любви в полной мере воплощает в себе царица Ливии. Она вызывает в герое темную, разрушительную страсть, вовлекающую его в омут порока и нравственного разложения. Ей противопоставлена скромная девушка Ида, которая своей верой, терпением, любовью и добротой вновь вселяет в Отара огонек надежды на спасение и нравственное преображение. Писателю удается показать различие между истинной любовью и демонической страстью, разрушающей личность. Истинная любовь в романе, воплощением которой является Ида, соотносится с христианской трактовкой любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [1, с. 248]. И действительно, героиня, как бы ни отрекался от нее Отар, не только никогда не теряла своей любви к нему, но и старалась поддержать его, даже когда он находился во мраке своих ошибок, ничего не требуя взамен.

Развитие личности героя становится сюжетообразующим элементом повествования, благодаря этому происходит движение сюжета произведения. От выбора, который герой совершит на пути своего становления, напрямую зависит судьба почти всех персонажей, окружающих его. В романе воплощена метафора «жизнь-школа»: становление характера Отара происходит благодаря трудностям и страданиям, которые выпадают на долю героя и становятся своеобразной школой жизни, через которую должен пройти каждый человек.

Отара манят бесчисленные соблазны. Он совершает множество грехов, становится любовником императрицы, заключает союз с силами зла, трижды убивает, и лишь в конце романа, благодаря усилиям вновь обретенной сестры, ему удается одержать верх над своей испорченностью. Он отворачивается от ложной жизни во имя христианской веры. По мнению Бьерна Тишдала, «Отар» «является не пустой имитацией, но экзистенциальным романом. <...> Спор людей на поле боя между Богом и дьяволом, за человека, который может быть спасен только по Божьей милости» [11, с. 50]. Его точка зрения получает недвусмысленное подтверждение в прологе, который открывает роман: «Человек, борясь за жизнь, / Зова мира не услышит; / Для младенца мягок он, / И свой след в рассудок впишет. / И когда, в крови умытый, / Грешник наземь упадет, / Он услышит позабытый, / С детства мира голос тот. / Нужды тяжелой не познав, / Спасен он жертвою Иисуса» [8, с. 26].

Роман «Отар из Бретани» проникнут христианским мировоззрением, и его последнее предложение подводит итог молитве: «Господи, подай нам

Свою милость!» («Gud gi oss alle sin nåde!») [8, с. 168]. Вместе с тем Хансен показывает, что зерно нравственного падения Отара находится в нем самом, в его склонности к пороку, а сверхъестественные силы лишь направляют героя на этом пути: «Отар лишь проклинал свою несчастную судьбу, искал порок везде, но только не в себе, совсем забыв, что корень всего этого лежал в его душе, павшей так низко. Стоило ему обратиться к Господу, и его сердце забилося бы свободнее в тюрьме, чем на воле в замке, но Бог был чужд его душе» [8, с. 103]. Непостижимые веяния сердца, постыдные слабости, губительные инстинкты героя, ведущие его к злу, становятся в произведении предметом пристального внимания и интереса автора.

В финале романа преобладает оптимистический настрой, так как главная цель – духовный рост, достижение эмоциональной полноты – достигнута. Отар изучает мир, страдает, наконец, по-новому понимает все конфликты, терзавшие его в детстве и юности, и разрешает их.

Роман «Отар из Бретани» стал важной вехой в норвежской повествовательной традиции, так как Хансену удалось воспринять и переосмыслить богатые традиции европейской литературы и создать первый в Норвегии роман, органично сочетающий в себе элементы готики, романа-воспитания, романтические черты, и подготовить почву для становления реалистического романа, основоположником которого принято считать Йонаса Ли (1833–1908). Уже в этом романе заметен интерес писателя к прошлому, хоть и условному, который постепенно усиливается в творчестве писателя. Влияние Хансена прослеживается в рассказах Б.М. Бьёрнсона (1832–1910) о крестьянской жизни и в историческом романе.

Библиографический список

1. Библия: Новый завет. – М.: Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1993. – 363 с.
2. Берковский Н.Я. Литературная теория немецкого романтизма. – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. – 329 с.
3. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – Л.: Худ. лит., 1973. – 565 с.
4. Луков Вл.В. Предромантизм. – М.: Наука, 2006. – 683 с.
5. Beyer E. Samlede skrifter // Norges litteraturhistorie. – Bd. 1–8. – Oslo: Cappelen Damm, 1995.
6. Collen C. Amtmandens Døtre. – Kristiania: Cammermeyer, 1897. – 339 s.
7. Dahl W. Norges litteratur I: Tid og tekst 1814–1884. – Oslo: 1981. – 326 s.
8. Hansen M.C. Othar av Bretagne. – Oslo: Bokvennen, 1994. – 168 s.
9. Mosjøen O. Henrik Ibsen og Skien, en biografisk og litteratur-psykologisk studie. – Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1949. – 332 s.

10. Railo E. The Haunted Castle. – L., 1964. – 422 s.
11. Tysdahl B. Maurits Hansens fortellerkunst. – Oslo, 1988. – 198 s.
12. Varma D.P. The Gothic Flame, Being a History of the Gothic Novel in England: Its

Origins, Efflorescence, Disintegration, and Residuary Influences. – L., 1988. – 264 s.

13. Wergeland H. Samlede skrifter. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dokpro.uio.no/wergeland/innhold.html> (дата обращения: 11.03.2015).

УДК 821.161.1.09"19" + 821.133.1"20"

Дубинская Маргарита Викторовна
Петрозаводский государственный университет
geolea@bk.ru

«ГОЛОС» ПРИРОДЫ У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И АНДРЕ ЖИДА: К ПОЭТИКЕ ПРИНЦИПА ТРОЙСТВЕННОЙ ПОЛИФОНИИ

В статье исследуется поэтика полифонического романа Ф.М. Достоевского и некоторых произведений писателя-модерниста Андре Жид в аспекте принципа тройственной полифонии. Сторонники «нового романа» во французском модернизме в поиске новых поэтических форм обращают свое внимание на художественный опыт русской литературы XIX века. Главный интерес группы писателей-модернистов круга журнала «Новое французское обозрение» направлен на осмысление сложной поэтики полифонического романа Достоевского. На основе сравнительного анализа особенностей поэтики полифонического романа Достоевского и некоторых произведений Андре Жид автор статьи приходит к выводу о наличии общих приемов описания природы у русского писателя и французского писателя-модерниста, находившегося под влиянием творчества Достоевского. В «многоголосии» природы, как в романах Достоевского, так и в произведениях Жид, автор статьи выделяет «голос» Бога, вступающий в диалог с персонажем по принципу тройственной полифонии. Автор доказывает, что в полифоническом романе Достоевского и некоторых произведениях Жид «пейзаж души» имеет более сложную структуру, чем «двучленный параллелизм». Тройственная структура «пейзажа души» возникает благодаря тройственной полифонической поэтике романов Достоевского и некоторых произведений Жид.

Ключевые слова: полифонический роман, Ф.М. Достоевский, Андре Жид, «голос» Бога, принцип тройственной полифонии, «портрет, обреченный природой».

Образ природы является одним из ключевых в творчестве большинства писателей нового времени. Во французской литературе с начала XVIII века сложились определенные каноны описания природы, которым следовало большинство авторов, чей индивидуальный стиль сформировался внутри устойчивых традиций того или иного литературного направления. Романтики уделяли особое внимание образу дикой природы, не подвергшейся влиянию цивилизации. Реалисты и натуралисты, напротив, ввели в литературу урбанистический пейзаж. До появления модернизма во французской литературе главным образцом для подражания при описаниях природы были произведения сентименталистов, прежде всего Ж.-Ж. Руссо, а также романтическая лирика А. де Виньи и Ф.-Р. Шатобриана. Е.Н. Купреянова пишет: «Руссо возвел самую сущность эстетического восприятия природы – ее одухотворение – в осознанный принцип пейзажного изображения как своего рода зеркала человеческой души» [9, с. 120]. Что касается «зеркала души» в творчестве сентименталистов и романтиков, то оно восходит к символам и аллегориям «земного рая» средневекового французского «Романа о Розе» и традиции рыцарского романа. Д. Пуарьон посвятил отдельную главу в своей монографии образам природы в «Романе о Розе» Г. де Лорисса и Ж. де Мёна. Он указывает на диалог аллегорий Природы и Гения как диалог женского и мужского начала: «Это вопрос, который глубоко затрагивает интересную

проблему “Романа о Розе”: связи между любовью и природой» [15, с. 172–173].

Сторонники так называемого «нового романа», формирующие во французской литературе традиции модернизма, – Андре Жид, Поль Клодель, Ален Фурнье, Ален Роб-Грийе и другие – намеренно отказались от дальнейшего развития уже бытовавших литературных клише, призывая писателей своего поколения изыскивать нечто новое и не слишком знакомое искушенному французскому читателю. Идеологи французского модернизма, и прежде всего Жид, настаивали на более активном знакомстве французских авторов с зарубежной, в первую очередь русской, литературой, как источником новых поэтических форм. Наиболее привлекавшим их внимание из русских писателей был Ф.М. Достоевский, не слишком хорошо известный французскому читателю в начале XX века. В собственной, русской, литературной критике уже существовало представление о Достоевском-психологе, Достоевском-урбанисте, а не «живописце»: «Накал драматических страстей, психологические изломы человеческих характеров, столкновение противоборствующих идей настолько поглощают читателя, что немногочисленные пейзажные зарисовки проходят порой не замеченными» [2, с. 16–18].

С творчеством Достоевского и других русских писателей Францию начал знакомить Эжен Мельхиор де Вогюэ: «Благодаря ему восхищались Тургеневым, восторгались и доверяли Пушкину и Гоголю, открыли широкий кредит Толстому; но Достоев-

ский... решительно, это было слишком по-русски» [12, р. 51], – говорит Жид, транслируя французской читательской аудитории мнение Вогюэ о русском писателе как писателе сложном для восприятия. Жид высказывает предположение, что французы будут воспринимать произведения Достоевского так же сложно и медленно, как его собственную повесть «Пасторальная симфония» [12, р. 51]. Это высказывание Жида является одним из косвенных указаний на связь его творчества с творчеством Достоевского в аспекте полифонической поэтики. Уточним, что сложность восприятия повести «Пасторальная симфония» в значительной мере заключается в том, что, как мы обнаружили, её сюжетно-композиционная структура соответствует структуре полифонического музыкального жанра симфонии и поэтике полифонического романа [5, с. 135–138]. Рассмотрим, какое место занимает описание природы в поэтике полифонического романа Достоевского и произведениях Жида.

Жид, будучи в определённой мере «живописцем» в литературе, сравнивает творческий метод Бальзака и Достоевского с живописью: «Этот рисует как Давид: тот же пишет как Рембрандт, и его произведения – искусство столь могучее и столь совершенное, за ними и вокруг них находятся такие глубины мысли, что я уверен, что Достоевский останется самым великим из романистов» [13, с. 63]. Но «голос» природы в «Пасторальной симфонии» Жид передает не при помощи повествовательных аналогов живописи, а при помощи повествовательных аналогов музыки. Тем самым он вводит «голос» природы как «голос» Бога (Истины) в полифонический диалог, организованный по принципу тройственной полифонии. И это происходит у Жида так же, как в полифоническом романе Достоевского, согласно принципу тройственной полифонии, по В.В. Иванову: «В творчестве Достоевского соответственно количеству позиций мы имеем взаимодействие либо двух, либо трех сил. За каждой из них стоит Бог, человек или враг человека и “оппонент” Бога, сеющий в человеке сомнения» [8, с.174]. Рабочее название «Пасторальной симфонии» – «Слепая», что поначалу предполагало акцент на живописные пейзажи природы, лицезрения которых лишена героиня. Но далее возникает идея о том, что красота природы (как «голос» Бога) достигает души Гертруды при помощи музыки. Эта идея позволяет Жиду ввести «голос» природы в диалог Пастора и Гертруды по принципу тройственной полифонии, что влечет за собой изменение названия.

По словам академика Д.С. Лихачева, в картинах природы, возникающих на страницах романов Достоевского, существует общение, диалог. Лихачев утверждает, что помимо доброты и единства, природе свойственна свобода, которая «позволяет быть не только одушевленным, но и движущимся,

общающимся. Без свободы не может быть не только свойственного большинству живого мира объединения, но и существования “живого мира”» [10, с. 3]. Это представление Лихачева логически вытекает из положения М.М. Бахтина о диалогичности всей структуры полифонического романа: «*Полифонический роман весь сплошь диалогичен*. Между всеми элементами романной структуры существуют диалогические отношения, то есть они контрапунктически противопоставлены» [1, с. 71]. В «Пасторальной симфонии» на лоне альпийской природы происходит диалог между главными героями Гертрудой и Пастором. Тема этого диалога – размышления о Боге и красоте природы, творения Божьего. Очевидны смысловые и сюжетные параллели повести Жида, над которой он работал, поселившись в швейцарской деревне Ля Бревин, с «Романом о Розе» и романом Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», отмеченные французским литературоведением: «Создается впечатление, что Жид был охвачен руссоизмом, который всегда был ему свойствен» [14, р. 299].

В «Романе о Розе» и романе Руссо диалоги на лоне природы связаны с обучением и наставлением в области эстетики и морали. То же самое мы видим в «Пасторальной симфонии». Сюжетный мотив обучения на лоне природы присутствует и в романе Жида «Тесные врата». В диалог главных героев этого романа Алисы и Жерома входит третий «голос», и это «голос» природы, отображающий позицию Бога. Он звучит в письме Алисы Жерому: «Да, друг мой, в “многоголосии” природы для меня различим и внятен сейчас один только, как ты его называешь, призыв к радости. Я слышу его в пении каждой птицы, вдыхаю с ароматом каждого цветка и все отчетливее понимаю, что для меня единственно возможной формой молитвы может быть только поклонение; повторять вслед за святым Франциском: “Боже! Боже!” <...> и ничего больше, а сердце переполняется невыразимой любовью» [7, с. 145].

Достоевский был убежден в высоком значении эстетического воздействия природы на душу человека. Знаменитый образ косых лучей солнца, «клейкие листочки», о которых с таким трепетом говорит его герой-интеллектуал Иван Карамазов, земля, которую в упоении целует и обнимает Алеша («Братья Карамазовы»), – все эти символы единения человека с природой возникли на основе детских впечатлений писателя, сохранившись как счастливые воспоминания на всю жизнь. Оскар фон Шульц справедливо придавал большое значение детским впечатлениям Достоевского от природы для будущего творчества: «Когда же будущий писатель желал предаться своим мечтам, он открыто или потихоньку уединялся в липовую или березовую рощу и там мечтал и наблюдал природу. В скобках сказать, во время этих уединенных прогулок у Достоевского выработалось сильное

чувство природы, которое критики Достоевского обыкновенно отрицают» [11, с. 117].

Шульц выделяет курсивом словосочетание «чувство природы», подчёркивая значимость этого чувства, которое в «почвеннической» философии Достоевского связано с идеей единства всего живого. Идея единства наводит на мысль о всеобщем – полифоническом – диалоге всего живого. То многоголосие природы, в котором выделяется «голос» Бога и о котором устами своей героини Алисы говорит Жид, мы обнаруживаем в произведениях Достоевского. Примерами служат символ неба в картине звездной ночи в скиту, увиденной глазами Алеши Карамазова, пейзаж в рассказе «Маленький герой» с «голосом»-молитвой травинки, обращенной к Богу, описание природы в рассказе «Мужик Марей», на фоне которой происходит диалог Достоевского-ребенка и крепостного мужика Марая: «Встреча была уединенная, в пустом поле, и только бог, может, видел сверху» [4, с. 50]. Сравнение князя Мышкина радости Бога, глядящего на кающегося грешника, с радостью матери, глядящей на своего младенца, весьма показательно для иллюстрации идеи обретения Бога в природе героем Достоевского: «В романе “Идиот” князь Мышкин говорит о материнской радости Бога, увидевшего кающегося грешника. Князь излагает здесь народную (и я бы добавила, детскую и природную. – М.Д.) точку зрения на божественную любовь» [8, с. 42].

Вступлению героя в диалог с «голосом» природы способствует прежде всего ситуация одиночества, которое может пониматься не только в плане физическом, но и духовном. Под духовным одиночеством мы имеем в виду отсутствие общения на соответственном уровне духовного запроса персонажа. Например, долгое время Гертруда, будучи сиротой, жила одна в горной хижине, но, кроме того, сама слепота ограничивала возможности ее общения. Прозрение не принесло ей ожидаемого избавления от духовного одиночества, поскольку ее духовный запрос оказался чуждым всем окружающим. Мотивы хорошего отношения людей к ней оказались совсем другими, чем она себе представляла до прозрения. Забота Пастора о слепой девушке, например, объяснялась его страстным чувством к ней. Лишь «голос» природы не обманул её ожиданий. Красота горного пейзажа не уступала красоте музыки, которую она слышала, будучи незрячей. Её самопроизвольный уход из жизни стал результатом разочарования в людях. Оказалось, что голос человека зачастую на деле был голосом «оппонента».

Образ Гертруды обрамляется величественной рамой альпийских пейзажей. И эта «рама» портрета героини сама по себе состоит из великолепных пейзажных зарисовок горных вершин, склонов, пенных ручьёв и водопадов. Этот, мы бы сказали, *портрет, обрамлённый природой*, словно даёт надежду возвращения зрения слепой девушке, приверженке

культы красоты, которая доходит до неё через звуки природы и музыку. Одновременно эта «природная рама» может указывать и на трагический исход сюжета повествования о прозревшей девушке, чье чистое сердце не вынесло конфликта между возвышенной красотой природы Божьего мира и тем нравственным падением близких ей людей, свидетелем которого она становится. В увядающих живых цветах, которыми люди издавна украшают гроб и могилу усопшего, мы видим то участливое и грустное обрамление человека природой, которое во всей силе художественного образа предлагает нам Жид в повести «Пасторальная симфония».

Герои романа «Тесные врата», Алиса и Жером, выросшие в поместье под Гавром, подобно воспоминаниям Достоевского и некоторых его героев, вспоминают детство, проведенное на лоне природы, как счастливейший период их жизни. Религиозное восхищение красотой природы, охватывавшее детские души героев, Алиса сохраняет, даже став взрослой и испытав много горестей: «Сейчас ночь, все легли спать, а я засиделась перед открытым окном; в саду очень тепло и всё благоухает. Помнишь, в детстве, когда мы видели или слышали что-то очень красивое, мы думали: “Спасибо, Боже, за то, что ты это создал...” Вот и сегодня в моей душе лишь одна мысль: “Спасибо, Боже, за то, что ты подарил такую прекрасную ночь!” И вдруг мне так захотелось, чтобы ты оказался здесь, рядом, совсем близко, захотелось изо всех сил – так, что даже ты, наверное, это почувствовал» [7, с. 143].

Наиболее яркие воспоминания о русских просторах и пейзажах у Достоевского связаны с отцовским именем Даровое в Рязанской губернии, где он проводил летнее время в свои детские годы. Впоследствии в переписке Федор Михайлович не раз подчеркивал свою привязанность к провинциальной России. В письме, написанном во время его пребывания за границей, мы можем найти следующие строки: «Не пишется или пишется с ужасным мучением. Что это – я понять не могу. Думаю только, что это – потребность России... здесь я тупею и отстаю, от России отстаю. Русского воздуха нет и людей нет» [6, с. 7]. Следовательно, образ природы у Достоевского теснейшим образом связан с детскими воспоминаниями, а впечатления от природы дают силы для литературного творчества. Природа в системе образов Достоевского характеризуется свободой, единством и добротой. Будучи символом красоты, она совершенствует себя и стремится к живому, а движение в таком случае является ключевым признаком «жизни» художественного произведения. В поисках подлинного психологизма автор открывает читателю светлый образ природы, как источника познания, свободы и красоты, призванной, по словам самого писателя, спасти мир.

Через посредство сцены размышлений над письмом Алисы к Жерому, которое создается

у окна, распахнутого в сад, Жид утверждает тот же, что и у Достоевского, взгляд на природу, как на зримое отражение божественной любви к человеку, постичь которое во всей полноте могут лишь дети и по-детски чистые душой люди. И здесь мы снова видим тот же приём обрамления картины природы портрета героини – этим обрамлением становится окно, распахнутое в сад, перед которым сидит Алиса. А сам ее портрет, обрамленный природой, возникает на основе воспоминаний глубоких и чистых переживаний детства.

В этой сцене у окна Алиса является той героиней Жида, которая наиболее близка князю Мышкину по естественности и простоте взглядов на Бога, точнее, она стремится к именно такому видению мира как к недостижимому идеалу. Её устами Жид утверждает на страницах романа «Тесные врата» взгляд на природу как на зримое доказательство бытия Божьего. Уточняя и заканчивая приведенную выше цитату о «многоголосии» природы и «голосе» Бога, который звучит среди этого многоголосия, отметим, что ответом человека на этот «голос» Жид считает только хвалу Богу за его творение: «Да, друг мой, <...> единственно возможной формой молитвы может быть только поклонение: повторять вслед за святым Франциском: “Боже! Боже!” “e non altro”, “и ничего больше”, а сердце переполняется невыразимой любовью» [7, с. 145].

Именно через описания природного пейзажа героиня Жида стремится выразить свои чувства к Жерому; природа в ее восприятии является связующим звеном между Богом и человеком, именно ей она доверяет быть выразительницей и зеркалом ее чувств. Портрет героини, обрамленный природой, связан с её «пейзажем души». «Термин “пейзаж души” ввёл А.Н. Веселовский, исследуя поэзию В. Жуковского. <...> По его мысли, первоначальной и “простейшей” формой “аналогий” и “сравнений” в поэтическом творчестве является двучленный параллелизм, осуществляющий сопоставление природы и душевной жизни человека» [3, с. 156]. Мы полагаем, что понятие «пейзажа души» может быть расширено. Во всяком случае, в полифоническом романе Достоевского и некоторых произведениях Жида пейзаж души имеет более сложную структуру, чем «двучленный параллелизм». «Голос» Бога, выделяемый из многоголосия природы, включается в тройственный диалог. Тройственная структура «пейзажа души» возникает в силу тройственной полифонической поэтики романов Достоевского и некоторых произведений Жида.

Все вышеприведенные наблюдения позволяют нам сделать вывод о том, что в полифоническом романе Достоевского и в некоторых произведениях Жида голос-позиция человека, голос-позиция «оппонента» Бога и голос-позиция Бога вступают в диалогические отношения по принципу тройственной полифонии. Как у Достоевского, так и у Жида,

третий голос – голос Бога – в ряде случаев оформляется как «голос» природы. Известно, что Жид, основавший журнал *Nouvelle Revue Française* («Новое французское обозрение», аббревиатура NRF), сплотил вокруг этого журнала группу писателей, в разной степени находившихся под влиянием творчества Достоевского. Поиск Жидом и некоторыми из его единомышленников круга NRF новых форм романа происходил под лозунгом глубокого изучения поэтики Достоевского. Как можно видеть на материале описаний природы, Жид следует художественному опыту Достоевского.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – Изд. 3-е. – М: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Грачева И.В. Пейзаж в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Литература в школе. – 2001. – № 7. – С. 16–18.
3. Данг Тхи Тху Хыонг. Природа и «пейзаж души» в романе Льва Толстого «Воскресение» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 5. – С. 156–159.
4. Достоевский Ф.М. Мужик Марей // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь–апрель. – Л.: Наука, 1981. – С. 46–50.
5. Дубинская М.В. Полифонический принцип в симфонической структуре повести Андре Жида «Пасторальная симфония»: к теории жанра романа // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 5. – С. 135–138.
6. Жид А. Собиратель русского сердца // Слово. – 1996. – № 9. – С. 7–16.
7. Жид А. Тесные врата / пер. Я. Богданова // Жид Андре. Фальшивомонетки. Тесные врата. – М.: Прогресс, 1991. – С. 91–199.
8. Иванов В.В. Сакральный Достоевский: монография. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – 520 с.
9. Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. – М.: Наука, 1966. – 324 с.
10. Лихачев Д.С. Диалог в природе как признак жизни и одухотворения в литературе // Русская литература. – 1997. – № 3. – С. 3–5.
11. Шульц фон О. Светлый, жизнерадостный Достоевский. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. – 366 с.
12. Gide A. Les frères Caramazov // Dostoiévski par A. Gide. Articles et causerie. – Paris, 1983. – P. 51–53.
13. Gide A. Allocution lue au Vieux-Colombier pour la célébration du Centenaire de Dostoiévski // Dostoiévski par André Gide. Articles et causeries. – Paris: Gaillimard, 1981. – P. 59–63.
14. Lagarde A., Michard L. André Gide // XX siècle. Les grands auteurs français. Antologie et histoire littéraire. – Paris: Bordas, 2004. – P. 279–322.
15. Poirion D. Le Roman de la Rose. – Paris: Hatier, 1973. – 224 p. [Connaissance des Lettres].

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА СТАРШИХ СЛАВЯНОФИЛОВ: И.В. КИРЕЕВСКИЙ

В статье характеризуется специфика литературно-критического метода одного из основателей славянофильства – И. В. Киреевского. Ставится под сомнение традиционная точка зрения о том, что славянофильские идеи у Киреевского сформировались лишь к концу 1830-х годов. Он уже в молодости поставил цель определить особый путь развития национальной словесности в России на основе православных традиций, которые опираются не сочетание эстетических и этических факторов художественного творчества. Интерес издателя «Европейца» к западной цивилизации объяснялся его стремлением подробно её изучить с тем, чтобы понять основные отличия. В результате Киреевский пришёл к выводу о невозможности совместить принципы русской православной культуры с европейской, основанной на католицизме и протестантизме. На этом базируется методология славянофильской литературной критики. Этический принцип, единство «красоты и правды», по убеждению идеолога славянофильства, коренится в традициях русского национального православного соборного чувства. В результате концепция художественного творчества у Киреевского приобрела своего рода партийный, идеологический характер: он утверждает сакральные основы культуры в целом, исключая её светский, секуляризованный вариант. Киреевский надеется, что в перспективе русские люди будут читать исключительно духовную литературу, с этой целью критик предлагает изучать в школах не европейские языки, а церковно-славянский. В соответствии со своими взглядами на природу художественного творчества критик положительно оценивал главным образом писателей, близких к православному мирозерцанию: В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, Е.А. Баратынского, Н.М. Языкова.

Ключевые слова: И.В. Киреевский, методология критики, идеология славянофильства, соборное чувство, эпическое мышление, сакрализация искусства и отрицание его светского характера.

О славянофильской литературной критике написано немало основательных работ, в которых убедительно определены её связи с эстетикой романтизма, движением русских Любомудров 1820-х – 1830-х годов, с философией мифологии Шеллинга и другими философскими учениями Европы. В работах Б.Ф. Егорова, Ю.В. Манна, В.А. Кошелева, В.А. Котельникова, Г.В. Зыковой справедливо указывается неприятие славянофилами сугубо эстетического анализа художественных произведений и соотносённость литературы с нравственными категориями. В большинстве случаев анализ славянофильской критики касался конкретных оценок различных литературных явлений и их связи с литературным процессом. Недостаточно выяснены методологические основания славянофильских представлений о единстве эстетических и этических факторов в самих художественных произведениях и, соответственно, в их анализе, а также православные истоки славянофильской программы художественного творчества. Именно особенностям методологии этого направления критики посвящена настоящая статья.

Исследователи славянофильства (и конкретно деятельности И.В. Киреевского) постоянно подчёркивают, что он пережил сложную и драматическую эволюцию европейски образованного русского интеллигента, поклонника немецкой философии, который впоследствии стал одним из основателей славянофильской доктрины. Однако это традиционное представление о развитии мировоззрения Киреевского нуждается в уточнении. Действительно, он внимательно и с интересом изучал историю европейской цивилизации, включая вопросы религиозные, философские, эстетические, собственно

литературные. Это необходимо было Киреевскому для самоопределения, для осмысления глубоких, по его мнению, различий духовных основ Европы и православной России. Иначе как можно объяснить, например, его суждения, высказанные в письме А.И. Кошелеву ещё в 1827 году, в возрасте 21 года, до начала активной журналистской деятельности: «Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотой слога» [3, с. 336]. Несколько позднее, в 1830 году, он пишет брату Петру (известному собирателю русского фольклора): понять красоту «можно только одним чувством: чувством братской любви» – «братской нежностью» [3, с. 349]. По этим высказываниям уже можно сформулировать основные принципы будущей славянофильской критики: органическое единство эстетических и этических начал в художественном произведении, сакрализация красоты и эстетизация истины (естественно, в специфическом православном понимании той и другой). Киреевский с молодых лет сформулировал задачи и перспективы своих религиозно-философских и литературно-критических исканий. При этом литературная позиция Киреевского, как и других славянофилов, не нуждается в оправдании или обвинении, необходимо понять её сущность, мотивацию, развитие традиций.

Основные эстетические и литературно-критические принципы Киреевского проявились уже в первой его статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» («Московский вестник», 1828, № 6). Связь этой статьи с формировавшимися в это время в русской литературной критике принципами фи-

лософского направления очевидна. Философская же критика опиралась на традиции романтической эстетики. «Эстетика раннего славянофильства не могла не носить на себе следов романтических веяний литературной и философской жизни России 30-х годов», – справедливо отмечает В.А. Кошелев [4, с. 57]. Знаменательна установка Киреевского на определение именно «характера» поэзии Пушкина, под которым критик имеет в виду своеобразие и оригинальность творческой манеры Пушкина (*la manière*) – вводит критик в словесный оборот, видимо, ещё недостаточно знакомое в России французское выражение [3, с.44].

Чтобы осмыслить некоторую закономерность в развитии пушкинского творчества, Киреевский предложил систематизировать его поэтапно, соответственно с определёнными особенностями – с трояственным законом диалектики. На первом этапе творчества Пушкина критик констатирует преимущественный интерес поэта к объективному образному выражению, которое сменяется на следующем этапе стремлением к философскому осмыслению бытия. Тогда же Киреевский обнаруживает у Пушкина наряду с европейским влиянием русское национальное начало. Отсюда, по мнению критика, естественный переход поэта к третьему периоду творчества, который уже отличается национальной самобытностью. «Отличительные черты» «самобытного созидания» определяются критиком пока недостаточно чётко, преимущественно на эмоциональном уровне: это «живописность, какая-то беспечность, какая-то особенная задумчивость и, наконец, что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу<...>» [3, с. 53]. В «Евгении Онегине» и особенно в «Борисе Годунове» Киреевский находит доказательства проявления «русского характера», его «добродетелей и недостатков» [3, с. 54]. Преобладающая особенность зрелого творчества Пушкина, по мнению критика, – погружение в окружающую действительность и «текущую минуту». В развитии Пушкина-поэта Киреевский отмечает «беспрестанное совершенствование» и «*соответственность с своим временем*» [3, с. 54–55].

Позднее в поэме «Полтава» критик обнаружил «стремление воплотить поэзию в действительности» [3, с. 63]. Кроме того, он первым определил жанр поэмы как «трагедию историческую», содержащую «очерк века» [3, с. 105]. Вообще, творчество Пушкина стало для Киреевского показателем народности, самобытности, преодоления традиций европейского романтизма с его склонностью к рефлексии – личностного качества, неприемлемого для идеолога славянофильства, подчёркивавшего преимущество целостного эпического мышления, якобы характерного для русских в большей степени, чем для европейцев.

Наконец, критик формулирует свои представления о народности творчества: чтобы поэту «быть

народным», нужно разделять надежды своего отечества, его стремления, его утраты, – словом, «жить его жизнью и выражать его невольно, выражая себя» [3, с. 55].

В «Обозрении русской словесности 1829 года» («Денница, альманах на 1830 год», изданный М. Максимовичем, б. м., б. г.) Киреевский продолжил характеристику русской литературы в философском и историческом плане, одновременно оценивая общественную функцию художника: «Поэт для настоящего что историк для прошедшего: проводник народного самопознания» [3, с. 59]. Отсюда в литературе «уважение к действительности», связанное с историческим направлением «всех отраслей человеческого бытия. <...> Поэзия <...> должна была также перейти в действительность и сосредоточиться в роде историческом» [3, с. 59–60]. Критик имеет в виду и широко распространившееся в 1820-е – 1830-е годы всеобщее увлечение исторической тематикой, и «пронизанность» пониманием исторической значимости насущных проблем современности («семена желанного будущего заключены в действительности настоящего», – подчеркнул в той же статье Киреевский – [3, с. 59]). «Бурное развитие исторической и философско-исторической мысли, конечно, не могло не отразиться и на литературе – и не только внешне, тематически, но и на её внутренних художественных свойствах», – утверждает И.М. Тойбин [5, с. 13].

В современной русской литературе Киреевский обнаруживает воздействие двух внешних факторов, «двух стихий»: «филантропизм французский» и «немецкий идеализм», которые объединились «в стремлении к лучшей действительности» [3, с. 59]. В соответствии с этим в художественном произведении сочетаются «существенность» и «*дополнительная дума*» поэта, то есть объективный и субъективный творческие факторы. В этом прослеживается дуалистическая концепция художественного творчества, характерная для романтической эстетики. Киреевский констатирует как признак преодоления романтического дуализма «борение двух начал – мечтательности и существенности», что «должно <...> предшествовать их примирению» [3, с. 64].

Концепция искусства у Киреевского – часть философии действительности, поскольку, по его мнению, в литературе наблюдается «стремление согласовать воображение с действительностью, правильность форм с свободой содержания» [3, с. 84]. На место искусства приходит «*исключительное стремление к практической деятельности*». Критик констатирует в поэзии и в философии «сближение жизни с развитием человеческого духа» [3, с. 85].

Характерные для европейской эстетики представления о художественном творчестве, основанные на принципе преодоления дуализма, по

мнению Киреевского, – «искусственно отысканная середина», хотя для исторического направления современной литературы актуален принцип: «красота однозначительна с правдою» [3, с. 83]. В результате своих наблюдений Киреевский делает вывод: «Именно из того, что Жизнь вытесняет Поэзию, должны мы заключить, что стремление к Жизни и к Поэзии сошлись и что <...> час для поэта Жизни наступил» [3, с. 85].

Эти последние умозаключения критик сформулировал в статье «Девятнадцатый век» («Европеец», 1832, № 1, 3), из-за неё и был запрещён журнал, в котором Киреевский был не только издателем и редактором, но автором большинства публикаций. Представления о сущности художественного творчества у Киреевского в это время как будто укладываются в систему европейской философии искусства, однако появляются и критические нотки в адрес европейских традиций в русской литературе. Как многие современники, придерживавшиеся романтической концепции искусства, Киреевский утверждает: «Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас ещё нет полного отражения умственной жизни народа, у нас ещё нет литературы» [3, с. 77–78].

Автор статьи считает важной причиной духовного кризиса в Западной Европе господство логического, рационального мышления: «Весь результат такого мышления мог заключаться только в познании *отрицательном*, ибо разум, сам себя развивающий, сам собою и ограничивается» [3, с. 86]. С этим связано и отношение к религии, которая зачастую в Европе сводится к обряду или «индивидуальному убеждению». Киреевский утверждает: «Для полного развития <...> религии необходимо единомыслие народа, <...> развитие в преданиях односмысленных, сопроникнутое с устройством государственным, олицетворённое в обрядах однозначительных и общенародных, сверенное к одному началу положительному и ошутительное во всех гражданских и семейственных отношениях» [3, с. 87].

Естественно возникает вопрос о соотношении просвещения европейского и российского, которые коренным образом отличаются и в историческом плане. Киреевский опирается на закон диалектики, в соответствии с которым «каждая эпоха условливается предыдущей, и всегда прежняя заключает в себе семена будущей, так что в каждой из них являются те же стихии, но в полнейшем развитии» [3, с. 91]. Большое значение имеет принципиальное отличие православной ветви христианства от западной (католицизма и протестантизма). Русская церковь никогда не была политической силой и всегда оставалась «чище и светлее» [3, с. 93].

Наряду с констатацией различий и преимуществ православия перед западным христианством Киреевский признаёт, что России в её истории явно

недоставало цивилизующей силы античности («классического мира»), сыгравшего большую роль в «образованности» Европы. Поэтому «как могли бы мы достигнуть образованности, не заимствуя извне? И образованность заимствованная не должна ли быть в борьбе с чуждой ей национальностью?» – констатирует автор статьи. Тем не менее «народ, начинающий образовываться, может заимствовать его (просвещение. – В.Т.), прямо водворить у себя без предыдущего, непосредственно применяя его к своему настоящему быту» [3, с. 100].

В «Обозрении русской литературы за 1831 год» («Европеец», 1832, ч. 1, № 1–2) характеристике современного литературного процесса уделяется гораздо больше внимания. Автор статьи подчёркивает стремление читателей в Европе и в России актуализировать содержательную сторону художественных произведений. Он утверждает, что «литература *чистая*, самоценная – едва заметна посреди всеобщего стремления к делам более существенным» [3, с. 101], тем более в России, где литература остаётся «единственным указателем нашего умственного развития» [3, с. 102]. Доминирование художественной формы не удовлетворяет Киреевского: «Художественное совершенство <...> есть качество второстепенное и относительное <...>, его достоинство не самобытно и зависит от внутренней, его одушевляющей поэзии» [3, с. 109], следовательно, имеет субъективный характер. К тому же русских писателей до сих пор судят «по чужим законам», потому что собственные не выработаны. Сочетание объективного и субъективного факторов, по мнению критика, является важнейшим условием художественного творчества: художественное произведение должно состоять «из верного и вместе поэтического представления жизни», как она «отражается в ясном зеркале поэтической души» [3, с. 114].

В статье «О стихотворениях Языкова» («Телескоп», 1834, № 3–4) у Киреевского появляются новые представления о специфике художественного творчества, основанные не на условии соответствия содержания и формы, а на органическом их единстве, взаимной обусловленности. По мнению автора статьи, «пред картиною художника творческого забываем искусство, стараясь понять мысль, в ней выраженную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль. <...> На некоторой степени совершенства искусство само себя уничтожает, обращаясь в мысль, превращаясь в душу» [3, с. 138]. Киреевский отвергает саму возможность сугубо художественного анализа произведения искусства. Критикам, которые «хотят доказывать красоту и заставляют вас наслаждаться по правилам, <...> в утешение остаются произведения обыкновенные, для которых есть законы положительные» <...> [3, с. 138]. В поэзии соприкасаются «мир неземной» и мир «действительной жизни», в результате об-

разуется «верное, чистое зеркало» [3, с. 139] личности поэта. Киреевский делает вывод о том, что поэзия – «не просто тело, в которое вдохнули душу, но душа, которая приняла очевидность тела» [3, с. 140], а «поэзия, не проникнутая существенно, не может иметь влияния» [3, с. 142].

В сформулированной Киреевским концепции художественного творчества прослеживается противопоставление языческого искусства («тело, в которое вдохнули душу» – явное напоминание о мифе про Пигмалиона и Галатею) и христианского (душа, принявшая «очевидность тела»). И как будто в продолжение этой мысли в известной статье «В ответ А.С. Хомякову» (1839 г.), где, как считают исследователи, Киреевский окончательно сформулировал свою славянофильскую доктрину, он прямо утверждает, что романтизм поклонился язычеству и что для нового искусства должен явиться «миру новый служитель христианской красоты» [3, с. 152]. Автор статьи уверен, что «когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит её церковь», и для этого нет необходимости возвращаться к прошедшим «особенностям русского быта» [3, с. 153]. Итак, определено, что основа развития цивилизации России, её духовного возрождения, в том числе становления своего направления в художественном творчестве – православие. Это мнение разделяли все славянофилы.

В «Записке о направлении и методах первоначального образования народа» (1839 г.) Киреевский настаивает на том, что обучение грамотности и художественное творчество должны быть подчинены «понятиям веры» «преимущественно перед *знанием*», поскольку вера «есть убеждение, связанное с жизнью, дающее особенный цвет <...>, особенный склад всем другим мыслям <...> в отношении своём к *догмату* вера имеет несколько общего с чувством изящного: ни одно философское определение красоты не может сообщить понятию о ней в той полноте и силе, <...> в какой сообщает его одно воззрение на изящное произведение» [3, 386–387, 391]. Опять подчёркивается религиозная основа всякого художественного творчества.

Самая обширная статья Киреевского «Обозрение современного состояния литературы» («Москвитянин», 1845, № 1, 2, 3) содержит достаточно полную славянофильскую программу художественного творчества. Критик выносит окончательный приговор культу красоты в искусстве: ушли в прошлое «отвлечённая любовь к прекрасным формам, <...> наслаждение стройностью речи, <...> упительное самозабвение в гармонии стиха <...>». Но, продолжает Киреевский, ему «жаль прежней, не применяемой к делу, бесполезной литературы. В ней было много тёплого для души <...> изящную словесность заменила словесность журнальная. <...> Везде мысль подчинена текущим обстоятельствам <...>, форма приноровлена к требованиям

минуты. Роман обратился в статистику нравов, поэзия – в стихи на случай <...>» [3, с. 155]. Литература с установкой на приоритет содержания и идеи над формой критика тоже не удовлетворяет: в ней заметно «излишнее уважение к минуте», всепоглощающий интерес к событиям дня, к внешней, деловой стороне жизни (здесь явно имеется в виду ставшая известной к середине 1840-х годов «натуральная школа»). Киреевский утверждает, что эта литература «не обнимает жизни, но касается только её наружной стороны, <...> несущественной поверхности». Такое произведение – своего рода «скорлупа без зерна» [3, с. 156].

Критик видит в литературе с явной гражданской тенденцией европейское влияние, но подчёркивает, что у русских писателей подражание Европе имеет довольно поверхностный характер: у европейцев в центре внимания «сама внутренняя жизнь общества, <...> где и минутные события дня, и вечные условия жизни, <...> и сама религия, и вместе с ними словесность народа сливается в одну необозримую задачу: усовершенствование человека и его жизненных отношений» [3, с. 156, 157]. Кроме того, в европейских литературах всегда есть «сторона *отрицательная*, полемическая, опровержение систем мнений», и «сторона *положительная*», составляющая «особенность новой мысли» [3, с. 158]. Этого, по мнению Киреевского, недостаёт современной русской литературе.

Спецификой европейского мышления, считает критик, является способность к «многомыслию», которое «раздробляет самосознание общества» и «частного человека». Где «святилище бытия раздроблено разноречием верований или пусто их отсутствием, там не может быть речи <...> о поэзии» [3, с. 158]. Поэт же «создаётся силою внутренней мысли. Из глубины души своей должен он вынести кроме прекрасных форм ещё самую душу прекрасного: своё живое, цельное воззрение на мир и человека» [3, с. 158].

Киреевский констатирует кризис европейских духовных ценностей, утверждая, что европейцы «выдумывают себе новую религию без церкви, без предания, без откровения и без веры» [3, с. 159]. Это упрек и европейской литературе, которой мешает «господствующий рационализм в её мысли и жизни» [3, с. 174]. Произведения русской литературы пока ещё остаются «отражениями европейских», и они «всегда несколько ниже и слабее <...> подлинников» [3, с. 181]. Традиции «прежней России», которые «составляют теперь единственную сферу её народного быта, не развились в литературное просвещение наше, но остались нетронутыми, оторванные от успехов нашей умственной деятельности» [3, с. 182]. Для развития русской литературы необходимо сочетать европейское и своё, которые «совпадают в последней точке своего развития в одну любовь, в одно стремление к живому,

полному <...> и истинно христианскому просвещению» [3, с. 192]. «Живые истины» Запада – «остатки христианских начал», хотя и искажённых; «выражение нашего же начала» [3, с. 182] – это то, что должно быть «в основании мира православно-словенского» [3, с. 175].

Критик не зачёркивает полностью достижения Западной Европы, хотя и считает западное христианство искажающим основы истинной веры. Он уверен, что православие должно стать основой подлинной отечественной литературы, но пока не конкретизирует её отличительные признаки, возможно, об этом планировалось написать в продолжении статьи, которого не последовало.

Подтверждение своим представлениям о самобытной русской литературе Киреевский обнаружил в историко-литературной концепции С.П. Шевырёва, публичным чтениям которого он посвятил специальную статью («Москвитянин», 1845, № 1). Шевырёв не принадлежал к славянофилам, но оказался их единомышленником в понимании роли православия в развитии русской словесности. Не случайно Киреевский подчёркивает, что лекции Шевырёва, который по существу открыл русскому обществу древнюю русскую литературу, представляют собой событие «исторического самопознания». Для Шевырёва характерно понятие «о словесности вообще как о живом выражении внутренней жизни и образованности народа» [3, с. 208]. История русской словесности, по его мнению, – это история «просвещения древнерусского», которое начинается с воздействия «христианской веры на наш народ» [3, с. 209].

Православие и народность – вот основания будущей русской литературы, какой её представляет Киреевский. Он считает, что народностью проникнуто творчество И.А. Крылова, хотя в довольно узкой басенной форме. «Что Крылов выразил в своё время и в своей басенной сфере, то в наше время и в сфере более обширной выражает Гоголь», – утверждает критик. Гоголевское творчество оказалось для славянофилов подлинным обретением, в Гоголе они находили воплощение своих заветных надежд на новую, самобытную русскую литературу. Со времени появления в печати первого тома «Мёртвых душ» (1842 г.) между славянофилами и их оппонентами, прежде всего Белинским, развернулась настоящая борьба за Гоголя, каждая сторона стремилась «присвоить» писателя себе, по своему актуализировала его творчество.

В библиографической заметке («Москвитянин», 1845, № 1) Киреевский утверждает, что Гоголь представляет своим творчеством «силу русской народности», возможность соединения «нашей словесности» и «жизни нашего народа» [3, с. 213]. Понимание специфики гоголевского творчества Киреевским коренным образом отличается от того, как его интерпретировал теоретик «натуральной

школы» В.Г. Белинский. По мнению Киреевского, «не потому Гоголь народен, что содержание рассказов его взято по большей части из русской жизни: содержание не характер» [3, с. 213]. У Гоголя в «глубине души его таятся особенные звуки, потому что в слове его блещут особенные краски, в его воображении живут особенные образы, исключительно свойственные русскому народу, тому свежому, глубокому народу, который не утратил ещё своей личности в подражаниях иностранному <...>. В этой особенности Гоголя заключается глубокое значение его оригинальности». В его творчестве таится «красота своенародная, окружённая невидимым строем сочувственных звуков». Гоголь «не отрывает мечту от жизненной сферы, но <...> связывает художественное наслаждение, подлежащее сознанию» [3, с. 214].

Киреевский не раскрывает подробности творческого метода Гоголя, однако в суждениях критика присутствует важная мысль о преимущественно субъективном, личностном начале в его произведениях. По мнению Киреевского, необходимо «судить о мысли художественного произведения по данным, в нём самом заключающимся, а не по догадкам, извне к нему прилагаемым» [3, с. 216]. Это опять намёк на критическую позицию сторонников «натуральной школы», которые по-своему, преимущественно в социальном плане воспринимали гоголевское творчество.

В другом случае, формулируя своё представление об особенностях художественной литературы, Киреевский высказал мнение, что в произведении необходима мысль, «проведённая сквозь сердце» [3, с. 218]. Авторская идея, осердеченная личностным чувством, становится показателем духовных ценностей, присущих художнику и проявляющихся в его творчестве.

Размышления Киреевского о русской литературе сопровождались всё большей уверенностью в том, что необходимо возродить и укрепить её (литературы) фундаментальное основание – православие. В рецензии на повесть Ф. Глинки «Лука да Марья» («Москвитянин», 1845, № 2) критик напоминает, что исконно в русском народе «жития святых, поучения святых отцов и богослужебные книги составляют <...> любимый предмет чтения, источник его духовных песен, обычную сферу его мышления» [3, с. 226]. Прежде, до европеизации России, это был «весь образ мыслей всех классов общества <...>, понятия одного сословия были дополнением другого, и общая мысль держалась крепко и цело в общей жизни народа <...> из одного источника – церкви» [3, с. 227].

В современном русском обществе, продолжает рецензент, «господствующая образованность» удалась от «убеждений и понятий народных», и это не пошло на пользу обеим сторонам. Новая гражданская литература предлагает народу «книги

лёгкого чтения <...>, забавляющие читателя странностью эффектов», или «книги чтения тяжёлого», «не приноровленные к его уже готовым понятиям <...>. Вообще чтение вместо цели назидания получает целью удовольствие» [3, с. 228].

Киреевский открыто настаивает на возрождении традиции сакрального слова в литературе: «Из веры и убеждения исходят святые подвиги в сфере нравственной и великие мысли в сфере поэзии» [3, с. 235]. Не случайно один из первых исследователей литературной деятельности славянофилов историк К.Н. Бестужев-Рюмин отмечал: «Они верят в святость слова <...>» [2, с. 691]. Тем самым ставится под сомнение необходимость существования современной светской, секуляризованной литературы, в которой тоже присутствуют духовные, нравственные начала, но без открытого дидактизма и стремления к фундаментальной церковности. Киреевский даже считает необходимым изучать церковно-славянский язык вместо новых европейских.

Природа художественного творчества, его сущность, истоки поэтического слова, естественно, тоже оставались предметом пристального интереса Киреевского. Эстетические проблемы актуализировались в связи с популярностью в Европе в 1830-х – 1840-х годах философских идей близкого к романтизму Ф. Шеллинга, а несколько позднее его оппонента – Г. Гегеля. Русские славянофилы учитывали теоретические разыскания немецких философов, особенно Шеллинга. В статье под заголовком «Речь Шеллинга» (1845 г.) Киреевский сосредоточился на его философии мифологии, восприняв мифологию как первоначальную форму «естественной религии», в которой проявился «великий, всеобщий <...> процесс внутренней жизни», «действительное бытие в Боге» [3, с. 238]. Религиозное откровение, резюмирует автор статьи взгляды Шеллинга, «независимо от всякого учения», представляет «не одно идеальное, но вместе и реальное, отношение человека к Богу» [3, с. 239]. Киреевский признаёт, что «философия искусства не может не касаться мифологии» [3, с. 241], более того, мифология и породила философию искусства и само искусство, «судьба каждого народа заключается в его мифологии» [3, с. 244], во многом определяется ею.

Один из существенных принципов эстетики Шеллинга, который учитывался Киреевским, звучит так: «Реальное у Шеллинга содержит в себе идеальное как свой высший смысл, но обладает, кроме того, иррациональной конкретностью и жизненной полнотой» [1, с. 496].

Обсуждение проблемы развития русской литературы было продолжено Киреевским в статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» («Московский сборник», 1852, т. 1). Здесь Киреевский выступает за то,

чтобы в духовной жизни народа «смысл красоты и правды хранить в <...> неразрывной связи, <...> которая бережёт общую цельность человеческого духа», в то время как «западный мир, напротив того, основал красоту свою на обмане воображения, на заведомо ложной мечте или на крайнем напряжении одностороннего чувства, рождающегося из умышленного раздвоения ума». Запад не признаёт, что «мечтательность есть сердечная ложь и что внутренняя цельность бытия необходима не только для истины разума, но и для полноты изящного наслаждения» [3, с. 287]. В этих умозаключениях очевидно явное противопоставление традиций цельности, соборности мировосприятия русского человека (как это понимали славянофилы) и индивидуалистической «раздробленности духа» европейца. Этим, по мнению критика, определяются принципиальные различия культурных традиций и особенностей понимания природы искусства слова в Европе и в России. Рассуждения Киреевского имеют во многом умозрительный характер, они основываются на априорно принятых славянофилами положениях об особом историческом, религиозном и цивилизационном пути России.

Из современных Киреевскому русских писателей ближе всего ему были поэты В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков. В их творчестве критик находил дорогое для него духовное, нравственное и художественное начало. Поэзию Жуковского он охарактеризовал следующим образом: «Эта простодушная искренность поэзии есть именно то, чего нам недостаёт» [3, с. 368]. В переведённой Жуковским «Одиссее» Киреевский находит «нехотульную поэзию»: «Каждое выражение равно годится в прекрасный стих и в живую действительность, <...> везде равная красота правды и меры». «Одиссея» «будет действовать не только на литературу, но и на нравственное настроение человека» [3, с. 374]. Киреевский постоянно подчёркивает единство этических и эстетических ценностей в художественном произведении.

Для понимания поэзии Баратынского, утверждает критик, недостаточно внимания к «наружной отделке» и «внешней форме» – у поэта много «глубокой возвышенно нравственной <...> деликатности ума и сердца» [3, с. 358]. Баратынский «в самой действительности открыл <...> возможность поэзии <...>. Отсюда утверждение его, что всё истинное, вполне представленное не может быть не нравственное, оттого самые обыкновенные события, самые мелкие подробности жизни являются поэтически, когда мы смотрим на них сквозь гармонические струны его лиры <...> ... все случайности и все обыкновенности жизни принимают под его пером характер значительности поэтической» [3, с. 111].

Самым близким для Киреевского духовно и творчески был Н.М. Языков, по поводу которого критик высказал мысль, что при восприятии

его поэзии «забываем искусство, стараясь понять мысль, в ней выраженную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль» [3, с. 138]. Поэзия Языкова для критика – воплощение широкой русской души, способной проявить себя в разных качествах. Особенность этой поэзии определяется как «стремление к душевному простору» [3, с. 139]. Одновременно замечена тенденция более глубокого проникновения поэта «в жизнь и действительность», развития поэтического идеала «до большей сущности» [3, с. 142].

Киреевский избирает для критического анализа тот литературный материал, который ему ближе, который помогает сформулировать основные принципы своей философско-эстетической и литературно-критической позиции. Как критик, он явно небеспристрастен, его критика носит черты своего рода публицистики, поскольку руководствуется определёнными, заранее сформулированными

идеологемами, стремится возродить традиции сакральной, основанной на православных ценностях русской словесности.

Библиографический список

1. *Алексеев С.А.* Шеллинг // Ф. Шеллинг: pro et contra. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. – 688 с.
2. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе // Отечественные записки. – 1862. – Т. СХL. – №2.
3. *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – 439 с.
4. *Кошелев В.А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840 – 1850-е годы). – Л.: Наука, 1984. – 196 с.
5. *Тойбин И.М.* Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1976. – 158 с.

Ермилова Галина Георгиевна
доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
ermilova-galina@mail.ru

Данг Тхи Тху Хыонг
Ивановский государственный университет
phonghuong2603@gmail.com

«ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ» В ПЕРЕВОДЕ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

В статье анализируется роль «евангельского текста» в романе Л.Н. Толстого «Воскресение», показывается возможность его передачи в переводе на вьетнамский язык, осуществленном талантливыми переводчиками Фунг Уонг и Ву Динь Фонг. Предмет анализа нашей статьи – главы XXXIX–XL первой части, являющиеся кульминационными в евангельском сюжете, ставшие последней каплей, вынудившей Священный Синод выступить с известным Определением от 20–22 февраля 1901 года, констатировавшим отлучение Толстого от Церкви. Работая над переводом «Воскресения», вьетнамские переводчики столкнулись с несколькими трудностями. Первая из них: незнание русского Православия, которое по сей день воспринимается во Вьетнаме как некая экзотика. Под влиянием древнекитайской культуры во Вьетнаме господствуют даосизм и буддизм, поэтому переводчики отождествили своеобразное «христианство» Толстого с даосизмом. Другая трудность состояла в том, чтобы стилистически точно передать кощунственно-издевательскую манеру автора «Воскресения» при изображении им церковного богослужения. Мы пришли к следующему заключению: переводчики перевели последний роман Толстого без обращения к вьетнамскому переводу Библии, сделанному авторитетными вьетнамскими библеистами. Несмотря на то что Фунг Уонг и Ву Динь Фонг не всегда точно передают смысловую емкость «евангельского текста» «Воскресения», им все-таки удалось сохранить эмоционально-экспрессивную выразительность анализируемых глав, почувствовать и передать толстовский стиль. Заслуга этих переводчиков заключается в том, что они усиливали во вьетнамских читателях интерес к нравственно-религиозному учению Л. Толстого, которое до сих пор остается малоизвестным во Вьетнаме.

Ключевые слова: «евангельский текст», Л. Толстой, православие, даосизм, богослужение, перевод, трудность, эквивалентность.

Предпослав своему последнему роману евангельские эпиграфы, завершив его обильными цитатами из Евангелия, Толстой тем самым направил читательское внимание в нужном для него русле, а именно, указал на содержательную и сюжетно-композиционную значимость этого текста в структуре целого. Можно с уверенностью утверждать, что евангельские аллюзии, цитаты, реминисценции не были лишь своеобразными словесными «инкрустациями», а несли в себе, выражаясь словами Достоевского, «сердцевину целого».

«Евангельский текст», по определению В.Н. Захарова, «включает в себя не только евангельские цитаты, реминисценции, мотивы, но и книги Бытия, и притчи царя Соломона, и псалтырь, и книгу Иова – словом, все то, что сопутствовало Евангелию в повседневной и праздничной церковной жизни» [3].

Мы не ставим в предлагаемой статье задачу проследить весь сюжет «евангельского текста», а он, несомненно, обладает своей логикой, динамикой, драматизмом. Предметом нашего анализа стали главы XXXIX–XL первой части, кульминационные в этом сюжете, содержащие кощунственное, с точки зрения церковной догматики, описание таинства Евхаристии, шокирующее, не менее дерзкое, «остранненное» (то есть странное, «дурацкое», юродствующее) переложение акафиста Сладчайшему Иисусу, упоминание читаемых за бого-

служением глав из Деяний апостолов и Евангелия от Марка.

Здесь «сгусток» «евангельского текста», его квинтэссенция, именно здесь Толстой вступил в открытую борьбу с Православной Церковью. Эти главы стали последней каплей, вынудившей Священный Синод выступить с известным Определением от 20–22 февраля 1901 года, констатировавшим отлучение Толстого от Церкви. Именно они стали поводом для начала открытой полемики дотоле тактично молчавшего В.С. Соловьева с толстовскими идеями. Бывший толстовец М.А. Новоселов в «Открытом письме графу Л.Н. Толстому» утверждает: «Когда я зимою 1900 года спросил покойного Владимира Сергеевича Соловьева, почему он, умышленно избегавший раньше полемики с Вами, выступил так энергично против Вас в своих “Трех разговорах под пальмами”, он отвечал: “Меня возмутили кощунства “Воскресения”» [5, с. 552].

Переводчики Фунг Уонг и Ву Динь Фонг (первый перевод 1999 г.) столкнулись сразу с несколькими трудностями. Во-первых, христианство, особенно русское Православие, было практически неизвестно во Вьетнаме (хотя к XX веку существовало четыре перевода Библии на вьетнамский язык). Под влиянием китайской культуры во Вьетнаме господствовали, да и сейчас это явление не ушло в прошлое, даосизм и буддизм. Православное христианство, в отличие от католицизма и протестантизма, воспринималось, и до сих пор вос-

принимается, как некая экзотика. Хорошо известно увлечение Толстого в послепереломные годы учением Лао-цзы, Конфуция, Будды, так что, в некотором роде, он сам пошел навстречу ожиданиям восточных читателей, облегчив им восприятие своего своеобразного «христианства». Н.А. Бердяев имел основание говорить о буддизме Толстого, не видя в его религиозных воззрениях ничего христианского: «Я никогда не сочувствовал толстовскому учению. Меня всегда отталкивал грубый толстовский рационализм, и я всегда думал и продолжаю думать, что мировоззрение Л. Толстого не христианское, скорее буддийское» [2]. Вот и вьетнамские переводчики констатировали не буддизм, как Н. Бердяев, а **даосизм** автора «Воскресения». Приведем пример. Один из эпиграфов («Ученик не бывает выше своего учителя; но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» – Лк, 6:40) переведен так: «Luca, VI, 40. – Học trò không hơn được thầy; nhưng học trò nào tu hành trọn đạo thì tất sẽ được như thầy» [7, с. 5]. В обратном переводе звучит: «Ученик не выше учителя, но ученик, совершивший монашескую и даосистскую жизнь, будет всякий, как учитель».

Другая трудность, подстерегавшая переводчиков, состояла в том, чтобы почувствовать и передать всю степень дистанцированности Толстого от Православия, найти переводческий эквивалент его издевательски-ироническому стилю.

Обратимся к сцене Таинства Евхаристии в оригинале и в переводе. У Толстого читаем: «Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. <...> Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдом и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было обставлено особенной торжественностью. <...> После этого считалось, что превращение совершилось, и священник, сняв салфетку с блюда, разрезал срединный кусочек начетверо и положил его сначала в вино, а потом в рот. Предполагалось, что он съел кусочек тела бога и выпил глоток его крови. После этого священник отдернул занавеску, отворил средние двери и, взяв в руки золоченую чашку, вышел с нею в средние двери и пригласил желающих тоже поесть тела и крови бога, находившихся в чашке» [8, т. 32, с. 135]. Приведем перевод второй части этого большого фрагмента, начиная со слов «После этого считалось...»: «Đến đó, coi như sự biến hoá đã hoàn thành, bình và rượu đã biến hẳn thành thịt và máu và linh mục nhắc chiếc khăn lên khỏi đĩa, cắt mẫu bánh ở chính giữa ra làm tư, nhúng vào rượu và bỏ vào mồm. Như thế là coi như ông đã ăn một

ngậm máu của Chúa. Sau đó, ông kéo màn, mở cửa giữa vách ngăn, nâng chiếc chén vàng, đi ra ngoài mời những ai muốn cùng đến ăn thịt và uống máu Chúa đựng trong chén» [7, с. 234]. В обратном переводе это выглядит так: «После этого **считалось**, что превращение совершилось, кусочки и вино превратились в тело и кровь, и священник, сняв салфетку с блюда, разрезал срединный кусочек начетверо и положил его в вино, а потом в рот. **Предполагалось**, что он съел глоток крови Бога. После этого священник отдернул занавеску, отворил средние двери и, взяв золоченую чашку, вышел и пригласил желающих тоже поесть тела и крови Бога, находившихся в чашке». Сохранив выделенные нами слова, переводчики передали глумливое недоверие Толстого к реальности происходящего на литургии преосуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Господнее, обратили внимание на всю степень скептицизма Толстого, на его убежденность в том, что Церковные Таинства, в том числе Таинство Евхаристии, есть не что иное, как колдовство.

Павел Басинский остроумно заметил, что таинство Евхаристии в интерпретации Толстого как будто бы увидено глазами первобытных туземцев [1, с. 319]. «Остраненный» взгляд Толстого оказался в чем-то соразмерным горизонту культурно-религиозных «ожиданий» иноземных интерпретаторов толстовского текста.

В отдельных случаях, однако, переводчики нечаянно смягчают накал толстовского критицизма в адрес официальной Церкви. Например, в главе XL говорится о вынесенном священником в конце Литургии золоченом кресте «с эмалевыми медальончиками на концах», «который, – пишет Толстой, – был **не что иное**, как изображение той **виселицы**, на которой был казнен Христос» [8, т. 32, с. 138]. Переводчики опустили выделенные нами слова («был не что иное»), известным образом приглушив авторитарно-категорическое утверждение автора «Воскресения» о невозможности веры в реальность совершаемого Церковного Таинства. Характерна сделанная Толстым подмена: «виселица» вместо «креста», которая моментально нейтрализовала сакрально-исторический смысл События, положившего начало новой эре жизни человечества. Христианская святыня превращена в заурядное орудие наказания государственного преступника. В переводе «виселица» переведена как орудие смертной казни через повешение, то есть сохранена толстовская семантика.

Иногда переводчики, видимо неосознанно, в силу недостаточной компетентности, стирают существующие в христианстве конфессиональные различия. В той же XL главе говорится о священниках, которые не только лишают пасомое ими стадо, «малых сих», возвещенного Христом блага, но и соблазняют их «оболганным» учении Христа. Выражение «скрывая от людей то возвещение бла-

га, которое он принес им» [8, т. 32, с. 138] переведено: «скрывая от людей ту **Радостную Весть**, которую Он принес человечеству». Во Вьетнаме католики называют Святые Писания от Матфея, Луки, Марка, Иоанна «Евангелиями», а протестанты – «Радостными вестями». Полагаем, в переводе словосочетание «возвешение блага» переведено в духе протестантизма, как «радостная весть». Это, конечно же, свидетельствует о непонимании переводчиками русского Православия. Но в то же время, как это ни парадоксально, акцентирует свойственный Толстому рационализм, роднящий его как с «критическим христианством», например Эрнеста Ренана, так и с протестантизмом. И все-таки эта неточность переводчиков, пусть и непреднамеренная, свидетельствует о их незнакомстве с официальной Библией на вьетнамском языке. Видимо, «евангельский текст» «Воскресения» они перевели без обращения к авторитетному источнику.

В XXXIX главе первой части упоминаются «Деяния апостолов», эпизод из которых был прочитан дьячком «странным, напряженным голосом, что ничего нельзя было понять» [8, т. 32, с. 135]. В переводе «Деяния» названы «Жизнеописания святых апостолов». Акцент сделан характерный. В русском синодальном переводе речь идет не столько о жизнеописании апостолов, сколько об их деятельном участии в распространении Христова благовествования: они свидетели и посланцы Божии. Но переводчики, изменив название, – «жизнеописание» вместо «деяния», – передали не «букву», а «дух» толстовского текста. Поясним эту мысль.

В той же главе в вольном изложении передан прочитанный на литургии эпизод из Евангелия от Марка: «<...> в котором сказано было, как Христос, воскресши, прежде чем улететь на небо и сесть по правую руку своего отца, явился сначала Марии Магдалине, из которой он изгнал семь бесов, и потом одиннадцати ученикам, и как велел им проповедовать Евангелие всей твари, причем объявил, что тот, кто не поверит, погибнет, кто же поверит и будет креститься, будет спасен и, кроме того, будет изгонять бесов, будет излечивать людей от болезни наложением на них рук, будет говорить новыми языками, будет брать змей, и если выпьет яд, то не умрет, а останется здоровым» [8, т. 32, с. 135] (Мк. 16: 9–18). Не случайно Толстой выбрал именно этот эпизод, в котором говорится о смятении апостолов, о том, что они не поверили словам Марии Магдалины о воскресении Христа: «но они, услышав, что Он жив и она видела Его, – не поверили» (Мк. 16: 11). Толстой, как известно, не верил в Воскресение Господне, не верил в чудеса, совершенные Христом, в частности в чудо воскрешения из мертвых Лазаря. Для христиан же главное упование на воскресшего Христа. Иоанн: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, то оживет» (Ин. 11: 25). Только евангелист Иоанн пове-

ствует о чуде воскрешения Лазаря. Н.Н. Гусев, биограф Л. Толстого, записал: «Перед Пасхой 1908 г. Лев Николаевич выразился: “Вот Софья Александровна Стахович – умная женщина. А пишет мне, выписывает стихи Хомякова о воскресении Лазаря. Он и не воскресал никогда, и незачем ему было воскресать, да если бы он и воскрес, то нам никакого дела нет до этого”» [4, с. 319].

Толстой жестко тенденциозен, когда акцентирует внимание на заключительной части текста Евангелия от Марка, когда пропускает из-за кажущейся «невнятности» прочитанный дьячком эпизод из апостольских Деяний (1, 1–14; 2, 1–4). Смысл этого эпизода – послание апостолов на проповедь, свидетельство о Вознесении Господнем. Не случайно Толстой «не услышал» это чтение, ибо здесь, в отличие от заключительной главы от Марка, так подробно иронично переданной им, подчеркивается нерушимое единомыслие апостолов, их непреклонная вера в Воскресение и Вознесение Господнее, свидетелем которого они стали. На литургии, описанной Толстым, было прочитано: «Он поднялся на глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время Восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деяния, 1:11). Одна из главных функций Священного Писания – свидетельская. Евангелисты не устают напоминать о том, что они видели все своими глазами. Из множества свидетельств подобного рода укажем на одно. Апостол Иоанн заканчивает свое повествование: «Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (Ин. 21: 24). Первое соборное послание он же начинает: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни» (1Ин. 1:1).

Одной из важнейших проблем библеистики является вопрос о толковании Священного Писания, то есть экзегетика. В работе «О началах. Против Цельса» основоположник библейской герменевтики Ориген объясняет причину ошибочного истолкования Священного Писания, которая заключается в понимании его не в духовном смысле, но по букве [6, с. 352, 354]. Мысль же Священного Писания бездонна.

Есть основания говорить о том, что переводчики «Воскресения» Фунг Уонг, Ву Динь Фонг перевели роман «по букве», большей частью без сравнения с Библией, перевод которой на вьетнамский язык был сделан авторитетными вьетнамскими библеистами. Но вот парадокс. Мы предполагали, приступая к работе над предложенной темой, что переводчики, в силу духовно-религиозной несовместимости, столкнутся при обращении к ро-

ману «Воскресение» с непреодолимыми для них трудностями, прежде всего духовно-культурного плана. Но оказалось, что «духовность» Толстого не столь не совместима с традиционными для Востока религиозными практиками. Переводчики безошибочно почувствовали в «христианстве» Толстого дух даосизма, что и позволило им, несмотря на отмеченные выше неточности, не углубляясь в бездонную символичность Священного Писания, «по букве» воспроизвести на вьетнамском языке реально заявленную в романе неканоничность толстовских верований.

Утверждаем, что авторам перевода удалось сохранить эмоционально-экспрессивную выразительность этих глав романа, так что вьетнамские читатели оказались в равном положении с русскими читателями. Они смогли почувствовать и воспринять не только стилистическое своеобразие «Воскресения», но и приблизиться к пониманию оригинальной духовности Толстого. Это важно отметить, так как в первом сокращенном переводе «Воскресения» на вьетнамский язык, выполненном в 1928 году и помещенном в газете «Голос народа» (переводчик Хоа Чунг), были объединены главы XXXVII–XL и пропущена сцена тюремного богослужения. Это позволяет нам констатировать во вьетнамском обществе усилившийся интерес к нравственно-религиозному учению Толстого.

Библиографический список

1. Басинский П. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. – М.: АСТ, 2013. – 572 с.
2. Бердяев Н.А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров) // Путь. – 1928. – № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/11/4/> (дата обращения: 10.02.2015).
3. Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/journal/konf/1994/01-zakharov.htm> (дата обращения: 10.02.2015).
4. Цит. по: Иоанн Сан-Францисский. Избранное / сост., авт. вступ. статьи Ю. Линник. – Петрозаводск: Святой остров (Фонд культуры Карелии), 1992. – 575 с.
5. Новоселов М.А. Открытое письмо графу Л.Н. Толстому // Басинский П. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. – М.: АСТ, 2013. – С. 551–563.
6. Ориген. О началах. Против Цельса. – СПб.: Библиополис, 2008. – 792 с.
7. Толстой Л.Н. Воскресение / пер. Фунг Уонг, Ву Динь Фонг. – Ханой: Сообщество писателей, 2005. – 778 с.
8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное изд.). – М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958.

СЕМАНТИКА ПАРАТЕКСТУАЛЬНОСТИ

(на материале романа Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта»)

Основываясь на систематизации видов и функций интертекстов в тексте, предпринятой Ж. Женеттом, данное исследование подвергает анализу категорию «паратекстуальности», характерную для постмодернистского дискурса. Эпиграф, рассматривающийся как текстологическая единица, представленная в виде объединения двух уровней текста (глубинного и поверхностного), на глубинном уровне кодирует смысл произведения, а на поверхностном уровне является одной из минимальных декодирующих единиц, расположение которых определяется действием сюжетной перспективы художественного текста. Рассмотрение романа Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» с данных позиций иллюстрирует многоуровневость постмодернистского текста. На основе романа мы выделили полисемантические эпиграфы. Такого рода эпиграфы имеют несколько областей соответствия, причем они могут проявлять себя как в главе, непосредственно следующей за ними, так и в главах, находящихся в значительном отдалении. Также эпиграфы романа можно подразделить на сюжетообразующие, авторско-эмотивные и эпиграфы, создающие исторический фон эпохи романа. Таким образом, эпиграф, обладая семантико-семиотической наполненностью, создает коммуникативное пространство художественного текста и одновременно определяется этим коммуникативным пространством. Эпиграф в романе несет субъектную, фактологическую, концептуальную и подтекстовую информацию, он выполняет диалогизирующую и формоопределяющую функции.

Ключевые слова: эпиграф, референт, паратекст, интертекст, текст, семантика, Фаулз, викторианство.

Наиболее известная попытка систематизации видов и функций интертекстов в тексте была предпринята французским исследователем Ж. Женеттом. В своей книге «Палимпсесты: литература во второй степени» он выделяет категорию «паратекстуальности» как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу. Анализируя феномен «паратекста» (название книги, имя автора, предисловия, эпиграфы, посвящения и т. д.), Ж. Женетт рассматривает как «порог» тексты, лежащие на пороге произведения, то есть между произведением и действительностью, и показывает, что паратексты прежде всего выполняют медиальную функцию, то есть делают текст книгой [2].

Постараемся проанализировать характер связи эпиграфов Фаулза с основным текстом, их «валентную» мощност, степень их «имплантированности» в текст романа «Женщина французского лейтенанта», а также их семантическую и лексическую наполненность.

Все эпиграфы романа можно рассмотреть в виде суммарного текста-коллажа, достаточно автономного и независимого от основного текста, по отношению к которому он является иллюстрацией викторианской эпохи в Англии. Композиция романа строится на противопоставлении двух исторических эпох – современности, с ее сексуальной революцией, привычкой срывания всех и всяческих масок, и викторианства, с его лицемерной, ханжеской моралью, жесткими общественными рамками, регулирующими поведение человека вплоть до его чувств. Авторской задаче развенчания мнимого пуританизма времени правления легендарной королевы Виктории служат эпиграфы к главам романа – из трудов К. Маркса («К еврейскому вопросу», «Капитал», «Экономико-философские рукописи»,

«Святое семейство», «Немецкая идеология»), Ч. Дарвина («Происхождение видов»), Э. Ройстона Пайка («Человеческие документы викторианского золотого века»), Дж.М. Янга («Портрет эпохи»), «Доклада о положении в горнопромышленных районах» и т.д.

Многочисленные научные комментарии, богатая терминология, упоминание десятков теорий из разных областей человеческого знания не имеют негативного оттенка – ведь сам главный герой романа, Чарльз Симпсон, является натуралистом и палеонтологом-любителем. Научность, как одна из черт современной эпохи, создает необходимый контекст для критического отношения к Англии XIX века: «In that year (1851) there were some 8,155,000 females of the age of ten upwards in the British population, as compared with 7,600,000 males. Already it will be clear that if the accepted destiny of the Victorian girl was to become a wife and mother, it was unlikely that there would be enough men to go round» [3, p. 12]. Во второй главе романа появляется двойной эпиграф, обе части которого противоположно «заряжены» с самого начала. Первый из эпиграфов взят из книги Э. Ройстона Пайка «Человеческие документы викторианского золотого века», второй – из английской народной песни. Иными словами, это взаимодействие прозы и поэзии, факта и вымысла – основного конфликта романтического мировидения. В подобном соседстве, на предельно разведенных уровнях Фаулз заявляет о своем обращении к теме «мужчина – женщина», которая в дальнейшем приобретает у него новые смысловые оттенки. Связывая этот «двусмысленный» диалог эпиграфов с текстом второй главы, в которой перед нами впервые предстают главные действующие лица романа – Сара Вудраф, Чарльз Смитсон и Эрнестина Фримен, мы входим в про-

странство откровенно игровой ситуации. Игровые возможности в этом случае многократно возрастают, когда в дело вступает и приводимая в данной главе литературная аллюзия (роман Джейн Остин «Убеждение»), и два имени-прозвища Сары (с одной стороны – Трагедия, с другой – «шлюха»), и нарочито провокационная концовка этой главы: «I wish you hadn't told me the sordid facts. That's the trouble with provincial life. Everyone knows everyone and there is no mystery. No romance» [3, p. 16].

В интертекстуальной игре романа с чередованием художественных и социологических источников, иллюстрирующих социально-бытовую среду викторианского общества, Фаулз создает иллюзию исторической правдоподобности. А с появлением в романе самого автора-рассказчика настоящее романа окончательно сливается с викторианским прошлым.

Обеспокоенность автора реальными фактами прошлого определяет социально-исторический контекст романа. Интертекст романа раскрывает не только критическое отношение автора к ограничениям викторианского общества, но и его отход от литературной традиции. Фаулз имитирует викторианский роман, но показывает свою героиню падшей женщиной, чтобы создать эффект пародии. Таким образом, читатели пересматривают свое стереотипное восприятие общества того времени, основанное на викторианской литературной традиции.

Точное указание года (1867), когда происходит действие романа, в сочетании с многочисленными эпиграфами из произведений викторианской эпохи полностью погружает читателя в атмосферу того времени. Перенос повествования из XIX века в XX и обратно создает новый контекст диалога эпох.

Текст самостоятелен и псевдоисторичен одновременно. Через тексты-референты Фаулз ведет диалог с викторианской эпохой, акцентируя темы свободы, женской эмансипации и социальных условий. Благодаря использованию стилизации под викторианский роман и обрамляющих каждую главу эпиграфов Фаулз имитирует викторианскую склонность вплетать исторические и социологические обобщения в ткань художественного произведения, тем самым раздвигая границы личных интересов и предпочтений автора, творя художественный текст почти что энциклопедического качества, так как текст впитывает все аспекты культуры общества, включая такие детали, как особенности одежды и быта, строгость манер и поведения, и даже новаторские для того времени идеи дарвинизма.

На первоначальном этапе все эпиграфы романа могут быть разделены на медицинские источники, социологические и статистические документы и поэтические и прозаические тексты Викторианства. (Необходимо отметить, что в романе нет ни

одного эпиграфа, имеющего отнесенность к другим историческим эпохам.)

Среди эпиграфов романа особое место занимает цитата из работы К. Маркса «К еврейскому вопросу». Этот эпиграф не только открывает роман, но и актуализирует одну из главных тем – экзистенциальной свободы и человеческой эмансипации: «Всякая эмансипация состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку» [3, p. 9]. Фигура Маркса, попытавшегося создать всеобъемлющую картину общественного устройства в ее «базисных» и «надстроечных» проявлениях, задает тон и особую векторность фаулзовскому роману.

Викторианский период в истории Англии характеризуется индустриализацией, а значит улучшением качества жизни, трансформацией и прогрессом: «It was such an age of change. So many orders beginning to melt and dissolve» [3, p. 317]. Изменение в социальной структуре общества сопровождалось разрушением старых традиций, результатом чего стала социальная подвижность. Стало возможным приближение на социальной лестнице к состоятельной прослойке общества и титулованному дворянству. Так, Эрнестина Фримен, дочь богатого торговца тканями, обручена с Чарльзом Смитсоном, баронетом. Слуга Чарльза, Сэм, пытается всеми способами подняться по социальной лестнице. И предательство Сэма предвосхищается в эпиграфе к главе 49, взятом из произведения А. Теннисона: «I keep but a man and a maid, ever ready to slander and steal...» [3, p. 353]. Мечта слуги осуществляется к концу романа, и он начинает заниматься торговлей в сотрудничестве с мистером Фрименом. Хотя этот эпиграф не лишен сарказма, старания Сэма подняться на социальной лестнице отражают общее направление социальных изменений в викторианской Англии. Несмотря на то что социальная иерархия претерпевала изменения благодаря развивающейся торговле и коммерции, эмоционально-чувственная сторона человеческой жизни подвергалась строгим ограничениям. Как отмечает сам Фаулз, викторианское правление было временем противоречий: «An age where woman was sacred; and where you could buy a thirteen-year-old girl for a few pounds. <...> There is not a single novel, play or poem of literary distinction that ever goes beyond the sensuality of a kiss, and where the output of pornography has never been exceeded» [3, p. 258]. Именно против таких нелепости и лицемерия выступает Фаулз, говоря об общечеловеческой эмансипации.

Многочисленные эпиграфы в романе «Женщина французского лейтенанта» взяты из произведений Артура Хью Клафа, который считается одним из самых смелых поэтов XIX века благодаря чувственности его лирики. Его поэзия выражает протест против современных ему социальных явлений. В главе 11 стихотворение «Долг» раскрывает

догму долга и ответственности, которая полностью охватывает и регулирует жизнь викторианского общества во всех ее аспектах: «With the form conforming duly / Senseless what it meaneth truly / Go to church – the world require you / To balls – the world require you too / And marry – papa and mama desire you / And your sisters and schoolfellows do» [3, p. 76]. Этот эпиграф перекликается с эпиграфом к главе 44: «Duty – that's to say complying / With what'er's expected here ... / With the form conforming duly, / Senseless what it meaneth truly ...» [3, p. 322]. Долг, словно кандалы, охватывает и управляет повседневной жизнью викторианцев. Первая предполагаемая концовка романа, где Чарльз женится на Эрнестине, подчиняется викторианской литературной традиции и общественному долгу. Тем не менее, посредством этих двух эпиграфов, Фаулз критикует лицемерные ограничения, существовавшие в обществе, прикрываемые понятием долга. Таким образом, он отбраковывает первый традиционновикторианский финал романа. Фаулз использует откровенное изображение чувственности в стихах А.Х. Клафа для описания влечения Чарльза и Сары в главе 46: «Ah yet, when all is thought and said, / The heart still overrules the head...» [3, p. 331]. Этот эпиграф предсказывает сцену романа, когда Чарльз и Сара не могут подавить своих чувств и страсти, нарушая неписаные правила викторианского общества. Человеческие страсти и чувства преобладают над искусственными кандалами ограничений викторианского мира.

Еще один автор, чье влияние значительно в романе, – Томас Гарди. Противостояние Гарди общественным запретам на чувственность и тот факт, что подзаголовок романа «Тесс из рода д'Эбервиллей» – «Чистая женщина, правдиво изображенная», перекликаются с целью Фаулза – изобразить Сару Вудраф как заклеенную позором падшую женщину. Всё описание Сары в романе находится под влиянием Гарди. Как признавался Фаулз, роман «Женщина французского лейтенанта» возник из необъяснимого образа женщины, стоящей на берегу моря [4, p. 388–389]. Данный образ полностью созвучен эпиграфу к главе 1 романа – стихотворению Гарди «Загадка». Фаулз связывает этот повторяющийся образ со стихом Гарди и представляет читателю свою героиню – Сару Вудраф: «Stretching eyes west / Over the sea, / Wind foul or fair, / Always stood she / Prospect-impressed; / Solely out there / Did her gaze rest, / Never elsewhere / Seemed charm to be» [3, p. 9]. Сквозь описание Сары Вудраф Фаулза просматривается образ женщины Гарди. Несмотря на всю похожесть, судьба Сары отличается от судьбы Тесс. В рамках выбранного жанра – пародии – Фаулз отвергает традиционное развитие событий. Он пишет судьбу «падшей женщины», отличающуюся от литературной традиции того времени: в судьбе Сары нет и намек на лич-

ностный упадок и смерть. Наоборот, Сара в конце романа предстает Новой Женщиной, отказывается от уз брака с Чарльзом, и в этом свободомыслии – ее предназначение. Ее грех отличает ее от викторианских женщин, и благодаря ему она обретает освобождение от запретов. В этом просматривается постмодернистский парадокс. Фаулз привлекает трагический образ Тесс Гарди, но преобразует пассивную героиню в бунтарский образ женщины, который восстает против шовинизма викторианского общества. Характеристика Сары Вудраф как эмансипированной женщины отражает желание самого автора поставить под сомнение устои викторианского общества и создать свой собственный художественный мир.

Появление эпиграфа из Гарди, который следует сразу за эпиграфом из трудов К. Маркса, создает игровую «неопределенность», которая задает у Фаулза тон характеру отношений «эпиграф – текст» в целом. Красноречивое название стихотворения «Загадка» также добавляет противоречивости общероманному повествованию. Текст самого стихотворения изначально читается как «двусмысленный»: общество здесь абсолютно выведено за границы мира героини, она «пребывает» в самой себе, но не вследствие эмансипации, дарованной обществом, а благодаря возвращению к стихии романтиков – к морю. Стоящее за строками Гарди обращение к иному, чем у Маркса, способу осмысления мира; ассоциации с пониманием общества и человека у романтиков словно настраивают на текст всего романа.

В главах 35 и 39 цитаты из социологических исследований обнажают проблему проституции и двойных стандартов общества в отношении секса и места женщины. Эпиграфы также предвосхищают содержание глав. Эпиграф к главе 39 – отрывок из письма в газету «Таймс» – обнажает социальное лицемерие и показывает жизнь проститутки – беспомощной и несчастной жертвы системы: «Now, what if I am a prostitute, what business has society to abuse me? Have I received any favours at the hands of society? If I am a hideous cancer in society, are not the causes of the disease to be sought in the rottenness of the carcass? Am I not its legitimate child; no bastard, Sir?» [3, p. 288]. Обвинения проститутки в адрес общества являются иллюстрацией к содержанию последующей главы, еще более доводящей до абсурда нравственное состояние викторианского общества. Проституция осуждается патриархальным викторианским обществом, отвергается и, одновременно, востребованна и повсеместна. Следовательно, для удобства общества проститутки рассматриваются как угроза общества, как греховные изгои, подрывающие нравственные устои, нежели как жертвы этого самого общества.

Двойной эпиграф к главе 28 отражает «мужское» доминирующее понимание ментального за-

болевание женщины, истерии. Авторитетность медицинских взглядов доктора Грогана подрывается эпиграфом к главе: «Assumptions, hasty, crude, and vain, Full oft to use will Science deign...» [3, p. 223]. Аксиомы, упомянутые в оригинале, характеризуют патриархальные, предвзятые взгляды Грогана на состояние Сары. Он выносит диагноз героине, основываясь на истории лейтенанта Эмиля де ла Ронсьера.

Эта система репрессивна, ибо подавляет живые человеческие чувства, ставит вне закона страсть и воображение, накладывает ограничения на межличностные отношения, устанавливает ложную иерархию моральных ценностей, в которой долг считается главной добродетелью. Для подтверждения своих выводов Фаулз вводит в текст обширный документальный материал – цитаты современников, отчеты и сводки, выдержки из прессы, статистические выкладки, даже цитаты из работ Маркса.

Можно было бы предположить, что высказывание К. Маркса: «Every emancipation is a restoration of the human world and of human relationships to man himself» [3, p. 9], ставшее эпиграфом к роману, относится в первую очередь к Саре – ведь именно она ведет себя как эмансипированный человек, являясь словно посланницей XX века в веке XIX. Сарини интересы далеко выходят за пределы любовных отношений или брака, не Чарльз интересуется ее, а возможность стать такой, какой ее создал Бог, – именно поэтому она, сблизившись с кружком прерафаэлитов, в одной из концовок романа бросает Чарльза, предоставляя ему возможность вернуть себе свою человеческую сущность.

Последняя, 61-ая, глава романа «Женщина французского лейтенанта» также имеет двойной эпиграф. В диалог здесь вступают тексты, принадлежащие соответственно XX и XIX векам. Они несут информацию о разных культурных парадигмах и о разном интеллектуально-мыслительном характере эпиграфов. Первый эпиграф к последней главе романа взят из книги «Этот правый, левый мир», принадлежащей современному американскому писателю, популяризатору науки Мартину Гарднеру: «Evolution is simply the process by which chance (the random mutations in the nucleic acid helix caused by natural radiation) cooperates with natural law to create living forms better and better adapted to survive». Второй эпиграф взят из «Записных книжек» Мэтью Арнольда: «True piety is acting what one knows» [3, p. 440].

Эпиграф из книги Гарднера так или иначе повторяет основную мысль Ч. Дарвина из его труда «Происхождение видов», правда, придавая ей несколько иронический смысл. Здесь можно увидеть двойную функцию. С одной стороны, эта мысль возвращает нас ко всему тексту романа, становясь своего рода фреймом; с другой стороны, она ассоциативно связывается с фигурой главного ге-

роя – «дарвиниста» Чарльза Смитсона. Поскольку на одном из уровней восприятия, уровне «биологически-дарвинистском», текст Фаулза может быть прочтен как история «борьбы видов» в человеческом обществе, как история непримиримого конфликта между более и менее приспособленными к жизни «особями», то мы видим, что начатая в начале романа игра «эпиграф – текст» получает здесь блестящее завершение. «Беспорядочные мутации» в судьбах Сары и Чарльза, противостояние упорядоченному «отбору» в мире Фрименов создают – вопреки утверждению эпиграфа – человеческие «виды», менее «приспособленные для борьбы за существование».

Эпиграф из Мэтью Арнольда в данном контексте читается как своеобразный итог, как резюме развития характеров Сары и Чарльза. Но поскольку начало заключительной, шестьдесят первой, главы романа отдано Фаулзом некоему «уважающему себя романисту», «случайно» оказавшемуся в произведении, мы видим воплотившуюся в фаулзовском тексте игровую смысловую многозначность и «неопределенность», проступающую во многом благодаря диалогу эпиграфов и основного текста. Не случайно последние строки романа повторяют строки из цитируемого в тексте пятьдесят восьмой главы стихотворения Мэтью Арнольда «К Маггарите»: «...out again, upon the unplumb'd, salt, estranging sea» [3, p. 445]. Эти строки непосредственно возвращают нас к эпиграфу первой главы – из «Загадки» Т.Гарди. Но теперь эти строки связываются не столько с Сарой Вудраф, сколько с Чарльзом Смитсоном, с обретенным им пониманием загадки жизни, свободы, связываются с воплотившемся в нем центральном конфликте романтизма и его метафорической соотносительностью со стихией моря.

Море, как олицетворение крайней степени свободы, выступает лейтмотивом романа. В море ушел мнимый возлюбленный Сары, которого она ждет, стоя на краю мола; у моря происходят тайные встречи Сары и Чарльза, ломающие судьбу Чарльза: «Charles did not know it, but in those brief poised seconds above the waiting sea, in that luminous evening silence broken only by the waves' quiet wash, the whole Victorian Age was lost» [3, p. 75]; через море он отправляется на другой свободный континент в поисках полноты жизни; заканчивается роман проведением символической параллели между человеческой жизнью (рекой жизни) и водной стихией, воплощающей безграничность бытия: «The river of life, of mysterious laws and mysterious choice, flows past a deserted embankment; and along that other deserted embankment Charles now begins to pace...» [3, p. 445].

И здесь мы приближаемся к кульминации фаулзовской игры «эпиграф – текст», поскольку перед нами возникает растворившийся в финале вводный

эпиграф к роману: «Всякая эмансипация состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку». Чарльз Смитсон, приблизившийся благодаря Саре к самоосвобождению, возвращается на наших глазах к самому себе.

Как показывает анализ структуры фаулзовских эпиграфов и характера их отношений с текстом, они дают намеки и дополняют как отдельную главу, так и весь роман. Они могут состоять из одной строки (например, глава 34 – «And the rotten rose is ript from the wall») или нескольких строк (глава 43 – «Yet I thought I saw her stand, A shadow there at my feet, High over the shadowy land»). Могут быть двойными, как, например, в главе 29, где строчки из А. Теннисона вступают в диалог с мыслями из «Записных книжек» М. Арнольда.

Можно отметить наличие разностилевых и разноинтонационных эпиграфов, к примеру – в главе 8, где встречаются в пространстве эпиграфа Альфред Теннисон и Лесли Стивен. Но всякий раз неизменной остается фаулзовская установка на создание полисемантического, необычайно насыщенного интертекста.

Следует обратить внимание и на то, что Фаулз охотно прибегает к системе авторских сносок, комментариев, примечаний, которые сообщают фаулзовской игре дополнительное измерение. Н. Пальцев, анализируя роман «Женщина французского лейтенанта» в работе «Суть творчества, суть чудотворства... Притчи об искусстве Джона Фаулза», пишет: «Подобно дотошному историку,

Джон Фаулз потратил годы на кропотливое собрание и классификацию самых разнообразных свидетельств – от объемистых монографий до газетно-журнальной рекламы описываемой поры – о социально-общественной, бытовой и культурно-эстетической так называемой “золотой эры викторианства”...» [1, с. 11].

Анализ всего корпуса эпиграфов, входящих в фаулзовский роман, свидетельствует о том, что «ясных» и «прямых» отношений эпиграфов и текста мы практически не найдем. Вводя эпиграфы в свой текст, Фаулз напрямую отправляет нас к тексту-адресату, но, с другой стороны, текст-реципиент, в результате предпринятой Фаулзом игры – диалога эпиграфа и текста, перестает быть «равным» себе и даже меняет во многом перспективу восприятия текста, его породившего.

Библиографический список

1. Пальцев Н.М. «Суть творчества, суть чудотворства...» // Джон Фаулз. Башня из черного дерева. – М.: Прогресс, 1980. – С. 3–13.
2. Рымарь Н.Т. Бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта и проблема границы «искусство / не искусство» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2006. – № 1 (4) – С. 247–256.
3. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. – Vintage, 1996. – 445 p.
4. Fowles J. Wormholes. Essays and Occasional Writings / ed. and with an intro. by Jan Relf. – Vintage, 1999. – 484 p.

МОТИВЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОЧЕРКЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «СЛОВО О РОДИНЕ» (Статья вторая)

Автор статьи раскрывает жанрово-стилистическое своеобразие духовной публицистики Б. К. Зайцева, показывает значение произведений древнерусской литературы и наследия русской классики XIX века в очерке Зайцева «Слово о Родине». По мнению автора статьи, Зайцеву близки взгляды митрополита Иллариона: отталкиваясь от идеи приобщения народов к великой христианской культуре, писатель сам уподобляется летописцу, видящему историю своей страны в контексте мировой истории. В статье анализируется композиция «Слова о Родине», рассматривается тематическое и идейное значение ее частей. Зайцев декларирует читателям новое понимание категории сына Родины. Писатель предлагает всем русским, оказавшимся в эмиграции, с достоинством нести звание русского православного человека, причастного к великой стране, обладающей могучим, неисчерпаемым потенциалом духовного и культурного воздействия на всё планетарное человечество. В этом смысле понятие Родины в очерке Зайцева расширяется до размеров Вселенной, одухотворенной Словом Творца. Автор «Слова о Родине» возвращает соотечественникам-эмигрантам утраченное чувство сыновства по отношению к покинутому Отечеству. Автор статьи подробно рассматривает язык «Слова о Родине» и средства художественной выразительности, выявляет, как в тексте возникает потрясающая воображение читателей психологическая и темпоральная аллюзия, дающая ряд творческих реконструкций эпохи Древней Руси.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», Владимир Святой, Пушкин, «Поэт», «Памятник», «Пророк», святые Борис и Глеб.

Б.К. Зайцев, отталкиваясь от идей митрополита Иллариона, сам уже дописывает, как некий летописец, историю Руси-России в контексте мировой истории. Ему близки взгляды Иллариона о великом процессе приобщения всех народов к великой культуре христианства, в числе которых русский народ выступает как органическая часть всего человечества. Ведь христианство несовместимо с узконационалистическим представлением об исключительном праве отдельно взятого народа на истину и власть. И потому только в творческом свете христианства возможен воспетый Зайцевым процесс переплавки народов России и рождение «новых» людей, как это произошло при Владимире Святом. Приведём отрывок из «Слова о родине», иллюстрирующий эту концепцию Зайцева: «“Молодая страна! Молодая культура! Мы не только славяне и татары, мы и наследники великого Востока (Византии)”». Родина наша была и есть гигантский котёл, столетиями вываривавший из смесей племён и рас нечто совсем своё и совсем особенное» [2, с. 8]. «Своё, особенное», по мысли Зайцева, заключалось в свете христианских милосердия, любви – унаследованных русской классической литературой от времен Владимира Святого и просиявших в равной мере для русского народа и народов Запада. Эту «лелеющую душу гуманность» выразил в своём стихотворении-завещании А.С. Пушкин. И Зайцев приводит эти бессмертные строки в качестве внутреннего эпиграфа своего очерка:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал [2, с. 10].

Подробный анализ фрагмента, посвященного прославлению Владимира Святого, позволяет определить значение «Слова о гибели Русской земли» в предпринятой Б.К. Зайцевым попытке реконструкции религиозных, нравственно-эстетических представлений древних славян о сущности христианства. Отмечая заслуги князя Владимира в деле христианизации Руси, Зайцев дважды употребляет эпитет и существительное, образованное от слова «солнце»: «...Началась настоящая, большая История России – под солнечным светом, при солнце! <...> осталось всё же дуновение вольности и широты, широкошумности и света – света самое главное! <...> Стороной художественной, видимо, уязвило его <...> христианство, <...> его внутренне светлый, музыкальный дух» [2, с. 7]. В этом, на первый взгляд, сбивчивом, эмоциональном потоке мыслей автора «Слова о Родине» есть своя логика. Обращает на себя внимание порядок слов и определений, объединённых образом света. Сначала идёт «солнечная» лексика, выбранная Зайцевым, надо полагать, не случайно. Владимир I до принятия христианства был, как известно, верховным жрецом бога Солнца, и, восходящее к былинам, титулование «Владимир, Красное Солнышко» характеризует важный этап эволюции религиозного сознания князя. Затем, по мере вхождения Руси в христианство, Зайцев употребляет слово-символ «свет». Ему созвучны слова пространственно-звукового ряда, характеризующие внезапное и благодатное приобщение славян к огромной вселенной: мировой истории, географическим просторам стран и народов. И эта светоносная «широкошумная» ширь земли выражает, по мысли Зайцева, те внутренние свободу и красоту, которые обрели

славяне в христианстве, сбросив иго тьмы и несвободы язычества. То есть обрели настоящее, истинное видение мира, их окружающего, обрели смысл и цель жизни – личной и в Истории.

Эти же лексические признаки христианских эстетических воззрений встречаются в самом начале «Слова о погибели Русской земли»: «О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси <...> Всего еси исполнена земля Руская, о правовѣрная вѣра христианская!» [1, с. 116]. Иначе говоря, по мысли древнерусского книжника, вера христианская и свет – понятия синонимичные. Если учесть тот факт, что в финале «Слова о погибели Русской земли» упоминается князь Владимир, то не составляет особого затруднения расшифровать основную мысль книжника, заявленную в первой, лирической, части «Слова о погибели Русской земли». Суть её такова: свет правоверной веры христианской, принесенной на Русь князем Владимиром Святым, украсил, чудесно преобразил землю Русскую и столь же прекрасным сделал душевное устройство людей, в ней обитавших. Вот эту лексику, касающуюся категорий света, красоты, свободы, и заимствовал из «Слова о погибели Русской земли» Зайцев.

Вслед за фрагментом, посвященным Владимиру, начинает стремительно и мощно нарастать тема пушкинского гения в очерке Зайцева. Вначале негромко, задумчиво-удивленно звучит она в риторическом вопросе автора «Слова о Родине»: «Ведь это ещё Пушкин, до решительного гоголевского перелома в литературе нашей – а что же Гоголь сам, и Достоевский, и Толстой, Тургенев, Чехов... Мимо каких это “падших” прошли они равнодушно? Какую “милость” могли отвергнуть?» [2, с. 10].

Зайцев тут же даёт ответ на данные вопросы, касающиеся нравственно-эстетического существа всей русской классической литературы XIX века. По мысли автора «Слова...», он состоит в невероятном по масштабам и глубине человеколюбию, в той самой «лелеющей душу гуманности», так поразившей в своё время Белинского. Истоки этой сверхгуманности, впервые свободно и открыто пропетой России и миру Пушкиным, подхваченной гениальными романистами, писателями и драматургами XIX века, Зайцев прозорливо усматривает в христианских святынях и ценностях. Столь отчетливо, ясно узреть и осмыслить причину и своеобразие духовной красоты, чарующего обаяния родной литературы писатель смог, по его признанию, лишь в состоянии «зрителя», наказанного Богом за недостаточную любовь к Родине. Поэтому и оттеняется в его суждениях о сердечной теплоте отечественной литературы сумрачный и рационально-холодный Запад, в котором христианское начало давно и заметно поубавилось: «Из “прохладного” Запада, на фоне крепко, иной раз жестко очерченного

его духовного пейзажа – пейзаж и климат русской литературы выступает насколько душевнее и трогательней. Человечнейший и христианнейший из всех... – это только теперь мы с особенною остротою почувствовали. А где корни его? <...> всё-таки можно сказать: девятнадцатый русский век, со всей славой его, не с неба свалился. Создан сынами тысячелетней России. Ярчайший её плод» [2, с. 10]. С этих строк и до конца фрагмента о Пушкине, литературном и музыкальном наследии Родины стиль Зайцева обретает необыкновенную пластичность, органично соединяя в едином тексте лексику и фразеологию произведений литературы Древней Руси и русской классической литературы XIX века. Автор «Слова о Родине» демонстрирует пушкинскую всеотзывчивость к явлениям отечественной и зарубежной литературы и культуры, но при этом пространственно-временной диапазон, в границах которого анализирует и сопоставляет он духовные и культурные ценности, поражает воображение читателя своей широтой. Зайцев искусно «свивает славы» вершинных достижений Руси времён князя Владимира с шедеврами литературы России XIX – начала XX веков. «Ярчайший плод» в этом драгоценном наследии – гений Пушкина. Все именитые писатели, композиторы, музыканты, живописцы – всё созвездие талантов рождено творческим импульсом пушкинской эпохи: «<...> Вот столетие Пушкина. Оно отпраздновано в десятках городов, десятках стран Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии. Лев Толстой безраздельно властвует над “планетой” нашей. Чехов слышен в Лондоне, Нью-Йорке, Австралии.

Европейскими лаврами увенчан Бунин. Не меньше того и в музыке. По всему свету ходит теперь и Мусоргский, и Римский-Корсаков, Чайковский, Рахманинов, Стравинский, Гречанинов. А Шаляпин? Мы только что видели его похороны – кажется, в первый раз оказан такой почёт иностранному артисту» [2, с. 10–12]. Этот фрагмент овеян мотивами двух шедевров Пушкина – стихотворений «Я памятник себе воздвиг...» и «Пророк». Но Зайцев, оказываясь свидетелем славы гения русской поэзии, а заодно и рожденной в лучах его наследия русской культуры XIX–XX веков, ощущает в себе право соотечественника и наследника этой культуры творчески развить мысли великого поэта. Пушкин предсказал свою общерусскую славу, свою вторую жизнь в памяти поколений всех племён, населяющих Отечество:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык [8, с. 332].

Теперь, по мысли автора «Слова о Родине», слух о Пушкине, а заодно и всей русской культуре, прошёл по всей планете, имя русского гения называет «всяк сущий в ней язык» – от просвещённых европейцев до пребывающих пока во тьме коренных

обитателей Африки. Над всеми странами третьего мира – от Азии до Австралии – уже возшла звезда пушкинского гения, человеколюбивого, милосердного, укоряющего, вызывающего к миру, добру, красоте. А в том исчислении городов и стран планеты, где увенчан лаврами коллективный Пушкин в лице блистательной плеяды писателей, композиторов, певцов, довольно ясно ощущается намёк на заключительные строки пушкинского «Пророка»:

И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» [3, с. 365].

«Божественный глагол» [3, с. 22], живущий вечно в наследии Пушкина и творчестве великих мастеров России, вместе с движением имен, создавших бессмертные шедевры, обходит теперь уже не моря и земли, но целые океаны и континенты, вызывая к человечности и милосердию земное человечество, находящееся в шаге от новой мировой войны. Вся литература, вся культура Родины выполняет пророческую миссию спасения народов от сползания в кровавую пучину взаимного истребления.

Вместе с тем сознание того, что он сам и его соотечественники-эмигранты принадлежат к той России, что дала миру дивную сокровищницу восхитительных творений, неповторимых шедевров, наполняет сознание Зайцева чувством умиротворенного любования Отчизной и укрепляет веру писателя в неизбежное возрождение и процветание России. Одновременно Зайцев декларирует читателям новое понимание категории сына Родины. Теперь писатель предлагает всем русским, оказавшимся в эмиграции, с достоинством нести звание русского православного человека, причастного к великой стране, обладающей могучим, неисчерпаемым потенциалом духовного и культурного воздействия на всё планетарное человечество. В этом смысле понятие Родины в очерке Зайцева расширяется до размеров Вселенной, одухотворенной Словом Творца. Автор «Слова о Родине» возвращает соотечественникам-эмигрантам утраченное чувство сыновства по отношению к покинутому Отечеству безоговорочно и навсегда.

Есть ещё одна примечательная особенность рассмотренного фрагмента о Пушкине и русской культуре. Всё его содержание органично вытекает из предыдущих суждений Зайцева о роли князя Владимира в крещении Руси и последующем бурном расцвете отечественной культуры. Зайцев искусно вплетает в раздел о Владимире Святом пушкинский эпитет «широкошумные». У современников писателя сразу же всплывали в сознании бывшие на слуху строки известного стихотворения «Поэт»:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепетётся,
Как пробудившийся орёл.

Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы... [3, с. 22].

Приведём для сопоставления ещё раз отрывок из очерка Зайцева «Слово о Родине»: «...Каков был в действительности этот Владимир, через толщу веков сказать трудно, осталось всё же дуновение вольности и широты, широкошумности и света, – света самое главное! <...> Некие черты поэта были во Владимире. Стороной художественной, видимо, уязвило его и христианство <...> за его внутренне светлый, музыкальный дух. Россия с тем вместе возведена ко вселенскому» [2, с. 7]. Интуитивно угадывая в легендарном древнерусском князе-реформаторе поэтическую натуру, Зайцев не только проводит параллель между его временем и веком девятнадцатым: «Ярчайший плод!» Автор «Слова о Родине» воспринимает князя Владимира как предтечу всей русской поэзии и Пушкина, как самое драгоценное явление в ней. Потому-то и вводит он в свой текст о Владимире, как драгоценную инкрустацию, узнаваемую лексику из пушкинских шедевров. Эпитет «широкошумные» трансформируется в существительное «широкошумность». В результате возникает потрясающая воображение читателей психологическая и темпоральная аллюзия, дающая ряд творческих реконструкций эпохи Владимира. Стихотворение «Поэт» становится в этом случае ключом к расшифровке легендарного, сказочного, но реально существовавшего героя Древней Руси. Ведь это Владимир, как истинный поэт, наделён был от природы в высших её значениях чутким слухом и смог уловить «божественный глагол» Творца. Ведь это он тосковал «в забавах мира», языческого мира, не отвечавшего всем строем и содержанием своим высоким духовным и творческим запросам князя-поэта. Для Зайцева эпитеты «дикий и суровый» означает состояние внутренней сосредоточенности князя, отрешенности его от «забав» светских, мирских и побег, стремительное удаление в некую пустыню духовного поста. Далее последовали внутреннее преображение и волна творческого процесса, обновившего Русь. Владимир у Зайцева, как и автор оды «Вольность» и послания к Чаадаеву, не может жить в неволе и тесноте, в глухом и тёмном затворе темницы язычества. И он уходит в «широкошумность», «вольность», «свет», «свободу». И всё это – во имя христовой Правды, спасительного эликсира духовного, призванного обновить Русь-Россию, ввести её «во вселенское», вечное и нетленное. Владимир совершал предначертанное высшими силами духовное преображение славян. Пушкин сделал то же самое в России XIX века. Зайцев, в сущности, открыл

онтологически свойственную поэтам Руси-России обострённость духовного слуха и чуткую интеллектуальность в понимании христианских истин.

В связи с этим приведём точное и глубокое наблюдение Ю.В. Лебедева: «Красота, Добро и Правда в представлении русского национального гения предвечны, нити их триединства в руках Творца. На земле они не явлены во всей полноте, их можно лишь почувствовать как сокровенную тайну в минуты поэтических вдохновений. <...> В творчестве Пушкина наша литература впервые и навсегда обрела свой зрелый, национально определившийся характер и заняла почётное место в кругу других литератур христианской Европы» [4, с. 29–31]. Зайцев именно так и понимал историческое значение миссии А.С. Пушкина. Но точно такой же высокой мерой измерил он и художественную одарённость Владимира Святого, определив духовный ген народного поэта в его самобытной и гениальной личности. В очерке «Слово о Родине» Зайцев определил уникальную закономерность в истории древней и новой русской литературы: лексические элементы из шедевров утра поэзии русского гения XIX века он поместил в свой текст, характеризующий утро русской словесности в эпоху Владимира Святого. Так в очерке Зайцева обозначилась важнейшая для него и патриотически мыслящей эмигрантской общественности мысль о неиссяка-

емом духовном источнике – христианских ценностях и святынях, питающем корни и плоды великой культуры России. Памятные даты и юбилеи – лишь повод осмыслить заново наследие Родины и быть достойными её величия, её Добра, Красоты и Правды. Таков подспудный смысл рассмотренных фрагментов «Слова о Родине».

Библиографический список

1. Воинские повести Древней Руси. – Л.: Лениздат, 1985. – 495 с.
2. Зайцев Б.К. Сочинения: в 3 т. – Т. 2. – М.: ТЕРРА, 1993.
3. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Правда, 1969.
4. Лебедев Ю.В. Православная традиция в русской литературе XIX века. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 428 с.
5. Лихачёв Д.С. Великое наследие. – М.: Современник, 1975. – 160 с.
6. Любомудров А.М. Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв в жизни и творчестве. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2012. – 160 с.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало Русской литературы. XI – начало XII века. – М.: Худож. лит., 1978. – 413 с.
8. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 3. – М.: Худож. лит., 1968. – 474 с.

МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РИТМИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ПРОЗЫ

В статье рассматриваются различные методики определения ритмических особенностей прозаических произведений, которые разрабатывались с начала XX века. К. Марбе впервые попытался вывести закон прозаического ритма на материале немецкого языка. Е.Г. Кагаров с помощью этих же методов пришел к сходным результатам на материале русской художественной прозы. Исследование пушкинской повести «Пиковая дама» Б.В. Томашевским заложило основы определения прозаического ритма с помощью статистических подсчетов зачинов и окончаний колонов. По этому же пути пошел М.М. Гиришман, устанавливая единство прозаического произведения, характерный авторский ритмостиль и ритмические изменения в сменяющих друг друга литературных направлениях. Методика Г.Н. Ивановой-Лукьяновой позволяет определить ритм прозы на слоговом, фразовом и интонационном уровнях. Разделив прозаический текст на синтагмы, Н.В. Черемисина представляет их в виде рисунков из ритмических фигур и схем, организующих ритм прозы. Л.В. Златоустова и М.А. Красноперова выявляют ритмические характеристики произведения, анализируя ритмические структуры, то есть ударные слова с зависимыми словами. Перспективы современных исследований прозаического ритма видятся в совместных усилиях литературоведов, лингвистов и программистов.

Ключевые слова: ритм, ритмические структуры (РС), зачины и окончания, синтагма, колон.

Исследователей давно интересовали проблемы прозаического ритма, а также способы его функционирования в художественном тексте и в устной речи. Еще в античные времена опытные риторы обращали внимание на важную роль начальных и заключительных частей периодов в речи оратора [12].

В XVIII веке теории и практики русской литературы также не обошли вниманием ритмические особенности прозаических произведений разных жанров. В своей «Риторике» М.В. Ломоносов характеризовал особую роль ударений «в начале и конце периодов и их членов» [9, с. 366], подчеркивая, что для речений о важных и возвышенных предметах следует употреблять ударение на втором и на третьем складе от начала и конца периодов, а в вопрошениях и повелеваниях пристойно ударение, стоящее на первом и на последнем складе.

В начале XX века немецкие исследователи серьезно подошли к разработке законов прозаического ритма в области новых языков, и первым стал К. Марбе, исследовавший ритмический строй немецкого языка с позиций слогового ритма. К. Марбе и его последователи (Х. Унзер, А. Липски, П. Куллманн, З. Бен, К. Тодорофф, А. Там, А. Крайнер, Фр. Гропп, Л. Бианки) подсчитывали количество неударных слогов между двумя соседними ударными (z), среднее арифметическое этих чисел (m), которое колеблется для немецкой прозы между 2,07 и 3,16, а также среднее отклонение от этой цифры (v), колеблющееся в пределах от 0,88 до 1,59. Ритм прозы характеризуется отношением v/m , причем для немецкого языка оно равно 0,464. Наиболее часто встречающееся число неударных слогов между соседними ударными равно 2. Это дало основание сформулировать закон прозаического ритма: «частота ритмических форм —, — ^ — и т. д. убывает, чем более z превышает число 2 или

приближается к 0» (— означает ударный слог, ^ неударный. — Н.И.) [цит. по: 6, с. 44].

Среди первых отечественных ученых, применивших «методы исследования К. Марбе и его школы к русской прозаической акцентологии и ритмике», был Е.Г. Кагаров [6, с. 46]. Кроме методики Марбе, Кагаров пользовался «приемами анализа клаузул в античной прозе» [6, с. 46]. Результаты Кагарова в целом подтвердили выводы Марбе: соотношение неударных и ударных слогов (m) в русской прозе варьировалось в пределах от 2,039 до 2,55; среднее отклонение (v) или средняя вариация, как его назвал исследователь, колеблется от 0,97 до 1,17; отношение v/m у трех разных писателей (В. Брюсова, Н. Карамзина и Ф. Сологуба) равнялось 0,46, 0,47 и 0,48 соответственно [6, с. 47–48].

В это же время Б.В. Томашевский анализировал прозаический ритм А.С. Пушкина при помощи статистических подсчетов разных типов зачинов и окончаний колонов (первичных ритмических единиц прозаических художественных текстов, аналогов синтагм) в повести «Пиковая дама» [11, с. 254–318]. И хотя материалом для анализа послужили только первые три главы повести, результаты оказались весьма характерными и в чем-то неожиданными.

Ученый исследовал зачины и клаузулы в прозаических предложениях, отдельно рассматривая зачины колонов, начинающих предложения, и зачины колонов внутри предложения («после запятой»). Так же и с окончаниями: рассматривались концы предложений и концы колонов внутри предложения («перед запятой»). Результаты подсчетов он сравнивал со средними словарными показателями по всей повести.

Оказалось, что в прозе А.С. Пушкина преобладают хореические приступы в начале предложений (45,8% по результатам первых трех глав «Пиковой

дамы» против 32,7% в среднем по всему словарю повести), «в то время как внутри предложения интонация приступа разворачивается на неударных слогах, предшествующих первому ударению колона» [11, с. 294]. В поэзии Пушкина выявились аналогичные показатели по внутренним колонам. В сравнении с поэзией, тяготеющей к мужским окончаниям, которые замыкают стиховой период, в прозе количество мужских окончаний в предложениях резко снизилось, но возросло количество женских и особенно дактилических окончаний (26,6% против 18,4% по словарю повести), причем «структура концов колонов остается однообразной, независимо от того, занимает ли колон среднее или крайнее положение в предложении» [11, с. 296].

Методика М.М. Гиршмана продолжает принципы, лежащие в основе методики Томашевского; она призвана выявить ритмическое единство прозаического произведения по характеру зачинов и окончаний синтагм (колонов), фраз (предложений), внутрифразовых компонентов (синтагм внутри предложений), фразовых компонентов (простых предложений в составе сложных) и сверхфразовых единств (абзацев), которые наряду с синтаксическими и семантическими художественными средствами в итоге характеризуют ритмический стиль автора: «Во всех рассмотренных произведениях Пушкина, Лермонтова и Гоголя среднее отклонение окончаний по разным произведениям неизменно превышает отклонение зачинов, а в пределах отдельного произведения *наоборот* – среднее отклонение окончаний заметно меньше, чем отклонение зачинов» [2, с. 129–130]. Следовательно, распределение окончаний тесно связано с единством отдельного произведения.

Гиршман выявил различия не только в ритмических стилях отдельных авторов, но также наглядно показал, как, при всем его своеобразии, авторский стиль вписывается в ритмические особенности эпохи. Для художественной прозы XIX века характерно приближение речи героев к естественной разговорной речи. Намеченное у Пушкина сопоставление «друг с другом голосов и речевых партий в последующем обретает гораздо большую самостоятельность, сложность и определенность» [2, с. 115]. Гоголь проводит разграничение различных самостоятельных голосов героев еще более отчетливо.

В драматургическом произведении авторский ритм не столь очевиден, так как он проявляется в индивидуальных речевых характеристиках персонажей. Однако герои драм и комедий, отражающих свое время, должны и говорить в ритме, созвучном эпохе. А.Н. Островский, продолжая традицию своих предшественников, приблизил речь героев пьес к живому русскому разговорному языку, бытовавшему в середине и второй половине XIX века в разных слоях общества.

Таким образом, индивидуальные ритмические особенности речи персонажей, несмотря на их разнообразие, все же не выходят за рамки, свойственные ритмическим отличиям своего времени.

Методики Б.В. Томашевского, М.М. Гиршмана, а также Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, Н.В. Черемисиной основаны на синтагматическом членении текста, так как синтагма (колон в художественном тексте) является семантико-синтаксической и ритмоинтонационной единицей речи.

Г.Н. Иванова-Лукьянова исследует слоговые, фразовые и интонационные ритмические характеристики на материале художественной прозы в сопоставлении с нехудожественными текстами. Слоговая характеристика, которая определяется по методике К. Марбе, базируется на упорядоченности междуударных интервалов, равных в среднем двум слогам. Отклонения от среднего междуударного интервала (нулевые интервалы или превышающие средний в два раза) улавливаются слухом, и текст воспринимается как неритмичный. Наиболее частотный показатель слоговой ритмичности для художественных текстов – 1,1.

Фразовая ритмичность выводится из соотношения величин фраз, под которыми исследовательница вслед за А.М. Пешковским понимает части предложения, «ограниченные паузами и выделенные интонационно» [4, с. 153]. Фактически, фразы в методике Ивановой-Лукьяновой – это синтагмы, на которые читающий или говорящий членит текст: порог контрастности в них не должен превышать два такта или два фонетических слова (слова, несущие ударение с проклитиками и энклитиками). При этом общий характер фразовой ритмичности сохраняется, несмотря на известную вариативность интонационного членения текста. За идеальную фразовую ритмичность принимается такая, когда контраст более двух тактов равен 0 ($K > 2 = 0$). Для художественных текстов показатели фразовой ритмичности варьируют от 0,02 до 0,26. В следующем примере из пьесы А.Н. Островского «Горячее сердце» фразовая ритмичность равна 0, поскольку все 4 синтагмы изометричны (в круглых скобках указано количество фонетических слов в синтагме, вертикальная черта разделяет синтагмы):

Градобоев. *У турки храбрость большая, | а дух у него короткий, | и присяги он не понимает, | как надобно ее соблюдать* (3333) [10, с. 200].

Интонационная ритмическая характеристика прозаического текста определяется восходящими и нисходящими движениями тона внутри фразы, причем автор сам задает контуры интонации как с помощью знаков препинания, так и синтаксически, с помощью сочинительных связей или особого рода бессоюзной связи. Чем больше нисходящих движений тона в предложении, тем разнообразнее его интонация. «За идеальную ритмичность принимается такая, когда восходящая и нисходящая

интонации... чередуются равномерно» [4, с. 158]. Наиболее частотный показатель интонационной ритмичности для художественных текстов равен 0,6. Все последующие примеры также взяты из пьес А.Н. Островского 1867–1870 годов. Знак «/» означает повышение тона, знак «\», соответственно, понижение.

Глумов: *«Разумеется |, все это мелочи; | но когда дело-то рискованное, | так всего боишься»* («На всякого мудреца довольно простоты») [10, с. 163]. /\

Кучумов: *«По-моему, | уж если переносить осуждения, | так лучше не даром; | терпеть напраслину | дело ужасное, idol mio»* («Бешеные деньги») [10, с. 326]. /\

В первом примере показатель интонационной ритмичности равен 0, то есть приравнивается к идеальному, во втором он равен 0,2, так как в реплике 5 синтагм и в первых двух идет повышение тона, то есть один раз нарушается идеальная ритмичность интонации (1:5=0,2).

Согласно методике Н.В. Черемисиной, текст делится на синтагмы, состоящие из фонетических слов (значимого ударного слова с подчиненными ему служебными словами), которые графически можно представить в виде ритмических фигур из цифр с показателями степени. Цифры соответствуют ударным слогам. Показатели степени фонетических слов в ритмических фигурах обозначают количество заударных слогов и составляют ритмическую схему синтагмы:

Глумов. *Маменька, | вы знаете меня | я умен, | зол | и завистлив | весь в вас* («На всякого мудреца довольно простоты») [10, с. 106]. 1², 2²0, 3⁰, 1⁰, 3¹, 1⁰1⁰.

Именно ритмические фигуры организуют ритм прозы, свидетельствуя либо о нарастании или убывании акцентного ряда, либо о его равномерности.

Параша. *Какая я дочь богатого отца, | я теперь солдатка, крестный. 2222, 321. Чем мне гордиться-то перед ним? 123*

Матрена. *Запру тебя, | в чулан запру, | вот и весь разговор. 22, 22, 33* («Горячее сердце») [10, с. 219, 188].

Мелодика речи (восходящая, нисходящая, однотон), по мнению исследовательницы, также определяется ритмическими фигурами. Вместе с тем Н.В. Черемисина признает, что для драматургии и устной речи ритмико-фигурное строение не столь важно, так как в разговорной речи большое «число однословных и односинтагменных предложений и однословных синтагм и границы большинства соседних синтагм обозначены паузой» [13, с. 39].

Л.В. Златоустова, М.А. Красноперова в исследовании ритма опирались на ритмические слова и ритмические структуры (РС). Ритмическая структура понимается как знаменательное слово или сочетание служебного и знаменательного слов,

при этом учитывается факт объединения ударным слогом неударных слогов.

Л.В. Златоустова считает ритмические структуры или фонетические слова объективно существующими в речи единицами ритма, имеющими в речевой реализации «план содержания – лексико-семантическое значение словоформы или последовательности словоформ» [3, с. 35]. Только учитывая ритмический и лексико-семантический аспекты РС, можно «описать содержание и просодическую организацию текста в их единстве» [3, с. 35].

Сведения инструментального и статистического анализа, а также аудитивные исследования ритмики фонетического слова подтверждают положение «о специфике организации предударной, ударной и заударной частей фонетических слов, а именно: о степенях редукции гласных, типах консонантных стечений начал и концов слов, места ударения и количестве слогов в слове и т. д.» [3, с. 35]. Некоторые критерии, сформулированные исследовательницей для анализа РС стихового текста, на наш взгляд, характеризуют и драматургическую речь. Так, при полном стиле произношения происходит «замедление темпа произнесения текста, которое связано в основном с вокализацией ритмических структур, проявляющейся в увеличении времени звучания гласных, преимущественно гласных ударного, первого предударного и конечного в РС заударного слогов» [3, с. 38].

Согласно методике М.А. Красноперовой, ритмические структуры в тексте анализируются по нескольким параметрам, характеризующим тип ритмического слова, его частотность и ритмический рисунок речи в целом:

- слова разного ритмического типа (одно-, двух-, трехсложные слова и т. д.);
- частоты коротких и длинных ритмических слов;
- средняя длина ритмического слова;
- частоты ритмических слов с определенной позицией ударения (на первый слог, на второй слог и т. д., на четные и нечетные слоги).

На основе полученных данных составляются ритмические словари произведений. Эталонные вероятности [8, с. 136] по частотности разного типа слов сравниваются со статистическими данными по ритмическим словарям. Анализ ритмического словаря художественного текста выявляет ритмические характеристики произведения, а также специфику речевой ритмики образов.

Статистика исследования художественной прозы и стиха показывает, что самыми типичными ритмическими структурами в русском языке являются короткие слова, к которым относятся односложные, двусложные, трехсложные с ударением на втором и третьем слогах, а также четырехсложные и пятисложные слова, в которых ударение падает на третий слог [1, с. 83; 3, с. 35]. Ритмические

структуры драматургической речи не противоречат этой статистике: наши исследования ритмических словарей персонажей в драме А.Н. Островского «Гроза» [5, с. 226] подтвердили данные проф. М.Л. Гаспарова и проф. Л.В. Златоустовой.

Современные исследования в области русской просодии выявляют большую сложность структуры интонации прозаического ритма, чем это часто представлено в работах интонологов. С.В. Кодзасов сосредоточивает внимание на просодических особенностях разговорной речи, и его наблюдения показывают, что реальная речь далека от правильно оформленных, благозвучных структур, которые созданы по правилам «ритмически мотивированного членения на акцентные группы и паузации, ранжирования акцентов по силе, деклинации и конечного продления» [7, с. 60]. Многочисленные исследования диалогических реплик с точки зрения просодии приводят его к выводу о том, что «вопросительные реплики обычно не имеют паузальных разрывов», даже если они длинные. «Для диалогических реплик роль собственно фонетических факторов интонационного оформления (тенденция к ритмическому членению, стандартная переменная организация предложения, предполагающая финальное продление) невелика... независимо от стиля речи» [7, с. 57].

В области стиховедения давно ведутся активные исследования метрики и ритмики, в том числе и с помощью компьютерных технологий, но, с точки зрения ученого, стиховедами не учитывается скрытая просодия, «обширный пласт неосознаваемых звуковых характеристик... Они задают... общие установки при произнесении слов: степень тщательности произнесения, темп проговаривания, плавность/резкость межслоговых переходов и т. д.». Область «скрытой» фонетики насчитывает «более двадцати признаков, из которых в качестве средств стиховой организации... используется семь» [7, с. 400]. Так, ритмически значимыми оказываются некоторые полнозначные слова со слабым ударением, использование которых создает «своеобразный эффект приглушенности, отстраненности, говорения для себя» [7, с. 405], или способ завершения гласных, имеющий прямое отношение к мелодике стиха. «Резкое завершение... сокращает гласный, цепочка усеченных гласных создает слуховой эффект быстрого темпа. Напротив, плавное завершение... дает удлинение и слуховой эффект замедления темпа» [7, с. 406]. Кодзасов выделяет также «тип слогораздела» или тип межслоговых переходов, плавный, резкий или нейтральный; он связан с перестройкой артикуляций гласных соседних слогов и ослаблением или усилением разделяющего их согласного. Обычно в стихотворении используется один из упомя-

нутых типов слогораздела, но встречаются стихи с построчной меной значений для характеристики смены планов изображения.

Хотя эти исследования только начались в сфере русской просодии, они, без сомнения, будут способствовать более глубокому проникновению в тайны поэзии. Представляется, что и драматургическая речь, создаваемая для слухового восприятия, выиграет от всестороннего анализа ее составляющих. Вот почему все более необходимым становится объединение усилий специалистов смежных филологических дисциплин (литературоведов, фонетистов) и программистов, которое должно помочь созданию современной методики исследований ритмики и мелодики русской речи.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Современный русский стих: метрика и ритмика. – М.: Наука, 1974. – 488 с.
2. Гиришман М.М. Ритм художественной прозы. – М.: Советский писатель, 1982. – 366 с.
3. Златоустова Л.В. Ритмическая организация стихотворений А. Блока (ранняя лирика) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1980. – № 6. – С. 34–41.
4. Иванова-Лукиянова Г.Н. О ритме прозы // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. – М.: Наука, 1971. – С. 128–147.
5. Ильина Н.К. Особенности ритмической структуры драмы А.Н. Островского «Гроза» и ее перевода на английский язык // Щельковские чтения 2007. А.Н. Островский в контексте мировой культуры: сб. статей. – Кострома: Авантитул, 2008. – С. 216–228.
6. Кагаров Е.Г. О ритме русской прозаической речи. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – С. 44.
7. Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 496 с.
8. Красноперова М.А. Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха: учеб. пособие. – СПб., 2004. – 152 с.
9. Ломоносов М.В. Сочинения. – М.; Л.: Гослитиздат, 1961. – 591 с.
10. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – Т. 5. Пьесы 1867–1870.
11. Томашевский Б.В. Ритм прозы // Томашевский Б.В. О стихе: статьи. – М.; Л.: Прибой, 1929. – С. 94–139.
12. Цицерон. Оратор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://master-slova.narod.ru/book/cicero_orator.pdf (дата обращения: 18.01.2015).
13. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. – М.: Русский язык, 1982. – 207с.

**В. ТАРСИС И В. МАКСИМОВ О СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА
В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ
(«Палата №7» – «Семь дней творения»)**

Проблема взаимоотношения личности и толпы, а также человека и государства неоднократно поднималась как в зарубежной, так и в русской литературе. В XX веке в связи с тем, что в России установился тоталитарный режим, писатели все чаще стали обращаться к исследованию трагедии человека, не желающего идти на компромиссы с толпой и государством. В 1960-е годы многие писатели, в том числе В. Тарсис и В. Максимов, рассматривают этот вопрос, обращаясь к уже не новому, но к такому быстро распространяющемуся явлению, как карательная психиатрия. В повести «Палата №7» и в романе «Семь дней творения» авторы изображают психиатрическую больницу, превратившуюся из лечебного заведения в карательный орган, призванный бороться с любым человеком, не вписывающимся в рамки поведения образцового советского гражданина. Писатели изображают трагедию всего русского народа, превратившегося в жалкую массу рабов и приспешников советской власти. Не менее трагична и судьба людей, осмелившихся противостоять толпе. В повести Тарсиса практически все герои, ощутившие на себе диктат правительства, призывают бороться за свою свободу всеми возможными способами, так как лишь свободный человек может быть личностью и нести свет и добро людям. Роман Максимова – это прежде всего история о возрождении человеческой души, поэтому автор предлагает каждому человеку познать себя, свое истинное предназначение в этом мире и обрести внутреннюю свободу.

Ключевые слова: В. Тарсис, В. Максимов, образ сумасшедшего дома, сумасшествие, карательная психиатрия, возрождение души, христианские мотивы, мотивы света и тьмы, проблема добра и зла.

Русская литература всегда выступала за сохранение личностного начала в человеке. В XX веке многие писатели отмечали стремление тоталитаризма нивелировать человеческую личность. В 1960-е годы советское государство начинает использовать психиатрию в качестве «карательной медицины». Наиболее емко и кратко интерпретацию этого термина дает А.П. Подрабинек: «Карательная медицина – орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано» [9].

Факт использования психиатрии в политических целях нашел свое воплощение в художественных произведениях и публицистике 60-х – 80-х гг. XX века («Палата №7» В. Тарсиса [10], «Семь дней творения» В. Максимова [8], «Наследство» В. Кормера [6], «Записки из рукава» Ю. Вознесенской [2], «Улица свободы» Н. Ахметова [1] и др.). Многие авторы создают свои произведения, опираясь на реальный жизненный опыт. Так, повесть Тарсиса во многом автобиографична и основывается на личном опыте автора, помещенного в московскую психиатрическую клинику им. Кащенко на принудительное лечение в 1962 году. В первой книге автобиографического произведения «Прощание из ниоткуда» – «Памятное вино греха» – Максимов также упоминает о том, как несколько недель был вынужден находиться в психприемнике Янушевского [7].

В повести «Палата №7» Тарсис приходит к выводу, что не только психиатрическая больница, но и весь Советский Союз превратился в тюрьму, лагерь, «где некогда жила, неистово буйствовала, верила, разочаровывалась и снова буйствовала, бунтовала святая Русь» [10].

Эта же мысль высказывается и в «Семи днях творения». Необычайно важным представляется тот факт, что Максимов к описанию психиатрической больницы обращается в романе трижды, причем изображает ее в разные временные отрезки. В VII главе первой части Петр Лашков вспоминает о своем пребывании в Вологодской больнице, в которой проходил лечение его брат, контуженный в годы Великой Отечественной войны. В XII главе четвертой части дается описание психколонии на Байкале, которую случайно посетил Вадим Лашков, приехав с бригадой на гастроли. Точное время не упоминается, но очевидно, что действие происходит уже в послевоенные годы. И наконец, вся четвертая часть повествует о Троицкой московской больнице, время действия – 60-е годы XX века. На наш взгляд, сравнительная характеристика представленных больниц выявляет динамику увеличения случаев использования медицины в карательных целях.

Необычайный интерес вызывает Троицкая московская больница. Пейзаж, а также изображение внешнего и внутреннего устройства здания создают мрачное настроение, так как проникнуты тоской, страхом и одиночеством. При создании образа психбольницы Максимов делает акцент на синонимичности таких понятий, как «сумасшедший дом», «склеп», «казарма», «тюрьма», что усиливает трагическое звучание темы.

Уже в самом начале произведений становится понятно, что обитателями сумасшедших домов оказываются совершенно здоровые люди, имеющие различный социальный уровень и статус. Тарсис и Максимов перечисляют причины, по которым в Советском Союзе могли попасть в су-

масшедший дом: дебош в нетрезвом виде, попытка самоубийства, неиссякаемая вера в Бога, мечта уехать за границу, желание самостоятельно выбирать репертуар для тетра, интриги родственников, стремящихся отобрать имущество, и др.

В каждом эпизоде повести Тарсиса и романа Максимова звучит горькая правда о Советской власти, безжалостно играющей душами людей. Оба автора подчеркивают трагичность судеб героев и в то же время стремятся показать, что даже в самых жестоких условиях человек всегда может противостоять своим мучителям. Для «Палаты №7» и «Семи дней творения» характерен вечный мотив борьбы света и тьмы, «верха» и «низа», добра и зла. Практически все пациенты психиатрической больницы проводят свои дни в поисках дороги, способной вывести душу из мрака к свету. Отметим, что каждому из авторов спасение человеческой личности видится по-разному. В своих произведениях писатели довольно часто обращаются к таким сущностным понятиям, как «Бог», «Истина», «Правда», «Слово», «Мысль», но толкуют их в соответствии со сложившимися убеждениями и принципами.

В «Палате №7» Тарсиса культура и искусство возведены на небывалую высоту и выполняют в повести роль проводников в мир Истины и Правды. Свет для писателя – это, прежде всего, свет мыслей, который может даровать душе успокоение даже в самые страшные моменты жизни и выволить ее из мрака, окутавшего сумасшедший дом: «Они всегда, как мощные порталы, вытаскивают душу из трясины; и сейчас тоже уверенно вытаскивали душу Валентина Алмазова из черной топи, куда ее забросила судьба» [10]. Мысль, по мнению автора, является той категорией, которая и выделяет человека из стада, делая из него индивидуальность, личность. В повести высказывается мысль о сотворении мира в «стиле страшного гротеска» [10]: Бог лишь избранных людей наделил Своим Разумом, поставив их в оппозицию к злодеям, лишенным этого дара. Валентин Алмазов рассматривает разум как великое благо, которое, несмотря на свет, обрекает человека на «вечную муку» [10]. Фактически «стадо», «масса» подавляют любое проявление Божьего света, поэтому, по мнению Алмазова, у людей, наделенных разумом, есть только два пути в этом мире: самоубийство или борьба. Его Бог – это не христианский Бог милосердия и всепрощения, это воинствующий Бог, зовущий своих учеников на битву: «Но я слышу, – и это Твой голос, – что надо еще бороться с сатаной, овладевшим моей злосчастной родиной» [10]. Отчаявшись найти Бога в храмах, Алмазов мечтает продолжить дело великих писателей и «словом», несущим в себе «дело», привести человечество к «путеводной звезде» [10]. Герой изображен лишь в начале своего пути, и найти истинный свет в ус-

ловиях тоталитарной диктатуры оказывается непростой задачей.

Отчаянно пытаются найти свой путь и другие герои повести, в том числе Толя Жуков, чья позиция идет вразрез с высказываниями пациентов палаты №7. Если Алмазов, Володя Антонов, Николай Васильевич Мореный и многие другие выступают за свержение тоталитарного строя и уничтожение всех своих противников, то Толя Жуков проповедует христианские принципы человеколюбия: свобода не должна завоевываться насилием. Попытка самоубийства героя фактически покажет бессилие христианской веры. Заметим, что Толю Жукова не спасает от трагического поступка ни крестные знамения бабушки, ни звездное небо над головой («Толя глядел в окно на черную бездну неба, на такие далекие безучастные звезды, – их холодный свет, льющийся тихими струями, уже не может омыть его запыленные мысли...» [10]). По мнению главного героя и его единомышленников, только после того, как они обретут свободу и уничтожат своих мучителей, на русской земле можно будет «осуществлять новые идеалы Добра, – искать их заново» [10]. Заметим, что битва в повести идет прежде всего не за человеческую душу, а за родину и свободу.

В отличие от повести Тарсиса, герои которой ищут спасение в «больших, просторных, возвышенных» мыслях, в романе Максимова путь к свету лежит через возврат к забытому, но не утраченному христианскому учению. Вера в Бога, следование непреложным и вечным заветам, стремление познать с его помощью Правду, Истину, а также найти свое предназначение в этом мире – все это является теми непреодолимыми вершинами, овладев которыми каждый герой может вернуть себе гордое звание – Человек. Максимов изображает героев, мечущихся между добром и злом, мраком и светом, между раем и адом. Сумасшедший дом в романе Максимова становится тем местом, где опустошенный человек, потерявший себя и свое внутреннее «я», находит силы не просто для существования, но и для полноценной жизни.

История Вадима Лашкова – это история возрождения человеческой души, проходящей путь от бездонной пустоты и духовной омертвелости к свету и очищению. М.М. Глазкова замечает: «...Автор воплощает в “Семи днях творения” христианскую идею покаяния и духовного воскресения в качестве единственной спасительной опоры России на пути к возрождению...» [3]. На протяжении всей четвертой главы герой будет переживать мировоззренческий кризис, но, в конечном итоге, обретет себя.

Первое ощущение тоски и одиночества переживает Вадима на гастролях в Казани, где «он, пробужденный тяжким и сумеречным похмельем, вдруг увидел себя со стороны маленьким, затеря-

ным и жалким существом, до которого никому, ну вообще никому на свете нет дела» [8]. С этого момента герой предпринимает две попытки полностью переменить жизнь. Вначале Вадим ищет слова поддержки у родного и близкого человека, как за соломинку, хватаясь за свой единственный шанс обрести в жизни что-то по-настоящему стоящее: «Встреча с родней, как она – эта встреча – рисовалась ему в воображении, должна была разомкнуть ту отчужденность, то душевное одиночество, в которые чуть не с младенческих ногтей заключила его судьба» [8]. Встретившись с внуком, дед сравнивает его «истерзанные затаенным отчаянием глаза» [8] с глазами лошади, попавшей в ледовую ловушку и просящей у людей помощи. Несмотря на явное желание помочь, дед Петр, сам переживающий духовный кризис, не находит слов поддержки для Вадима, тем самым лишая его надежды.

Приехав в Москву, герой решает окончательно уйти с работы, но и это решение уже не может заполнить духовную пустоту и не удерживает его от попытки самоубийства. По дороге в психиатрическую больницу Вадим ощущает себя практически мертвецом, чья жизнь неминуемо приближается к своему логическому завершению, но, как правильно заметила Ю.А. Драгунова, «конец, по Максимова, непременно связан с началом [4, с. 253]; «земная, плотская сущность ограничивает существование. Небесная – продолжает его, конец трансформирует в начало, смерть заменяет воскресением, способствует вечному круговороту духовного бытия. <...> Вадим должен умереть (похоронить себя заживо в психиатрической больнице), чтобы воскреснуть духовно; постигнуть в своем конце свое начало» [5, с. 228]. Встреча с удивительными людьми в Троицкой больнице указывает герою истинное направление. Так, знакомясь с Крепсом, Вадим сразу же проникается к нему доверием: «Чудак, вроде, но славный, светится весь» [8]. Герой становится одним из первых людей, на которого Лашкову захотелось равняться: «Встречаясь с людьми наподобие Марка, он завидовал их внутренней чистоте, их вере в разумность всего происходящего, их вещей целеустремленности...» [8]. Первый совет Марка идти и искать свой путь, свое место в жизни оставляет в душе героя сомнение и страх: «Из моего леса нет выхода. <...> Некуда мне идти, Маркуша, некуда, да и незачем!» [8].

Заметим, что тема творческой личности в тоталитарном государстве является одной из самых популярных в русской литературе XX века, естественно, не могли ее обойти и Тарсис с Максимовым. Оба автора рассуждают об искусстве как о чем-то живом, одухотворенном, талант же человека сравнивают с его душой. Писатели обращают внимание на жесткость позиции власти и общества по отношению к творческим личностям, выбивающимся из толпы своей одаренностью, талантом, неординарностью.

В повести Тарсиса деятели культуры, писатели, скульпторы, музыканты представляют значительную часть обитателей «Палаты №7». Удивительно то, что многие из них попадают в сумасшедший дом в связи с неудавшейся попыткой самоубийства. Автору важно показать трагедию талантливой творческой личности, не умеющей приспосабливаться к мнениям толпы и указаниям правительства. Примечательно, что психика таких людей (например, поэта Славкова и скульптора Неизвестного) настолько надломлена, что при попадании в психиатрическую больницу они производят на обычных людей впечатление подлинных сумасшедших. В романе Максимова «Семь дней творения» талантливым людям и гениальным личностям также нет места, о чем свидетельствует история Марка Крепса. Единственное, что отличает этого героя от не менее талантливых героев «Палаты №7» Тарсиса, так это – несгибаемая воля, твердый характер, вера в искусство и Бога, дающая силы для преодоления любых жизненных препятствий, в том числе для перевода в Казанскую больницу тюремного типа, считающуюся гиблым местом, откуда уже никому не суждено было вернуться здоровым.

Главный герой романа Вадим Лашков проходит свой путь очищения и возрождения через испытание творчеством. В дружеской беседе с Марком герой впервые до конца прочувствует свою несостоятельность, бездарность как актера и попытается понять, в чем его истинное призвание. Нельзя не отметить, что разговор героев во многом напоминает беседу Мастера и Ивана Бездомного из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». По сути, Вадиму так же, как и Ивану, посчастливилось встретить своего Мастера, талантливую, неординарную личность. Поразительно, что Крепс и Мастер выносят своим ученикам приговор, не пытаясь удостовериться в их бездарности. Для Мастера Иван – типичный представитель бесталаных писателей, поэтому прочтение его стихов не сможет выявить ничего нового или примечательного, скорее, лишь напомнит о шаблонности советской литературы, выполняющей правительственные заказы. Наличие или отсутствие таланта у Вадима Лашкова также не имеет особого значения для Марка. Фактически режиссер хвалит своего нового друга («Ты, Вадя, наверное, первоклассный актер в общепринятом смысле...» [8]), но из его уст такая похвала звучит почти как оскорбление. Отношение Крепса к искусству, которое требует артистов, умеющих любить и страдать, заставляет Вадима по-новому взглянуть на свою профессию, превратившуюся в средство добывания «шалых» денег. Страшная смерть Телегина еще больше уверит героя в необходимости найти себя и свое призвание, а одухотворенная любовь к Наташе окончательно изменит жизнь Вадима и внесет в нее неведомый раньше

смысл. Побег Лашкова заканчивается трагично, советская власть, не прощающая людям знания о совершаемом ею беззаконии, разлучает влюбленных. Однако в словах Наташи чувствуется надежда на спасение: «А если меня все же найдут? – Это еще не конец. – А что же это? – Можно попытаться еще раз. – Будет уже поздно. – Разве когда-нибудь бывает поздно?» [8]. Так же, как и Тарсис, Максимов поднимает тему Свободы и Несвободы человеческой личности, но трансформирует ее в соответствии с христианскими мотивами. На первый взгляд, герои разговаривают о повторном побеге, но на самом деле Максимова в большей степени важна не внешняя, физическая, а внутренняя Свобода. По мнению писателя, никогда не бывает поздно для людей, стремящихся воскресить свою душу, и это – главное для понимания всего произведения.

Так же, как и пациенты, медработники Троицкой психбольницы представлены в романе Максимова «Семь дней творения» в соответствии с христианской направленностью произведения. Писателя интересуют не заключенные и медперсонал как таковые, ему важен человек, делающий свой жизненный выбор.

Образы врачей, медсестер и санитаров психиатрических больниц даны во многих произведениях писателей-эмигрантов. Так, в «Палате №7» Тарсиса медперсонал представлен несколькими типами персонажей. Первый тип – это герои, поддерживающие советскую власть и беспрекословно выполняющие все ее приказы, с целью удовлетворить свои личные амбиции или быстро продвинуться по карьерной лестнице (Стрункин, Андрианов, Кизяк и др.). Авторская позиция в отношении этих людей достаточно прозрачна и является резко отрицательной. Второй тип – это герои, понимающие трагедию времени и негативно относящиеся к методам борьбы правительства с инакомыслящими, но не дотягивающие до статуса положительного героя в связи с тем, что ограничиваются политической малых дел (Нежевский) или не имеют стойкого, твердого характера, чтобы выступить не только против карательного режима, но и против советской власти (Зоя Алексеевна). И в первом и во втором случае медицинские работники оказываются в оппозиции к своим пациентам, так как вольно или невольно являются исполнителями, палачами, стоящими на страже советского режима.

В романе же Максимова медперсонал, а именно: эвакуатор, старшая медсестра Нюра и доктор Петр Петрович – поставлены в оппозицию к власти, а не к больным.

Так, эвакуатор, показавшийся Вадиму злобным, бездушным человеком, способным на невероятную жестокость, на деле оказывается всего лишь истерзанным жизнью стариком, жертвой советской действительности.

Изначально медсестра Нюра (как ее прозвали в больнице – тетя Падла) своим грубым поведением по отношению к больным отталкивает от себя людей: каждое ее «появление в палате нагоняло на окружающих тоску и оторопь» [8]. Первым за неприглядной внешностью Нюры увидел великую русскую душу Телегин, а впоследствии и Лашков: «В нескладном ее облике сейчас явственно проступало горе, неуловимо сообщавшее ее унылым чертам подобие доброты и женственности. <...> Грузные шаги Нюры затихли в коридоре, и Вадим, опускаясь на еще теплый после нее табурет, мысленно озадачился: “Поди угадай, кого клясть, на кого молиться!”» [8].

Непонятым проживет свою жизнь и доктор Петр Петрович. Первая встреча с ним оставит у Вадима неприятное впечатление и раскроет доктора как человека, не интересующегося судьбой своих пациентов. Слишком категорично отнесется к герою и Крепс, в прошлом его сослуживец. С его точки зрения, предложение доктора, обещающего устроить побег, нужно рассматривать как попытку очистить свою совесть, а не как бескорыстную помощь друга. Характеристика, данная Крепсом («Себе на уме... Из нынешних» [8]), еще больше убедит читателя в отсутствии нравственных качеств у Петра Петровича. Однако высказанное мнение лишь частично характеризует героя и не дает понять мотивы его поступков. Сцена разговора двух сослуживцев не раскрывает до конца авторскую позицию, и лишь помощь в организации побега Вадима Лашкова и последующая сцена с самоубийством выявят истинную сущность героя и предоставят ключ для понимания воззрений Максимова в отношении всех медицинских работников. С одной стороны, автор не умаляет вины Петра Петровича перед пациентами, а с другой – рисует не образ палача, а образ жертвы. Не в силах больше выносить своей вины перед людьми и не имея такой силы веры в Бога, как у Крепса, доктор видит единственный выход из создавшегося положения – самоубийство. Именно оно помогает Петру Петровичу обрести свободу, уйти из мира бездушных кукол. Интересно, что Горшков, рассуждая о самоубийстве заведующего, неосознанно ставит на одну ступень с доктором и себя: «Уж коли такие, чего ж тогда мне-то делать? Хоть сейчас в петлю» [8]. По мнению Максимова, пациенты и медработники – жертвы советской действительности, право же выбора света или тьмы, добра или зла предоставляется в романе каждому герою в независимости от тех обязанностей, которые возложило на него общество. Так, доктор Петр Петрович не получает шанса начать жизнь заново не потому, что является врачом, повинным в заключении больных, а из-за атеистической позиции, не позволившей ему переосмыслить свои поступки и обрести гармонию с собой и миром.

Итак, Тарсис и Максимов обращаются к судьбе человека в тоталитарном обществе и рассказывают об использовании государством карательной психиатрии, ставшей оружием против инакомыслящих. Психиатрическая больница изображается писателями как символ советской действительности. Обозначив проблему, писатели предлагают и способы ее решения, однако пути выхода из создавшегося положения они видят по-разному. Принципиальное расхождение объясняется авторским отношением к Божественным заповедям. Максимов предоставляет человеку право выбирать свой путь в этом мире, основываясь на духовных категориях. Его герои обращаются к своей душе, стремясь очиститься и изменить мир любовью. По мнению писателя, каждый человек может оставаться личностью вне зависимости от того, где он живет или работает. Тарсис же не разделяет убеждений Максимова, считая, что человек может оставаться человеком, и тем более личностью, только на Свободе, поэтому и призывает бороться за нее всеми доступными способами.

Библиографический список

1. Ахметов Н. Улица свободы // Юность. – 1990. – № 3. – С. 53–59.
2. Вознесенская Ю. Записки из рукава // Юность. – 1991. – № 1. – С. 81–88.
3. Глазкова М.М. Роман Владимира Максимова «Семь дней творения»: проблематика, система образов, поэтика: автореф. дис. ... к.ф.н. – Тамбов, 2004. – 24 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/35718/a#?page=1> (дата обращения: 04.11.2014).
4. Драгунова Ю.А. История человеческой души в романе В. Максимова «Семь дней творения» // Славянский сборник. Материалы Славянских чтений: «Философские, нравственные, эстетические искания русской литературы, история и современность». – Вып. 2. – Орел: ОГИИК, 2003. – С. 245–253.
5. Драгунова Ю.А. Притчевые тенденции в романе В. Максимова «Семь дней творения» // Славянский сборник. Материалы Славянских чтений: «Отечественное духовно-эстетическое наследие и современность». – Вып. 3. – Орел: ОГИИК, 2004. – С. 227–231.
6. Кормер В. Наследство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.likebook.ru/books/view/147454/?page=1> (дата обращения: 04.11.2014).
7. Максимов В. Прощание из ниоткуда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imwerden.info/belousenko/books/_1.htm (дата обращения: 04.11.2014).
8. Максимов В. Семь дней творения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litmir.net/bd/?b=66327> (дата обращения: 04.11.2014).
9. Подрабинек А.П. Карательная медицина. Хроника. – Нью-Йорк, 1979. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kirkrug.narod.ru/encefalit/Karatelnaya_medicina.html#_Toc164091497 (дата обращения: 04.11.2014).
10. Тарсис В. Палата №7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/73993/> (дата обращения: 04.11.2014).

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

tgkuchina@mail.ru

Бокарев Алексей Сергеевич

кандидат филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

manrico@newmail.ru

«КРУГОМ ВОЗМОЖНО СОН»: ОНЕЙРОПОЗИТИКА АЛЕКСЕЯ ЦВЕТКОВА

Статья посвящена анализу онейрической проблематики лирики известного современного русского поэта Алексея Цветкова. Сон / сновидение рассматривается в системе контекстуальных и метатекстовых связей, формирующих язык авторефлексии, уникальную форму самоописания. Подробно исследуется мотивная связка сон-смерть, которая получает реализацию в образах «призрачного леса», морского дна, «лодочника», ирреальных подробностей пространства (в роли онейрического «пейзажа» выступают берега Леты или окрестности Стикса). Во сне происходит расподобление лирического «я» с самим собой; вернуться с берегов Леты собой прежним невозможно. Призрачное alter ego обретает в пространстве сновидения временную автономию, однако по возвращении назад ему необходимо совпасть с «исходным» бренным телом – а в лирике Алексея Цветкова совмещение сущностей проблематизируется. Важнейшим атрибутом онейрического сюжета, проемом в потусторонность является зеркало. «Зеркальное прозрение сновидца» – это то откровение, тайное знание, которое недостижимо в рутинной яви, но доступно в прозрачном пространстве преломленных отражений. Сквозь зеркала просвечивает мир нездешний, отблесками и отсветами проникая в «бодрствующую» реальность. Явь выкристаллизовывается из сна, в ней его эфемерные объекты облакаются в «вещество существования».

Ключевые слова: Алексей Цветков, онейрическое, онейропозитика, мотив сна, второе «я».

Оправной точкой в рассуждениях о статусе и функциях онейрического в литературном произведении обычно становится восходящее к З. Фрейду представление о сновидении как символическом языке человеческой психики. Согласно Ю.М. Лотману, язык этот отличается «огромной неопределенностью», что «делает его неудобным для передачи константных сообщений и чрезвычайно приспособленным к изобретению новой информации» [1, с. 125]. Последнее, естественно, не исключает герменевтического подхода (он с успехом использовался Фрейдом в его медицинской практике), однако ставит перед исследователем серьезную методологическую проблему: чем обеспечивается достоверность интерпретации онейрического текста?

Безусловно, литературовед имеет дело не с «настоящими» сновидениями – результатом непреднамеренной работы сознания, а с их целенаправленной имитацией художественными средствами. Тогда используемый в психоанализе сбор ассоциаций субъекта правомерно заменить рассмотрением контекстуальных и метатекстовых связей, в которые вступает онейрический текст. Если «настоящий» сон во многом обусловлен «дневными впечатлениями», то содержание литературного сновидения, как правило, мотивировано художественным контекстом, в который оно «вписано» [3, с. 24; 4, с. 15]. Выявление смысловых ресурсов такого рода «сцеплений» как раз и является целью литературоведческого анализа; само же сновидение представляет собой «уникальную форму самонаблюдения, саморефлексии и самоописания» [2, с. 92] персонажа (в том числе лирического субъекта) – и может сообщить читателю едва ли не боль-

ше, чем его непосредственное высказывание или авторское слово.

Примем ключевые постулаты, на которых основывается любое исследование по онейропозитике, – «жизнь есть сон» и «сон – родной брат смерти» – за аксиомы, поскольку в лирике Алексея Цветкова ничто им не противоречит. Однако интерес представляют, конечно же, те оригинальные, неожиданные семантические оттенки, которыми обрастает мотив сна в его стихотворениях. «Состояние сна» [7] (поэма и поэтический сборник, 1980), «Эскиз сна» [6, с. 23–24], «Сон с обнаженной натурой» [6, с. 105–106] (стихотворения из книги «Детектор смысла», 2010) – все эти заглавия очевидным образом указывают на значимость сновидческой образности в поэтическом мире А. Цветкова. Ситуация засыпания или пробуждения положена в основу множества стихотворений и выведена на первый план начальными строками: «На пригород падает ласковый сон...» [7, с. 29] («Сборник пьес для жизни соло», 1978), «проснуться прежним навеки на этих фото» [12, с. 30] («Шекспир отдыхает», 2006), «спросонок ни имени в мире ни рядом родни» [10, с. 120] («Сказка на ночь», 2010). Границы между явью и сном и всегда были зыбки и ненадежны; поэт же умеет задерживаться сознанием в тех буферных зонах, где «явь убеждает объекты в разлуке с собой» [10, с. 120] – на острие сна, в точке перехода во временное небытие.

В лирике 1970-х – 1980-х гг. сновидения у Цветкова напоминают скорее документальные кадры – конкретика предметного фона никак не предвещает будущих едва ли не сюрреалистических картин. Проза жизни может смениться метафорой эмоции, пронзительным осознанием внезапной и непопра-

вимой утраты («Мне снился сон. Я шел ковыльным полем, / Болтая с незнакомыми людьми. / И оглянувшись, я внезапно понял, / Что ухожу из возраста любви» [11]) – но «декорации» сновидения остаются узнаваемо-жизнеподобными, да и сама жизнь очень похожа на сон, от которого трудно или вообще невозможно проснуться: «румяным ребенком уснешь в сентябре / над рябью речного простора / луна в канительном висит серебре / над случаем детства простого <...> и нет тишины навсегда убежать / кончается детство пора уезжать» [7, с. 133].

Мотивная связка сон – смерть, намеченная еще в дебютном «Сборнике пьес...», в следующей книге Цветкова, «Состояние сна», дополняется эмиграцией, а составляющие ее компоненты образуют триаду семантически эквивалентных понятий. Характерный пример – стихотворение «когда летишь через атлантику» [7, с. 182], где переход в «царство мертвых», только по ошибке именуемое Америкой, уподобляется «скольжению» по кромке сна; при этом подземные реки закономерно сливаются в Атлантический океан, древний плохо управляемый транспорт «модернизируется», а свирепый Харон уступает место услужливому персоналу, чье предназначение лишь в том, чтобы обеспечить «путешественника» «напитками и едой». Комфортной «поездка», однако, не становится, поскольку пункт назначения по-прежнему Аид, «земля загробного житья», где «беженец» должен «вернуть земле ее наследство» [7, с. 182] и уже ни на что не надеяться.

Если будущее отменено, а настоящее исчерпывается «тоской по отчету китаю» [7, с. 142], то в «смертном сне» эмиграции сновидцу неизбежно должна являться покинутая родина. В лирике Цветкова примеры подобного рода многочисленны, причем свойственное большинству текстов ироническое травестирование прошлого совмещается с интонациями безысходности и сдерживаемого отчаяния. «Текущий фантом» советской молодости, естественно, связан с травматическим опытом, однако подлинная причина трагедии – в невозможности вернуться назад и вновь пережить то, что с такой отчетливостью является во сне: «мне снится сечение колодца / тротила с полсотни кило / я на смерть готов уколиться / об это тупое кайло / летят перелетные стаи / пейзаж стрекозиный сетчат / и прошлые звезды как сваи / с изнанки в сетчатку стучат» [7, с. 137].

Обозначенные смысловые линии протягиваются и к одноименной прозаической поэме [7, с. 186–190], завершающей «Состояние сна». Авторское определение жанра мотивировано не только узнаваемой литературной традицией, но и художественной логикой текста: для изображения «сонного царства» неторопливое повествование подходит больше, чем энергичные ямбы, а лирическая струя хоть и заметно «приглушается», но не иссякает полностью. Главный персонаж поэмы, Спящий,

«по ошибке» оказывается в заведении, напоминающем психиатрическую лечебницу или интернат для престарелых. Жизнь «пациентов» сводится к игре в карты или домино, и лишь со звуками гонга они выстраиваются в очередь, чтобы получить предназначенную им пищу. Уже с первых строк останавливают на себе внимание факты, противоречащие обыденной логике, но вполне отвечающие законам сновидения. Так, солнце – центр онейрического мира – всегда располагается «чуть ниже зенита», сигнализируя об остановке времени; надпись на заборе, отделяющем «лечебницу» от города, обещает ее посетителям ад; больничные покои заняты странными существами «землисто-бурого цвета», а сами «пациенты» никогда не спят – сон во сне у «раннего» Цветкова пока еще невозможен.

Сюжетным центром поэмы становится событийная двойчатка – самовольный уход «больных» в город и вдохновленный их «саботажем» побег Спящего. В обоих случаях беглецам никто не препятствует, однако судьба их в равной степени предопределена: звук гонга и порция овсянки – субституты иррациональной власти сна – в конечном итоге заставляют «пациентов» вернуться в «лечебницу» – к полусуществованию и «воспоминаниям о жизни по ту сторону забора». Город явно отторгает своих прежних обитателей, поэтому все, что им доступно, – это принять «случившееся как бесспорный факт» и смириться с равнодушной заботой «смотрителей».

Несмотря на простоту событийного ряда, смысл поэмы вне поэтического контекста до конца не ясен. Зато многочисленные переклички со стихотворениями позволяют интерпретировать произведение как развернутую метафору эмиграции (последняя, как мы помним, у Цветкова почти «синонимична» сну и смерти). По мысли автора, жизнь вне родины – это затянувшийся лунатический кошмар («две недели без лишней крови / по отвесной ступал кайме / как лунатик на скате кровли / с недокрученным сном в уме» [7, с. 135]), пространство его герметично, а реальность – всего лишь иллюзия, легко обнаруживающая свою несостоятельность («едва отойдешь в меловые луга / в угоду проснувшейся крови / серебряной тенью настигнет луна / вернуть под плакучие кроны» [7, с. 133]). Вместе с тем «пропасть яви» постоянно напоминает о себе, воскрешая в сознании сновидца эпизоды прошлого, которым он, в сущности, и живет – наличное бытие настолько однообразно, что в лучшем случае удостоивается лишь упоминания («от самого райского штата / в любом околотке жилком / душа как кандальная шахта / в сибирях выходит жерлом» [7, с. 137]).

Уже в «Состоянии сна» заметно, что онейрическая образность у Цветкова постепенно утрачивает связи с визуальными контурами действительности, и если в «коричневых уродцах», издающих «жут-

кое воркование», еще можно угадать коренных жителей «заграницы», то в поздних стихах изображаемые картины приобретают очевидно ирреальный характер. В «ночной симметрии» [5, с. 125] Каренину снится, что он паровоз, а паровозу – что он Каренин; «репортаж с титаника» [5, с. 62] ведется и вовсе со дна морского, где герой собирает в букеты медуз и тропических рыб; резко повышается значимость символических образов, а в роли онейрического «пейзажа» все чаще выступают берега Леты или окрестности Стикса. Причем топография «потусторонности» не нуждается даже в именах собственных, поскольку инвариантный сюжет перехода из отсюда туда легко опознается по кодовым словам – «внизу», «призрачный лес», «лодочник»: «он рассказал что там у них внизу / есть галерея лиц и эти лица / свисают с веток в призрачном лесу / как сон который никому не снится <...> в пределах этой временной луны / поверх плеча в последний раз отмечу / короткую дистанцию любви / а дальше лес и гроздь глаз навстречу / но в них уже ни горя ни вреда / мне лодочник рассказывал об этом / пока он отвозил меня туда / откуда возвращение под запретом» [5, с. 51].

«Сон в летеющую ночь» закономерно связан с темой забвения; возвратиться с берегов Леты собой прежним, равным себе – невозможно. Не случайно в стихах Цветкова так часто появляется мотив расподобления лирического «я» с самим собой во сне: «приснилось мне что снюсь но не себе / и видимо совсем не я» [6, с. 91], «кругом возможно сон но чей-нибудь чужой / попытка выбора меж плотью и душой» [12, с. 22]. Эмпирическое, пребывающее во сне «я», во владениях Морфея (больше походящих на царство Персефоны) имеет свое призрачное отражение. Бодрствующий двойник («кто видит сон внутри не может спать» [6, с. 126]), прогуливаясь по морскому дну или блуждая в неведомых лесных чащах, обретает автономию – недолгую по земным меркам (в его распоряжении лишь несколько ночных часов), но не исчисляемую в часах и минутах в пространстве сна (там важно, что эта копия «я» просто есть, что она существует). Однако по возвращении назад (которое, впрочем, никем не гарантировано) «я»-отражению нужно еще совпасть с «исходным» бранным телом – а в поэтических сюжетах Цветкова совмещение сущностей может и не состояться: «открыл бы кажется уже глаза но свет / скребет пустой зрачок и огибает тело / а наяву нигде оригинала нет / там смерклося зеркало и время опустело» [8, с. 29].

Последнее из процитированных стихотворений – «Утрата симметрии» [8, с. 29] – соединяет множество образов и «мизансцен», через которые в лирике Цветкова реализуется мотив сна. Переход в царство сновидений происходит сквозь зеркало – оно является традиционным и важнейшим атрибутом онейрического сюжета, «проемом» в потусто-

ронность. «Зеркальное прозрение сновидца» («The loop theorem») – это то откровение, тайное знание, которое недостижимо по эту сторону зеркала, в рутинной яви, но доступно по ту – в прозрачном пространстве преломленных отражений. Впрочем, зеркала в лирике Цветкова созданы как будто бы и не для отражений – сквозь них просвечивает мир нездешний, отблесками и отсветами проникая в «бодрствующую» реальность. Явь как будто выкристаллизовывается из сна, в ней его призрачные объекты облекаются в «вещество существования», а текучая субстанция находит наконец форму. Где «смерклося зеркало» – там исчезает и явь, ее материя ветшает и рассыпается в пыль.

В «Утрате симметрии» власть сна как раз и проявлена в том, что зеркальной копии лирического «я» не суждено выбраться из «стеклянного леса»: «зеркало во сне и призрак бдящий в нем / к моей реальности не пригнан симметрично» [8, с. 29]. Коммуникация между реальностью и зазеркальем нарушена в силу необъясненных «технических» причин – и путь из сна в явь для героя отрезан. Второе – сновидческое – «я» остается за стеклом – причем в отсутствие спящего, подобно тому как улыбка Чеширского кота запросто разгуливает по Зазеркалью отдельно от кота.

Категорическим утверждением превосходства сна над явью становится стихотворение «Письмо с фронта» [5, с. 127–128]. Воюющие – «персонажи чужого бреда» – вынуждены «держат осаду» в полной тишине, чтобы не разбудить «фантома», которому снятся. Шансы на благоприятный исход минимальны: взять крепость, не потревожив сновидца, практически невозможно, а вот его пробуждение неминуемо обернется для бойцов моментальным исчезновением, пусть и обещающим напоследок экзистенциальное «открытие»: «только под горн побудки и вспомним кто мы / спящие до одного как и он фантомы» [5, с. 128]. Впрочем, ситуация даже сложнее, чем кажется автору письма: если сновидец такой же «призрак», как и населяющие его «бред» «персонажи», вполне очевидно, что и сам он кому-то снится. Таким образом, выстраивается бесконечная перспектива из сновидений, и вероятность проснуться в чужом сне намного выше, чем в реальности – «жизнь взаимно отражаясь / иллюзию себя притворно длит» [6, с. 91].

Поэтому Пенелопа в стихотворении «ткачиха» [9, с. 21–22] наблюдает во сне «алкиноевы дни» Одиссея, а он, отдыхая под феакийским солнцем, следит, как супруга распускает саван, но не может понять, «видит ли во сне все это / или вечной ткачихе сам отсюда снится» [9, с. 21]. И даже если блужданию в лабиринтах сна суждено завершиться счастливым воссоединением, то отпразднуют его уже не те, кто засыпал, а совсем другие, им не тождественные: «в этом сне своем чужом ли видит внезапно / подвиги старца с луком в нищенском

прикиде / жена замужем уж не наступит ни завтра / ни послезавтра и спящий на сон в обиде <...> сон навсегда а явь соткана из обмана / ой люли-люли разлука ой дана-дана» [9, с. 22].

Но как бы ни тосковали герои Цветкова о подлинном существовании или утраченной идентичности, «подмена» дает им как минимум одно весомое преимущество – кто живет моей жизнью, тот неизбежно примет и мою смерть («одно утешенье что этот урод / житейской крадущийся чащей / в положенный час за меня и умрет / а вовсе не я настоящий» [5, с. 48]). Эта в «пакодном сне» обретенная истина, безусловно, может утешить, но потраченных на самообман времени и усилий оправдать не способна.

Из «пристальных снов»-путешествий можно было бы вынести и другие сокровенные знания – те самые «прозрения сновидца», в которых мир выворачивается тайнами наружу. На деле же оказывается, что услышанные во сне слова-озарения или вовсе не подлежат «переводу» на язык реальности («есть многое на свете для чего / не сыщешь слов на вашем эсперанто» [6, с. 9]), или оказываются глоссолалией, смысл которой еще предстоит разгадать («ты как азбуку смысла безмозглое слово твердишь / келебыш телемышь черемыш» [6, с. 21]). С другой стороны, и вполне понятный во сне язык настоящих «песен» наяву немедленно обращается в неразборчивое бормотание – должно быть, отчасти по этой причине поэт у Цветкова и в самых ранних стихах был обречен на бессмысленные скитания «без слуха и слова»: «когда просыпаешься с мысленной рыбой внутри / и репу чесать плавниками пытаешься тупо / стихи это истинно те же во рту пузыри / весь воздух вода и начинка японского супа» [5, с. 62].

Таким образом, сон в лирике А. Цветкова не столько антитеза яви, сколько ее изнаночная – сокровенная и истинная – сторона. Это то бытие-не-

бытие, из которого человек является в жизнь и в которое уходит по смерти. Для поэта – это тот Аид, который при «пересмотре» сна может обратиться и в Эдем (как в стихотворении «чем ночь темней тем пристальнее снится...»); но путь Орфея неизбежно чреват немотой.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Сон – семиотическое окно // Семиосфера. – СПб: Искусство-СПБ, 2000. – С. 124–126.
2. Паперно И. Сны террора (сон как источник для истории сталинизма) // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 116. – С. 91–108.
3. Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. – Алматы: Жазушы, 2013. – 520 с.
4. Теперик Т.Ф. О поэтике литературных сновидений // Русская словесность. – 2007. – № 3. – С. 12–16.
5. Цветков А. *Salva veritate*. – New York: Ailuros Publishing, 2013. – 136 с.
6. Цветков А. Детектор смысла. – М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2010. – 136 с.
7. Цветков А. Дивно молвить. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – 280 с.
8. Цветков А. Он удержался от высоких фраз. Стихотворения // Дети Ра. – 2012. – № 10 (96). – С. 27–32.
9. Цветков А. Ровный ветер: Стихи 2007 года. – М.: Новое издательство, 2008. – 136 с.
10. Цветков А. Сказка на ночь. – М.: Новое издательство, 2010. – 196 с.
11. Цветков А. Стихи 1970–1977 годов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://modernpoetry.ru/main/aleksey-cvetkov-stihi-1970-77-godov> (дата обращения: 01.03.2015).
12. Цветков А. Шекспир отдыхает. – СПб.: Пушкинский фонд, 2006. – 68 с.

НАЗВАНИЯ ЗОЛОТЫХ ПРИИСКОВ УРАЛА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА ТЕРРИТОРИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Статья посвящена рассмотрению названий золотых приисков дореволюционного Урала в контексте региональной социальной культуры.

Анализ языкового материала показывает действие в отношении объектов золотодобычи нескольких ветвей именующей традиции. Одна из них связана с культурой общенародной и эксплицирована означиванием представлений о пространственном расположении объектов и правах частной собственности. Иная линия производна от установок и ценностных ориентиров государственной административной деятельности. Особая традиция ведет свой отсчет от именования конфессионального и соотносена с приоритетами веры, распространенными на сферу рискованного предпринимательства. Еще один страт актуализированных в номинации представлений – культура самого старательского промысла, с его поведенческими правилами, героями, легендами, суевериями.

Рассматриваемые в исторической динамике имена золотых приисков обнаруживают зависимость от меняющегося социокультурного контекста. В частности, вместе с развитием буржуазных отношений отмечается переход от моделей, сформированных в традициях народного и «административного» наречения, к стилистике индивидуального номинативного рекламирования.

Неординарность частных имен и уникальность языкового материала в целом позволяют поставить вопрос о популяризации темы «золотых имен» и возможностях ее использования в имиджевом нарративе о территории, адресованном как внутренней, так и внешней аудитории.

Ключевые слова: культурный капитал, топоним, названия золотых приисков, ономазиологический анализ, мотивы номинации, темы номинации, культурологический аспект номинации.

Исследовательский интерес к культурному капиталу территорий становится одним из трендов современного процесса продвижения локаций и привлечения внимания к тем социокультурным реалиям, которые способны выделить их уникальные свойства [1–3; 5; 6]. Топонимы и собственно наименованные ими объекты рассматриваются в этом случае как знаки, несущие реальные либо потенциальные культурные смыслы, которые актуализируют ценностные представления о среде обитания [4]. Обладая устойчивыми ассоциациями с определенными историческими событиями и социальными процессами, подобные знаки могут составлять важную часть культурного ландшафта и формировать образ территории в восприятии внешних и внутренних аудиторий.

Для Среднего Урала, и Свердловской области в частности, значительную часть исторического и культурного капитала составляет история золотодобычи. Начиная с XVIII века Урал был известен как единственный регион России, в котором добыча золота была организована в самостоятельную отрасль. В XIX столетии после открытия рассыпного золота масштабы разработок увеличились, и за Уралом окончательно закрепилась слава родины русской золотопромышленности. Однако не только горнозаводское дело, но и в целом общественная жизнь региона в немалой степени испытали на себе влияние золотого «вектора». Не случайно добыча драгоценного металла и связанные с ней

волны «золотой лихорадки» нашли свое отражение в местном фольклоре и литературных произведениях. Государственный регламент и управленческая политика властей горнозаводского Урала, с одной стороны; азарт, особый уклад и атмосфера старательской жизни, с другой, – в таком многовекторном пространстве общественных и частных ориентиров складывалось особое информационное поле. Рассматриваемые в этой связи названия золотых приисков дореволюционного Урала служат знаковыми единицами сложного и насыщенного культурного потока. Они составляют значимый, но малоисследованный языковой материал, который может быть использован как один из «ключей» к реконструкции процессов, сопровождавших формирование черт уникального культурного портрета территории. В этом аспекте интересующая нас ближайшая цель исследования заключается в выявлении лингвокультурологических особенностей и актуальных номинативных смыслов, которыми сопровождалось создание «золотых» имен.

В качестве привлеченного для анализа материала были использованы имена собственные объектов государственной и частной золотодобычи. Собранный корпус языковых фактов насчитывает более 5 тыс. наименований, извлеченных из описных книг Государственного архива Свердловской области. Для семантической интерпретации материала и определения номинативно-смысловых доминант был избран ономазиологический подход, направленный на поиск и обобщение положенных

в основу именования содержательных мотивировочных признаков. Синонимичные или близкие мотивы номинации далее в процедуре анализа были объединены в номинативные темы для прояснения сходных прагматических установок номинаторов и реконструкции наиболее часто актуализируемых в именовании мотивов называния.

Остается добавить, что в описных книгах удалось почерпнуть сведения о времени регистрации и/или функционирования приисков, что послужило отправной точкой в установлении еще одного ракурса исследования – сопутствующих наблюдений над динамикой в реализации тех ли иных номинативных решений.

Представим основные результаты семантического анализа именного материала и перечислим приоритетные сквозные темы, отраженные в значительных массивах названий:

1. Пространственная ориентация. В русле пространственно ориентирующей номинации осуществлялась номинативная привязка объектов золотодобычи к близко расположенным ландшафтным реалиям и поселениям. По мере того как возрастала потребность в новых названиях, упрочивалась и тенденция к умножению дифференцирующих компонентов обозначения (см.: *Ново-Березовский, Верхне-Горнощитский, Перво-горо-Миасский, Третье-Каскиновский* и проч. Здесь и далее в отношении слитного или дефисного написания сохранена орфография источника). В целом актуальность передачи пространственных признаков и популярность метонимического принципа означивания сохраняется в номинации приисков на протяжении всего рассматриваемого периода – с XVIII века по начало века XX-го, что подтверждает неизменную прагматическую ценность номинативного «картирования». Благодаря ориентирующему принципу новые объекты легко вписываются в уже известную систему топообозначений.

2. Право собственности. Номинативная семантика «владения» продекларирована многочисленными отыменными и отфамильными названиями (см.: *Алексеевский, Викторовский, Григорьевский, Гуцинский, Соймоновский* и др.). В части исторической динамики отантропонимические названия обнаруживают тенденцию к нарастанию количества многокомпонентных производных, образованных сложением «строительных» именных компонентов (*Адольфо-Андреевский, Евгений-Михайловский, Елизавето-Захарьевский, Лидие-Надеждинский* и под.).

Номинативная тема сохраняет равную активность на протяжении XIX – начала XX вв., но к концу рассматриваемого периода отыменные обозначения начинают все чаще эксплицировать семантику приватного посвящения, а в круг лексических мотиваторов вовлекаются личные имена деминутивного характера (см.: *Дусин, Васин, Лидин, Нинкин, Пашин*). В данном случае, очевидно,

правомерно говорить о том, что языковые факты свидетельствуют не только о раскрепощении номинативного творчества, ранее подчиненного более строгим официальным рамкам, но и о формировании некой моды на вовлечение в именное сочинительство интересов частной жизни, ценности личных пристрастий и привязанностей.

3. Покровительство святых, «освящение» места золотодобычи приуроченностью к датам церковных праздников или привязкой к близлежащим церковным объектам (*Иоанно-Богословский, Иоанно-Златоустовский, Николае-Святительский, Скорбяще-Богородицкий, Свято-Троицкий* и др.). «Конфессиональная» линия номинации составляет одну из неизменных традиций в практике русского официального наречения значимых объектов. Однако в случае золотых приисков можно предполагать, что традиция в специфичных номинативных обстоятельствах сплеталась с актуальными прагматическими установками номинаторов, ожидавших от святого покровительства благополучия в делах промысла.

4. Посвящение царствующим особам, членам монархической семьи (*Князе-Константиновский, Царево-Александровский, Царево-Мариинский* и др.). Сам ранг титулованных персон предполагал, что использование соответствующих имен возможно лишь по высокому разрешению, отсюда закономерен и тот факт, что названные промышленные объекты неизменно относились к государственной собственности, а закрепленное в названии «монархическое посвящение» не только подчеркивало их статус, но и декларировало значимость золотодобычи в масштабах Российской империи.

5. Оценка качеств объекта, в том числе в приемах метафоризации (см.: *Азартный, Беспутный, Благонадежный, Благочестивый, Давно-ожиданный, Дивный, Гном-загадка, Добро-Любный, Зауряд-фартовый, Коронационный, Любезный, Маломальский, Мало-ожиданный, Многохлопотный, Развеселый, Сердитый, Соблазнительный, Способный, Пылкий, Уважаемый, Фундаментальный* и др.).

Тема объединяет большое количество имен, созданных преимущественно во второй половине XIX – начале XX столетия, и, взятая в сравнительном измерении, показывает высокую степень номинативной свободы на фоне вовлечения в старательское дело значительного числа частных предпринимателей.

7. Демонстрация авторского кругозора и оригинальности (см.: *Алтын, Баян, Вулкан, Дельфин, Депутат, Иноходец, Калмык, Кантата, Комета, Караван, Ландыш, Марс, Машина, Меркурий, Метеор, Провидение, Фараон, Ураган, Юпитер* и др.).

В строгом смысле выделенная группа не реализует единой номинативной темы. Справедливее

было бы охарактеризовать представленный в ней пестрый набор номинативных решений как созданный в русле сходной субъективной интенциональности – желания номинаторов проявить творческий подход, максимально индивидуализировать название, выделить его на фоне однотипных и сочинить новое имя в согласии с личной эрудицией и собственными эстетическими представлениями. Строительный лексический материал здесь в высшей степени разнообразен и как нельзя лучше эксплицирует разноплановый культурный опыт у создателей имен и общий смысловой вектор на креативное самовыражение.

В границы этой широкоформатной творческой интенциональности укладываются и многочисленные вторичные топонимы, образованные по принципу метафорического переосмысления либо условно символического означивания пространства, см.: *Австралия, Аляска, Калифорния, Канада, Монблан, Пекин, Питер, Сокраменто, Трансвааль, Чикаго, Эльдorado*).

В целом номинативные версии, реализуемые в рамках данного номинативного направления, датируются концом XIX – началом XX-го столетия и демонстрирует не только активизацию широкого круга частных интересов, вкусов, пожеланий, но и вовлечение в номинацию намерений рекламного свойства.

Отмеченные магистральные темы и принадлежащие к ним частные номинативные решения показывают в интересующем нас поле денотации действие нескольких ветвей именуемой традиции.

Одна из них связана с общенародным культурным опытом топонимического означивания. Ему принадлежит пространственная координация, эксплицированная в номинативных указаниях на расположение объектов: на место относительно иных пространственных реалий, на отдаленность/близость к обжитой территории, на размещение в центре, с краю, сверху или внизу определенной ландшафтной зоны.

К выработанному в общенародной практике опыту следует отнести и отантропонимическую модель номинации, соединяющую называемый объект с именами собственников или близких им людей.

Иная традиция производна от правил административно-управленческого деления территории и означивания объектов казенного управления. Здесь номинативно выражается привязка приисков к «дачам» горных заводов либо посвящение государственным лицам и высокопоставленным «государевым владельцам».

Особая линия наречения ведет свой отсчет от именования конфессионального и связана с приоритетами веры, экстраполированными в данном случае на сферу рискованного предпринимательства.

Наконец, еще один отраженный в названиях страт социальной культуры – культура самого старательского промысла, с его поведенческими правилами, легендами, суевериями и возможными пожелательными и охранительными речевыми действиями.

Просматриваемые в исторической динамике, имена золотых приисков позволяют говорить о тесной зависимости актуальных тенденций обозначения с меняющимся социокультурным фоном. Нельзя обойти вниманием тот факт, что бурное развитие частного предпринимательства во второй половине XIX века и участие в старательских разработках различных слоев населения постепенно изменили общественное отношение к приискам, сформировав их устойчивое восприятие в качестве источников получения индивидуальной прибыли. В общем контексте становления буржуазных отношений и расширения предпринимательских инициатив претерпевает значительную либерализацию и сочинительство новых имен. В номинативной деятельности мы наблюдаем устойчивое стремление к подчеркнутой индивидуализации обозначений, репрезентативными приметами которой служат такие новшества, как:

- передача личностных и даже интимно значимых смыслов (*Манюшкин, Полин, Степочкин*);

- игра с прецедентными культурными знаками (*Без вины виноватый, Тайны Клеопатры, Язонов Клад*);

- выбор оригинальных, а порой и экстравагантных номинативных решений (*Бог Помощь! Брысь!, Сладко-Гостимый, Сэнк-Ю, Хорош Ли*).

Конец XIX – начало XX столетия в отечественной истории массовой коммуникации знаменуются развитием рекламного дела. Закономерно, что в названиях, которые присваиваются в это время новым городским торговым и досуговым объектам, утверждается тренд на именное воплощение рекламных задач. Рождается и укрепляет свою популярность имиджевое, коммерчески выгодное демонстрирование объектов в их именных «одеждах». Не удивительно, что этот новый номинативный подход быстро распространился на золотые прииски и способствовал появлению модных имен с очевидными рекламными свойствами.

В результате можно констатировать, что сложившийся в этот период неоднородный именной слой запечатлел мозаичную панораму общественных, культурных, бытовых и речевых примет жизни региона, в которой следование прежним традициям сплеталось с веяниями новых, весьма динамичных социальных процессов.

Если оценивать названия золотых приисков с позиций современного геобрендинга, то следует признать за ними свойство отличительного семиотического материала в культурном «бэкграунде» территории.

Поскольку золотая тема входит в число значимых сюжетов истории Урала, ее развитие в различных формах современной коммуникации может способствовать позиционированию территории и прорисовке характерных черт ее исторического образа. Начало такой работе уже положено. В частности, краеведческая информация по золотому промыслу популяризируется в Музее золота г. Березовский (именно в окрестностях Березовского в 1745 г. было открыто первое уникальное Березовское месторождение, давшее старт всей большой «золотой» российской истории). Нам представляется, что названия приисков могут послужить новыми точками нарратива вокруг золотой темы не только в самом музее, но и в сопровождающих его медийных материалах.

Примечание

¹ Работа подготовлена при поддержке Правительства Свердловской области и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-13-66011).

Библиографический список

1. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. – М., 2006. – 488 с.
2. *Замятин Д., Замятина Н.* Имиджевые ресурсы территории: идентификация, оценка, разработка и подготовка к продвижению имиджа // Гуманитарная география. – Вып. 4. – М., 2007. – С. 227–249.
3. *Калуцков В.Н.* Топологическая теория культурного ландшафта // Гуманитарная география. – Вып. 1. – М., 2004. – С. 138–153.
4. *Лавренова О.А.* Семантика культурного ландшафта: автореф. ... дис. д-ра филос. наук. – М., 2010. – 20 с.
5. *Мещеряков Т.В., Окольников И.Ю., Никифорова Г.Ю.* Бренд как коммуникативный капитал // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 1 (37). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3476>
6. *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. – М., 2011. – 520 с.

Баженова Татьяна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)
tatyabazhenova@yandex.ru

Долгова Елена Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)
leo6371@yandex.ru

АРЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ В САМАРСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена обобщению результатов картографирования диалектной лексики самарских говоров. Объектом анализа являются однословные наименования, которые отражены на картах регионального атласа. В статье выделяются основные группы слов, функционирующих в самарских говорах в качестве обозначения земельных наделов сельскохозяйственного назначения при доме и в поле. Особое внимание уделяется характеристике многозначных слов. При картографировании многочленных диалектных соответствий принципиальное значение имеет типология диалектных различий лексико-семантического уровня и иерархические отношения тех дифференциальных признаков, по которым они противопоставлены друг другу. Лексический потенциал диалектных слов анализируется с точки зрения территориальной дистрибуции на основе соотношения диалектных лексических особенностей с главными фонетическими характеристиками самарских говоров. Авторы выделяют лексические единицы, ареалы которых вписываются в общую картину противопоставления генетически родственных говоров северной и центральной части территории и южнорусских говоров на юге Самарской области. Выявленная связь типов отношений многозначности и синонимии с их ареальной характеристикой актуальна для общей теории лингвистической географии. Описанные закономерности лексико-семантического варьирования создают базу для дальнейшего теоретического осмысления феномена высокой вариантности формы и содержания слова в диалектной системе.

Ключевые слова: русский язык, диалект, русские народные говоры, диалектная лексика, диалектология, семантика.

Говоры самарского Поволжья представляют собой интереснейший объект лингвистического картографирования. Как уже отмечалось в лингвогеографической литературе, здесь наблюдается сочетание диалектов всех трех традиционно выделяемых диалектных типов, позволяющее разграничивать три основные диалектные зоны: 1) северные и северо-западные районы, где бытуют в основном окающие говоры владимирско-поволжского типа; 2) центральные, западные и восточные районы, где сосредоточена значительная часть вторичных среднерусских акающих говоров; 3) южные и юго-восточные районы, для которых характерно преобладание южнорусских говоров [8, с. 49]. На первый взгляд, это соотношение зон напоминает классическую картину территориального расположения говоров, однако она нарушается тем, что в окающем или акающем массиве достаточно много вкраплений инодиалектных систем не только в пределах административного района, но и в пределах одного села [см., в частности: 14, с. 77–102], что создаёт впечатление диалектной пестроты. Эта картина создается благодаря сложившимся на нашей территории диалектным различиям фонетического и морфологического уровня. На уровне лексики черты типологического сходства наших говоров с говорами классических типов ещё более размыты, поэтому долгое время проблема генетической, структурно-типологической и лингвогеографической интерпретации вторичных говоров на территории Самарского края решалась без привлечения данных лексического

уровня [см.: 9, с. 135]. Между тем в диалектологии в последнее время успешно применяется методика лингвогеографического исследования переселенческих говоров, основанная на использовании ареальной характеристики диалектного слова в качестве самостоятельного критерия при определении специфики диалектного ареала и внутридиалектного членения [7; 13; 12; 10, с. 103–105; 5, с. 12–17]. По мнению Н.С. Ганцовской, «сейчас можно с уверенностью сказать: невозможны никакие обобщающие ареальные исследования без использования лексических данных» [5, с. 40].

Как известно, наиболее полным воплощением системного подхода к диалектному языку, отражающим многообразие междиалектных соответствий, являются лингвистические атласы. Значительным шагом вперед в изучении диалектной лексики самарских говоров явилось создание лексического тома регионального атласа. На его картах отражена лексика, записанная на территории Самарского края преимущественно в 1940-е – 1980-е гг. для X тома ДАРЯ и поволжского атласа [1]. Большая часть этих материалов, собранных экспедиционным путем, ранее не картографировалась и обобщающему описанию не подвергалась. Массовый материал, привлеченный для картографирования, позволил увидеть определенную упорядоченность в лингвогеографическом распространении части лексем.

Объектом нашего анализа в данной статье послужили однословные наименования земельных участков, наделов, угодий, составившие одну из

наиболее многочисленных лексических групп и широко представленные в современных самарских говорах. Семантическим центром, объединяющим всю лексику землепользования в единую группу, является гиперсема 'использование в сельском хозяйстве', которая дополняется семантическими компонентами 'местоположение', 'степень пригодности', 'стадия обработки', 'цель использования'. На основании семантических признаков мы попытались разделить диалектные наименования земельных участков в самарских говорах на несколько групп:

1) наименования участка земли сельскохозяйственного назначения при доме (*усадыба, усад, позьмо, нива, загон, загонка* и др.);

2) наименования обрабатываемого участка земли в поле (*нива, жнива, кулига, майдан, клин, загон* и др.);

3) наименования участка земли, выделяющегося хорошей травой (*кулига, ильмень*);

4) наименования единиц меры площади земли сельскохозяйственного назначения (*позьмо, пай, лан, кулига*);

5) наименования оставшегося необработанным участка земли (*кулига, кулижка, обсевок*);

6) наименования неудобной земли, пустоши (*залог, ильмень, лядина*).

Как известно, характерной особенностью диалектной лексики является конкретизация денотативного компонента значения, расширение и усложнение его структуры, что особенно свойственно той части лексики, которая связана с обозначением жизненно важных для носителей говора реалий: природных, бытовых и т.п. Это в полной мере относится к диалектной лексике, связанной с земледелием и полеводством, дающей широкий спектр оттенков значения.

Среди сельскохозяйственных терминов наиболее широкое распространение в самарских говорах получило общерусское слово *усадыба*, которое зафиксировано как наименование участка земли под огородом и калдой при доме. Ср. примеры употребления слов: *Дом, когда на месте продаётся, то, конечно, с усадыбой, со всем огородом* (Муранка Шигон.); *На усадыбе калда, гарот – это садитца овощи, агурцы, тыква, ну там кто что сумеет, дыни и свёклу* (Услава Шигон.). Кроме того, данная лексема широко употребляется в других значениях: 1) весь земельный надел одного хозяина, на котором находится дом, двор, огород; 2) земельный участок под домом и хозяйственными постройками. Наряду с ним встречается словообразовательный вариант *усад*, по употребительности значительно уступающий слову *усадыба*.

По В.И. Далю, *усадыба, усада* – это в первую очередь жилье и прилегающая к нему территория [6, т. IV, с. 510], причем подразумевается усадыба только помещичья, тогда как на практике ещё в прошлом

веке этот термин имел довольно широкое толкование: как правило, крестьянские избы с наделами также назывались усадыбами. Широкая известность этого слова в самарских селах, среди которых немало таких, в которых помещичьего землевладения не было, является тому доказательством.

Лексема *усадыба* в значении 'земля под сельскохозяйственными угодьями' фиксируется на всей территории Самарской области в говорах различной типологии (в 87 населенных пунктах из 165, нанесенных на карту, причем в 38 из них – как многозначное). А вот его словообразовательный вариант *усад*, несмотря на спорадичность, отмечен только в говорах с владимирско-поволжской (окающей) основой.

Слова *усадыба* и *усад* обладают прозрачной внутренней формой, которая вполне соответствует значению выделенного переселенцу участка земли. Прозрачностью внутренней формы отличается и второе по употребительности в самарских говорах слово *позьмо*, которое также служит обозначением земельного участка при доме. Ср. примеры употребления: *Раньше-та не за домом гналис, а за пазьмом. Если многа земли, то говорят: «Йех, какое пазьмишиша-та!»* (Горбуновка Шигон.); *Сколько у вас усаду? Десять соток пазьмы* (Муранка Шигон.). Лексема *позьмо* как обозначение земельного надела при доме зафиксирована на лексической карте в 49 населенных пунктах, причем в 16 из них наряду с другими значениями.

В некоторых говорах в слове *позьмо* закреплено представление об участке земли определенного размера, поэтому в ответах информантов встречается употребление этого слова в качестве единицы измерения площади, надела. Ср.: *Пазьмо – шышинатцать сотак вроди* (Ольгино Шигон.); *Пазьмо – ана раньше была дваццать сажен* (Кинель-Черкассы); *Он жывьёт в пазьме Тысячных* (Криволучье-Ивановка Красноарм.).

Информанты указывают собирателям на то, что слово *позьмо* относится к реалиям эпохи традиционного крестьянского уклада: *Усадыба, а кауда в идиначности жыли, – пазьмо* (Жигули Ставр.); *Их нарезали межевые и называли позьмы* (Печерское Шигон.); *Дяды высилились на позьмы* (Лебяжка Безенч.), поэтому в ряде говоров для обозначения земельного надела зафиксировано сочетание лексем *усадыба* и *позьмо* (21 населенный пункт). В лексических материалах встретились описательные конструкции, которые разграничивают земельный надел сельскохозяйственного назначения и участок, отведенный под строительство: *приусадыбenna земля; усадыбинное пазьмо; усадыбенно место*. По-видимому, в составных наименованиях отразился процесс вытеснения старых специальных обозначений земельных участков (*место, пазьмо*) новым универсальным наименованием (*усадыба*).

В СРНГ слово *позьмо* зафиксировано преимущественно в восточных говорах – тамбовских, пензенских, рязанских, саратовских, орунбургских говорах и в русских говорах на территории республики Марий Эл; однако в специальных исследованиях оно отмечено также в говорах центральных [2, с. 172] и в казачьих говорах Волгоградской области [3, с. 193]. Как показывают лексические карты, оно имеет узкий протяженный ареал в средневолжских говорах, захватывающий южные районы Пензенской области, значительную часть Саратовской области (западные районы и северо-восточная часть правобережных районов), правобережную часть Ульяновской области. На территории Самарской области мы видим его продолжение в районе Самарской Луки и примыкающим к нему правобережья и левобережья Волги (Шигонский, Сызранский, Ставропольский, Безенчукский, Красноярский районы), далее – в северо-восточных районах (Сергиевский, Похвистневский, Шенталинский, Клявлинский), где сосредоточены преимущественно окающие говоры. На востоке области в Кинельском, Кинель-Черкасском, Богатовском, Борском районах оно может встретиться также в акающих говорах, в том числе и в говорах южнорусских. Ареал слова *позьмо*, очевидно, имеет дальнейшее продолжение в восточном направлении, о чем свидетельствуют фиксации этого слова в атласе русских говоров Башкирии [11, с. 95].

Среди наименований обработанного, занятого чем-либо участка земли в поле частотным на нашей территории является слово *нива*, зафиксированное в 67 населенных пунктах из 165, нанесенных на карту.

Слово *нива*, отраженное в СРНГ в 27 значениях [15, вып. 21, с. 215–219], на территории Самарской области реализуется в пяти основных значениях: 1) поле (о.н.); 2) поле под хлебными посевами; 3) засеянное поле; 4) сжатое, убранное поле; 5) огород.

Наибольшим индексом репрезентативности обладает общерусское значение ‘поле’. Оно зафиксировано в 38 населенных пунктах области – фактически повсеместно в тех районах, где оно употребляется. В других значениях лексема *нива* фиксируется реже. На карте ЛСВ ‘поле под хлебными посевами’ (8 сел) образует довольно плотный ареал в окающих и акающих раннепереселенческих говорах, группирующихся на западе и северо-западе области в Шигонском, Ставропольском, Безенчукском и Кошкинском районах.

ЛСВ ‘засеянное поле’, ‘сжатое поле’, ‘огород’ встречаются спорадически, однако основная масса этих значений лексемы *нива* сосредоточена в говорах западной части области, наиболее ранних по времени образования. Здесь, кроме того, зафиксированы другие единичные значения этой лексемы. Так, в с. Демидовка Сызранского райо-

на слово *нива*, помимо основного значения ‘поле’, имеет метонимическое значение ‘зеленый молодой хлеб’. При этом источник метонимии – ЛСВ ‘хлебное поле’ – фиксируется только в соседнем с. Заборовка того же района.

При этом на севере области в Клявлинском, Шенталинском и Похвистневском районах слово *нива* не употребляется даже в общерусском значении. Отсутствие фиксаций слова *нива* на севере, юге и в центральной части области мы рассматривали как факт функционирования в указанном значении общерусской лексемы *поле*. Ввиду этого при картографировании семантических вариантов отсутствие в говорах лексемы *нива* в значении ‘поле’ становится значимым. Лексема *нива* как обозначение земельного участка может быть противопоставлена общерусскому слову *поле* и диалектному слову *кулига*.

Слово *кулига* в народной земледельческой терминологии самарских говоров для обозначения земельного участка в поле, на лугу и в лесу употребляется довольно широко (в 76 из 165 населенных пунктов). Лингвогеографический анализ материала показал, что на территории Самарской области оно используется в значениях: 1) участок земли в лесу, поляна; 2) участок земли на лугу, заливной луг; 3) участок обрабатываемой земли в поле; 4) полоска земли, мера площади; 5) участок поля, луга, оставшийся необработанным, огрех; 6) мера скошенной травы.

Подобные варианты значения данного слова встречаются во многих русских говорах [15, вып. 16, с. 60–64]. Для адекватного отображения семантических вариантов слова в самарских говорах мы соотнесли выявленную нами систему значений с лексико-семантическими вариантами, представленными в СРНГ. Словарь содержит 31 значение слова *кулига*, подтверждая диффузность его семантической структуры. Методика семного анализа слов позволила выделить в качестве гиперонима значение ‘участок земли’ и определить тем самым первую ступень в структуре значений и в выборе графических символов: а) ‘участок земли в лесу’ (= ‘лесная поляна, на которой иногда косят траву’), б) ‘участок обрабатываемой земли’ (= ‘участок земли в поле’, ‘обработанный участок земли’); в) ‘участок земли, который выделяется хорошей травой’ (= ‘заливной луг’). Указанные ЛСВ составляют самую многочисленную группу и функционируют в 61 населенном пункте области. Среди них наиболее распространенным в наших говорах является ЛСВ ‘участок земли в лесу’ (ср. в СРНГ: «лесная поляна или поляна среди кустов, на которой иногда косят траву») зафиксирован в 33 населенных пунктах. Второе по частотности значение слова *кулига* – ‘участок обрабатываемой земли в поле’ – зафиксировано в 15 населенных пунктах; ЛСВ ‘участок земли на лугу’ – в 13.

География сел говорит о том, что распространение трех основных ЛСВ слова *кулига* отмечено на карте преимущественно в севернорусских и среднерусских окающих и акающих говорах, имеющих общую (владимирско-поволжскую) основу (в 42 населенных пунктах из 61). Кроме того, ареал этих значений располагается на северо-западе и западе Самарской области, где бытуют наиболее ранние по времени образования переселенческие говоры. В восточной и юго-восточной части Самарской области ЛСВ 'поле' образует точечные ареалы в южнорусских говорах Кинель-Черкасского, Борского, Нефтегорского и Большеглушицкого районов.

Дальнейший анализ семантической структуры слова *кулига* позволил выделить дифференциальные семы 'обработанный, занятый чем-либо участок' и 'участок земли, оставшийся необработанным'. В СРНГ эта оппозиция представлена значением 'часть луга, оставшаяся нескошенной; часть поля, оставшаяся несжатой; незасеянный участок поля', которое противопоставлено другим значениям, содержащим семантический компонент 'обрабатываемый, засеянный участок земли в поле' [15, вып. 16, с. 61]. Данный ЛСВ слова *кулига* наблюдается и в самарских говорах, по крайней мере в 11 населенных пунктах области, где это слово зафиксировано со значением 'огрех, необработанный участок', причем в 7 селах бытуют окающие говоры, а в остальных – южнорусские говоры. Основной ареал лексемы *кулига* в значении 'участок необработанной земли в поле, на лугу' располагается на западе и северо-западе области, но разрозненные фиксации данного ЛСВ отмечаются также на севере, юге и в центре области.

Второй ЛСВ данной оппозиции 'обработанный, занятый чем-либо участок' чаще встречается в южнорусских говорах Сергиевского, Пестравского и Большечерниговского районов области.

Примечательно, что семантический компонент 'участок земли' послужил причиной возникновения метонимического варианта 'полоска земли, мера площади', зафиксированного в 8 населенных пунктах области. Упомянут этот вариант и в СРНГ, как характерный для самарских говоров: «Мера площади [какая?]. Духовщ. Саратов., 1946–1947. **Богатое. Куйбыш.** *Земля вся кулигами размерена. Кулига лесу. Куйбыш.*» [15, вып. 16, с. 63]. На территории нашей области в середине XX века данное слово могло служить обозначением любого небольшого участка земли и употреблялось в наречном значении – *кулигами* 'местами' (о всходах посевов, травы). Об этом свидетельствуют контексты словоупотребления, зафиксированные в СРНГ: «*Картошки нынешний год какие-то неровные, кулигами, то хорошие, то совсем никудышные. Куйбыш., 1945–1964*» [15, вып. 16, с. 62].

Спорадически на территории Самарской области отмечается употребление слова *кулига* с ком-

понентом 'трава' в семантике. СРНГ приводит подобный вариант значения: «Луг с хорошей сочной травой. Даль [без указ. места]. Дмитриев. Курск., 1908. **Куйбыш.**, Соль-Илецк. Чкал.» [15, вып. 16, с. 61]. Вероятнее всего, значение 'трава' сформировалось путем метонимического переноса: «луг с хорошей сочной травой – трава». В с. Криволучье-Ивановка Красноармейского района слово *кулига* приобретает дополнительное, частное значение: так здесь называют лужайку, а в с. Благодатовка Большечерниговского района *кулига* – это еще и трава, годная на сено. Заметим, что дополнительные значения слово *кулига* приобретает исключительно в южнорусских говорах.

Таким образом, наблюдается интересная закономерность: основные значения слова функционируют в севернорусских и близких им генетически среднерусских говорах, а дополнительные значения, то есть семантическое развитие, слово приобретает преимущественно в южнорусских говорах.

В 50 из 165 населенных пунктов слово *кулига* неизвестно. При этом в соседствующих селах может наблюдаться как отсутствие, так и наличие слова в говоре. Этот факт, а также спорадичность и частотность фиксаций данного слова указывают на то, что оно привнесено на нашу территорию какой-то частью переселенцев. В системе значений слова на нашей территории немалую долю занимают производные, осложненные дифференциальными семами, варианты, что указывает на его неархаический характер.

В говорах исконных территорий слово *кулига* имеет значение 'участок бывшего леса, расчищенного под пашню' и встречается преимущественно в севернорусских говорах, а также в восточных среднерусских говорах, верхне-деснинских, курско-орловских и межзональных южнорусских говорах. Многим говорам западной зоны данное слово неизвестно [17, с. 86], зато на восточных территориях, в Сибири и на Алтае, оно распространено довольно широко [16, вып. 5, с. 333].

При подготовке семантических карт мы сталкивались с неоднозначностью в выстраивании системы картографируемых ЛСВ. Значение диалектных лексем этой группы, как правило, характеризуется диффузным характером, что осложняет их систематизацию и картографирование. Отражение на лингвистической карте многочисленных лексико-семантических оппозиций явилось объективно трудной задачей, поскольку при картографировании большое значение приобретает типология диалектных различий лексико-семантического уровня и иерархические отношения тех дифференциальных признаков, по которым они противопоставлены друг другу.

Определенные трудности возникли на этапе классификации значений в гиперо-гипонимическом отношении и подборе графических вариантов к тому или иному значению слова. При картогра-

фировании многочисленных лексико-семантических оппозиций значками одной конфигурации мы обозначаем ЛСВ, обозначающие участок земли и имеющие общую гиперсему 'использование в сельском хозяйстве'. Дифференциальные компоненты 'местонахождение в поле', 'стадия обработки', 'выращиваемая культура' находятся в метонимических отношениях и реализуются, таким образом, через оппозицию «часть – целое». Для обозначения ЛСВ, содержащих сему 'местонахождение в поле', применяются значки одинаковой конфигурации с различным цветовым наполнением. Так, ЛСВ слова *нива* 'огород' имеет максимальное количество дифференциальных признаков в семантической структуре, поэтому оно, метонимически коррелирующее с главным ЛСВ карты 'поле', обозначается значком с контрастной заливкой. Выделение цветом условных обозначений одинаковой конфигурации, нанесенных на карту, используется также для фиксации пересекающихся ареалов.

Для диалектных различий семантического уровня характерно несовпадение структурных признаков картографируемых слов и их лингвогеографических характеристик. Диалектное слово в одном из своих значений может давать на карте несколько небольших ареалов и входить в состав основных группировок нашей территории, а в других своих значениях – не иметь ареальной характеристики вообще. Например, слово *кулига* в значении 'земельный участок в лесу, поляна, на которой иногда косят траву' зафиксировано на территории области на севере и северо-западе в окающих и акающих говорах с владимирско-поволжской основой. Ему противопоставлены другие значения этого слова, имеющие узко очерченные и точечные ареалы по говорам различной типологии.

Выявленная в исследовании связь типов отношений многозначности и синонимии с их ареальной характеристикой актуальна для общей теории лингвистической географии. Описанные закономерности лексико-семантического варьирования в говорах Самарской области создают базу для дальнейшего теоретического осмысления феномена высокой вариантности формы и содержания слова в диалектной системе.

Примечание

Сокращенные названия районов Самарской области: Безенч. – Безенчукский, Красноарм. – Красноармейский, Ставро. – Ставропольский, Шигон. – Шигонский.

Библиографический список

1. Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. – 103 с.
2. Батырева Л.П. Наименования приусадебной земли в говорах Ивановской области (на материале

письменных текстов и живой разговорной речи) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2008. – С. 171–178.

3. Брыкина Е.В. Усадьба и приусадебное хозяйство в лексике донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2006. – С. 190–196.

4. Ганцовская Н.С. Роль лексики в типологической характеристике ареала // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2008. – Вып. 7. – С. 37–40.

5. Ганцовская Н.С. Костромской акающий остров как объект ареально-типологического изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2008. – № 3. – С. 12–17.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 2-е изд., репринт. – Т. IV. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – 684 с.

7. Долгушев В.Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономастическом аспектах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 38 с.

8. Зиброва Т.Ф., Барабина М.Н. Атлас говоров Самарского края. – Самара: Самарский университет, 2009. – 115 с.

9. Зиброва Т.Ф., Барабина М.Н. 25 лет диалектологической работы в Самарском университете // Вестник Самарского государственного университета. – 1996. – № 1. – С. 133–138.

10. Здобнова З.П. Русские говоры на территории Башкирии // Лингвогеография, диалектология и история языка. – Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1973. – С. 101–106.

11. Здобнова З.П. Атлас русских говоров Башкирии: в 2 ч. – Ч. I / изд-е Башкирск. ун-та. – Уфа, 2000. – 176 с.

12. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 1998. – 61 с.

13. Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. – СПб.: Наука, 2005. – 636 с.

14. Скобликова Е.С., Глебова А.В. К проблеме интеграции окающих говоров Среднего Поволжья // Вопросы русской диалектологии: межвуз. сб. – Куйбышев: КГУ, 1982. – С. 77–102.

15. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–46. – М.; Л.: ИЛИ РАН, 1965–2013. (СРНГ)

16. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л.И. Шелеповой. Вып. 1–7. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007–2013.

17. Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Ганцовская Нина Семёновна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

gantsofsky_n@mail.ru

Дмитрук Людмила Александровна

кандидат филологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

lyudmila-dmitruk@mail.ru

СЕМАНТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ А.О. АБЛЕСИМОВА «МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ» В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»

В статье лексика комической оперы А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» рассматривается в дискурсе академического «Словаря русского языка XVIII века». По времени своего создания данное произведение относится к памятникам предпушкинской поры, когда начинает активно формироваться база лексико-стилистической системы русского литературного языка. В этот период слово словно конденсирует в себе все доступные смыслы и коннотации, часть из которых отображает культурные традиции общества и прочно связана с ними в сознании носителей языка. Речевая ткань пьесы, почти сплошь состоящая из элементов просторечия, жаргона, диалекта, фольклора, экспрессивно-разговорных речевых средств, являет собой достоверную фиксацию языка конца XVIII века. Произведение Аблесимова, несмотря на использование в нём народно-разговорных единиц, нельзя относить к числу произведений «низкого штиля», так как лексика его отражает значимые для всего народа элементы материальной и духовной культуры, формы его быта, верований, ментальных представлений. Слова комической оперы Аблесимова, являющиеся практически документальным источником изучения современного автору речевого узуса, анализируются нами на фоне лексикографического дискурса «Словаря русского языка XVIII века» с целью их семантизации, а также определения функционально-стилистического статуса лексических единиц в русском языке конца XVIII века. Такое изучение словарного состава языка на фоне данных толковых, исторических и областных словарей позволяет, в конечном счёте, установить с большей степенью вероятности специфику слова в русской речевой культуре XVIII века.

Ключевые слова: А.О. Аблесимов, комическая опера, «Словарь русского языка XVIII века», семантизация, лексика, стилистические пометы, народно-разговорный язык.

Комическая опера А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (МКОС), завоевавшая признание публики Москвы и Петербурга в конце 80-х годов XVIII века, не потеряла симпатий и современных зрителей и широкого круга читателей. Немалый интерес она вызывает у специалистов-гуманитариев как источник изучения многих её драматургических качеств и разнообразных смыслов, в них заключённых. Пожалуй, самым ярким достоинством пьесы является умелое и разнообразное использование автором народно-разговорной стихии русского языка с включением экспрессивно-разговорных, просторечных, диалектных, жаргонных и фольклорных элементов – той демократической струи языка, которая в следующем веке была узаконена писателями-классиками и которая, например, объясняет успех пьес А.Н. Островского. Народная речь совершенно естественным образом звучит в устах крестьян, героев пьесы, составляя неотъемлемую часть их портретной характеристики, в то же время наглядно представляя реалии и ментофакты русского быта на довольно широком социально-культурном фоне. Речевая организация пьесы, её успех свидетельствуют о состоянии русского национального языка того времени, о готовности современников пьесы принять его именно в такой форме, естественной, живой и национально-колоритной, в какой он представлен Аблесимовым.

МКОС нельзя уже относить к числу произведений «низкого штиля» хотя бы потому, что его лексика отражает значимые для всего народа элементы материальной и духовной культуры, формы его быта, хозяйства, верований, ментальных представлений. Сами эти элементы (предметная лексика), их связи и взаимоотношения, словесно выраженные (непредметная лексика), оказались доступными для понимания всего общества в целом в тот период и во многом сохранили свою актуальность и до настоящего времени. Язык пьесы близок к эталону нового литературного языка, сложившегося в пушкинский период и включающего книжные, генетически преимущественно церковнославянские, и народно-разговорные русские элементы, правда, со значительно большим перевесом последних.

Язык, в том числе и лексика данного произведения, почти не изучены, что препятствует созданию полного представления об историко-лингвистическом статусе языковой стихии русского языка периода XVIII века. В то же время внимательное исследовательское прочтение пьесы позволит осознать место в общезыковом национальном узусе языка МКОС и его роли в создании общенародного (стандартного) национального русского языка и шире – роли маркера развития языка русского этноса в целом. Одним из важных источников изучения структуры, семантики, особенностей функционирования слова в общенародном узусе

языка предпушкинской эпохи является академический «Словарь языка XVIII века» (СРЯ XVIII). Включение в словник данного лексикографического произведения слов, актуальных и для МКОС, а в иллюстративную часть – примеров из пьесы Аблесимова наряду с извлечениями из текстов других многочисленных источников словаря, художественных и нехудожественных, помогает точнее семантизировать лексику МКОС и решить многие вопросы лингвокультурного характера. Этой задаче служит и весь дискурс словаря, который задумывался по объёму включения лексики в словник как словарь полного типа, как широкий, объёмный, единый, хотя и разножанровый нарратив произведений эпохи. Это объясняется, как пишут разработчики Проекта Словаря русского языка XVIII века, многими причинами, в том числе «исторически ограниченной совокупностью дошедших до нас известных текстов» русского языка XVIII века [9, с. 6], разнообразием привлекаемых источников и «отсутствием вполне отчетливых и устойчивых границ между кодифицированными и некодифицированными формами речи» [9, с. 7] и др., но, как кажется, более всего желанием объективно показать состояние русского языка того периода, когда вырабатывались нормы стандартного для всего общества литературного языка. В этом плане «Словарь русского языка XVIII века» продолжает традицию толкового словаря В.И. Даля и словаря русского языка А.А. Шахматова (буквы Е-К), к сожалению почти не получившую дальнейшего развития в русской лексикографии (см. о принципах создания словарей-тезаурусов в славянской лексикографии у А.А. Плотниковой [5, с. 32–40]). Как кажется, подобное обстоятельство самым положительным образом сказалось при выявлении специфики лексики этой переломной эпохи, подготовившей почву для создания нового литературного языка, её разнообразных форм дистрибуции в русском национальном дискурсе, на фоне широкого круга источников Словаря русского языка XVIII века.

Всего в комической опере А.О. Аблесимова насчитывается более 1100 слов и выражений, многие из которых представлены в СРЯ XVIII, иногда и не по одной цитате. Так, в первом томе содержится 6 слов: *а* (2 цитаты), *ан*, *аукнуться*, *барин*, *без*, *безвременно*, во втором томе – 12 слов: *благословить*, *божиться*, *большой*, *больно*, *брат*, *бы* (2 цитаты), *в*, *ведь*, *везти*, в третьем томе – 11 слов: *вздумать*, *вертеть*, *велеть*, *взять*, *видать*, *видаться*, *винцо*, *вернуться*, *весь*, *вздорить*, *вишь*, в четвертом томе – 12 слов: *вон*, *ворочать*, *вот* (2 цитаты), *воля*, *ворожайка*, *ворожища*, *всполошить*, *вставать*, *впрям*, *возраст*, *вывалиться*, *второе*, в пятом томе – 7 слов: *гнедко*, *горе*, *годиться*, *гривенка*, *гожий*, *глупенький*, *ге!*, в шестом томе – 16 слов: *да* (3 цитаты), *до*, *дело* (2 цитаты), *делать*, *держать* (2 цитаты), *держаться* (2 цитаты), *добыть*,

двигаться, *демон*, *детина*, *дарить* (2 цитаты), *давший*, *дескать*, *долинушка*, *довольно*, *дотянуть*. Это немалая часть полного словника произведения Аблесимова, если учесть, что всего в «Мельнике» на «А» – 11 слов, «Б» – 45, «В» – 84, «Г» – 27, «Д» – 89. Как видно из данного неполного списка используемой в СРЯ в качестве самостоятельных лемм лексики из МКОС, это слова всех частей речи, знаменательные и служебные, в основном совпадающие с лексикой современного русского литературного языка, но чаще всего его периферии. Это лексика нейтральная по сфере употребления: *а*, *барин*, *большой*, *брат*, *бы*, *в*, *ведь*, *везти*, *велеть*, *взять* и др., чаще же разговорно-бытовая, экспрессивная, иногда на грани с просторечной: *ан*, *аукнуться*, *божиться*, *больно*, *вздумать*, *ведь*, *видать*, *видаться*, *винцо*, *впрямь*, *ге!*, *дескать*, *детина*; или же областная: *ворожайка*, *ворожища*, *гожий*, *давший*. Есть в этом списке и лексика книжная, церковнославянская: *благословить*, *возраст*, *демон*, которые уже достаточно прочно вписались в русский разговорный уzus.

Рассмотрим ряд слов из этого списка и определим особенности их семантизации в МКОС на фоне лексикографического дискурса СРЯ XVIII. При этом воспользуемся материалами полного авторского «Словаря языка комической оперы А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», составленного Л.А. Дмитруком.

Слово *ан* в МКОС употребляется следующим образом (материалы «Словаря языка комической оперы А.О. Аблесимова...» Л.А. Дмитрук).

АН (4), союз противит. *Соединяет предложения, во втором выражает несоответствие и противоположность тому, о чём говорится в первом предложении*. Анкудин. Нетъ, крестьянка. Фетинья. Анъ дворянка (II, 13). ♦ **Ан лих**. Филимон. <...> ты чаешь краше тебя и нету; анъ лихъ есть много, не тебе чета (II, 1). Анкудин. Анъ лихъ нетъ, дворянин-агъ вишь хороший дочь-ту нашу не возьмет; а буде какой бы и сыскался на ней жениться, такъ уже разве такой, вотъ что называется-та, самая мелкая сошка (II, 13). Анкудин. Вотъ-на! да тамъ и помещиков-та нету. Фетинья. Анъ лихъ есть; мне кажется, Фаддей-мельникъ сватаетъ, и уже мы, я и она (указывая на дочь), его и видели (III, 3).

В СРЯ XVIII в словарной статье на служебное слово *ан*, союзе и частице, с пометой *прост*. (последнее означает, как указано в Правилах пользования словарём, «простое слово, противопоставленное книжным синонимам, хотя и лишённое резкой экспрессии сниженного, грубого или фамильярного характера» [9, с. 36]) приводятся примеры и на несвободные устойчивые сочетания *ан лих*, *ан глядь*, *ан (и, во) нет*, поданные под знаком ♦ – «стоячий ромб». Первое из них иллюстрируется только цитатой из МКОС, одной из трёх, приведённой в сокращённом виде в сло-

варной статье на слово *ан*: «[Филимон:] *Ты чаеешь краше тебя и нету; ан лих есть много, не тебе чета*» [8, вып. 1, с. 63]. *Ан* же и несвободные сочетания на его основе семантизируются в СРЯ XVIII цитатами из Святочной комедии: «*Мы думали, что в этом дому доброй хозяин живёт, ан он разбойник*»; Сочинений Г.Р. Державина: «*Хвать в колчан, а стрѣл уж нету*»; Виргилиевой Енейды Осипова: «*Поест ли с горя кто собирался, Совал в потѣмках мимо рта, За ложку ль кто тогда хватался, Ан глядь, в руках лишь пустота*»; комедии Лжец: «[Дидима:] *Он, батюшка, дворянин. [Баланцов:] Ан нѣт, Его зовут Леоном; Пантелей отец его купец*»; переводного Путешествия Англинского лорда Балтимура из Константинополя: «*Он <маршал> ещё не успел одеться, ан все три генерала к нему пришли*»; из поэмы В.Е. Майкова Елисей или раздражённый Вакх: «*Лишь он сие изрек, ан ключник прибежал, Который был в слезах, и с ужаса дрожал*»; из немецкого лексикона Вейсмана: «*Та беда ещё не минулася, ан и другая настаёт*»; из пословиц А.А. Барсова: «*Будто тят-ляп, ан изба*»; из Адской почты, переписки хромоногого беса с кривым: «*Дай только им <стряпчим> деньги, ан чёрное белым вмиг сделают*»; комедии М.И. Попова Отгадай и не скажу: «[Трофим:] *Маленько спустя пришёл мальчишка, пошептал на ухо что-то от этой неверной; ан и прощай мой гнев*»; Н.П. Николаева Прикащик, драматическая пустельга: «[Прикащик:] *А всё это Кутит Миловзор... Когда бы она ево не любила, ан-бы конечно полюбила бы меня*»; Оперы комической Санктпетербургской гостиной двор М.А. Матинского: «[Саламанида:] *Ворожея Федотовна мне сказала, што-де бочонок-от мыши прогрызли, и как ни разведёт бобами, ан всё точ в точ так выходит*» [8, вып. 1, с. 63].

Здесь все примеры, чаще всего извлечённые из реплик персонажей художественных произведений, имеют яркие приметы разговорности, и не только в области лексики и фразеологии (*пожалуй, што нужды, нету, в здешнем, собирался, совал, хватался, аппелятив батюшка, тят-ляп*), но и грамматики (союз *коли* 'если', просторечная постпозитивная частица *та*: *гоняться-та, в дому, доброй (хозяин)*, междометный глагол *хвать*, разговорный союз *ль* наряду с нейтральным *ли* в этой же цитате из Енейды). Они демонстрируют почти полное отсутствие всяких элементов церковнославянской книжности. Обращает на себя внимание преобладание в приведённых цитатах из СРЯ XVIII стилистически-нейтральной лексики, типичной и для современного русского языка, за исключением разве несколько старомодного слова *чаеешь* у Аблесимова, приведённого для создания комического эффекта противоположения в примере из Майкова высокой церковнославянской лексики *сие изрек* лексике «простой» и даже просторечной – *ан ключник прибежал*. На этом фоне «книжности» более выпукло

проступают «сигналы разговорности», бесспорно занимающие сильную позицию в области лексики по сравнению со средствами других ярусов языка (о понятиях сильный, слабый признак разговорной речи подобно позициям фонемы см. у В.Д. Левиной [3]). Однако и «разговорность», которую мы понимаем вслед за Ш. Балли как «аффективный аспект общего языка» [2, с. 301], имеет несколько градаций: от литературной до просторечной и диалектной, что отражено в сложной системе стилистических помет СРЯ XVIII [9, с. 35–36].

Стилистическая однородность языковых средств в цитатах статьи на *ан* СРЯ XVIII, окружающих пример из МКОС, показывает органичность включения союза *ан* в живую народную речь, указывает на его просторечный характер, но отнюдь не говорит о его «устарелости» и архаичности. *Ан* отсутствует в современных областных словарях, но он включён в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (СРЯ XI–XVII) [7, вып. 1, с. 36] без ограничительных помет и отмечен во всех словарях современного русского литературного языка с пометой «просторечное». Как кажется, к этой помете можно было бы добавить помету «устаревшее», или сделать её единственной, поскольку в современных контекстах *ан* воспринимается как средство стилизации под просторечие, старину, как нечто, выбивающееся из системы современных средств языка, неактуальное, архаизирующее контекст, обладающее экспрессией манерности, как бы книжности. Например, слово *ан* в дискурсе словарей современного русского литературного языка: в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова: «Противительный союз: *Пошли через реку, ан лёд-то трогается*. Частица. *Ан нет, не пойду*» [4, с. 24]; в академическом «Словаре русского языка»: «*Воеводы не дремали. Но никак не успевали. Ждут, бывало, с юга – глядь, – Ан с востока лезет рать!* Пушкин. Сказка о золотом петушке». «*Все думали в деревню, ан доктор в Италию посылает*. Эртель. Гарденины» [11, т. 1, с. 36]. В устойчивых словосочетаниях *ан* в современных лексикографических изданиях, кроме *ан нет*, не встречается, но в этом случае *ан* квалифицируется и как частица: «*Ну что, проигрался? – сказал проснувшийся Тихонов. – Ан нет, семнадцать рублей выиграл*. Л. Толстой. Хаджи-Мурат» [11, т. 1, с. 36].

В СРЯ XVIII принято алфавитное расположение слов с элементами гнездования. В Проекте Словаря сказано: «В пределах одной словарной статьи может быть объединена разработка двух (и более) однокоренных и разнородных слов, совпадающих или очень близких по своему значению» [10, с. 28]. И это является одним из залогов наиболее полной, «правильной» семантизации слова, окружённого однокоренными образованиями, относящимися часто к разным частям речи, обладающими разными, но схожими структурно-се-

мантическими характеристиками. Так, в словарной статье на «**ВОРОЖЕЯ**, и', м. и ж. и **ВОРОЖЕЙ**, я, *Гадатель (гадалка), колдун (колдунья)*» помещено восемь слов с корнем *ворож-* (считая заглавные варианты): **Ворожейный** и **Ворожейский**, **Ворожейка** и **Ворожайка**, **Ворожеюшка**, **Ворожища**. Из них **ворожайка** и **ворожища** иллюстрируются цитатами из МКОС: «Сосед мельник, Не бездельник, Ворожайка», «[Филимон:] О! ты дедушка Фадей! И ты сильный ворожища! Ты могучий чародей!» [8, вып. 4, с. 71], номинируют мельника-колдуна, откуда видно, что это слова общего рода. Это подтверждается цитатами из других произведений, относящихся к слову этого же гнезда **ворожея**: «Но какой ворожея... Мне докажет несомненно... Что любим взаправду я?» [8, вып. 4, с. 71] (стих. М.Н. Муравьёва). Помимо толкования и информативных цитат, семантизации слов гнезда способствует и приводимый после пояснений к заглавным словам через «тире Срезневского» ряд слов, кстати мужского и женского рода, сходной семантики, также из СРЯ XVIII, включение которых напоминают метод В.И. Даля толкования слов путём нанизывания синонимов. Они позволяют более тонко приблизиться к ощущению семантики слов: «— Ср. *гадатель, вецун, вещьбник, колдун, волхв, Волшебник, чародейница, чаровница*» [8, вып. 4, с. 71]. Гораздо лаконичнее и менее информативно даётся значение слова с корнем *ворож-* в СРЯ XI–XVII, хотя там представлено также большое количество производных слов от этого корня, может быть количественно уступающее только «Словарю русских народных говоров» (СРНГ) [6, вып. 5, с. 109], но где слова *ворожея* и *ворожейка* 'колдун, колдунья' вообще отсутствуют. В СРЯ XI–XVII агентивная лексика с корнем *ворож-* представлена лишь словами **ВОРОЖЕЯ**, ж., **ВОРОЖЕЙКА**, ж. и **ВОРОЖИЛЬНИК**, м., где *ворожейка* обозначает то же, что *ворожея*, а *ворожея* толкуется как 'ворожея' [7, вып. 3, с. 32].

Протяжённый ряд лексем с корнем *ворож-* из СРЯ XI–XVII, СРЯ XVIII, СРНГ показывает их активность в народной речи на протяжении многих веков, правда, несколько снизившуюся к настоящему времени. Сведения о семантике агентивной лексики данной тематики, извлечённые из произведе-

ния А.О. Аблесимова и выразительно поданные на фоне однокоренных лексем словника СРЯ XVIII, уникальны. Они помогают более объёмно и точно представить сферу функционирования слов с корнем *ворож-* в пространстве и времени бытования русского языка.

В целом можно сказать, что лексикографический дискурс СРЯ XVIII, основанный на богатой и разносторонней картотеке словаря, позволяет выявить всё богатство репрезентируемых в нём слов, аккумулирует исторические сведения о семантике слова и как бы ретранслирует это всё в речевой узус нашего времени. В полной мере это относится к лексике из МКОС, являющегося одним из источников словаря.

Библиографический список

1. Аблесимов А.О. Мельник-колдун, обманщик и сват // Русская комедия и комическая опера XVIII века. — М.; Л.: Искусство, 1950. — С. 217–246.
2. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Изд. ин. лит-ры, 1961. — 234 с.
3. Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. — М.: Наука, 1950. — С. 9–96.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1988. — 750 с.
5. Плотникова А.А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. — М.: Институт славяноведения РАН, 2000. — 208 с.
6. Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–41. — М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2007.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г.А. Богатова. Вып. 1–27. — М.: Наука, 1975–2006.
8. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. — СПб.: Наука, 1984–2011.
9. Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарём. Указатель источников / под ред. Ю.С. Сорокина. — Л.: Наука, 1984. — 141 с.
10. Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю.С. Сорокин. — Л.: Наука, 1977. — 164 с.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988.

СТРУКТУРА МИКРОТОПОНИМОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

В статье рассматривается микротопонимия Пермского края в словообразовательном аспекте. Хотя микротопонимы служат для именования небольших географических объектов (лугов, полей, ключей и др.), изучение этих названий позволяет сделать некоторые выводы об истории Пермского края, а также о формировании русских говоров на его территории. В статье выявлены и охарактеризованы наиболее продуктивные словообразовательные модели микротопонимов. Большинство онимов в нашем материале является простыми, особенно часто это относится к названиям сельскохозяйственных угодий (полей и лугов). Микротопонимы, не имеющие формантов, как правило, образуются в результате метонимического переноса с географических терминов или с названий близко расположенных географических объектов (рек, населенных пунктов). Группа безаффиксных топонимов включает также иноязычные названия, обычно они являются заимствованиями из коми-пермяцкого языка. Среди простых аффиксальных микротопонимов наиболее распространены наименования с притяжательными суффиксами -ов/-ев(о, а), -ин(о, а). Кроме того, в названиях сельскохозяйственных угодий довольно часто употребляется формант -их(а). Часть исследованных микротопонимов образована с помощью других топоформантов: 1) -ы/-и, -а, 2) -щин(а), 3) -j(e), 4) приставок за-, под-, 5) приставок за-, под- и суффикса -j(e), однако они менее распространены. В составных названиях можно выделить группу, образованную по продуктивной модели (словосочетание, в котором главное слово – существительное, а зависимое – прилагательное). Такие микротопонимы частотны, они служат наименованиями различных географических объектов: полей, лесов, ручьев, небольших объектов рельефа. На периферии находятся предположно-надежные сочетания, их в наших материалах немного. Одной из причин этого, вероятно, может служить их постепенный переход в однословные префиксальные образования.

Ключевые слова: ономастика, географические названия, микротопоним, топоформант, трансонимизация, Пермский край.

Географические названия дают богатый материал для изучения истории Пермского края, формирования говоров на его территории, языковых контактов русских с другими народами и т.д. Исследованием топонимов Верхнего и Среднего Прикамья в XIX – начале XX вв. занимались Н.К. Чупин, В.Н. Шишонко, А.А. Дмитриев, И.Я. Кривошеков. Во второй половине XX в. к топонимическому материалу обращаются историки (В.А. Оборин, Г.Н. Чагин), лингвисты (А.С. Кривошекова-Гантман, Е.Н. Полякова, О.В. Гордеева, В.А. Малышева), географы (Ю.Г. Вылежнев), краеведы (Е.Н. Шумилов).

Материал изучения

Предметом нашего изучения стали микротопонимы Пермского края, их сбор велся во время диалектологических экспедиций (начиная с 1960-х годов XX века). Часть материалов содержится в курсовых и дипломных работах, выполненных под руководством Е.Н. Поляковой, О.В. Гордеевой, М.В. Бобровой². Объем собранного материала превышает 700 единиц, большая его часть – микротопонимы Красновишерского и Чердынского районов Пермского края (более 60%), что связано с большим количеством диалектологических экспедиций, проведенных в этих районах, с целью сбора лексических материалов для «Словаря русских говоров д. Акчим Пермской области» и «Словаря русских говоров севера Пермского края».

Микротопонимы находятся на периферии ономастического поля, поскольку они чаще всего обозначают мелкие географические объекты,

известные лишь ограниченному числу лиц, проживающих в данной местности. Однако изучение микротопонимов представляет значительный интерес, поскольку они часто лежат в основе топонимов, а также, по словам А.С. Кривошековой-Гантман, «помогают устанавливать связи между жителями различных территорий, хранят в себе корни устаревших слов, вышедшие из употребления имена» [3, с. 76].

Простые безаффиксные микротопонимы

Микротопонимы Пермского края можно разделить на простые (однокомпонентные) и составные (многокомпонентные). Часть простых микротопонимов не имеет в своем составе топонимических суффиксов (топоформантов). Чаще всего эти безаффиксные онимы образованы от географических терминов (диалектных и общерусских) путем метонимического переноса, например: *Камешник* < камешник 'каменистый участок местности' [11, с. 149], *Каравашек* < каравашек 'участок округлой формы' [там же, с. 152], *Плишка* < плишка 'гладкий каменистый участок возвышенности, лишенный растительности' [там же, с. 279], *Чертёж* < чертёж 'поле или сенокосный участок на месте сведенного леса' [там же, с. 400].

Безаффиксные микротопонимы могут возникать в результате трансонимизации имени собственного, то есть перехода онима одного разряда в другой. Чаще всего такие микротопонимы образованы от названий населенных пунктов и рек. В связи с урбанизацией количество поселений в Пермском крае с середины XX века неуклонно

уменьшалось, многие деревни и села исчезли с географической карты. Если в 1928 году в Пермском крае насчитывалось примерно более 11000 поселений, то в начале XXI века – только около 3500. Ойконимы часто сохраняются в названиях урочищ, например, фиксируются такие микротопонимы: *Богородск, Денисята, Грамотеево, Елани, Зеленовка, Ивановка, Мясниковка, Пенюки, Романовка, Столбово, Хмелевка, Шумиловка*. Об их образовании от названий населенных пунктов свидетельствует наличие в составе суффиксов -ят(а), -овк(а), которые характерны для ойконимии и не продуктивны в микротопонимии.

В группу безаффиксных топонимов входят также иноязычные названия, поскольку в русском языке у них не выделяется топоформантов. Так, на севере Пермского края существует пласт финно-угорских (коми-пермяцких) названий. Е.Н. Полякова отмечает, что территория Верхнего Прикамья (земли Чердынского района) начала осваиваться русскими раньше других; пришедшие с Русского Севера селились в Перми Великой рядом с коми-пермяками, завязывали с ними хозяйственные связи, узнавали от них названия местности (апеллятивы и топонимы) [8, с. 16]. В Чердынском районе фиксируются микротопонимы коми-пермяцкого происхождения, которые обычно образованы в результате переноса по смежности. Это отражается в наличии у онимов таких топоформантов: -ва 'вода' (*Низьва*), -горт 'поселок' (*Важгорт, Зенигорт, Колегорт, Ужагорт*), -шер 'ручей' (*Килипшер, Мояшер*), -ты 'озеро' (*Вакишты, Шуйты*), -ыб 'поле' (в русском произношении также -иб, -ып, -об, -аб: *Вылиб, Игросып, Кузлюб, Синабы, Чолыб*).

Небольшое количество безаффиксных микротопонимов образовано с помощью метафоры: *Бык* 'луг' (Чердынский район), *Душегубец* 'скала около берега, о которую разбился плот с людьми' (Красновишерский район), *Лодыга* 'большая гора, расположенная недалеко от деревни Полчино' (Кишертский район), *Лопата* 'луг в форме лопаты' (Чердынский район), *Океан* 'большое болото' (Чердынский район), *Черепаха* 'плохая дорога, по которой медленно ездят' (Куединский район).

К безаффиксным названиям относятся также субстантивированные прилагательные, которые чаще всего обозначают урочища и поля. Таких названий немного, обычно микротопоним включает прилагательное и существительное – географический термин. Простые микротопонимы при субстантивации обычно застывают в форме среднего рода (*Высокое, Кривое, Синишное, Поклонное, Полуденное*), реже женского (*Казенная, Шутенная*).

Простые микротопонимы, образованные с помощью топоформантов

В составе однокомпонентных микротопонимов могут выделяться различные аффиксы (топо-

форманты). Наиболее распространенными среди них являются суффиксы принадлежности -ов(о) (*Зыково, Обухово, Озегово*), -ев(о) (*Атево, Качево, Ратегово*), -ин(о) (*Ванюшино, Филино, Курочкино*), -ск(ий, ое) (*Беляевский, Ивановское, Бороновское*). Чаще всего такие микротопонимы образованы от антропонимов. Так, большинство названий полей и сенокосных угодий образуется от имен людей, которым они принадлежали или которые их обрабатывали: *Да, старинное [название], вот кто корчевал, так название и было. Вот помню Макишины, Терёхины поля, Исаковы поля. Тот, кто проживали раньше в колхозах, до колхозов, пока еще не было колхозов* (д. Тиминская Чердынского района).

Довольно большое число названий сельскохозяйственных угодий образовано с помощью суффикса -их(а) (*Зуиха, Иванчиха, Копылиха, Марчиха, Суслиха*). Е.Н. Полякова отмечает, что микротопонимы на -иха появляются в Прикамье с XVIII века и оказываются очень устойчивыми, поскольку указывает на принадлежность конкретному лицу [7, с. 172]. Большинство названий на -иха образовано от прозвищ и имен, однако не все названия связаны с антропонимами, некоторые из них получают этот формант по аналогии. Например, название урочища *Кусерпиха* образовано от названия исчезнувшего населенного пункта в Чердынском районе Курсып, название поля *Бубулиха* – от слова Бубыл (река и поселок в Чердынском районе), *Сенокосихой* называли место сенокоса. Активность форманта -их(а) подтверждается и тем, что некоторые микротопонимы, оформленные другими суффиксами, имеют и такой вариант: *Кособочища – Кособочица, Галявино – Галяшиха*.

На долю остальных аффиксов приходится небольшое число названий, среди них можно выделить микротопонимы: 1) с формантами -ы/-и, -а (имеют значение множественного числа), 2) с суффиксом -шин(а) (*Высоковщина, Дутовщина, Поповщина*); 3) с суффиксом -ј(е) (*Дубровье, Гуменье, Суземье*), 4) с приставками (*Залог, Замогиляник, Подгрова, Подковрига, Подмысы*); 5) с приставкой и суффиксом -ј(е) (*Заплишье, Подгорянье, Подплишье*).

В наших материалах зафиксировано некоторое количество микротопонимов в форме множественного числа (*Верноса', Волны, Воробы, Гари, Дикуши, Камешки, Лоси, Малинники, Мочища, Палубы, Синабы, Срубы*), кроме того, встречается несколько составных названий, в которых определяемое слово стоит во множественном числе (*Возульские чурки, Низовицкие поля, Поваренные поля, Петровичевы пожни*). Исследователи-ономатологи отмечают, что в ойконимии Пермского края продуктивен формант -ы/-и. Так, Е.Н. Полякова пишет о том, что в XIX веке существовало лишь несколько *pluralia* ойконимов, образованных от географических терминов, затем постепенно по аналогии возникают отдельные отпрозвищные и отымен-

ные названия с формантом -ы/-и, со временем они распространяются на территории всего края [10, с. 173]. В микропонимии Пермского края этот формант характерен для наименований, созданных на основе географических терминов (*Гари, Малинники, Мочища*) или онимов, появившихся в результате метафорического переноса (*Волны, Палубы*), в отантропонимических микропонимах формант не встречается.

Онимы с суффиксом -щин(а), как правило, образованы от антропонимов, об этом говорят и информанты: *Высоковищина, Поповищина поля есть, Дутовищина. Таки-то фамилии были* (с. Вильгорт Чердынского района). Остальные названия образуются от апеллятивов – географических терминов, например: *Дубровье* < дуброва ‘угодье, поросшее лиственным или смешанным лесом’ [11, с. 110], *Залог* < лог ‘овраг, преимущественно заросший травой, кустами’ [там же, с. 195], *Замогильник* < могильник, *Подгрова* < грива ‘возвышение на поверхности земли, имеющее продолговатую форму’ [там же, с. 100], *Подковрига* < коврига ‘горка, круглая в плане’ [там же, с. 160]. О непродуктивности вышеперечисленных способов образования топонимов свидетельствует то, что в источниках часто фиксируется два варианта одного названия: *Поповищина* и *Поповское поле, Подгорянье* и *Подгорное*.

Названия, образованные только с помощью приставки, чаще всего получаются из предложно-падежных сочетаний в результате сращения. В этом случае микропоним изменяется как существительное: *Уиёл на эту, Подковригу, на Киселёву кулигу, потом, гляжу, вышел* (с. Большие Долды Чердынского района). Нередко фиксируются два варианта названия микропонима: однословный, в этом случае предлог превращается в приставку, и двусловный, состоящий из предлога и существительного в косвенном падеже (*Подковрига* и *Подковригой*).

Составные микропонимы

Микропонимов, которые представляют собой предложно-падежные сочетания, в наших материалах относительно немного (около 1%), например: *В гарях, На лужках, За логами, За Мудылем, Под Серёдышем, У амбаров, У столбов*. Фиксируется также несколько названий, в которых предлог встречается с субстантивированным прилагательным: *На Степанковой, На Исаевой, На Фролково*. Такие онимы возникают в результате пропуска существительного, в некоторых случаях определяемое слово сохраняется и топоним включает три компонента: к словосочетанию прибавляется предлог (*У Захаровой мельницы*).

В.А. Никонов отмечал, что онимы такого типа часто встречаются в микропонимии, они ближе всего к именам нарицательным [6, с. 47]. Их небольшое число в анализируемом материале может

быть связано, во-первых, с тем, что они плохо зафиксированы в картотеке, во-вторых, с тем, что для носителей языка такая омонимия неудобна. Кроме того, как уже было отмечено, такие названия часто переходят в однословные в процессе сращения.

Почти половину исследуемых микропонимов составляют составные названия, образованные по модели: существительное + зависимое прилагательное. Чаще всего прилагательное находится в препозиции, однако встречаются и примеры, когда определение находится после определяемого слова. В состав этих микропонимов обычно входят географические термины (общерусские и диалектные): *болото, ключ, курья, ластва, лог, луг, пожня, поле, родник, увал* и др. Это закономерно, поскольку «в микропонимии именно апеллятив вносит наиболее существенное указание на вид объекта» [3, с. 83]. На разных территориях Пермского края могут быть использованы различные географические термины. Так, только в Красновишерском районе (на севере Пермского края) встречается слово *чурок* ‘скалистая гора, скала’ в составе топонимов (*Возульские чурки, Осиевы чурки, Ябурской чурок*). Само слово является заимствованным из коми языка, в котором *чурк* ‘бугор; возвышающееся, неровное место’ [9, с. 758]. Такая локализация апеллятива связана с тем, что на севере края русские при своем проникновении взаимодействовали с коми-зырянами, от них, видимо, и было заимствовано это слово.

Только в Красновишерском районе в составе микропонимов-словосочетаний встречается слово *огород*: *Сергин огород, Федотков огород, Харитонов огород*. Если в литературном языке лексема имеет значение ‘участок земли (обычно вблизи дома) для выращивания овощей’ [2, с. 485], то в говорах Красновишерского района она характеризуется более широкой семантикой – ‘обнесенный изгородью участок в лесу, поле, используемый для сенокоса или засеваемый хлебами, засаживаемый овощами’ [13, с. 106]. Видимо, в диалекте этой территории сохраняется старое значение слова. Так, в пермских памятниках письменности отмечена лексема *огород* с более широким значением, чем в современном литературном языке, – ‘огороженный участок для возделывания овощей, льна, конопля’ [12, с. 380].

На других территориях Пермского края обычно используются иные географические термины, обозначающие хозяйственные угодья: *волок* ‘луг на низком берегу, заливаемом в половодье’ [11, с. 71] (*Нижний волок, Верхний волок*), *ластва* ‘заливаемый во время половодья луг на берегу озера или в пойме реки’ [там же, с. 188] (*Гадабовская ластва, Даньковская ластва*), *луг* (*Козий луг, Симонов луг*), *перемена* ‘поле, где раньше сеяли хлеб; одно из трех полей, засеваемых попеременно’ [там же, с. 270] (*Перемена дальняя, Перемена ближняя*),

пожня 'участок, предназначенный для заготовки сена' [там же, с. 290] (*Зверевские пожни, Никитичева пожня*), поле (*Домашнее поле, Михалёво поле*).

Географические термины, используемые в названиях, часто дают представление о характере рельефа местности. Так, в составе микротопонимов Красновишерского района нередко встречаются наименования возвышенностей: *камень* 'крупное скалистое возвышение, гора, чаще всего на берегу реки' (*Белый камень, Золотой камень, Ерёминский камень, Круглый камень*), *мыс* 'гора с крутыми склонами, возвышающаяся на ровном месте' (*Жабкин мыс, Ябрусский мыс*), *носок* 'гора' (*Берёзовский носок, Верхакчимский носок, Якунихинские носки*), *чурок* 'скалистая гора, скала' (*Возульские чурки, Осиевы чурки, Ябурский чурок*), *столб* 'высокая прямая крупная скала, обрывистая со всех сторон' (*Перевальный столб, Писанские столбы*) и другие орографические термины: *урот* 'лощина между горами, проход через хребет' (*Сольвинский урот*). Даже слово *степь* (*Волимская степь, Ябруская степь*) в Красновишерском районе имеет значение 'возвышенность, покрытая лесом': *У нас Вишера с Волимом разделятся, называется Волимска степь. Степь – хребёт тут, называется Волимска степь, раз хребёт, так степь. Лес на квартала там пихта, осина, сосна, кедр* (д. Акчим Красновишерского района). Е.Н. Полякова отмечает, что подобное значение апеллятива характерно только для Красновишерского района Пермского края; она связывает возникновение орографического термина с влиянием языка нерусских народов (ненецкого, мансийского) [9, с. 143]. Большое количество оронимов объясняется тем, что Красновишерский район расположен в предгорьях и горах Северного Урала.

В Чердынском районе, кроме названий сельхозугодий, часто отмечаются наименования водных географических объектов. В этом случае в составной оним входят слова *озеро* (*Бухонино озеро, Дикое озеро, Долгое озеро, Ивановское озеро, Карасье озеро, Мишкино озеро, Паранино озеро*), *болото* (*Бушманское болото, Гладкое болото, Зотино болото, Круглое болото, Редикорское болото, Третьяковское болото, Чистое болото*), *родник* (*Никольский родник, Симоновский родник*), *ключ* (*Захаровский ключ, Святой ключ*). Большое количество таких названий связано с тем, что значительную площадь Чердынского района занимают болота и озёра.

В состав микротопонимов-словосочетаний часто входят антропонимы, которые обычно характеризуют принадлежность объекта. Так, во многих названиях полей и сенокосных угодий первое слово в словосочетании – притяжательное прилагательное (*Дёмина гарь, Киселева кулига, Михалёво поле, Петровиचेво пожни*). Прилагательное

в составе топонима может быть образовано от ойконима или гидронима, например: *Лёкмартовский полой* ← Лёкмартово (поселение в Чердынском районе), *Мутихинский камень* ← Мутиха (река в Красновишерском районе), *Якунихинские носки* ← Якуниха (река в Красновишерском районе), *Баймушинская гора* ← Баймура (деревня в Пермском районе), *Яранская курья* ← Яранина (деревня в Чердынском районе).

В составных наименованиях прилагательное также может характеризовать объект по какому-либо признаку: по форме, величине, местоположению, цвету, обитающим животным и др. Чаще всего в структуре неоднословных топонимов выделяются слова *большой* – *малый* (вариант – *маленький*), характеризующие величину объекта (*Большое болото* и *Маленькое болото*, *Большой лог* и *Малый лог*, *Большой остров* и *Малый остров*, *Новинка большая* и *Новинка малая*, *Прислон большой* и *Прислон маленький*).

Часто в составе онима встречаются прилагательные-ориентиры, характеризующие местоположение объекта. Наиболее распространена антонимическая пара *верхний* – *нижний* (*Верхний волок* и *Нижний волок*, *Верхние гоны* и *Нижние гоны*, *Верхние полосы* и *Нижние полосы*, *Верхний родник* и *Нижний родник*). В Красновишерском районе отмечена также синонимичная оппозиция *верховицкий* – *низовицкий* (*Верховицкие поля* и *Низовицкие поля*, *Верховицкая плишка* и *Низовицкая плишка*). Е.Л. Березович отмечает, что пара *верхний* – *нижний* в топонимии принадлежит к числу наиболее популярных пространственных показателей [1, с. 91]. Распространены в составных топонимах также определения *дальний-ближний* (*Дальнее болото* и *Ближнее болото*, *Дальний выруб* и *Ближний выруб*, *Дальний Мояшер* и *Ближний Мояшер*, *Перемена дальняя* и *Перемена ближняя*).

Прилагательные, характеризующие другие особенности географических объектов, в наших материалах чаще всего входят в наименования болот и озёр: *Белое озеро, Гладкое болото, Глубокое озеро, Дикое озеро, Карасье озеро, Круглое болото, Черное озеро, Чистое болото* и др. В составе других видов микротопонимов определения встречаются реже, нередко они характеризуют особенности растительности и животного мира: *Барсучья гора, Вересовое поле* (верес 'можжевельник'), *Вольховый лог, Грибов бор, Медвежье урочище, Рябиновая гора*.

Анализ микротопонимов Пермского края позволил выявить наиболее продуктивные модели образования. Большинство онимов являются простыми по структуре, среди них можно выделить безаффиксные названия и микротопонимы, в состав которых входят топоформанты. Самыми распространёнными являются притяжательные суффиксы -ов/ -ев(о, а), -ин(о, а), довольно часто на

территории Пермского края для обозначения сельскохозяйственных угодий используется формант -их(а). Безаффиксные микропонимы обычно образуются в результате метонимического переноса, в редких случаях они являются следствием метафоры. Среди составных микропонимов наиболее продуктивная модель – словосочетание, в котором главное слово – существительное, а зависимое – прилагательное. В некоторых случаях в материалах зафиксированы два варианта названия с разными формантами, они свидетельствуют о подвижности микропонимии.

Примечания

¹ РГНФ 14-04-00437 «Свое» и «чужое» в условиях межкультурного взаимодействия (на материале памятников письменности, живой речи и ономастики Пермского края).

² В статье были использованы дипломные работы Ю.В. Вагановой «Топонимика д. Байболовка Пермского района Пермского края», Е.С. Колоколовой «Географические названия в речи жителей с. Федоровска и д. Маркидоновки Куединского района Пермского края», Е.С. Гладких «Топонимия деревень Тимино и Ильята Кишертского района Пермского Края».

Библиографический список

1. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: этнолингвистические исследования. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 338 с.
2. Большой академический словарь русского языка / под ред. А.С. Герда. – М.; СПб.: Наука, 2009. – Т. 13. – 768 с.
3. Кириллова Л.Е. Микропонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). – Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – 320 с.
4. Кривошекова-Гантман А.С. Ономастика на службе истории края // Кривошекова-Гантман А.С.

Собрание сочинений: в 2 т. – Т. 2. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 68–79.

5. Коми-русский язык / под ред. В.И. Лыткина. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 923 с.

6. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 180 с.

7. Полякова Е.Н. Из истории пермских топонимов на -ИХА. Гидроним Егошиха // Полякова Е.Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья. Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. – С. 165–177.

8. Полякова Е.Н. Из истории русских говоров севера Пермского края // Словарь русских говоров севера Пермского края / под ред. И.И. Русиновой. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. – Вып. 1. – С. 8–18.

9. Полякова Е.Н. Отражение в пермской топонимии связи разных культур (вишерский географический апеллатив степь) // Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. – С. 136–143.

10. Полякова Е.Н. Пермские ойконимы в форме множественного числа // Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. – С. 168–173.

11. Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. – Пермь: Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. – 420 с.

12. Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. – Т. 1. – 428 с.

13. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / под ред. Ф.Л. Скитовой. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – Т. 3. – 188 с.

О ПАРЦИАЛЬНОЙ И МИМЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ

Статья продолжает ряд работ, посвященных материальным основам интермедиальных связей художественного текста с произведениями изобразительного искусства. Автор рассматривает интермедиальную связь не как разновидность интертекстуальной связи, а как явление одного с ней порядка и настаивает на необходимости различать понятия интермедиальная отсылка и интермедиальная связь. Последнее обусловлено спецификой интермедиальности: чтобы встроиться в словесный текст, элемент картины или скульптуры должен подвергнуться перекодировке (вербализации). В случае собственно интермедиальной связи предлагается различать интермедиальность парциальную и миметическую, подобно тому, как авторы некоторых классификаций интертекстуальных связей различают парциальную и миметическую интертекстуальность. Парциальный тип интермедиальности отмечаем в том случае, когда в словесном тексте вербализован элемент картины, скульптуры, фрески, иконы и т.д. Миметической интермедиальности соответствуют случаи, когда словесный текст имитирует, по мере возможности, приемы построения образов произведения изобразительного искусства. В качестве примеров парциального типа связи приводятся фрагменты русских поэтических текстов второй половины XX века, в которых вербализуются элементы произведений изобразительного искусства (Е. Винокуров, В. Высоцкий, И. Бродский, Б. Ахмадулина). Примером миметической связи служит стихотворение Д. Самойлова «Свободный стих» (1974), в построении которого использованы приемы, свойственные живописи итальянского Возрождения. Поэт ссылается на этот источник в концовке стихотворения, объясняя таким образом свободное обращение с историческими фактами; однако связь носит несколько иной характер, нежели это иронически заявлено поэтом. Примечательно, что в реализации в тексте стихотворения приёма, пришедшего из смежного искусства, значительную роль играют собственно интертекстуальные связи с другими словесными текстами.

Ключевые слова: интермедиальные связи художественного текста, интертекстуальные связи художественного текста, парциальная и миметическая интермедиальность, русская поэзия второй половины XX века, стихотворение Д. Самойлова «Свободный стих».

В связи с попытками определить материальную основу интермедиальности мы не раз выражали уверенность в необходимости различения понятий **интермедиальная связь** и **интермедиальная отсылка** [15]. Необходимость эта, на наш взгляд, диктуется принципиальным отличием интермедиальной связи от собственно интертекстуальной связи между словесными текстами, где такое различие не требуется, так как в любом случае речь идет о переключении словесных текстов.

Мы исходим из нашего понимания интертекстуальной связи как использования элемента претекста в построении нового текста, то есть рассматриваем цитату (в широком смысле) как строительный материал для нового текста. Проводя аналогию с интермедиальной связью, мы обращаем внимание на ту существенную разницу между интермедиальностью и собственно интертекстуальностью, что элемент интермедиального «претекста» должен при встраивании в словесный текст пройти перекодировку. Необходимость перекодировки, на наш взгляд, не позволяет считать интермедиальную связь разновидностью интертекстуальной; видимо, следует признать интертекстуальность и интермедиальность явлениями одного порядка.

Следует иметь в виду, что название произведения изобразительного искусства так же условно по отношению к нему, как условно лексическое значение слова по отношению к понятию, предмету, явлению и т.д. (см. наши работы [16; 17]). Поэто-

му простое упоминание произведения в словесном тексте нужно считать отсылкой, а не собственно связью. Связью же мы предлагаем считать исключительно те случаи, когда фрагмент (деталь, элемент) произведения изобразительного искусства через процесс вербализации (перекодировки) встраивается в словесный текст подобно цитате. Связь может сочетаться с отсылкой, которая, в таком случае, будет выполнять роль сигнала о наличии связи.

Эти соображения неоднократно высказывались в наших работах, промежуточный итог подведен в монографии [15].

Однако и понятие собственно интермедиальной связи, видимо, следует расширить и провести дальнейшую аналогию с собственно интертекстуальной связью в том отношении, чтобы различать **парциальную и миметическую интермедиальность**. По классификации В.П. Москвина, выделяются два структурных типа интертекстуальности: парциальный и миметический. При **парциальном** типе интертекстуальности из текста-донора извлекаются фрагменты, которые принимает текст-реципиент. **Миметический** тип заключается в том, что «[п]роизводный текст <...> имитирует основные признаки производящего» [9, с. 17–18].

По аналогии, **парциальный тип интермедиальности** отмечаем в том случае, когда в словесном тексте вербализован элемент картины, скульптуры, фрески, иконы и т.д. Приведем примеры из русских поэтических текстов второй половины XX века.

В. Высоцкий: *Птица Сирин мне радостно скалится...* (Купола, [5, с. 212], здесь и далее выделено нами. – И.С.). На наш взгляд, здесь угадывается фрагмент картины В.М. Васнецова «Сирин и Алконост» (Третьяковская галерея, Москва), где одно из синкретических существ (птиц с женскими головами) изображено поющим, с закинутой головой и раскрытым ртом, в котором виден ровный ряд зубов (*скалится*).

Е. Винокуров: *...ты все забудешь, припадая К покрытой венами руке.* (Отчий дом, [4, с. 151]). В контексте мотивов евангельской притчи о Блудном сыне деталь (данная крупным планом) может восприниматься как вербализованный фрагмент картины Рембрандта «Возвращение блудного сына» (Эрмитаж, Санкт-Петербург). На картине сын не припадает к руке отца, но зрителю хорошо видны кисти старческих рук, особенно левая, лежащая на плече коленопреклоненного сына.

И. Бродский: *Из-за банки кофейной халвы / производит осаду прилавка / грудой свёртков навьюченный люд: / каждый сам себе царь и верблюд...* (24 декабря 1971 года [3, с. 223]). В контексте рождественской тематики стихотворения метафора носит интермедийный характер – *царь и верблюд* воспринимаются как характерные для западноевропейской традиции персонажи многочисленных картин на сюжет Поклонения волхвов, где волхвы изображены в виде царей, а в их свитах присутствуют груженные верблюды.

Б. Ахмадулина: *Она кричит: «Я не хочу, Антон, / ни персиков, ни за столом сиденья!» ...снять розовое ... и синий бант отринуть до утра... Она осталась в полдне бесконечном. ...Серьёзный взор скрывает озорство... Пусть будет там, где персики лежат, / пусть бант синее, розовеет блуза* («Девочка с персиками», [1, с. 229–231]). Стихотворение посвящено Вере Мамонтовой, название, взятое автором в кавычки, отсылает к ее портрету работы В. Серова, чье имя также фигурирует в тексте. Контекст, таким образом, позволяет считать выделенные нами фрагменты вербализацией элементов картины Серова «Девочка с персиками» (Третьяковская галерея, Москва), где девочка в *розовой блузе с синим бантом* сидит *за столом*, освещенная солнечным светом (*в полдне*), и серьезно смотрит на зрителя (*серьезный взор*), а на столе лежат три *персика*.

Примером **миметической интермедийности**, когда словесный текст имитирует, по мере возможности, приемы построения образов произведения изобразительного искусства, может служить стихотворение Давида Самойлова «Свободный стих» (1974) [13, с. 110–112]. Подробный разбор этого стихотворения с точки зрения интертекста, культурного и исторического контекстов был дан Андреем Немзером [10], однако известный критик и литературовед не ставил перед собой частной за-

дачи интермедийного анализа. Мы же обратимся именно к этой, довольно формальной, стороне текста, которая, не являясь, разумеется, основной в стихотворении, тем не менее, в нём присутствует.

В третьем тысячелетии / Автор повести / О позднем Предхиросимье / Позволит себе для спрессовки сюжета / Небольшие сдвиги во времени – / Лет на сто или на двести.

Далее происходит эта *спрессовка*: персонажами *позднего Предхиросимья* (напомним: бомбардировка Хиросимы имела место в 1945 году) оказываются *Пушкин* (как известно, 1799–1837), *Петр Великий* и *Ганнибал* (XVIII век), упоминаются реалии XX века: *автомобиль, виски с содовой*.

В его повести Пушкин / Поедет во дворец / В серебристом автомобиле / С крепостным шофером Савельичем. / За креслом Петра Великого / Будет стоять / Седой арап Ганнибал – / Негатив постаревшего Пушкина. / Царь в лиловом кафтане / С брызнувшим из рукава / Голландским кружевом / Примет поэта, чтобы дать направление / Образу бунтовщика Пугачева. / Он предложит Пушкину / Виски с содовой, и тот не откажется, / Несмотря на покашливание / Старого эфиопа.

Временные сдвиги заключаются и в том, что Ганнибал – воспитанник Петра – хотя действительно дожил до старости, но в петровские времена не был *седым арапом* и *старым эфиопом*. Во времена крепостного права не было шоферов, а литературный персонаж *Савельич* действует в произведении, описывающем екатерининскую эпоху и пугачевский бунт – 70-е гг. XVIII века. Текст, на первый взгляд, может показаться пародией или сюрреалистической выходкой, однако ключ его дается в конце стихотворения: *Читатели третьего тысячелетия / Откроют повесть / С тем отрешенным вниманием, / С каким мы / Рассматриваем евангельские сюжеты / Мастеров Возрождения, / Где за плечами гладковолосых мадонн / В итальянских окнах / Открываются тосканские роции, / А святой Иосиф / Придерживает стареющей рукой / Вечереющие складки флорентинского плаща.*

Таким образом, поэт сам указывает источник приема – живопись Возрождения на евангельские темы, отсюда – использование анахронизмов, соединение персонажей и реалий разных эпох. Русская история читателю третьего тысячелетия должна казаться чем-то таким же далеким, как зрителю XX века – история евангельская (которой, заметим, средний посетитель музеев в советское время еще, как правило, и не знал, вернее, знал только по картинам. Не случайно Д. Самойлов, по свидетельству А. Немзера, своему стихотворению на евангельский сюжет Рождества Христова дал заглавие «Брейгель» – «Дабы обойти цензуру, старательно оберегающую советского читателя от «религиозной пропаганды»» [10, с. 258]. А. Немзер называет это «тактическим решением»). В карти-

нах мастеров Возрождения соблюдается принцип, идущий от византийской иконы, которая писалась «с точки зрения вечности» [18, с. 31], в ней особое время – все происходит здесь и сейчас, всегда и везде. Однако поэт переосмысливает эту особенность, отстраняется от нее, но не потому, что чего-то не понимает, а потому, что само изображение, в силу своего невербального характера, позволяет не зависеть от словесного контекста, от ментальности эпохи и места, в которых создавались картины.

Гладковолосые мадонны, итальянские **окна**, **тосканские роции** и **флорентинский плащ** представляют собой вербализацию характерных элементов картин именно итальянских мастеров флорентинской школы. То есть элементы парциальной интертекстуальности объясняют миметическую интертекстуальность предыдущего текста. Для русского зрителя *гладковолосая мадонна с итальянскими окнами* – в первую очередь «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи или, по мнению ряда исследователей, его школы (Эрмитаж, Санкт-Петербург). Впрочем, *тосканских роций* в окнах на этой картине нет, но поэтический зеленый пейзаж имеется за фигурой другой *гладковолосой мадонны* из Эрмитажа – «Мадонны Конестабиле» Рафаэля. *Гладковолосых* – и не очень – мадонн в пейзаже, с *окнами* и без окон на картинах Рафаэля (1483–1520), автора «эталонных» «Мадонн» итальянского Возрождения, довольно много (см., например, репродукции в альбоме [12]). Отметим ряд картин, изображающих Святое Семейство: Святой Иосиф на них всегда изображен пожилым человеком в *плаще*. («Святое семейство», Эрмитаж, Санкт-Петербург; «Святое семейство Каниджани», Старая Пинакотекка, Мюнхен; «Святое семейство под пальмой», Национальная галерея Шотландии, Эдинбург; «Святое семейство с агнцем» и «Мадонна с розой», обе – Прадо, Мадрид. На последней картине плащ Иосифа – коричневый, на всех других – желтый).

Историк искусства Федерико Дзери так характеризует итальянскую живопись XV века: «Абстрактные, условные формы традиционного стиля ныне представляются уже непригодными для выражения потребности в анализе и конкретности у художников нового направления. Умение изобразить Рай с его иерархией святых и ангелов считается не столь важным, как умение правильно написать с натуры человеческую фигуру. Главным источником вдохновения является теперь реальная жизнь: лица, встреченные на улице, жесты, схваченные в непосредственности их выражения» [6, с. 40].

Таким образом, акцент именно на *итальянских окнах*, *тосканских роциях* и *флорентинском плаще* отсылает к традиции художников Ренессанса помещать персонажей Священной истории в современную художникам реальность. Однако связь с итальянской ренессансной традицией изо-

бражения Мадонны с Младенцем и Святого Семейства имеется только в заключительной части стихотворения, в основной же части связь несколько иная и по характеру, и по уподоблению другой особенности ренессансных композиций. Речь идет не только о перенесении персонажей далекого прошлого в современность и в родное отечество художника, но о помещении в один хронотоп персонажей разных эпох. В контексте стихотворения такое смешение времен оказывается также связанным с итальянской ренессансной традицией.

Авторы альбома «Лувр» [8], комментируя картину Фра Филиппо Липпи (1406–1469) «Мадонна с Младенцем и святыми», поясняют: «...“*Sacra Conversazione*”, или “*Святое собеседование*”, святые сгруппированы на одной картине <...> Святые разных времен предстают вместе, независимо от того, когда они на самом деле жили. Существует много причин для включения того или иного персонажа в композицию *Святого собеседования*. Он может быть патроном той церкви, для которой заказано произведение <...> или родного города донатора (заказчика картины)» [8, с. 26].

Можно назвать довольно много картин итальянского Возрождения, где в Святом собеседовании рядом с Богородицей и Младенцем представлен, например, взрослый Иоанн Креститель в одежде из шкур, и одновременно – святой в облачении католического епископа или в монашеской рясе того или иного ордена. Среди предстоящих может оказаться и персонаж из мира невидимого, например Архангел Михаил.

В этом отношении примечательна картина Рафаэля «Мадонна с рыбой» (Прадо, Мадрид): перед Мадонной с Младенцем преклоняет колени ветхозаветный персонаж Товия, сопровождаемый архангелом Рафаилом, с другой стороны стоит Святой Иероним, живший в конце IV – начале V вв. (Товия идентифицируется по большой рыбе, которую он держит в руке, Иероним – по лежащему у его ног льву).

Композиции «Святого собеседования» часто встречаются в творчестве Фра Анджелико (ок. 1395–1455; см., например, репродукции в альбоме [11]). В число предстоящих Мадонне с Младенцем святых художник – доминиканский монах – часто включает Святого Доминика (конец XII – начало XIII века). Есть картина «Мадонна с Младенцем на троне и святые Фома Аквинский, Варнава, Доминик и Пётр Мученик» (ц. Сан Доменико, Фьезоле), те же святые, за исключением Варнавы – вместо него изображен Иоанн Креститель – присутствуют в «Триптихе Сан Пьетро Мартире» (Флоренция, Музей Сан Марко); «Мадонна с Младенцем на троне и со святыми Домиником и Николаем Барийским» (Национальная галерея Умбрии, Перуджа); в «Алтаре Сан Марко» перед троном Мадонны изображены жившие в разные века святые Косма и Дамиан, Лаврентий, Евангелист Марк, Еванге-

лист Иоанн, Петр Мученик, Доминик и Франциск; в «Алтаре Боско ай Фрати (Музей Сан-Марко, Флоренция) – Святые Антоний Падуанский, Людовик Тулузский, Франциск, Косма и Дамиан, Петр Мученик; примеры можно продолжать (идентификация святых по [11]). Интересно, что и в композиции, отражающие непосредственно описанные в евангелиях эпизоды, художник включает святых последующих эпох. Так, в «Оплакивании Христа» (Музей Сан Марко, Флоренция) участвуют Св. Доминик и Блаженная Виллана, современница художника [11, с. 24]. Виллана изображена и на фреске «Принесение во храм» (монастырь Сан Марко, Флоренция). Здесь также изображен Пётр Мученик в монашеской рясе, безошибочно узнаваемый по кровоточащей ране на голове. Фреска «Распятие с поклоняющимся ему святым Домиником» имеется в монастыре Сан Марко, подобная же композиция есть в Лувре, где коленопреклоненный перед крестом Доминик оказывается «третьим предстоящим» – «Распятие с поклоняющимся ему святым Домиником и предстоящими Мадонной и святым Иоанном». По объяснению историка искусства Джона Поуп-Хеннесси, в такого рода композициях выражено «олицетворяемое основателем доминиканского ордена мистическое соучастие его членов в жизни и страданиях Христа» [11, с. 32–34]. В этом отношении особенно интересна фреска «Распятие со святыми» в зале капитула монастыря Сан Марко во Флоренции, в центре ее изображены три креста и традиционная группа трех Марий и Иоанна Евангелиста, слева – святые Косма и Дамиан, Лаврентий, Марк и Иоанн Креститель (из которых только св. Марк мог реально присутствовать при Распятии), справа же «изображены в скорби и слезах все святые, которые были главами или основателями религиозных орденов» [11, с. 34]: Доминик у креста, Амвросий, Иероним, Августин, Франциск, Бенедикт, Бернард, Джованни Гвальберто, Петр Мученик и Фома Аквинский.

Художники Возрождения включали в свои композиции и портреты современников, которые, таким образом, оказывались в одном пространстве и времени с персонажами Священной истории и святыми разных эпох. По словам историка искусства Т.В. Сониной, «[п]ортреты исторических лиц и современников, включенные в композиции религиозного содержания – обычное явление для того времени. Далеко не всегда это портреты заказчиков, донаторов. Это могут быть покровители живописца, знаменитые сограждане, друзья и коллеги по профессии. Нередко среди действующих лиц художник запечатлевает и свой образ, как, например, Беноццо Гоццолли в росписях капеллы в палаццо Медичи. Уже среди персонажей фрески Мазаччо «Исцеление тенью» усматривается автопортрет мастера или портрет его брата Джованни и изображения его великих современников – жи-

вописца Биччи ди Лоренцо и скульптора Донателло» [14, с. 17–18].

Спрессовка именно такого рода имеет место и в стихотворении Самойлова. Это именно сосуществование персонажей разных эпох в одном сакральном времени – в вечности (а не подобие представлений школьника о том, что все писатели жили в одно время и давно умерли, а время их называется «раньше» или, как бывало у школьника советской эпохи, – «до революции», то есть, в любом случае, в далеком прошлом). Следование этому принципу, однако, не ограничивается только сведением в один хронотоп персонажей и реалий разных эпох. В этом смысле многозначно и заглавие стихотворения – *Свободный стих*. Классический «Словарь поэтических терминов» А.П. Квятковского дает несколько определений различных видов свободного стиха, или верлибра. К стихотворению Самойлова подходит следующее: «Метризованный стих, без рифм, с разноударными строками, без строгой строфики» [7, с. 49]. По «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, свободный стих – «Совокупность видов версификации, решительно порывающих с правилами традиционных систем стихосложения, что проявляется в отсутствии определенного размера, неупорядоченности пауз, неточности или полном отсутствии рифмы и т.п.» [2, с. 598]. Но заглавие – не только поэтический термин. Свобода ренессансных мастеров в обращении со временем в стихотворении отразилась в интертекстуальной свободе. В уже упоминавшейся работе А. Немзер [10] подробно анализирует смыслы названия, а также прослеживает смысловые преобразования цитат, исторических фактов и ситуаций, имеющие место в стихотворении Самойлова. По наблюдениям критика, поэт в своей, на первый взгляд, экстравагантной шутке, переосмыслил не только тексты «Медного всадника» и «Капитанской дочки», но и других произведений Пушкина, его писем и дневниковых записей, расхожие представления о прототипах, существующие в массовом сознании. Проведенный А. Немзером анализ стихотворения выявляет тот факт, что не только лежащие на поверхности, мгновенно узнаваемые цитаты (например, из «Медного всадника» – *На берегу пустынных волн; Ужо тебе* – или обращение *мин херц*, отсылающее к роману А.Н. Толстого «Пётр I» и ещё в большей степени – к одноимённому фильму), но практически каждое слово стихотворения имеет интертекстуальный подтекст. А. Немзер прослеживает связь эпитета *серебристый* с однокоренными словами в творчестве Пушкина; мотивы угощения крепким напитком и реакции на это *старого эфиона* выводит из переписки поэта; *голландское кружево* оказывается аллюзией на стихотворение Н. Гумилёва; через призму «Капитанской дочки» проявляется контаминация образа

Петра не только с Николаем I, но и с Пугачёвым, а Савельича – с Никитой Козловым, камердинером Пушкина; в стихотворении присутствуют инверсии исторических и литературных ситуаций.

На наш взгляд, всё это также согласуется с принципом построения ренессансной картины, причём еще в большей степени, чем «экстравагантное смешение времен» (А. Немзер). Интертекстуальность утверждает здесь «миметически-интермедиальный» характер словесного текста.

Русская история, особенно всё, что связано с Пушкиным, священна для русской ментальности и сопоставима по значимости со Священной историей для верующих христиан. Поэтому Пушкин, Пётр, Ганнибал, пугачёвский бунт сосуществуют в особом времени – вечности, подобно тому, как в вечности сосуществуют для итальянского художника Младенец Христос, взрослый Иоанн Креститель, ветхозаветный Товия, первомученик Лаврентий и основатели монашеских орденов. По словам А. Немзера, «экстравагантное смешение времен и не менее экстравагантное взаимопретекание “реальности” и “литературы” не отменяет, но укрепляет национальную “священную историю”, давно сложившуюся и сохраняющую непреложность в третьем (и любом ином) тысячелетии. Потому-то грядущие читатели “откроют повесть / С тем же отрешенным вниманием, / С каким мы / Рассматриваем евангельские сюжеты / Мастеров Возрождения” – история Пушкина может (должна) разыгрываться в любых декорациях, при обращении к ней, как и к евангельской истории, не требуется “достоверность”» [10, с. 252].

Даже если концовка стихотворения представляет собой «тактическое решение» – чтобы не слишком шокировать пуристов (а, может быть, именно в ней и концентрируется авторская ирония), – тем не менее, аналогия с приемами ренессансной картины очевидна, и, с формальной точки зрения, стихотворение Самойлова «Свободный стих» можно рассматривать как пример миметической интермедиальности.

Библиографический список

1. Ахмадулина Б. Неизбежность встречи: [стихотворения]. – М.: НексМедиа; ИД Комсомольская правда, 2012. – 238 с.: ил.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Бродский И.А. Избранные стихотворения. – М.: Панорама, 1994. – 496 с.
4. Винокуров Е. Самая суть: [стихотворения]. – М.: НексМедиа; ИД Комсомольская правда, 2013. – 238 с.: ил.

5. Высоцкий В. Охота на волков: [стихотворения] / сост. П. Фокина. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора; М.: ИД Комсомольская правда, 2012. – 239 с.: ил.

6. Дзери Ф. Мазаччо. Троица / пер. с итал. М. Никогосян. – М.: Белый город, б.г. – 48 с.: ил.

7. Квятковский А.П. Словарь поэтических терминов / под ред. С.М. Бонди. – М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. – 237 с.

8. Лувр. Париж. – М.: АСТ, Астрель, 2009. – 136 с.: ил.

9. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 168 с.

10. Немзер А. Фантастическое литературоведение Давида Самойлова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. – С. 237–258. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/537735.html> (дата обращения: 12.01.2015).

11. Поуп-Хеннесси Д. Фра Анджелико / пер. с англ. С.И. Козловой. – М.: СЛОВО/SLOVO, 1996. – 80 с.: ил.

12. Рафаэль / авт. текста Т. Пономарёва. – М.: Белый город, 2008. – 47 с.: ил.

13. Самойлов Д. Жизнь сплетает свой сюжет: [стихотворения, поэмы]. – М.: НексМедиа; ИД Комсомольская правда, 2013. – 238 с.: ил.

14. Сони́на Т.В. Италия. XIII – начало XVI века: Биографический словарь. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 720 с.: ил.

15. Суханова И.А. Интермедиальные связи трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: монография / под науч. ред. Н.А. Николиной. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – 307 с.

16. Суханова И.А. О соотношении названия и сюжета картины с изображением: лингвоинтермедиальный аспект // XVIII Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции, 22–23 апреля 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – Т. 1. – С. 301–305.

17. Суханова И.А. Ошибки в словесной интерпретации изображения (на материале современных изоизданий) // Человек в информационном пространстве: сб. науч. трудов / под общ. ред. Т.П. Курановой. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 358–367.

18. Языкова И.К. Богословие иконы. – М.: Изд-во общедоступного Православного Университета, 1995. – 212 с.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖАНРООБРАЗУЮЩИХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Статья посвящена характеристике языковых средств и речевых сигналов, образующих жанровую специфику исследуемого текста. В данной работе рассматривается смысловая наполненность терминов «автобиография», «мемуаристика» и «мемуарно-автобиографический жанр». Для дифференциации жанров необходим учет жанрообразующих языковых средств текста разных уровней языка. С этой целью проводится исследование языковых средств, формирующих базовые понятия, создающие концептосферу произведения А.Г. Достоевской, которое представляет собой полное жизнеописание со сложной повествовательной структурой. Позиция автора представлена семантически объемно, текст обладает смысловой динамикой, личностное выражение авторского «я» соотносится с мнениями других субъектов речи, поэтому повествование становится полифоническим, содержит множество речевых планов и голосов. В связи с этим автор исследуемой книги использует языковые средства, свойственные для жанра автобиографии и для жанра мемуарной прозы в комплексе, организуя посредством языкового материала самобытное жизнеописание с межжанровой спецификой. В статье говорится о функционировании архитектурально-наблюдаемой в книге «Воспоминания» А.Г. Достоевской, жанровая специфика которой проявляется в языковых средствах, участвующих в создании сюжета (сюжетов) и точности фиксации событий (хронологии). Таким образом, мы рассматриваем уникальное с точки зрения жанровой структуры произведение жены великого писателя – Анны Григорьевны Достоевской – и языковые средства (лексические, морфологические, синтаксические), осуществляющие межжанровое взаимодействие мемуарной прозы и автобиографии.

Ключевые слова: языковые средства, речевые сигналы, жанровая форма, архитектуральность, субъективация повествования, сюжетность, хронология.

До сих пор исследователи уделяли недостаточно внимания творчеству и деятельности жён великих писателей. Среди них имя Анны Григорьевны Достоевской (1846–1918) занимает одно из первых мест. В последние 14 лет жизни Ф.М. Достоевского она была его супругой, матерью детей и помощницей в работе – как стенографистка, переписчица, соавтор, первый читатель и критик, личный секретарь и бухгалтер. За годы семейной жизни и совместной творческой работы Ф.М. и А.Г. Достоевских талант писателя достиг своего апогея, была создана большая часть его литературного наследия. А.Г. Достоевская стала хранительницей его трудов, архивариусом, биографом, издателем, книгопродавцем, редактором, текстологом, организатором и попечителем церковно-приходской школы имени Ф.М. Достоевского. Кроме значительного вклада в творческую работу мужа, А.Г. Достоевская имеет весомые личные заслуги перед русской литературой. Самую ценную часть её литературного наследия составляет мемуарная проза – дневник и воспоминания. Ни одна крупная научная работа о Достоевском не обходится без них как источника биографических сведений.

«Воспоминания Достоевской» представляют особый интерес с точки зрения жанровой специфики текста, который совмещает характерные черты мемуарного произведения и автобиографического. Термин «автобиография» иногда отождествляется с термином «мемуаристика». Л.И. Тимофеев в «Основах теории литературы» приравнивает мемуары и художественно-биографический роман [12, с. 156]. Н. Гаранин объединяет соседствующие литературные разновидности – письма, дневники,

автобиографии, очерки, новеллы (заметки) в один род литературы. Г.Г. Елизаветина, пытаясь снять это противоречие, вводит новый термин «мемуарно-автобиографический жанр», рассматривая мемуары и автобиографию как самостоятельные жанры [2, с. 239]. В отличие от мемуаров, автобиография – рассказ не столько о внешних событиях, других людях, сколько о собственном жизненном пути. Центром произведения становится здесь личность самого автора, его судьба, его чувства, представления о жизни.

Н.А. Николина в книге «Филологический анализ текста» в главе «Жанр и жанровая форма литературного произведения» освещает также вопрос взаимодействия жанровых форм друг с другом и процесс возникновения «гибридных» жанровых образований. К тому же Н.А. Николина отмечает, что «взаимодействие элементов различных жанровых форм обуславливает сочетание в тексте конкретного произведения речевых средств разных типов» [9, с. 150]. Для дифференциации жанров необходим учет жанрообразующих языковых средств текста – средств разных уровней языка: фонетических, лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, применяемых в разных стилях; набор языковых средств зависит от типовой ситуации общения, в которой возникает текст того или иного функционального стиля [5, с. 460]. Для выявления цели использования той или иной жанровой формы или их ассимиляции в процессе филологического анализа текста функционален будет и анализ речевых сигналов, содержащих информацию лингвистического и экстралингвистического характера. Структура речевого акта учитывает наличие адресанта, который

производит речевой сигнал, воздействует на эмоциональное состояние собеседника [10, с. 304].

Идейный смысл мемуарно-биографического текста А.Г. Достоевской помогают раскрыть языковые средства, формирующие базовые понятия, которые создают концептосферу произведения: память, жизнь, время, семья, дом, творчество.

Следует обратиться к толкованию понятий *семья* и *творчество*, представляющих самые объёмные понятийные блоки книги А.Г. Достоевской и раскрывающих направленность её повествования. В «Современном толковом словаре» Т.Ф. Ефремовой слово «семья» имеет следующее определение: группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т.п.), живущих вместе [3, с. 679]. Также в данном словаре находим толкование лексемы «творчество»: деятельность человека, направленная на создание духовных и материальных ценностей; то, что создано в результате такой деятельности [3, с. 815].

В своей книге А.Г. Достоевская не ограничивается воспоминанием о совместной жизни с великим писателем, а начинает свое повествование с собственных детских и юношеских лет, кроме того, немалая часть воспоминаний уделяется жизни Анны Григорьевны после смерти мужа. Таким образом, перед нами – полное жизнеописание, которое имеет сложную повествовательную структуру. В перволичном повествовании рассказчица ярко выражает свою точку зрения на изображаемые события, используя оценочную лексику. *«Помню, как бесконечно счастлива была я в этот день! Даже нелепые приставания Павла Александровича не сердили меня»* [1, с. 150], – так, не скрывая своего хорошего расположения духа, Анна Григорьевна говорит о предстоящей поездке за границу, позитивный настрой на которую, по мнению мемуаристки, не смогут омрачить даже обычно «натянутые отношения» с пасынком Федора Михайловича. Анна Григорьевна включает также в своё повествование упоминания о жизненном укладе, человеческих ценностях, общественных явлениях в описываемый мемуаристкой период истории, тем самым давая читателю полную картину происходящего вокруг личности автора; *«Сватовство было до того в обычае, что о нем не стеснялись говорить прямо, вроде: “у вас товар, у нас купец” или “у меня, барышня, есть для вас выгодный женишок”»* [1, с. 53]; *«И доныне праздник св. Александра Невского считается почти главенствующим праздником столицы, и в этот день совершается крестный ход из Казанского собора в Лавру и обратно, сопровождаемый массою свободного в этот день от работ народа»* [1, с. 43].

Повествование Анны Григорьевны о перипетиях жизни Достоевского насыщено упоминаниями о людях из литературно-творческого окружения писателя. Например, в одной из глав книги нахо-

дим яркое противопоставление писателей того времени на основании материальной составляющей их труда: *«К тому же будучи отягощен долгами, Федор Михайлович должен был сам предлагать свой труд в журналы и, конечно, получал за свои произведения значительно менее, чем получали писатели обеспеченные, вроде Тургенева или Гончарова»* [1, с. 121]. Взаимоотношения Достоевского с известными редакторами и издателями также находят отражение в «Воспоминаниях»: *«Обиднее же всего было то, что через несколько дней все эти деньги вновь вернулись к издателю Ф.Т. Стелловскому. Оказалось, что он скупил за бесценок векселя Федора Михайловича и через двух подставных лиц взыскал с него деньги. Стелловский был хитрый и ловкий эксплуататор наших литераторов и музыкантов (Писемского, Крестовского, Глинки)»* [1, с. 190]. Позиция автора представлена семантически объёмно, текст обладает смысловой динамикой, личностное выражение авторского «я» соотносится с мнениями других субъектов речи, поэтому повествование становится полифоническим, содержит множество речевых планов и голосов. В связи с этим автор исследуемой книги использует языковые средства, свойственные для жанра автобиографии и для жанра мемуарной прозы в комплексе, организуя посредством языкового материала самобытное жизнеописание с межжанровой спецификой.

О таком явлении взаимодействия жанров внутри одного текста говорил еще французский исследователь Ж. Женетт. Исследователь более суженно и конкретно трактовал термин *интертекстуальность*, введенный в 1967 году теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой, как понятие общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Ж. Женетт предложил пятичленную классификацию разных типов взаимодействия текстов, где последней составляющей была *архитекстуальность*, трактуемая автором классификации именно как «жанровая связь текстов» [4, с. 81].

Пример функционирования архитектстуальности, как одного из типов взаимодействия текстов, мы и наблюдаем в книге «Воспоминания» А.Г. Достоевской, жанровая специфика которой проявляется в языковых средствах, участвующих в создании сюжета (сюжетов) и точности фиксации событий (хронологии). Переплетение таких жанровых характеристик, как *сюжетность* и *хронология*, было связано со стремлением литературы начала XX века отойти от простого протоколирования событий и придать воспоминанию сюжетность [6, с. 28]. В книге А.Г. Достоевской сюжетность проявляется в разнообразных речевых приемах. Во-первых, благодаря введению новых героев на про-

тяжении всего жизнеописания [7, с. 19]: «С первого взгляда Достоевский показался мне довольно старым. Но лишь только заговорил, сейчас же стал моложе, и я подумала, что ему навряд ли более тридцати пяти – семи лет...» [1, с. 68]; «Как-то раз в половине октября, во время нашей работы в дверях кабинета неожиданно появился А.Н. Майков. Федор Михайлович, видимо, обрадовался Майкову. Он поспешил нас познакомить, назвав меня своей “ревностной сотрудницей”» [1, с. 81].

Во-вторых, сюжетность развивается в представленных мемуарах за счет использования автором временной анахронии [8, с. 581]: «Помню, говорил он, – как стоял на Семеновском плацу среди осужденных товарищей и, видя приготовления, знал, что мне останется жить всего пять минут...» [1, с. 151]; «Как-то раз Федор Михайлович подробно рассказал мне, как сватался к Анне Васильевне Корвин-Круковской, как рад был, получив согласие...» [1, с. 105]. На наличие анахронии указывает присутствие в приведенных контекстах темпоральной лексики *помню, как-то раз*, а также нарушение единства видо-временных форм глаголов *помню – говорил, стоял – останется жить*, используемых автором для воссоздания полной картины жизни знаменитого писателя согласно классической древнейшей непрерывной повествовательной традиции. Также в анализируемых контекстах находим глаголы *говорил, рассказывал*, указывающие не только на процесс говорения, но и на субъективацию повествования, свидетельствующую о полифоничности книги Достоевской. Перед нами два речевых плана – повествование мемуаристки, и функционирующие внутри него воспоминания самого Достоевского.

В-третьих, сюжетность формируется не только наличием нескольких временных планов повествования, которая к тому же доказывает многослойность повествования, а значит, подводит к жанровой структуре мемуаров, но и присутствием в тексте книги образов-конcentров [7, с. 21]. Рассказчица словно концентрирует вокруг того или иного образа внимание читателя при помощи языкового материала, который репрезентирует основную мысль Достоевской в её повествовании. Так, образами-концентрами можно назвать микрополя, группирующие вокруг себя средства языка, характеризующие жизнь Анны Григорьевны в девичестве и в семье Достоевских. Наличие микрополей говорит о том, что значение поля подобного типа не является единым и однородным. Оно может распадаться на несколько семантических участков, сходных по значению (интегральная сема), но отличающихся оттенками значений (дифференциальные семы) [13, с. 29]. Если в состав микрополя «родительская семья» входят лексико-синтаксические единицы *отрадное чувство, тихая, размеренная, спокойная обстановка*, которые имеют исключи-

тельно положительную эмоционально-экспрессивную коннотацию, то в микрополе «собственная семья» сконцентрированы лексемы, составляющие антонимические ряды первым: *надоедливое присутствие неинтересных для меня лиц, вечное беспокойство, натянуты нервы*. Так, при помощи образов-конcentров Анна Григорьевна передает не только обстановку в ее родительском доме и в доме Достоевских, но и своё моральное состояние в описываемых обстоятельствах.

Но даже при наглядности существования сюжетности в анализируемом тексте, основной категорией «Воспоминаний» А.Г. Достоевской остается *достоверность*, которая является показателем следующей жанровой характеристики – хронологичности. Именно в хронологическом порядке расположены главы книги Анны Григорьевны (Детство и юность. Знакомство с Достоевским. Замужество. Первое время семейной жизни. Пребывание за границей. Снова в России. 1872–1873 гг. 1874–1875 гг. 1876–1877 гг. 1878–1879 гг. Последний год. Смерть. Похороны. После смерти Федора Михайловича.)

Среди жанрообразующих языковых средств текста «Воспоминаний» А.Г. Достоевской выделяется группа лексико-синтаксических единиц с пространственной семантикой: *Петербург, Гостиный двор, Ярославская улица, Москва, Дрезден, Баден-Баден, Гамбург, Женева, Венеция, Триест*. С одной стороны, наличие топонимов и антропонимов в тексте книги создает обширное ономастическое пространство, имена собственные *Эмилия Федоровна, Анна Васильевна, Павел Александрович, Ольхин, Ламанский, Стелловский*, называющие членов семьи Достоевского и известных писателей, редакторов, культурных деятелей, – служат своеобразной приметой мемуарного текста. С другой стороны, поэтапное перечисление топонимов с указанием на даты и время пребывания в том или ином пункте назначения семьи Достоевских еще раз подчеркивает хронологичность развивающихся событий.

Таким образом, перед нами уникальное с точки зрения жанровой структуры произведение жены великого писателя – Анны Григорьевны Достоевской, в котором осуществляется межжанровое взаимодействие мемуарной прозы и автобиографии.

Библиографический список

1. Достоевская А.Г. Воспоминания. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
2. Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров. – М.: Наука, 1982. – 333 с.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – 1233 с.
4. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1988. – Т. 1. – С. 60–281.

5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. – 486 с.

6. Катанян В. О сочинении мемуаров // Новый мир. – 1964. – № 5. – 27 с.

7. Марахова Т. О жанрах мемуарной литературы // Уч. записки Горьковского пед. ин-та. – Горький, 1967. – Вып. 69. – С. 19–37.

8. Милевская Т.Е. Автокоммуникация как способ развертывания текста (на материале мемуаров XX века). – Olomouc, 2000. – С. 571–578.

9. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. за-

ведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

10. Потапов В.В. Язык. Речь. Личность. – М.: Языки славянской культуры; А. Кошелев, 2006. – 491 с.

11. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 37–52.

12. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы: учеб. пособие для университетов и пед. институтов. – М.: Учпедгиз, 1959. – 447 с.

13. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – С. 29.

УДК 811.161.1'373

Данг Тхи Хуе

Ивановский государственный университет
huedang7@gmail.com

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА В ИДИОМАТИКЕ ЯЗЫКА (на материале русской фразеологии)

Категория количества как универсальная понятийная категория находит отражение и в словарном составе, и в грамматике языка. В словарном составе языка для выражения этой категории используются и лексические, и фразеологические единицы. Отражение понятий, связанных с категорией количества, в лексической системе русского языка к настоящему времени описано достаточно полно, а в исследовании проявления категории количества во фразеологической системе сделаны лишь первые шаги. Цель данной статьи – показать некоторые особенности выражения категории количества в сфере фразеологии на материале русского языка. Среди таких особенностей отмечаются следующие: 1) практически полное отсутствие во фразеологическом составе единиц, выражающих определенное количество, числа в «чистом» виде или точного количества предметов, что объясняется спецификой значения фразеологических единиц и фразеологической номинации в целом; 2) наличие во фразеологической системе особого лексико-грамматического разряда неопределенно-количественных фразеологических единиц, которые по значению и употреблению соотносимы со словами много, мало, немного; 3) резкая количественная диспропорция в выражении значения неопределенного количества между лексическими и фразеологическими единицами: в лексике эти значения выражаются в самом обобщенном виде несколькими словами много, мало, немного, немало, во фразеологии – несколькими сотнями единиц, что дает возможность выразить общее значение неопределенного количества более конкретно и во всем разнообразии оттенков, актуальных для той или иной речевой ситуации, чем, в конечном счете, объясняется и само наличие таких фразеологических единиц в языке. В статье намечаются и пути дальнейшего исследования таких фразеологизмов.

Ключевые слова: русский язык, лексико-фразеологическая система, понятийная категория, категория языковая, количество, неопределенное множество, неопределенно-количественные слова, неопределенно-количественные фразеологизмы, части речи, лексико-грамматические разряды фразеологизмов.

Категория количества относится к числу универсальных понятийных категорий [9, с. 385–386]. Являясь «результатом осмысления количественных признаков вещей объективного мира» [19, с. 5], категория количества находит отражение в любом языке, выступая, таким образом, и как категория языковая [9, с. 215–216]. В этом качестве категория количества в том или ином виде проявляет себя и в словарном составе языка, и в его грамматике.

Проявление категории количества в разных аспектах и на разных уровнях языка описывается уже давно, библиография по этой теме значительна по объему, разнообразна по содержанию и довольно широка по охвату языков, однако такое описание осуществляется, как правило, на материале лексики, а фразеология языка с этой стороны пока изучена мало. Между тем фразеология (идиоматика) является, наряду с лексикой, составной частью

словарного фонда языка, а фразеологические единицы в силу специфики своей формы, содержания и функционального назначения в речи как особых единиц языка имеют, как известно, определенные отличия в проявлении тех или иных категорий. Цель данной статьи – показать некоторые особенности выражения категории количества в сфере фразеологии на материале русского языка.

Исследованиями установлено, что общее понятие количества может быть представлено как количество определенное, когда то или иное множество представлено в конкретных числах (либо как определенное количество вообще, без указания на сами исчисляемые предметы – число «в чистом виде», либо как определенное количество тех или иных предметов, ср.: *три, пять, двадцать* и *три книги, пять помощников, двадцать лет*), или как количество неопределенное, когда то или иное множество предметов представляется не в виде точного их

числа, а только как указание на наличие некоторого количества этих предметов, ср.: *мало книг, немного помощников, много лет*¹. Здесь важно указать на то, что понятие неопределенного количества является «продуктом» человеческого мышления, «полученного» в процессе познавательной деятельности человека, так как в объективной действительности количество предметов всегда является определенным и может быть представлено в виде точного указания на количество (число) этих предметов. Поэтому в значении неопределенного количества ('много', 'мало') всегда содержится субъективная оценка указываемого множества, ибо оценивать как «много» или как «мало» можно не только разное количество предметов, но и даже одинаковое, ср.: *Они работают много, а денег получают мало. Времени у нас и много, и мало. Разве этого мало?* И т. п.

Категория количества в указанных выше разновидностях находит отражение в словарном составе языка. В лексике значение определенного количества выражается особым разрядом слов – числительными («определенно-количественными» словами), а значение неопределенного количества – «неопределенно-количественными» словами типа *много, мало, немного* и существительными, которые могут использоваться для обозначения неопределенного количества чего-либо (*капля, море, пропасть, куча* и т. п.).

Слова с определенно-количественным значением составляют, как известно, особый разряд единиц – особую часть речи – имя числительное. Числительные рассматриваются как слова особой части речи всеми учеными, хотя мнения относительно объема и границ этого класса слов расходятся, в силу чего выделяют так называемое «узкое» и «широкое» понимание числительных, ср.: «**Числительное**, имя числительное, – часть речи, обозначающая количество и порядок предметов при счёте и выражающая эти значения в морфологических категориях падежа, отчасти рода и числа. Ч. делятся на два основных разряда – количественные и порядковые» [13, с. 626]; «**ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ** – класс однозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счёте, кратности (повторяемости), совокупности. В соответствии с этими значениями выделяются разл. виды Ч.: количественные, порядковые, кратностные, собирательные (совокупностные), разделительные, а также неопределенно-количественные, дробные» [9, с. 582].

Иначе обстоит дело с неопределенно-количественными словами: они квалифицируются исследователями по-разному. Одни ученые определяют их как числительные, выделяя их в особую группу неопределенно-количественных числительных, ср.: «К количественным Ч. относятся также неопределенно-количественные слова *много,*

мало, немного, немало, сколько, несколько, столько (слова *мало* и *немало* не имеют форм косвенных падежей» [13, с. 627; см. также: 5, с. 251–253]. Другие ученые неопределенно-количественные слова определяют как наречия («количественные наречия»), так как они обозначают не число, а неопределенное, приблизительное количество (как существительные *множество, уйма, пропасть, бездна*), могут определять глагол и существительное (*Он мало работает. У него мало работы*), сочетаются с наречиями степени (*очень много вещей, совсем мало народу*), имеют формы сравнительной степени (*много – больше, мало – меньше*), формы субъективной оценки (*многовато, маловато, немножко*) и не склоняются ([см. об этом подробнее: 4, с. 90–93]). Такие расхождения в квалификации слов с неопределенно-количественным значением отражаются и в словарях русского языка, ср.: «**МНОГО**, больше. I. *местоим. нареч.* 1. (с *глагол.*) В большом количестве, в значительной степени; не мало. <..> 2. (*при сравнит. ст.*). Значительно, гораздо. <..> II. *числ. колич. (с суц.)*. Неопределенно большое количество кого-, чего-л. <..>» [2, с. 574] и «**МНОГО**, *сравн. ст.* больше, *нареч.* 1. В большом количестве, в значительной степени; немало. <..> В *знач. числит.* Большое количество кого-, чего-л. <..> // Значительно, в значительной степени (при *сравн. ст.*) <..>» [1, т. 10, с. 253–254].

Во фразеологическом составе языка, а именно в составе идиоматических выражений, представленных фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами (по терминологии В.В. Виноградова), находит отражение только значение неопределенного количества, что обусловлено спецификой значения фразеологической единицы как особой единицы языка и фразеологической номинации в целом ([см. об этом подробнее: 17, с. 46–69])². Иначе говоря, в словарном составе языка существуют фразеологические единицы (*кот заплакал, хоть отбавляй, разливанное море, чёртова пропасть, малая толика, на один зуб* и т. п.), которые по значению соотносятся с неопределенно-количественными словами (*много, мало, немного, немало*). Однако, в отличие от слов, этот разряд фразеологизмов во фразеологическом составе языка представлен значительно большим числом единиц (по нашим наблюдениям, более одного процента от общего количества идиом в русском языке, что составляет более двухсот единиц только в литературном языке).

Относительно этих единиц во фразеологической науке существуют разные мнения. Одни исследователи относят такие единицы к разряду адвербиальных (наречных) фразеологизмов [20, с. 46–47; 6, с. 12–20; 7, с. 234–236 и др.], другие выделяют их в особый лексико-грамматический разряд «количественных» [18] или «неопределенно-количественных» [17, с. 128–133 и др.]

фразеологических единиц³. В настоящее время большинством исследователей признается, что неопределенно-количественные фразеологические единицы представляют собой особый лексико-грамматический разряд фразеологизмов со своим набором семантических и грамматических признаков. Этот набор признаков дает возможность не только «распознавать» фразеологические единицы, относящиеся к данному лексико-грамматическому разряду, но и ограничивать их от единиц других разрядов даже в тех случаях, когда одинаковые по форме (компонентному составу) фразеологизмы выступают в речи как представители разных разрядов. Ср., например: *до черта* (адverb.) *Устали до черта* – *до черта кого, чего* (неопр.-колич.) *Денег до черта*; *с гулькин нос чего* (неопр.-колич.) *Денег у нас осталось с гулькин нос* – *с гулькин нос* (адverb.) *Пожил на свете с гулькин нос* – *с гулькин нос* (адъект.) *Разница в годах с гулькин нос* ([об этом явлении, обозначенном как «фразеологическая конверсия», см. об этом подробнее: 17, с. 195–204]). Такая точка зрения находит отражение и в теоретических работах, и в словарях [11, с. 540; 12; 14, с. 144–145; 8 и др.].

Таким образом, понятие неопределенного множества в русском языке представлено лексическими и фразеологическими единицами со значением неопределенного количества предметов (в широком смысле). Однако между этими единицами наблюдается резкая диспропорция. В лексике значение неопределенного количества представлено лишь несколькими словами, которые исследователи рассматривают как особую разновидность числительных или наречий. Во фразеологии неопределенно-количественные единицы представлены значительным числом единиц с общими для них семантическими и грамматическими признаками, позволяющими объединить их в особый лексико-грамматический разряд и противопоставить их единицам других разрядов даже в случаях использования в речи конверсированных единиц.

Сопоставление слов с неопределенно-количественным значением с соотносимыми с ними по значению и употреблению фразеологическими единицами дает основание говорить о том, что значение неопределенного множества в лексике выражается только в самом обобщенном и «чистом» виде, а во фразеологии языка это значение выражается более конкретно, более дифференцированно, более тонко. Стремление показать эти отличия находим, например, в словаре фразеологических синонимов: *«хоть отбавляй кого, чего (только в этой форме; разг.), <хоть> пруд (пруды) пруди кого, чего, кем, чем (только в этой форме; разг.), хоть завались чего (только в этой форме; разг.), хоть косой коси чего (только в этой форме; разг.), хоть лопатой гребни (огребай) кого, чего (только в этой форме; прост.), как (что) собак нерезаных*

кого (прост.), как (что) песку морского кого, чего (разг.); счету (счета) нет кому, чему (разг.), нет (не было) числа кого, кому, чему (разг.), конца-краю (конца и краю, ни конца ни краю) нет (нету, не было, не видно) кому, чему (разг.), отбоя (отбою) нет (не было) от кого, чего (разг.), без числа кого, чего (разг.), без счету (счета) кого, чего (разг.), по горло чего (разг.), по уши чего (разг.), полон рот чего (разг.), выше (свыше) головы чего (разг.), черт знает сколько чего (прост.); до черта (до чертиков) кого, чего (прост.), чертова пропасть кого, чего (прост.), непочатый край (угол) кого, чего (разг.), целый короб <чего> (разг.), три короба <чего> (разг.); через край чего (разг.), девать некуда кого, чего (разг.), вагон и маленькая тележка чего (разг., шутл.-ирон.), куры не клюют чего (разг.), разливанное (разливное) море чего (устарев.); до Москвы не перевешаешь (не перевешать) кого, чего (устарев., шутл., иногда пренебр.), несть числа кому, чему (устарев., иногда шутл.-ирон.). Очень, слишком много, в избытке. Об очень большом количестве кого-, чего-л. *Хоть отбавляй кого, чего* – очень много, в избытке (о людях, а также о конкр. и отвлеч. предметах); *хоть пруд (пруды) пруди кого, чего, кем, чем* – очень много, в избытке (о людях и неодушевл. предметах); *хоть завались чего* – в избытке, в избытке чего-л.; *хоть косой коси чего* – очень много, в избытке (обычно о деньгах, золоте или о ягодах, грибах и т. п.); *как (что) собак нерезаных кого* – огромное количество (обычно о тех, кто не заслуживает уважения, высокой оценки); *счету (счета) нет кому, чему, нет (не было) числа кого, кому, чему, конца-краю (конца и краю, ни конца ни краю) нет (нету, не было, не видно) кому, чему* – так много, что невозможно сосчитать, узнать точное количество людей, предметов; *отбоя (отбою) нет (не было) от кого, чего* – слишком много тех, кто добивается чего-л., стремится куда-л.; *по горло чего, по уши чего, полон рот чего, выше (свыше) головы чего* – чрезвычайно много (обычно о делах, работе); *целый короб <чего>, три короба <чего>* – очень много (обычно о новостях, известиях и т. п.); *девать некуда кого, чего* – в избытке, в избытке (о конкр. и отвлеч. предметах); *куры не клюют чего* – в избытке (чаще о деньгах); *разливанное (разливное) море чего* – чрезвычайно много (обычно о вине, водке и т. п.); *до Москвы не перевешаешь (не перевешать) кого, чего* – чересчур много (о ком-, чем-л. не представляющем интереса, ценности)» [15, с. 360].

Из примеров видно, что фразеологические единицы с общим значением ‘много’ отличаются друг от друга не только компонентным составом, наличием или отсутствием вариантных форм, но и сферой употребления (лит., прост., обл., жарг.), стилистической принадлежностью (книжн., разг.), оттенком значения, сочетаемостью со словами,

историко-временной отнесенностью (устар., нов.), эмоционально-экспрессивной окраской (шутл., ирон., неодобр., пренебр. и т. д.). Именно необходимостью выразить содержание понятия «много» с дополнительными и важными для той или иной речевой ситуации оттенками может быть объяснено наличие в словарном составе языка большого количества разнообразных по форме, образной основе и другим характеристикам фразеологических единиц, соотносимых по значению с неопределенно-количественными словами *много*, *мало*, *немного*. Язык дает возможность говорящему выбрать из ряда фразеологических единиц ту, которая более всего подходит к данной речевой ситуации, выбрать, принимая во внимание статус адресанта и адресата речи, ситуацию общения, коммуникативные цели участников диалога и т. д. Так, для передачи информации, заключающейся в смысле фразы *У неё много поклонников*, говорящий, стремящийся выразить и свою положительную оценку сообщаемой информации, скорее всего использует выражение **отбоя (отбою) нет (не было) от кого** (*У неё отбоя нет от поклонников*), а говорящий, стремящийся выразить свое отрицательное отношение к сообщаемой информации, может использовать выражение **до Москвы не перевешаешь (не перевешать) кого** или **как (что) собак нерезаных кого** (*У неё поклонников до Москвы не перевешаешь. У неё поклонников как собак нерезаных*). Ср. также диапазон оттенков при использовании в этой фразе фразеологических единиц **счета (счета) нет кому; нет (не было) числа кого, кому** и некорректность или невозможность использования в этом контексте фразеологизмов типа **девать некуда кого, хоть отбавляй кого, конца-краю (конца и краю, ни конца ни краю) нет (нету, не было, не видно) кому** и др. В определенных ситуациях оказывается важным не только выбор фразеологизма, но и учет особенностей отдельных форм употребления (варианта), лексической и грамматической сочетаемости и т. д. выбранной для использования фразеологической единицы. Ср. отличия в употреблении фразеологической единицы **хоть пруд (пруды) пруди** *кого, кем* в приведенном выше контексте: *У неё поклонников хоть пруд пруди. У неё поклонников хоть пруды пруди. Её поклонниками хоть пруд пруди. Её поклонниками хоть пруды пруди.*

Наше исследование слов и идиом, связанных с обозначением неопределенного количества кого-либо или чего-либо, в словарном составе русского языка показало, что для выражения понятия неопределенного множества (неопределенного количества) в языке используется в основном фразеология. Именно идиоматические выражения составляют основную часть лексических и фразеологических единиц, предназначенных в языке для обозначения понятий «много», «мало» и т. п.

Именно фразеологизмы позволяют тонко и точно передать в речи общее значение неопределенного количества с учетом коммуникативно-прагматической ситуации и речевой стратегии и тактики говорящего. С другой стороны, комплексное исследование разряда неопределенно-количественных фразеологизмов даст возможность объективно и точно представить картину отражения в языке (и языках) понятия неопределенного множества.

Примечания

¹ Некоторые исследователи выделяют также значение приблизительного множества, которое объединяет в себе признаки определенного и неопределенного множества [см.: 10].

² Фразеологизм *чёртова дюжина* в языке используется, как правило, для обозначения совокупности предметов числом тринадцать, ср.: «ЧЕРТОВА ДЮЖИНА. Прост. Тринадцать. О ком-либо или о чем-либо в количестве тринадцати, числом тринадцать» [16, с. 154].

³ Предлагалось также фразеологические единицы с неопределенно-количественным значением вывести из системы лексико-грамматических разрядов по причине того, что они представлены в языке небольшим (по сравнению с другими разрядами) числом единиц [3].

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка. – Т. 10. – М.; СПб.: Наука, 2008. – 572 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Бондаренко В.Т. Предикативные фразеологические единицы со значением состояния в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1975.
4. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии: пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
6. Гвоздарев Ю.А. О семантической классификации фразеологических единиц // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Новгород, 1971. – Ч. 1. – С. 12–20.
7. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
8. Кобелева И.А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Сыктывкар, 2012. – 38 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Маджидов С.Р. Приблизительное количество как языковая категория и способы его выраже-

ния в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1995. – 16 с.

11. Молотков А.И. Послесловие к переизданию «Фразеологического словаря русского языка» // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – Изд. 5-е, стереотип. – СПб.: Вариант, 1994. – С. 537–541.

12. Молотков А.И., Жост М.-Л. Учебный русско-французский фразеологический словарь. – М.: Изд-во Астрель, Изд-во АСТ, 2001. – 336 с.

13. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 704 с.

14. Словарь русского языка XIX века: проект. – СПб.: Наука, 2002. – 209 с.

15. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.П. Жукова. – М.: Русский

язык, 1987. – 448 с.

16. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1967. – 543 с.

17. Хуснутдинов А.А. Грамматика фразеологической единицы: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1996. – 237 с.

18. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск, 1983. – 92 с.

19. Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. – Ростов н/Д: Гефест, 1997. – 292 с.

20. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

УДК 811.161.1'373.72

Кудрявцева Елена Владимировна

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
lengoreva@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ СОБАКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу фразеологических единиц с компонентами-зоонимами. Интерес к исследованию таких фразеологизмов объясняется тем, что в образах, создаваемых посредством зоонимов, раскрываются черты животных, которые человек переносит на себя. Для характеристики своего поведения, внешности или образа жизни человек выбирал тех животных, повадки и образ жизни которых были ему хорошо знакомы. Таким животным для русского человека стала собака.

Объектом исследования являются фразеологизмы с анималистическим компонентом *собака* (*нёс*), активно используемые в современном русском языке. Рассматривается зооним, который, будучи метафорически переосмысленным, используется для характеристики человека: его поведения, эмоций, физического состояния – или для характеристики типичных ситуаций, в которых действует человек.

Анималистический образ, лёгший в основу фразеологизма, интерпретируется в три этапа: на мифологическом, научно-познавательном и научно-культурном уровнях. Анализ образа позволяет выявить доминантные характеристики собаки как животного, которые используются для характеристики внутренних и внешних качеств человека, его образа жизни.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом *собака* (*нёс*) различаются мотивировкой значения. В зависимости от степени мотивированности образа фразеологизмов выделяются устойчивые единицы с прозрачной мотивировкой, с затемнённой связью образа и семантики фразеологизма, а также ФЕ, являющиеся эвфемизмами. Просматривается закономерность связи мотивированности значения и направленности на характеристику человека. Во фразеологизмах с мотивированным значением зооморфный образ собаки не имеет прямого соотношения с характеристикой человека.

Таким образом, интерпретация зооморфного образа и анализ фразеологизмов с анималистическим компонентом позволяют выявить особенности представлений человека о самом себе и об окружающем его мире.

Ключевые слова: фразеологическая единица, анималистический образ, мотивированность значения, лингвокультурологический аспект, культурная интерпретация.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ), как и другие единицы языка, отбирают, накапливают и сохраняют информацию, приобретённую представителями какого-либо этноса на протяжении всей его истории. Во фразеологии нашли отражение быт, менталитет народа, исторические события и лица, особенности флоры и фауны, географического положения нации. Национальные особенности восприятия мира выражаются через развитие переносных значений у компонентов ФЕ, в основе которых лежат общечеловеческие представления об окружающей среде.

Во многих языках образная характеристика человека дается посредством именованья животных. В основе зооморфной лексики лежат объективные или субъективные качества животных, приписанные им творческим мышлением народа. Во фразеологии, «сосредоточенной» на характеристике человека, его внешности и поведения, качества животного «накладываются» на образ человека. Исследование фразеологизмов с компонентом-зоонимом в лингвокультурологическом аспекте позволяет выявить особенности представления русского человека о себе и об окружающем его мире.

Целью данного исследования является культурологический анализ фразеологизмов с компонентом-зоонимом *собака (нѣс)*.

С древнейших времен человек был связан с животным миром. Люди не могли обойтись без животных во многих сферах жизни. Вследствие близкого контакта человека с животными последние стали мерилом многих человеческих качеств и поступков. Чем больше животное было вовлечено в жизнь человека, тем чаще его образ использовался для характеристики внешности или поступков людей. Самой «приближенной» к человеку за всё время развития общества стала собака. Издревле *собака* была символом верности [4, с. 98]. Это животное преданно служило и служит своему хозяину, очень привязано к нему, с трудом переносит с ним разлуку, тоскует. Для русских *собака* всегда была и остается прирученным человеком животным, древнейшим и первым другом человека, помощником в охоте, в охране жилища.

Представление о собаке как животном даётся в толковых словарях, фиксирующих лексему «собака» и описывающих собаку посредством дефиниций. Например, в Толковом словаре русского языка (под редакцией Д.Н. Ушакова) приводится следующее значение слова *собака*: «четвероногое прирученное или домашнее животное, издающее характерные звуки (лай) и служащее человеку в домашнем быту, преимущественно для охраны имущества, на охоте для отыскивания и преследования зверя или птицы и т. д. *Сторожевая собака*».

Слово *собака* употребляется в русском языке и как метафора – для характеристики человека; при этом лексема *собака* приобретает оценочные значения, которые зафиксированы во многих толковых словарях. Следует заметить, что положительные характеристики животного (преданность, бескорыстие, верность) фактически не закрепились в метафорических значениях и не нашли своего языкового воплощения, из чего можно сделать вывод о преобладании отрицательных эмоционально-оценочных характеристик при переносе на человека признаков животного. Называя *собакой* человека, говорящие имеют в виду злого, грубого, жестокого человека. Например: «Вот видите, если я вам скажу то, что я думаю, то тут же поднимается ужасный вой, плюралисты всего мира на меня накинута, как *собаки*» [В. Войнович. Москва 2042]. Данное слово может употребляться как универсальное оскорбление: «Проваливайте отсюда, *собаки*!.. Иначе моя стража так намнет вам бока, что вы навсегда забудете собственные титулы!» [Л. Филатов. Большая любовь Робин Гуда].

При метафоризации образа собаки в сознании носителей языка актуализируются отдельные черты животного, причём «движение» образа к метафоризации довольно сложно. По мнению М.Л. Ковшовой, образ зарождается и актуализиру-

ется в процессе его культурной интерпретации [5, с. 148]. Согласно модели культурной интерпретации, предложенной ученым, интерпретирование образа происходит в три этапа:

1. На мифологическом уровне. Здесь исследуется связь образа с истоками культуры, то есть с мифологическими воззрениями человека на мир.

2. На научно-познавательном уровне. В данном случае образ соотносится со знаниями, составляющими научную картину мира.

3. На наивно-культурном уровне, где образ сопоставляется с эталонами, символами и стереотипами.

Собака не является типичным персонажем русского фольклора; но встречается в некоторых сказках, например в русских народных сказках «Умная собака», «Морозко», в сказке Л.Н. Толстого «Волк и собака». В народном творчестве *собака* выступает зачастую как положительный персонаж. Она всегда принимает сторону обиженных, никогда не предаёт хозяина. Однако, согласно Библии, *собака (нѣс)* считается нечистым животным; слово *нѣс* употребляется иносказательно для обозначения гонителей, лжеучителей, язычников. В русской мифологии *собака* ассоциируется с нечистыми силами, ведь не случайно считалось, что нечистая сила принимала образ собаки, входя в чужой дом, а также неупокоенные души часто возвращались на этот свет в облике данного животного.

Авторы лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» пишут о видении качеств человека через призму качеств животного [3, с. 152]. Согласно мнению составителей словаря, человек, которого сопоставляют с *собакой*, представляется, в первую очередь, злым – собака может облаять или укусить без видимой причины (злой как собака); а также уставшим в крайней степени – собака много двигается, к примеру на охоте, теряет слишком много сил (устал как собака); обладающим хорошим обонянием, отличным нюхом (чует как собака); верным, но порой сверх меры (верный нѣс).

Некоторые из вышеперечисленных образов легли в основу ФЕ, широко используемых в современном русском языке. В их число входят следующие фразеологизмы с компонентом-зоонимом *собака (нѣс)*: **(нужен) как собаке пятая нога, вешать всех собак, голодный как собака, каждая собака знает, как собак нерезаных, устал как собака, легавый нѣс, на какой нѣс, нѣс возьми, нѣс с ним, как побитая собачонка, нсу под хвост, собак гонять, как собака на сене, собаку съел, собачья жизнь.**

Перечисленные ФЕ можно разделить на три группы в зависимости от степени мотивированности образа:

I. ФЕ с прозрачной мотивировкой. К данной группе относятся фразеологизмы, в основе кото-

рых лежит актуализированный образ с прямой оценочностью: **голодный как собака, каждая собака знает, как собак нерезаных, устал как собака, легавый пёс, как побитая собачонка, как собака на сене, собачья жизнь.**

Образ *собаки* в данных фразеологизмах метафорически используется для описания поведения человека, его эмоций, физического состояния и отношения к людям. ФЕ можно классифицировать по критерию соотношения качеств собаки с качествами человека следующим образом:

– Внешность:

Как побитая собачонка. Характеризуется человек с жалким, побитым видом, обиженный другими.

– Состояние:

Устал как собака. Человек представляется как существо, изнуренное работой.

Голодный как собака. Дается характеристика человека, страдающего от голода из-за большого количества дел и отсутствия времени на перерыв.

– Поведение:

Легавый пёс. ФЕ называет человека, чья работа связана с поиском преступников; при этом актуализируются качества человека, который «вынюхивает», ищет информацию про других людей.

Как собака на сене. На образ человека переносятся такие поведенческие черты, как стремление не допустить к охраняемому чужих людей.

– Образ жизни:

Собачья жизнь. Представляется полное отсутствие нормальных условий жизни, что делает такое существование человека крайне тяжелым, невыносимым.

Каждая собака знает. В основе характеристики лежат такие качества животного, как слух и обоняние, благодаря которым собака узнает многих, знает многое.

Как собак нерезаных. В основе образа лежит специфическая черта диких собак сбиваться в стаи по 5–7 животных.

В особую группу входят ФЕ, в которых образ *собаки*, также представленный с негативной оценкой, используется для характеристики не столько животного, сколько человека: его поведения в разных ситуациях и результата его деятельности. К этой группе можно отнести такие фразеологизмы:

Псу под хвост. В данном случае акцент в сравнении перемещается с целостного образа *пса* на его хвост, который воспринимается человеком как бесполезный (для человека) орган, и на место под хвостом, считавшееся «грязным». Всё, что оказывается «под хвостом», становится пропавшим, бесполезным.

Собак гонять. В основе лежит действие человека, а не собаки. Собака является объектом бесполезного занятия человека.

Нужен как собаке пятая нога. В данном фразеологизме образ собаки не связан с её поведением,

её характером. Актуализируется фантазмагория – представление о необычном внешнем облике собаки – и делается вывод о неестественности такого вида животного (собака с пятой ногой). Образ собаки используется в качестве примера абсурдности каких-либо планов, намерений человека.

II. ФЕ с непрозрачной мотивировкой. К данной группе относятся следующие фразеологизмы: **вешать всех собак, собаку съел.**

В приведенных фразеологизмах образ собаки не имеет прямого соответствия с характеристикой внешности, поведения, качеств человека. Значение данных ФЕ для современного носителя языка не мотивировано, связь семантики фразеологизмов с образом собаки проясняется благодаря этимологическим изысканиям.

Вешать всех собак. В данной ФЕ *собака* не является животным: так называли репейник, который заговаривали и прицепляли к человеку с целью навредить ему [1, с.649].

Собаку съел. В этимологических словарях дается много версий интерпретации данного фразеологизма. Одна из них связывает появление ФЕ с религиозным ритуалом жертвоприношения собаки [1, с. 651–653].

III. ФЕ, в которых компонент *собака (пёс)* является эвфемизмом: **на какой пёс, пёс возьми, пёс с ним.**

Во фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова данные фразеологизмы зафиксированы с синонимичным ФЕ *на кой (какой) чёрт, чёрт возьми, чёрт с ним* [8, с. 496, 497, 499]. Вероятно, исследуемый зооним *пёс* вошел в состав ФЕ как заменитель компонента *чёрт*, так как у православных христиан не принято произносить это слово вслух, чтобы не накликать на себя беду.

Как показывают многочисленные исследования в области фразеологии, в семантике фразеологизма можно найти отражение процесса развития культуры народа. В.Н. Телия рассматривает фразеологический состав языка как «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [6, с. 233]. Так, анализ ФЕ с компонентом-зоонимом *собака (пёс)* показал: образ *собаки*, несмотря на положительные качества животного (верность и надежность), в сознании носителей языка ассоциируется с чем-то злобным, опасным. Анималистический образ, актуализируясь в значении ФЕ, описывает внешность, поведение, качества человека, перенося на него внутренние и внешние характеристики животного.

Библиографический список

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – 926 с.

2. Большой фразеологический словарь / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 781 с.

3. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2004. – 315 с.

4. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. – М.: Просвещение, 1988. – 190 с.

5. Ковинова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М.: Книж-

ный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 453 с.

6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 287 с.

7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1940.

8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Астрель, 2006. – 524 с.

УДК. 821.161.1.09"20"

Шаджанова Елена Игоревна
Ивановский государственный университет
elena_ivanova87@bk.ru

КОНЦЕПТ ДЕНЬ В СТРУКТУРЕ КОГНИТИВНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВИКТОРА ЦОЯ

Виктор Цой – культовая личность, в массовом сознании он воспринимается как герой-одиночка, бросающий вызов миру, вступающий в оппозицию с ним. Ключ к пониманию феномена В. Цоя скрыт в изучении его языковой личности. Изучая концептуальный уровень языковой личности, мы получаем возможность понять, почему простые, на первый взгляд, тексты рок-поэта оказывали значительное влияние на рок-культуру и на русскую культуру конца XX – начала XXI веков в целом. В структуре лексикона рок-поэта нами выделены системообразующие концепты, лежащие в основе когнитивного уровня языковой личности Цоя. Среди них – ГЕРОЙ, ЗВЕЗДА, НОЧЬ, ДЕНЬ, СМЕРТЬ и др. Отбор концептов проводился из текстов песен на основе частотности лексем, их репрезентирующих. В представленной статье рассматривается семантика концепта ДЕНЬ. Эволюция семантики концепта ДЕНЬ от альбома к альбому прослеживается четко. Хронологический принцип позволяет проследить динамику изменений семантики наиболее точно. В процессе формирования и развития языковой личности В. Цоя семантика концепта ДЕНЬ изменяется. Это изменение может быть обусловлено взаимодействием с другими концептами, например с антонимичным концептом НОЧЬ. В раннем творчестве В. Цоя нет устойчивого значения рассматриваемого концепта, но постепенно формируются негативные коннотации. В процессе развития и формирования языковой личности рок-поэта отрицательная семантика нивелируется и сменяется положительной. Шаг за шагом внутреннее напряжение снимается: герой обретает силу для борьбы и противостояния, свойственных романтическому сознанию. Рассмотренные эволюционные процессы во многом определяют специфику языковой личности Виктора Цоя.

Ключевые слова: языковая личность, когнитивный уровень языковой личности, концепт, семантика, лексема, В. Цой, рок-поэт.

Виктор Цой – один из самых ярких и талантливых отечественных рок-поэтов XX века. В массовом сознании В. Цой остался как герой, готовый в одиночку бросить вызов миру. Его тексты просты и понятны каждому, и, тем не менее, они оказали огромное влияние на культуру русского рока.

Ключ к пониманию феномена В. Цоя – изучение его языковой личности (далее – ЯЛ). В структуре лексикона ЯЛ нами выделены ключевые, смыслообразующие и системообразующие концепты, являющиеся основой когнитивного уровня [3] ЯЛ рок-поэта: ГЕРОЙ, СОЛНЦЕ, НОЧЬ, ВЗГЛЯД, ДЕНЬ и др. Отбор концептов проводился из текстов песен на основе частотности лексем, их репрезентирующих, методом сплошной выборки.

Концепт, вслед за Ю.С. Степановым, мы понимаем как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [4, с. 43]. В то же время концепт – это то, посредством чего человек способен войти в культуру, а порой и повлиять на нее [4, с. 43]. Таким образом, изучая концептуальный уровень ЯЛ, мы

получаем возможность понять, почему простые, на первый взгляд, тексты рок-поэта оказывали значительное влияние на русскую культуру конца XX – начала XXI веков.

В центре нашего исследовательского внимания находится концепт ДЕНЬ. Основное значение лексемы ДЕНЬ зафиксировано в словаре: «День – часть суток от восхода до захода Солнца, между утром и вечером» [5, с. 456].

Для того чтобы определить значение концепта ДЕНЬ в структуре когнитивного уровня ЯЛ Цоя, необходимо обратить внимание на антонимичный ему концепт НОЧЬ. В. Цой следующим образом прокомментировал своё отношение к пространству ночи: «Ночь для меня – это особое время суток, когда исчезают все отвлекающие факторы. Но не только. Ночь наполняет меня ощущением мистики. Все предметы, явления, вещи становятся ночью другими. Ты сам, наверное, замечал, что дневной человек и ночной человек, один и тот же, разумеется, это, тем не менее, разные люди. Можно сказать, что ночь дает чувство романтики» [1, с. 22]. НОЧЬ для рок-поэта – это специфическое, универсаль-

ное творческое, романтическое и мифологическое пространство. В свете рассматриваемой проблемы важным представляется то, что В. Цой разделяет сознание человека на два компонента. Бесспорно, что сам поэт отдаёт предпочтение пространству ночи, таким образом причисляя себя к «ночным» людям. Именно поэтому нам представляется значимым выявить влияние пространства дня на героя.

Исходя из данных частотного словоуказателя текстов песен группы «Кино», можно утверждать, что репрезентанты концепта ДЕНЬ употребляются в текстах песен 65 раз (что, к слову, соответствует числу репрезентантов концепта НОЧЬ). Данные приведены без учета названий песен и альбомов [2, с. 54–83].

Первый альбом группы «Кино» называется «45» (1982). Здесь репрезентанты концепта встречаются в четырёх текстах. Рассмотрим каждый из них.

В песне «Бездельник» лексема *день* употребляется в своем прямом значении, сохраняя временную семантику: *«Болтаюсь, целый день гуляю. / Не знаю, я ничего не знаю»* [6, с. 22]. Данная семантика усиливается при помощи лексемы *целый*, которая, при взаимодействии с лексемами *болтаюсь* и *ничего*, подчёркивает бессмысленность любого предпринимаемого действия в пространстве дня. Таким образом, пространство дня – профанное пространство, где возможно только хаотичное движение, лишённое всякого стремления.

В песне «Бездельник 2»: «Нет меня дома *целыми днями*, / Занят бездельем, играю словами. / Каждое утро снова жизнь свою начинаю. / И ни черта ни в чем не понимаю» [6, с. 23]. В данном случае глагол «начинаю» утрачивает своё прямое значение за счет употребления оксюморона «занят бездельем», действие воспринимается как бездействие, а творчество – как «игра словами». Пространство дня не даёт герою стимула к творчеству.

В песне «Солнечные дни» репрезентант концепта употреблен в собирательном значении, а всё словосочетание «солнечные дни» соотносится по смыслу с концептом ЛЕТО. Интересно, что в рассматриваемом тексте возникают сразу два концепта – ДЕНЬ и НОЧЬ: «Мерзнут руки и ноги и негде сесть. / Это время похоже на *сплошную ночь*. / Но, может быть, эта песня избавит меня от тоски по вам, / *Солнечные дни*» [6, с. 19]. Если концепт ДЕНЬ соотносится с концептом ЛЕТО, то НОЧЬ – с ЗИМА. Таким образом, концепт НОЧЬ приобретает негативную семантику (символ зимы традиционно в русском роке имеет семантику смерти). На уровне подтекста противопоставлены концепты ЛЕТО и ЗИМА. Реализуется эта оппозиция через классическое противопоставление дня и ночи. В данном случае ПЕСНЯ, то есть творчество (в широком понимании), выступает в роли связующего звена между этими двумя концептами. Интересно, что герой всё-таки находится в пространстве «сплошной» (беспросветной) ЗИМЫ (НОЧИ).

Именно в этом пространстве и в этих условиях он способен творить.

В рассматриваемом примере видим один из случаев употребления концепта ДЕНЬ в положительном значении, а НОЧЬ – в негативном. Классическая цоевская оппозиция перевернута, но это возможно только в том случае, если лексемы *день* и *ночь* выступают в роли репрезентантов других концептов (в данном случае – ЛЕТО и ЗИМА).

В альбоме «46» (1983) концепт ДЕНЬ также взаимодействует с концептом НОЧЬ. В тексте песни «Пора» это проявляется наиболее ярко: «И как каждый *день* ждет свою *ночь*, я жду свое слово / Пора» [6, с. 98]. Здесь, вопреки общей тенденции, концепты не вступают в оппозицию, перед нами взаимодействие иного порядка: акцентируется внимание на невозможности существования одного без другого. День и ночь связаны и неотделимы друг от друга. Для В. Цоя ночь – это время, когда герой чувствует себя органично, ночь пробуждает в нем стремление к движению вперед, к далёкой цели, призрачной, но достижимой. В противоположности этому, день – это время статики, ожидания.

В этом же тексте встречаем ещё один случай употребления репрезентанта рассматриваемого концепта: «И я прожил так свои *сорок дней*, и сегодня уже не вчера. / И я ухожу, оставляя листок с единственным словом / Пора» [6, с. 98]. Выражение «сорок дней» имеет сакральное значение в христианской культуре. Именно на сороковой день после смерти человека решается судьба его души (где ей пребывать до Страшного суда: в аду или в Царствии Небесном). Но В. Цой, используя это устойчивое выражение, не говорит о смерти реальной, физической, или духовной. Речь идет о новом начале, которое становится возможным в пространстве ночи.

В альбоме «Начальник Камчатки» (1984) рассматриваемый концепт и его репрезентанты не встречаются.

Для понимания семантики концепта ДЕНЬ в структуре когнитивного уровня языковой личности В. Цоя важно рассматривать его в соотношении с концептом НОЧЬ. В связи с этим необходимо отметить, что для понимания концепта НОЧЬ ключевым становится альбом «Это не любовь» (1985), но концепт ДЕНЬ, несмотря на частотность употребления его репрезентантов, не приобретает дополнительных коннотаций. Рассмотрим наиболее интересные примеры.

В тексте песни «Рядом со мной» автор использует синтаксический параллелизм: «*Каждый день* ты приходишь домой, когда темно. / *Каждый день* долго едешь в метро, когда темно» [6, с. 105]. Соотнесём этот пример с другим, в котором использован повтор лексемы *день*: «*Лишний день*. / *Днем* больше, *днем* меньше» («Верь мне») [6, с. 195]. В обоих случаях происходит обезличивание про-

странства дня, что подчеркивается лексемами *каждый, лишний*, в то время как пространство ночи сакрализуется.

Названия альбома «Ночь» (1986) символично. Здесь семантика и структура концепта ДЕНЬ существенно расширяется. Обратимся к тексту песни «Ночь»: «За окнами солнце, / За окнами свет – это день, / Ну а я всегда любил ночь. / И я не знаю, как мне прожить / *Следующий день*» [6, с. 210–211]. К уже выделенным ранее вариантам реализации концепта ДЕНЬ («каждый день», «лишний день») добавляется вариант «следующий день». Новый день, следующий день – это квинтэссенция надежды и веры в будущее. Лирический герой В. Цоя смотрит в будущее сквозь призму ночи, а пространство дня и всё, что приходит с ним и существует в нём, становится своеобразным препятствием в достижении желаемого. Даже взаимодействие с концептами СОЛНЦЕ и СВЕТ не снимает негативную семантику, которую несёт в себе рассматриваемый концепт.

В альбоме «Группа крови» (1987) появляется вариант использования рассматриваемого концепта с лексемой *завтрашний*. «Завтрашний день» ничего нового и светлого не приносит: «Мы ждали *завтрашний день*. / *Каждый день* ждали *завтрашний день*. / Мы прячем глаза за шторами век» («В наших глазах») [6, с. 200]. Появляется ощущение безысходности, обреченности и бесплодного ожидания: «Покажи мне людей уверенных в *завтрашнем дне*. / Нарисуй мне портреты *погибших* на этом пути» («Война») [6, с. 220]. Концепт ДЕНЬ семантически соотносится с концептом СМЕРТЬ («погибших»). Надежда гибнет, она прозрачна и эфемерна, но она существует: «*Солнечный день* в ослепительных снах» («Группа крови») [6, с. 219]. В данном контексте появление лексемы *солнечный* приносит положительные коннотации. Здесь «солнечный день» – это результат того пути, который должен пройти лирический герой, мечта, которая, на данном этапе, может быть реализована в снах, но уже вполне достижима.

Постепенное развитие положительной семантики концепта ДЕНЬ подходит к кульминации в тексте «Попробуй спеть вместе со мной»: «*Это наш день*. / Мы узнали его по расположению *звезд*. / Знаки огня и воды, / Взгляды богов» [6, с. 338]. Теперь герой видит свой путь не только днем, но и ночью, он существует вне времени и пространства и следует за своей звездой.

Положительная семантика концепта ДЕНЬ получает своё развитие в следующем альбоме «Последний герой» (1988). Здесь мы видим повтор песен «Война», «Группа крови», «В наших глазах». Это свидетельствует о продолжении намеченной тенденции.

В альбоме «Звезда по имени Солнце» (1989) усиливаются положительные коннотации: «Снова за окнами *белый день*. / День вызывает меня на

бой» («Песня без слов») [6, с. 342]. Герой ощущает свою силу, напряжение, существовавшее ранее, нивелируется. Он свободен от пространственно-временных ограничений («Наше утро похоже на ночь. / Ну а ночь для меня» («Невеселая песня») [6, с. 343]) и способен двигаться вперёд и, главное, одержать победу в своей войне.

«Чёрный альбом» (1990) был издан после гибели В. Цоя. Здесь на смену положительной коннотации концепта ДЕНЬ приходит нейтральная: пространства дня и ночи сливаются, граница между ними стирается, теперь герой существует в некоем «универсальном» пространстве. Оно смыкается вокруг героя, оказавшегося в центре замкнутого цикла («*идут за годом год*», «*в сотый раз*»), это ощущение вновь рождает чувство безысходности и неуверенности («*может, будет хоть день*»), от которого, казалось, он освободился: «*И так идут за годом год, / Так и жизнь пройдёт. / И в сотый раз маслом вниз / Упадёт бутерброд. / Но, может, будет хоть день, / Может, будет хоть час, / Когда нам повезёт*» («Кончится лето») [6, с. 350]. Возможно, это изменение связано с ощущением приближения смерти, преследовавшим поэта («*жизнь пройдёт*»). Надо сказать, что весь альбом проникнут этим настроением.

Подводя итоги, необходимо отметить, что эволюция семантики концепта ДЕНЬ от альбома к альбому прослеживается довольно чётко. В раннем творчестве В. Цоя нет устойчивого значения рассматриваемого концепта, но постепенно формируются негативные коннотации. В процессе развития и формирования ЯЛ рок-поэта отрицательная семантика нивелируется и сменяется положительной. Шаг за шагом внутреннее напряжение снимается: герой обретает силу для борьбы и противостояния, свойственных романтическому сознанию. Рассмотренные эволюционные процессы во многом определяют специфику языковой личности Виктора Цоя.

Библиографический список

1. Зандер А. «Кино: Взгляд с экрана» // Рокс. – 1985. – № 10. – 50 с.
2. Горбачев О.А. Частотный словоуказатель текстов песен группы «Кино» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. – Тверь, 2000. – С. 54–83.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Цой В.Р. Звезда по имени Солнце: Стихи, песни, воспоминания. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 416 с.

Шляхтина Елена Васильевна

кандидат филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ElenaV_Yar@mail.ru

ПЕРЕВОД НАИМЕНОВАНИЙ ПРОФЕССИЙ С КОМПОНЕНТОМ *SPECIALIST* С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются особенности перевода на русский язык английских наименований профессий, которые встречаются на американских и российских сайтах по трудоустройству. Появление большого числа международных компаний на российском рынке труда определяет необходимость подбора русских соответствий названиям английских специальностей. Сложности в переводе обычно возникают из-за потребности обозначить новые должности, повысить статус некоторых профессий за счет более красивого наименования, а также из-за отсутствия данной профессии на российском рынке вакансий.

Просматривая сайты, предлагающие работу, автор выявил большое количество наименований, содержащих компонент *specialist*. По этой причине в статье рассматриваются приемы, которые используются при переводе двух- и более компонентных названий профессий с данной единицей с английского языка на русский.

Анализ практического материала показывает, что самыми популярными переводческими приемами являются калькирование, добавление каких-либо компонентов, а также использование традиционных соответствий. Наряду с этим, на российских сайтах весьма распространено употребление английских наименований без перевода, что свидетельствует о том, что кандидаты должны владеть английским языком для успешного поиска работы.

Кроме того, довольно часто встречаются ситуации, когда одному английскому наименованию соответствует несколько русских названий. При этом в переводе может сохраняться один или несколько элементов исходной единицы. И наконец, особый интерес вызывают профессии, названия которых весьма трудно правильно и адекватно перевести, потому что они не имеют аналогов в русском языке.

Ключевые слова: перевод, переводческий прием, вакансия, специалист, калькирование, соответствие, наименование профессии, сайт по трудоустройству.

В условиях развития социально-экономической сферы в России меняется спектр профессий, пользующихся спросом на рынке труда, модифицируется содержание некоторых специальностей, возникают новые или изменяются названия давно привычных профессий. Теперь, наряду с уже устоявшимися и лаконичными наименованиями типа *doctor*, *teacher*, *engineer* и т.д., существует огромное количество многокомпонентных названий. Благодаря процессам глобализации и возможностям найти работу в другой стране, а также появлению различных международных компаний на российском рынке встал вопрос о том, как правильно перевести наименования некоторых должностей с английского языка на русский.

Положение дел нагляднее всего иллюстрируют сайты, предлагающие вакансии. Для написания статьи материалом послужили наименования вакантных должностей, которые были размещены на американских (www.jobbankusa.com, www.jobsearchusa.org и т.д.) и российских (career.ru, hh.ru и под.) сайтах. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать простые наименования, а попробуем проанализировать существующие и возможные варианты перевода двух- и более компонентных названий.

Поскольку таких единиц набирается значительное количество, то мы выбрали для анализа профессии, которые содержат компонент *specialist*, так как при работе с практическим материалом выяснилось, что данный компонент является очень распространенным и встречается приблизительно

в одном из десяти наименований. Данная единица была выбрана еще и потому, что она встречается практически во всех областях жизни общества, в отличие от других компонентов, широкое употребление которых ограничивается рамками отдельной сферы деятельности. Например, единица *engineer*, как правило, входит в состав многих названий технических специальностей [5, с. 87].

Наиболее популярным приемом перевода названий профессий с данным компонентом является частичное калькирование с изменением порядка следования элементов, которое часто сопровождается добавлением предлога *no*. Наименования могут содержать два, три и более компонента: *safety specialist* (специалист по безопасности); *quality control specialist* (специалист по контролю качества); *business operations specialist* (специалист по деловым операциям); *retail customer service specialist* (специалист по розничному обслуживанию клиентов). В двух последних примерах наблюдается еще и смена части речи одного из элементов наименования (*business* – деловой, *retail* – розничный).

В некоторых случаях калькирование может сочетаться с транскрипцией: *merchandising specialist* (специалист по мерчандайзингу); *underwriting specialist* (специалист отдела андеррайтинга, иногда *специалист по андеррайтингу*); реже данный прием сочетается с транслитерацией: *multimedia specialist* (специалист по мультимедиа или мультимедиа-специалист).

Другим весьма распространенным приемом является добавление какого-либо элемента в пере-

воде. Чаще всего используются такие компоненты, как *отдел* и *вопрос*: *billing specialist* (специалист отдела отчетности); *legal specialist* (специалист по правовым вопросам); *recruitment specialist* (специалист по вопросам найма); *quality assurance specialist* (специалист отдела обеспечения качества). Однако возможны и другие варианты добавлений: *transport specialist* (специалист по транспортным перевозкам); *maintenance specialist* (специалист по техническому обслуживанию); *project controls specialist* (специалист по контролю за реализацией проекта).

Иногда добавления одного элемента бывает недостаточно, и прибегают к полному лексическому развертыванию: *clinical nurse specialist* (частнопрактикующая медицинская сестра-специалист); *visual media specialist* (специалист по визуальным средствам массовой информации); *loan documentation specialist* (специалист отдела подготовки кредитной документации).

Довольно часто встречаются ситуации, когда одному английскому наименованию соответствует несколько русских вариантов перевода одной и той же должности без каких-либо существенных различий в значении. Например: *tax specialist* соответствует русскому наименованию *специалист по налогообложению* или *налоговый специалист*; *scientific specialist* может переводиться как полной калькой *научный специалист*, так и с помощью более распространенного соответствия *научный сотрудник*; *aviation security specialist* означает *специалист по авиационной безопасности* или *специалист в области обеспечения безопасности на воздушном транспорте*. Оба русских словосочетания одинаково распространены, несмотря на то что второй вариант в два раза длиннее исходного английского наименования.

Единица *market research specialist* переводится как *специалист по маркетинговым исследованиям* или *специалист по исследованию рынка*. В последнем случае перевода может уточняться, какого именно рынка: *товарного рынка*, *рынка сбыта* и т.д. Здесь стоит обратить внимание на то, что в английском языке также существует наименование *marketing specialist*. Оно тесно связано с предыдущим названием и тоже имеет два варианта перевода: *маркетолог* и *специалист по маркетингу*. Однако должность предполагает другие обязанности.

Интерес также представляет наименование *nutrition/nutritional specialist*, которое, согласно словарям, означает *диетолог* [3]. Однако часто вместо выше обозначенного английского словосочетания используют такую единицу, как *nutritionist*. Ее переводят либо транслитерацией *нутриционист*, либо к транслитерированному варианту добавляют еще какой-либо компонент *врач-нутриционист*, *диетолог-нутриционист*; а также в переводе могут использоваться русские соответствия *диетврач*,

диетсестра, *врач-диетолог*, *врач по диетпитанию*, *специалист в области диетотерапии*, *специалист по проблемам рационального питания* и т.д., которым, в свою очередь, соответствует английское слово *dietitian*.

В связи с этим, стоит отметить три момента. Во-первых, некоторые из вышеперечисленных единиц (*диетврач*, *врач-диетолог*, *врач по диетпитанию*) обозначают одно и то же. Во-вторых, в других случаях выбор того или иного варианта перевода зависит от того, в какой области единица будет использоваться: в медицине – *нутриционист*, в рекламе – *специалист по проблемам питания* и т.д. В-третьих, нужно быть крайне аккуратным при выборе вариантов *диетврач/врач-диетолог* или *диетсестра* в переводе, потому что они подразумевают разное образование и разные должностные обязанности. Первый отвечает за организацию лечебного питания, расписывает меню на неделю, учитывая диагнозы и соответствующие диеты. Диетсестра следит за выполнением инструкций, данных врачом.

Наряду с данными английскими наименованиями существует еще и *dietary specialist*. В отличие от предыдущих единиц, перевод этого словосочетания найти в словарях затруднительно. Опираясь на описание обязанностей, это выражение можно перевести как *специалист по питанию*. Вариант *диетолог* не совсем точен, потому что последняя должность зачастую подразумевает наличие медицинского образования, тогда как в случае с *dietary specialist* работодатели не всегда требуют такого рода подготовки.

В настоящее время отдел кадров принято называть *отделом по управлению персоналом*, *HR-отделом* или *отделом по управлению человеческими ресурсами*, а должность *human resources specialist* в русской интерпретации звучит как *HR-специалист* или *специалист HR*, что может в скобках сопровождаться пояснением *специалист по человеческим ресурсам*. Наряду с вышеуказанными наименованиями можно встретить выражение *специалист по управлению персоналом* или *по работе с персоналом (с кадрами)*. Единица *кадры* сейчас намного реже используется по сравнению с прошлым.

В данном примере привлекает внимание сохранение английской аббревиатуры в русском наименовании этой должности *HR-специалист* или *специалист HR*, что особенно характерно для международных компаний на российском рынке.

Подобную ситуацию можно наблюдать и в названиях других профессий. Например, весьма востребованная специальность *IT Specialist* в русском языке имеет несколько вариантов перевода, в том числе и с сохранением английской аббревиатуры: *IT-специалист*, *ИТ специалист*, *специалист ИТ*, *специалист отдела ИТ*.

Сюда также можно отнести и словосочетание *public relations specialist/PR specialist*, при переводе которого либо оставляют английскую аббревиатуру *PR-специалист*, либо переводят каждый элемент, изменяя порядок слов и используя замену части речи, – *специалист по связям с общественностью*. Как и в предыдущем примере, здесь предпочтение отдается сохранению аббревиатуры исходного наименования.

Также в русском наименовании может сохраняться не только английская аббревиатура, но и целое слово. Например, в сфере информационных технологий недавно появилась профессия *digital specialist*, которая, в принципе, соответствует *специалисту по цифровым технологиям*, но на практике предпочтение отдается наименованию *digital-специалист*.

Другим примером может служить профессия *event specialist*. Несмотря на то что в словаре Multitran предлагается перевод *специалист по корпоративным мероприятиям* [3], на сайтах вакансий встречается, в основном, вариант *event-специалист* или *event-менеджер*. Данная ситуация еще интересна и потому, что такая профессия существует в русском языке уже давно и ранее называлась *мас-совик-затейник*. Однако современное название, содержащее английское слово *event*, придает больше веса и престижа данной специальности.

К примерам перевода одного наименования с помощью нескольких вариантов можно отнести и вакансию *media specialist* (иногда именуемую *media planner*), которая означает *специалист по средствам рекламы, специалист по планированию использования средств рекламы, специалист в области СМИ*; а также *специалист по рабочим средам* в сфере электроники [2]. В данном случае речь идет не только о наличии нескольких русских соответствий английскому наименованию, но и о существовании одного названия для совершенно разных видов деятельности.

Это не единственный пример подобного рода явлений. Наверное, самым широким в использовании является единица *training specialist*, которая может переводиться и как *тренер, методист, инструктор*; и даже как *специалист по подготовке кадров* [3]. Все эти наименования схожи в том, что направлены на обучение, при этом в разных сферах деятельности и компаниях должностные инструкции будут отличаться.

В магазине или в торговой сети *procurement specialist* будет означать *специалист по снабжению/по закупкам*, если же работа связана с инженерным делом, то будет соответствовать должности *специалиста по комплектации*.

Application specialist в фармацевтической сфере обозначает *специалист по продукции* или *специалист по применению продукции*, в сфере информационных технологий – *специалист по приложе-*

ниям. Если в данное словосочетание добавляется компонент *support*, то должность *application support specialist* переводится как *специалист поддержки бизнес-приложений*.

Сюда также относятся такие наименования, как *material control specialist* (*специалист по учету материалов* или *специалист по снабжению*); *chemistry specialist* (*химик* или *специалист аналитической лаборатории*) и ряд других.

Довольно большую группу составляют наименования, которые можно перевести на русский язык только при помощи традиционного соответствия. Например, *clinical documentation specialist* (*медицинский регистратор*), *foster care specialist* (*специалист по опеке и попечительству*), *design specialist* (*специалист-конструктор* в инженерно-технической сфере), *regulatory affairs specialist* (*специалист отдела нормативно-правового регулирования*), *dry cleaning and laundry service specialist* (*работник или сотрудник прачечной*), *house-keeping specialist* (*горничная* или *домработница*).

В данную группу входит и словосочетание *wedding specialist* (также называемый *wedding planner* или *wedding consultant*), которому в русском языке соответствует *свадебный распорядитель* или *организатор свадеб*.

Сфера услуг в США и Европе весьма развита, и за деньги можно получить любые услуги. И если для единицы *wedding specialist* можно найти русское соответствие, то английские наименования *wedding guest specialist* и *outdoor wedding specialist* являются лакунами для русского языка. В этой ситуации можно предложить воспользоваться генерализацией в переводе *свадебный распорядитель* или *организатор свадеб*. Либо можно дать описательный перевод *wedding guest specialist* – *специалист по размещению и организации досуга гостей, приглашенных на свадьбу*, *outdoor wedding specialist* – *специалист по организации свадеб на выезде (пленэре)*. В случае генерализации большим плюсом является компактность перевода, но второй вариант перевода четко отражает суть обязанностей специалиста.

К сложным случаям также можно отнести и должность *employee relations specialist*. Несмотря на то что в словаре дается перевод *специалист по контактам с работниками* [1], который вполне отражает суть данного наименования, он не согласуется с формантами русского языка и, кроме словарей, более нигде не используется. В то же время в русском языке существует устоявшееся словосочетание *специалист по трудовым отношениям*, которое, однако, лишь частично отражает значение исходного словосочетания, поскольку предполагает, в первую очередь, юридическую помощь сотрудникам [4, с. 117].

Другим интересным примером является выражение *library specialist*. В номенклатуре специ-

альностей существует должность *библиотечный специалист*, но она звучит несколько искусственно и используется лишь в некоторых ситуациях. Более распространенным вариантом перевода все равно остается *библиотекарь*.

Сложность возникает и при переводе наименования *wound care specialist*, которое можно приблизительно перевести как *хирург*, поскольку именно они занимаются уходом за ранениями в наших реалиях. В контексте хирургического направления может быть уточнено (например, *сосудистый хирург*, если речь идет о лечении трофических язв, развившихся на фоне варикозного расширения вен и т.п., или *комбустиолог*, если речь идет об ожоговых ранах, и т.д.).

Также интерес представляет профессия *campus recruitment (recruiting) specialist*, которая является несомненной лакуной для русской культуры на сегодняшний день и которую можно перевести только описательно: *специалист по привлечению на работу перспективных студентов и выпускников, по подбору перспективных студентов*.

Итак, здесь было рассмотрено лишь небольшое число наименований профессий с компонентом *specialist*, которые публикуются на сайтах вакансий. Несмотря на то что данное слово является интернациональным, многие словосочетания, содержащие его, вызывают затруднения при переводе с английского языка на русский. Сложности возникают из-за необходимости обозначить новые должности, повысить статус некоторых профессий за счет более красивого наименования, а также из-за отсутствия данной профессии на российском рынке вакансий.

В целом, обращает на себя внимание тот факт, что на многих российских сайтах часто указывается английское наименование должности, а потом в скобках может идти ее перевод. Иногда дается только английское название без перевода, но с описанием обязанностей. Это касается многих специальностей, но, в первую очередь, относится к профессиям, связанным с информационными технологиями. Зачастую, видя английское наименование профессии, претендент не может без чтения должностных обязанностей сказать, что именно она собой представляет. Только люди, непосредственно связанные с тем или иным родом деятельности, могут без лишних объяснений понять, какой специалист требуется в каждом конкретном случае.

Библиографический список

1. Англо-русский экономический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruseeng.com/> (дата обращения: 28.11.14).
2. Англо-русский электронный словарь ABBYY Lingvo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvo-online.ru> (дата обращения: 15.12.14).
3. Англо-русский электронный словарь Multitran. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 23.12.14).
4. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский: учеб. пособие. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.
5. Попов С.А. Технический перевод и деловая коммуникация на английском языке: учеб. пособие / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2006. – 153 с.

ГЛЮТТОНИИ-НЕОЛОГИЗМЫ КАК ВАЖНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (на материале электронного словаря новых слов Word Spy)

В настоящее время лексическая система языка бурно развивается. Современные технологии составления словарей позволяют оперативно регистрировать новые слова и выражения, получать структурированные сведения из различных баз данных, участвовать в интерактивных операциях, предлагая пользователю познавательный и интересный интерфейс. Стремление экспрессивно зафиксировать мельчайшие детали повседневной жизни и приема пищи стали причиной появления большого количества неологизмов. На материале электронного словаря английских неологизмов Word Spy анализируются новые слова, относящиеся к концепту «Еда и напитки». Проводится их классификация по семантике и особенностям словообразования в контексте реалий повседневной культуры по нескольким тематическим группам, выделяются основные модели формирования неологизмов-глуттониев. Обращение к социокультурному контексту появления неологизмов-глуттониев подтверждает правомерность их изучения как социолингвистических реалий, поскольку они четко фиксируют новые и модные тенденции в правилах потребления пищи и напитков, в технологиях их приготовления, продажи потребителям. Вместе с обществом потребления меняется и сам потребитель, ориентиры повседневности которого направляются на здоровое питание как важный элемент здорового образа жизни.

Ключевые слова: английские неологизмы, словарь неологизмов, глюттонии, семантика новых слов, особенности морфологии.

Известно, что концепт «Еда» является одной из важнейших ментальных, культурных, языковых констант в различных национальных концептосферах, и это обуславливает особый интерес к нему лингвистов, культурологов, семиотиков [1; 9]. Его принадлежность к культуре повседневности позволяет проанализировать через язык важные социокультурные феномены, характерные черты «гастрономического дискурса» как особой семиотической и когнитивной системы, выявить на его материале специфику языковых и культурных кодов, а также учесть национальную, межкультурную, гендерную специфику этого концепта и национальные стереотипы при обучении иностранному языку [1; 2].

Цель настоящей статьи – проанализировать на материале словаря новых слов неологизмы, относящиеся к концепту «Еда», установить их семантические особенности в социокультурном контексте и кратко описать их структурные характеристики.

М. Эпштейн подчеркивал, что «чем богаче язык, тем больше он нуждается в новых словах и смыслах, которые заполнили бы его растущую емкость»: английский язык постоянно втягивает в свою «вакуумную воронку» огромное количество новых слов и выражений для обозначения новых значений и явлений, которые ранее были неназванными, неосознанными [9].

Источником для нашего анализа неологизмов послужил электронный словарь Word Spy [7], поскольку удобны его гипертекстовая структура, наличие широкого социокультурного и социоэкономического контекста, объясняющего время, причины и источники появления неологизма в печати (в англоязычных журналах и газетах всего мира). В данном словаре выделяются определен-

ные тематические категории с указанием числа входящих в них лексических единиц, приводятся интересные авторские комментарии об их семантике (см. описание словаря и историю его создания в [3]). Приводимые составителем словаря цитаты с первой и последующими датами употребления нового слова показывают, что путь слова от его появления до закрепления в языке и словаре может быть достаточно долгим (около 10 лет). В наших примерах эти даты указываются в скобках. В общем списке словарных разделов (*Post by Categories*) категория «Культура» имеет в подразделе «Еда и напитки» указание на 139 единиц, но фактически включает 154 слова и словосочетания. Структурно-семантический анализ этого материала показал, что он включает образованные различным способом лексические единицы, принадлежащие к различным частям речи и выражающие разные понятия, более широкие, чем просто потребляемая человеком пища и напитки. Это и обусловило выбор для их описания термина «глуттонии» (лат. *'gluyttony'* – от гл. *поедать, питаться, есть*). С другой стороны, это потребовало более подробной дифференциации на единицы, обозначающие собственно еду (*food*) и напитки (*drinks*); неологизмы, относящиеся к человеку, потребляющему их (*'hominen consumit'*); лексические единицы, указывающие на правила и особенности употребления и приготовления пищи и напитков (*instruments'*), а также на лексический пласт неологизмов, косвенно относящихся к концепту «Еда» и использующий его лексемы метафорически и метонимически (М). Распределение всех, зарегистрированных на момент написания статьи неологизмов в анализируемой сфере (154=100%), представлено на рисунке 1.

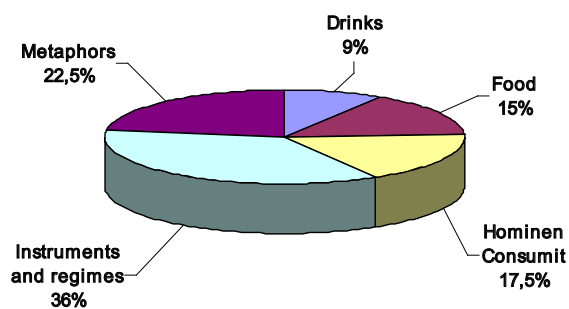

Рис. 1. Процентное распределение глуттониев по пяти группам

Как видно на приведенной диаграмме, наименьшее число неологизмов приходится именно на категорию «Напитки» (9%). Они обозначают новые виды *алкогольных* напитков: **alcopop** – *a soft drink or lemonade that contains alcohol*; **malternative** – *flavored, malt-based, alcoholic beverage*; **extreme beer** – *a well-aged, usually high-priced beer with an exotic flavor or an exceptionally high alcohol content*; **garage wine** – *a high-quality, extremely expensive wine produced in very small quantities*; **beersicle** – *popsicles made with beer*; или *безалкогольных*: **relaxation drink, n., adj.** – *a nonalcoholic drink formulated to help promote relaxation*; **cheappuccino** – *an inexpensive, low-quality cappuccino, made from brewed or instant coffee*; **bubble tea** – *frothy mixture of iced tea, milk, and fruit juice, served over tapioca balls*. Последний пример (необычный на вкус, но приятный Тайваньский напиток, получивший популярность среди подростков азиатского происхождения в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Торонто и Ванкувере) показывает, что не всегда имеет место лексическое заимствование: иногда английский язык пользуется собственными (описательными) средствами при ассимиляции новых глуттониев из других языков.

Не очень много и неологизмов, обозначающих новые виды продуктов питания (15%). Для их семантизации иногда используются уже существующие в английском языке модели-аналогии: **bird dog** (*hot dog made from bird meat*), **gigaburger**; **unturkey** (*a vegetarian substitute for turkey*); **fakeaway** (*a homemade meal that is similar to a takeaway meal purchased from a restaurant*). Однако чаще, чтобы передать особое качество нового продукта (его гибридность, например), используются сращения: **pluot** – plum+apricot, **broccoflower** – broccoli+cauliflower, **tofurkey, n.** – Tofu molded into the shape of a turkey.

Кроме того, новое свойство, качество или состав продукта могут передаваться с помощью словосочетания (чаще всего со структурой прил.+сущ.), в котором определяющим является первое слово. Например: **heirloom pork** – *n. Pork that comes from a relatively rare breed of pig raised in humane and environmentally friendly conditions for a number of generations*; **pink slime** – *n. An industrial meat byproduct consisting of*

compressed low quality beef trimmings treated with ammonia gas and used as a filler for ground beef, etc. Выбор компонента словосочетания может придать новому выражению определенную коннотацию: положительную или отрицательную (ср.: *heirloom*, *slime*), а также эксплицитно указать на качество еды или продукта, его ненатуральность, функциональность или улучшенные свойства: **Frankenfood n.** – *Food derived from genetically modified (GM) plants and animals*; **pharma food n.** – *Food products with pharmacological additives that are designed to improve health*; **victimless meat** – *n. Meat grown from a tissue culture*; **white food n.** – *Processed foods such as white sugar and all-purpose flour, or starchy foods such as potatoes, rice, and pasta* [7].

В целом неологизмы этой подгруппы отражают две противоположные тенденции: стремление к улучшению качества продуктов питания за счет добавок полезных ингредиентов или особых условий выращивания и – замене натуральных продуктов на искусственные, генномодифицированные, полученные *in vitro*, чему способствовали глобальные продовольственные катастрофы (коровье бешенство, птичий грипп, африканская чума и др.).

В современных условиях развития цивилизации, изменений в технологиях производства продуктов питания и разнообразия культуры повседневности меняется и сам «человек потребляющий» (*'hominen consumit'*), его привычки в питании, продуктовые предпочтения, стиль жизни. Не случайно, что наш анализ неологизмов позволил выделить несколько антропонимических единиц, относящихся к описанию *homo consumatis* (17,5%). Они обозначают: любителей мяса (**meat tooth** – cf.: *sweet tooth*) и молока (**milkaholic**), новых вкусовых впечатлений (**gastronaut**), приверженцев местных напитков (**locapour**) и продуктов питания (**locavore**), а также тех, кто следит за пищевой ценностью продуктов (**nutritarian**) и имеет «супервкус» (**supertaster**), чтобы употреблять только «этически правильную пищу» – органическую (**ethical eater**). Насаждаемый СМИ культ экзотической пищи, блюд из кухни народов мира, которые можно попробовать в ресторанах национальной кухни, привел к появлению новой прослойки среди гурманов, отражающей новую реалию – **foodcourt multiculturalism** – поверхностное и кратковременное увлечение кухней других народов. Моду на продукты питания и блюда из них предсказывает человек новой профессии – **food futurist**.

Популярность различных диет и режимов питания, которые широко пропагандируются на ТВ и в глянцевых журналах, обусловила появление неологизмов, обозначающих пищевые предпочтения человека. К ним относятся следующие новообразования: **rawist** (сторонник сыроедения), **pescetarian** (человек, сочетающий вегетарианскую диету с рыбной), **pollotarian** (человек, сочетающий

вегетарианскую диету с мясом птицы), **flexitarian** (flexible+vegetarian – не очень строго придерживающийся вегетарианской диеты), **VB6** (придерживающийся диеты веганов только до шести вечера), **vegangelical** – страстный веган, стремящийся обратить и других в свою «веру», и даже – **breatharian** (питающийся только воздухом, 1998).

Обратим внимание на использование при образовании новых слов типичных английских суффиксов и формирование с их помощью слов-слитков (сращений), что обычно подчеркивает комплексность номинируемого понятия. Так, самым частотным является суффикс **-ian**, который «указывает на работу или хобби» [6, с. 140]. Сейчас можно говорить о «новой продуктивности» этого суффикса, но с несколько измененным значением, более указывающим на приверженность какой-либо модели, в нашем случае – питания.

Участники популярных в некоторых местах «пищевых» соревнований называются **gurginators**, а чемпионы по потреблению пива на бегу – **beer milers**. Переедание и злоупотребление нездоровой пищей, чем часто грешат **salad dodgers**, и принятие пищи ночью, как часто делают **sleep-eaters**, приводит к лишнему весу у поколения детей и юношей (**XL generation**), а вследствие новой лондонской моды, стоя употреблять спиртное прямо из бутылки, появилась (2000) аббревиатура **MVVD** (*male vertical volume drinker*).

К следующей группе (35,8%) мы отнесли неологизмы, которые описывают режим потребления пищи (диеты), правила ее употребления и действия, связанные с ее приготовлением. Слово **диета** в настоящее время является одним из ключевых в анализируемой сфере, поскольку именно с диетами связывают рациональное питание, различные программы по потере веса и т.д. Проанализированные неологизмы ярко отражают типичные явления повседневной культуры: **bet dieting** – пари на деньги, что удастся похудеть; **briet** – диета невесты (bride+diet); **100-foot diet** – употребление в пищу (преимущественно или исключительно) выращенного на собственном огороде; **ape diet** – диета с большим количеством соевых белков, клетчатки, орехов, зелени. Соблюдать вегетарианские диеты стало довольно легко, поскольку население многих стран мира живет в условиях **PGST** (*Permanent global summertime*), имея возможность покупать и потреблять круглый год фрукты и овощи, поставляемые из других стран. И все-таки здоровая пища, правильно приготовленная, называется **deprivation cuisine** (*healthy but bland*), то есть в ее обозначении присутствует явно отрицательная коннотация.

Как известно, диетологи всего мира активно работают, пытаясь через печатные и электронные издания, телепередачи привить населению своих стран культуру питания и освободить от вредных привычек в еде. В связи с этим в последние де-

сятилетия появился целый ряд неологизмов, обозначающих негативные явления в режиме питания и их последствия для организма: **auto-eating** – бездумное переедание; **drunkorexia** – ограничение в еде из-за калорий, потребленных с алкоголем; **exercise bulimia** – «сжигание» калорий физическими упражнениями; **freshman 15** – прибавка в весе первокурсниками, которые ведут малоподвижный образ жизни, много занимаются и едят фаст-фуд; **globesity** – ожирение населения планеты; **passive overeating** – переедание; **pro-ana** – поощрение анорексии и др. За покупку вредных для здоровья товаров, ведущих к ожирению, предлагается взимать специальный налог – **fat tax**.

Ускорение темпов жизни современного городского человека, пробки как неизбежная реальность мегаполиса и т. д. обусловили появление новых слов, обозначающих нетрадиционные условия приемы пищи и новых технологий ее приготовления: **cup-holder cuisine** – еда в специальных пакетах, удобных для размещения в машине; **dashboard dining**; **drive-time driving** – обед за рулем автомобиля; **drive-through cuisine** – еда, полученная в ресторанах для автомобилистов; **deskfast** – прием пищи за рабочим столом.

Неправильному питанию и приготовлению пищи противопоставляются новые технологии ее приготовления и приема (**slow food**), которые отражены в таких неологизмах, как **cryovacking** – медленное приготовление пищи в вакуумном пакете в теплой воде; **grazing** – дробный прием небольшого количества пищи; **molecular gastronomy** – применение принципов молекулярной химии, **molecular mixology** – применение принципов молекулярной химии при смешивании алкогольных напитков. Обращается внимание на длину «пищевой цепочки» и срок попадания продуктов на стол – **farm to fork** (*farm-to-fork*), поощряется выращивание овощей и других культур на небольших городских площадках – **SPIN** (*Small Plot INtensive*) (вспомним получившую всеамериканскую поддержку инициативу Мишель Обамы по созданию огорода во дворе Белого дома). Появились и производители вина, изготавливаемого в небольших количествах в домашних винокурнях («под навесом») – **shedistas**. Сторонники здорового питания требуют запрета на **fast food clusters** – сети ресторанов быстрого питания вдоль автострад и принятия закона о **fast-food zoning** – ограничения размещения этих ресторанов в определенных районах. Вероятно, ответом производителей фаст-фуда стало открытие новых ресторанов более высокого класса (**fast-casual**) и привлечение клиентов в рестораны их «культурной программой» – **eater-tainment**, или необычностью интерьера, например, в **bustaurant**, ресторан, открытый в бывшем двухпалубном автобусе. Сформировалась, благодаря все более растущей армии журналистов, пишущих о ресторанной кухне, и новая

манера описания блюд (**gastroporn**, 1985), с использованием прилагательных *succulent, mouth-watering, tantalizing, tender, juicy, melt-in-your-mouth*.

Анализ словообразовательных средств этой группы неологизмов показал, что они во многом типичны и сходны с моделями образования слов других групп: много словосочетаний с определяющим прилагательным, слов-слитков, реже встречается аффиксация, мало аббревиатур.

Последняя из групп неологизмов этой сферы (22,7%), как указывалось выше, не относится, строго говоря, к глуттониям, но они используются метафорически, чтобы придать неологизму особую экспрессивность, сделать его запоминающимся, семантически «прозрачным». Основные виды переноса при метафорическом словообразовании – по визуальному сходству и функции, размеру или количеству, характеру действия. Например: **candy bar phone, food baby** (большой живот из-за переедания); **two-pizza team; peanut-buttering** (экономное распределение ресурсов); **cappuccino economy** (неравномерный экономический рост в разных секторах); **programming fluid** (напитки с высоким содержанием кофеина, поддерживающие программистов); **champagne problem** (трудный выбор между хорошим и очень хорошим); **muffin-choker, coffee-spitter, marmalade dropper** (шокирующая или поражающая воображение новость, телепередача, газетный заголовок).

Метонимический перенос, как одно из языковых средств выражения категории признака, то есть перенос наименования по смежности признаков, также присутствует в неологизмах нашего экспериментального корпуса. Например: **beerware, window farm, liquor-cycle, marzipan layer, to pie, stomach share** (см. подробнее в [5]).

Проведенный анализ неологизмов-глуттониев позволяет сделать вывод, что они обладают ярко выраженными лингвистическими, социолингвистическими и семиотическими свойствами. При их формировании используется определенный набор словообразовательных средств, наиболее активно используются аффиксация и сращения, а экспрессивность и образность обеспечиваются метафорическим и метонимическим переносом. Новизна некоторых понятий, обозначаемых неологизмами, обуславливает наличие на первых этапах их существования в языке синонимичных выражений и вариантной графики. Трудно определить на имеющихся примерах закономерности слитного и полуслитного (дефисного) написания: подобные слова имеют варианты написания, зарегистрированные в словарной статье анализируемого словаря и в их реальном употреблении, – в цитатах, приводимых из англоязычной прессы. Однако в целом это подтверждает ранее сделанные выводы об «объединяющей» функции дефиса, «формирующей» с помощью графики новое слово на начальном этапе его появления [4, с. 161–164].

Обращение к социокультурному контексту появления неологизмов-глуттониев подтверждает правомерность их изучения как социолингвистических реалий, поскольку они четко фиксируют новые и модные тенденции в правилах потребления пищи и напитков, в технологиях их приготовления, продажи потребителям. Вместе с обществом потребления меняется и сам потребитель, ориентиры повседневности которого направляются на здоровое питание как важный элемент здорового образа жизни. Не случайно, что даже цифровые данные показывают (рис. 1), что в языке чаще номинируется не ЧТО потребляется, а КАК.

Это сложная знаковая система, и зоны ее лакунарности для представителей других языков и культур требуют дальнейшего изучения. На наш взгляд, одним из возможных ракурсов ее исследования является анализ неологизмов.

Библиографический список

1. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. – М.: П. Валент, 2007. – 191с.
2. Иванова Н.К. Роль концепта «Еда» в формировании вторичной языковой личности // Лингвистика: традиции и современность. Междунар. научная конференция. – Ростов/н/Д, 2009. – С. 101–103.
3. Иванова Н.К., Костина Е.В. Возможности использования электронного словаря неологизмов на занятиях по английскому языку со студентами специальности «Информационные технологии» // Иностранные языки в современном мире: сб. статей VI Международной научно-практической конференции. – Казань, 2013. – С. 51–56.
4. Иванова Н.К., Блинов Р.Ю., Кузьмина Р.В. Орфография английского языка: хаос или космос? – Иваново, 2009. – 276 с.
5. Избицкая М.В. Когнитивные метафоры как инструмент кодирования картины мира (на примере новой лексики из сферы «Еда и напитки») // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – Иваново: Иваново, 2013. – С. 282–283.
6. Кейпл А., Хислуп Л., Майер М. и др. Словообразование: Справочник по английскому языку: пер. с англ. – М.: Астрель – АСТ, 2003. – 336 с.
7. McFedries P. Word Spy. The Word Lover's Guide to Modern Culture. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: www.wordspy.com (дата обращения: 5 июля 2013).
8. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства (серия «Мир искусства»). – СПб.: Академический проект, 2002. – 514 с.
9. Энштейн М. Слово как произведение. О жанре однословия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.rus.ru/antjlog/intelnet/ds.odnoslovie1.html> (дата обращения: 30 октября 2012 г.).

ПРОЯВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ¹

В статье рассматриваются возможности использования модальных частиц немецкого языка *ja* и *doch* в придаточных изъяснительных, инструментальных и в придаточных следствия. Анализируются семантические особенности главного предложения, допускающие частицы в названных типах придаточных предложений. Показано, что модальные частицы могут употребляться в этих видах предложений в тех случаях, если матричный субъект кодирует внутреннюю перспективу или если в матричном / придаточном предложении используются субъективные показатели. В работе подвергается анализу концепция Э. Лайс, согласно которой видовая семантика может быть закодирована и в системе имени существительного. Абстрактные существительные, безличные и неопределенно-личные местоимения, а также субъективно-оценочные слова способствуют кодированию внутренней перспективы, допускающей частицы в придаточном. Это позволяет предположить, что немецким модальным частицам также присуще свойство выражать внутреннюю перспективу высказывания. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что модальные частицы не могут стоять в изъяснительных, инструментальных и придаточных следствия в тех случаях, когда в главном предложении кодируется внешняя перспектива и отсутствуют маркеры субъективной оценки высказывания. Проведенный анализ позволяет заключить, что легитимация модальных частиц в названных видах зависимых предложений определяется грамматико-семантическими факторами. Кодировка внутренней перспективы в семантике матричного предиката или матричного субъекта допускает их использование в придаточных, в то время как кодировка внешней перспективы блокирует их употребление в зависимых предложениях.

Ключевые слова: модальные частицы, сложное предложение, аспектualityность, модальность, грамматические свойства, придаточное, главное.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать реализацию грамматических свойств немецких модальных частиц *ja* и *doch* в сложном предложении, а именно модальности и аспектualityности. Полученные результаты могут быть полезны как для дальнейшего анализа межкатегориальных связей на уровне синтаксиса, так и для более точного подбора немецко-русских соответствий.

Модальность мы рассматриваем как категорию, которая отражает «преломление отрезка действительности через сознание говорящего» [3, с. 113], модальность может быть внутренней (модальность диктума), когда действующее лицо выражает отношение к действию/состоянию/положению дел и внешней (модальность модуса), которая связывает диктум (пропозицию) с говорящим и отражает отношение говорящего к происходящему [1, с. 20]. Частицы *ja* и *doch* в немецком языке относятся к разряду модальных, поскольку позволяют выразить отношение говорящего к содержанию высказывания.

В отечественной лингвистике принято считать, что категория аспектualityности не имеет с модальностью точек соприкосновения. Аспектualityность – характер протекания и распределения действия во времени [4]. Ядром поля аспектualityности является категория вида. В русском языке вид выражается в системе глагольного противопоставления, в то время как в немецком языке для передачи видовой семантики используются различные обстоятельственные уточнители [2; 6], а также артикли [14] и иные средства. Модальные частицы не относятся

к средствам кодировки видовой семантики, однако закономерности их использования в придаточных предложениях зачастую говорят о некоторых присущих им аспектualityных свойствах.

В этой связи представляется интересным проанализировать точки соприкосновения двух выше-названных категорий – модальности и аспектualityности. Остановимся сначала на этом вопросе.

Вопросам межкатегориального взаимодействия категорий аспектualityности, темпоральности и модальности посвящено немало работ зарубежных исследователей: [8; 13; 14]. Так, исследование Э. Лайс представляет собой удачную попытку представить темпоральную систему немецкого языка как уникальную двоичную систему, включающую в себя две подсистемы: темпоральную подсистему предельных глаголов и темпоральную подсистему неопредельных глаголов [13]. Ей принадлежит также идея о том, что категории модальности, темпоральности и аспектualityности представляют собой различные стороны единой категории, в которой находит свое отражение антропоцентричность языка. Э. Лайс проводит параллели между категориальным значением определенности и совершенным видом, неопределенности и несовершенным видом. В так называемых «видовых» языках определенность кодируется совершенным видом, в то время как в безвидовых языках эту функцию выполняет артикль. Согласно концепции Э. Лайс, глаголы в немецком языке можно разделить на две группы: а) группа предельных глаголов (глаголы типа *einschlafen*, *ankommen*, *eintreffen* и т.д.) и б) группа неопредельных глаголов (глаголы типа

schlafen, lieben, gehen и т.д.). По терминологии Э. Лайс, глаголы первой группы, то есть предельные глаголы, кодируют в своей семантике «внешнюю перспективу» (*die Außenperspektive*), а глаголы второй группы – внутреннюю перспективу (*die Innenperspektive*). Обе перспективы базируются на характеристике эгоцентрической позиции говорящего: внешняя перспектива отражает событие без привязки к наблюдателю, в то время как при характеристике действия с позиции внутренней перспективы говорящий / наблюдатель находится как бы в центре событий.

Интересными представляются выводы Э. Лайс о том, что видовая семантика может быть закодирована и в системе имени существительного. Она предлагает разделить имена существительные на две группы: 1) существительные, обладающие признаком «внутренняя перспектива», и 2) существительные, обладающие признаком «внешняя перспектива». Существительные первой группы – слова, обозначающие исчисляемые предметы, например *дом, стол, дерево*, существительные второй группы – слова, не имеющие денотата, например *любовь, дружба*, или вещественные существительные – *деньги, золото* и т.д.

Базируясь на концепции Э. Лайс, С. Энгель [11] рассматривает личные местоимения с позиции перспектив говорящего. По ее наблюдениям, первое лицо обладает свойством неопределенности, третье лицо – свойством предельности. Второе лицо несет в себе характеристики первого и второго лица.

Обобщая концепцию Э. Лайс [13; 14], а также основывающуюся на ней теорию С. Энгель, можно сказать, что аспектуальные свойства могут быть присущи не только глаголу, но и существительному и местоимению. Важным представляется также следующее наблюдение Э. Лайс: категория определенности кодируется в видовых языках в системе глагола, в безвидовых языках – в системе артикля [14].

Вопросы межкатегориального взаимодействия аспектуальности и модальности детально анализирует В. Абрахам [7; 8]. Он показывает, что деонтическая модальность проявляет свойства совершенного вида, то есть характеризует состояние или действие в его целостности, а эпистемическая – свойства несовершенного вида, поскольку дает оценку ситуации как таковой. Приведу несколько примеров, демонстрирующих это утверждение [8, с. 41]:

(3) a. *Paul muss Arzt werden.* 'Пауль должен стать врачом'.

b. *Paul muss Arzt sein.* 'Пауль, вероятно, врач'.

В предложении (3а) модальный глагол *müssen* используется для передачи деонтической модальности. Деонтическая модальность проявляет сходство с совершенным видом – действие в будущем можно представить как целостное. В высказыва-

нии (3b) этот же модальный глагол кодирует эпистемическую модальность. При этом дается оценка того, что *Пауль, возможно, врач*, это положение дел представлено как длительное состояние объекта, не имеющее каких-либо временных границ. С этой позиции модальный глагол в эпистемическом употреблении проявляет сходство с несовершенным видом [8].

Наблюдения Э. Лайс [14] относительно кодирования вида в системе других частей речи и В. Абрахама [7; 8], касающиеся идентичности эпистемической модальности и несовершенного вида, позволяют выявить закономерности легитимации таких модальных частиц, как *ja* и *doch*, в некоторых типах придаточных предложений. На этом мы и остановимся подробнее.

Модальные частицы *ja* и *doch* могут выступать во многих типах придаточных предложений. По нашим наблюдениям, использование модальных частиц в придаточном можно объяснить не только семантическими, но и отчасти грамматическими факторами, в том числе и с позиции их аспектуальных свойств. Их использование невозможно в придаточных местах и в относительных (рестриктивных) придаточных, всегда возможно – в уступительных предложениях, а возможность/невозможность их употребления в темпоральных, изъяснительных, модальных, а также в придаточных следствия зависит от семантических и грамматических особенностей главного предложения. Мне хотелось бы показать употребление модальных частиц *ja* и *doch* только в трех типах зависимых предложений – в изъяснительных, инструментальных и в придаточных следствия, потому что именно на этих типах предложений наиболее отчетливо можно пронаблюдать зависимость легитимации частиц от семантических и грамматических свойств главного предложения.

В изъяснительных придаточных модальные частицы *ja* и *doch* могут использоваться в том случае, если матричный предикат нефактивный², на эту особенность указывает В. Абрахам [8]:

(4) a. *Ein weiterer Journalist sagt, dass ja aktuell drei Stammspieler fehlen [...]* (COLiBRi³).

b. *Ein weiterer Journalist bedauert, dass (*ja) aktuell drei Stammspieler fehlen.*

(5) a. [...] sie *spricht* von Lohnuntergrenze statt Mindestlohn und davon, dass *ja* die Tarifpartner die Höhe bestimmen sollten (Zeit. 03.11.2011).

b. sie *ist überrascht*, dass *(*ja)* die Tarifpartner die Höhe bestimmen sollten.

В приведенных фрагментах модальная частица возможна, если в матричном предложении используется нефактивный предикат (4а, 5а), и, напротив, аграмматична при фактивном предикате (4б, 5б). Примечательно, что в некоторых случаях модальная частица возможна также и при фактивном предикате. Так, М. Конильо [10] приводит следующий

пример, который, по его мнению, вызывает сложности в интерпретации:

(6) *Es ist bedauerlich, dass diese Situation an den Hochschulen sich wohl weiter verschärfen wird* [9, с. 140].

В приведенном фрагменте возможно использование частицы *wohl* в придаточном, что М. Конiglio гипотетически объясняет нефактивностью матричного предикатива. Мы полагаем, что в данном случае речь идет о другом типе фактивности. Чтобы объяснить это, обращусь к термину «субъективный результатив», предложенный Р. Ренкя [5]. Анализируя семантику результативных форм и разновидности результата, Р. Ренкя предлагает говорить о субъективном результативе. Субъективная результативность предполагает «результативное изменение в самом субъекте, то есть в сфере субъекта», например *Палуба обледенела* [5, с. 262]. Применительно к фактивным предикатам мы предлагаем говорить о двух типах фактивности [9]: 1) фактивность, кодирующая эмоциональное состояние субъекта (например, *er bereut*); 2) фактивность, кодирующая оценку обстоятельства говорящим (например, *es ist merkwürdig*). В первом случае кодируется, если мы будем использовать терминологию Э. Лайс [14], внешняя перспектива, поскольку речь не идет о длительном и «делимом» явлении. Во втором случае кодируется внутренняя перспектива, потому что дается попросту оценка того или иного явления. Использование частиц при этом в придаточном вполне допустимо:

(7) *Die Tragödie ist, liebe Genossinnen und Genossen, die Tragödie ist, dass ja alle auch gute Ideen haben, dass alle auch etwas zu sagen haben, dass aus dem vielstimmigen Durcheinander aber kaum ein Chor entsteht* (COLiBRi).

(8) *Komisch dabei ist nur, dass ja gerade die Bratwurst als Coburg-Botschafter auch werbetechnisch aufgewertet werden soll* (COLiBRi).

В этой связи имеет смысл говорить не о несочетаемости фактивности в матричном предложении и частиц в придаточном, а о несовместимости субъективной результативности с частицами. Напротив, кодировка внутренней перспективы в главном предложении допускает использование частиц в придаточном предложении.

Анализ фактического материала показывает, что модальные частицы в ряде случаев возможны в инструментальных предложениях, однако есть также и случаи, когда их употребление в этом типе придаточных аграмматично. Так, на примере следующих высказываний можно проследить невозможность использования частиц в инструментальных предложениях:

(9) *Die Römer kühlten beispielsweise ihre Arenen, indem sie (*ja) das Gebäude mit einer Plane überspannten und einen dünnen Wasserfilm darüber laufen ließen* (DeWaC 6).

(10) *Die Lymphozyten bekämpfen Infektionen, indem sie (*ja) Substanzen herstellen, die Antikörper genannt werden* (DeWaC 1).

Как видно из приведенных фрагментов, в роли матричного субъекта выступают агентивные существительные (*die Römer; die Lymphozyten*), кодирующие внешнюю перспективу. Интересен тот факт, что модальные частицы возможны в инструментальных придаточных в том случае, если в роли матричного субъекта выступает абстрактное существительное или безличное/неопределенно-личное местоимение. Рассмотрим для сравнения следующие примеры, взятые из корпуса:

(11) *Zudem gibt es auch eine neue Qualität, indem ja alle Beteiligten Zugriff auf gemeinsame Dateien haben sollen* (DeWaC 1).

(12) *Brisant wurde der Rechtsstreit gerade dadurch, dass ja gleichzeitig anderen Departements mit abnehmender Bevölkerungszahl diese Sitze entzogen werden müssen* (COLiBRi).

(13) *Selbstverständlich waren auch die Seitentäler schon vor der Abteufung [Abstufung] der Mittelschlucht entstanden, indem ja die Wassermassen von allen Seiten in die breite Rinne hineinstürzten und so die Anfänge jener heute so rätselhaften Seitentäler schufen* (COLiBRi).

(14) *Und namentlich sollte man dies bei Werken der Architektur bedenken, indem doch das Weltall selbst mit einem architektonischen Gebilde verglichen werden kann* (DeWaC 6).

В предложении (11) в роли матричного субъекта выступает безличное местоимение *es*, в (12) – абстрактное существительное *Rechtsstreit*, в (13) – индентификатор *Seitentäler*, а в (14) – неопределенно-личное местоимение *man*. В сущности, все перечисленные субъекты можно классифицировать по концепции Э. Лайс как кодирующие внутреннюю перспективу, что и объясняет возможность употребления частиц в придаточном. Наоборот, использование субъектов, кодирующих внешнюю перспективу (см. примеры (9) и (10)), исключает использование частиц в придаточном. На основании этого можно предположить, что кодировка внутренней перспективы в семантике матричного субъекта может способствовать легитимации модальных частиц в придаточном предложении.

Легитимация модальных частиц в придаточных предложениях следствия также зависит от семантики матричного предложения. В случае если в роли матричного субъекта выступает агентив и если матричное предложение не содержит никакой субъективной оценки, использование модальных частиц в придаточном невозможно:

(15) *Ein Audi-Fahrer war jedoch mit 140 km/h so schnell, dass ihn (*ja) ein Bußgeld und Punkte in Flensburg erwartet* (DeWaC 5).

В корпусе были примеры, демонстрирующие возможность использования частиц в придаточном

предложении, если в роли матричного субъекта выступает безличное местоимение *es*:

(16) *2 Stunden später fing es sehr heftig an zu schneien und hörte nicht wieder auf, so dass ja schon 1 Tag später in Deutschland die Flughäfen teilweise geschlossen wurden, später ja auch insbesondere in NY (COLiBRi).*

Высказывание (15) можно оценить как кодирующее внешнюю перспективу в семантике матричного субъекта, в (16) кодируется внутренняя перспектива в семантике матричного субъекта, что, в свою очередь, позволяет использовать модальные частицы в придаточном. Возможно, это объясняется тем, что кодировка внутренней перспективы в семантике субъекта матричного предложения позволяет передать установку говорящего, в то время как кодировка внешней перспективы исключает такую возможность. Однако если матричное или придаточное предложение получает какие-либо субъективные показатели, то включение модальных частиц в придаточном становится возможным. Рассмотрим примеры:

(17) a. *Er bewegt sich für unser Auge so schnell, dass er der Drehung der scheinbaren Himmelskugel um 360° in 24 Stunden etwa 13°entgegenzusetzen hat (DeWaC 1).*

b. *Er bewegt sich für unser Auge so schnell, dass er (*ja) der Drehung der scheinbaren Himmelskugel um 360° in 24 Stunden etwa 13°entgegenzusetzen hat.*

c. *Er bewegt sich für unser Auge so schnell, dass er ja der Drehung der scheinbaren Himmelskugel um 360° in 24 Stunden etwa 13°entgegenzusetzen scheint.*

d. *Seine schnelle/langsame/komische BeWegung führt dazu, dass er ja scheinbar der Drehung der scheinbaren/gedachten Himmelskugel um 360° in 24 Stunden etwa 13°entgegenzusetzen hat.*

В (17a) в качестве субъекта матричного предложения выступает местоимение третьего лица, включение модальной частицы в придаточное предложение невозможно (17b). В (17c) в придаточном предложении использован глагол субъективной оценки *scheinen*, в (17d) в матричном предложении употреблены прилагательные, содержащие субъективную оценку. Субъективные маркеры позволяют включить модальную частицу в придаточное предложение.

Таким образом, возможность легитимации модальных частиц в придаточных следствия зависит от семантических особенностей матричного субъекта, а также от использования субъективных маркеров в главном или придаточном предложении. Проведенный анализ позволяет заключить, что легитимация модальных частиц в названных видах зависимых предложений определяется грамматико-семантическими факторами. Кодировка внутренней перспективы в семантике матричного предиката или матричного субъекта допускает их использование в придаточных, в то время

как кодировка внешней перспективы блокирует их употребление в зависимых предложениях. На легитимацию модальных частиц в придаточном влияет и употребление слов субъективной оценки. Абстрактные существительные, безличные и неопределенно-личные местоимения, а также субъективно-оценочные слова способствуют кодированию внутренней перспективы, допускающей частицы в придаточном. Это позволяет предположить, что немецким модальным частицам также присуще свойство выражать внутреннюю перспективу высказывания.

Примечания

¹ Автор благодарен фонду Александра фон Гумбольдта за финансовую поддержку научного исследования, проведенного в Германии в период с 2012 по 2014 гг. в рамках научного проекта в Гумбольтовском университете. Работа основана на подготовленных в этот период материалах.

² Согласно концепции Кипарских, к фактивным предикатам относятся предикаты, отражающие истинность пропозиции, например *bedauern*, *überzeugt sein*, *zustimmen*, в то время как нефактивные предикаты этим свойством не обладают, например *sagen*, *sprechen*, *berichten* (Kiparsky & Kiparski 1974).

³ В качестве материалов исследования использованы корпуса университета Гумбольдтов (г. Берлин) и Свободного Университета (г. Берлин).

Библиографический список

1. Аверина А.В. Эпистемическая модальность как языковой феномен. – М.: УРСС, 2010. – 192 с.
2. Балин Б.М. О роли словосочетаний и контекста в разграничении «способов протекания действия» в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук, 10.02.04. – Л.: 1-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков, 1955. – 17 с.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис: учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1986. – 220 с.
4. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / изд. 8-е. – М.: УРСС, 2001. – 450 с.
5. Ренка Р. О субъектно-результативном значении // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 261–265.
6. Роганова З.Е. Перевод видовых форм русского языка на немецкий язык: дисс. ... канд. филол. наук, 10.02.04. – М.: Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Топеза, 1953. – 384 с.
7. Abraham W. Diskurspartikel zwischen Modalität, Modus und Fremdbewusstsein // 40 Jahre Partikelforschung. Stauffenburg Verlag. – Tübingen, 2010. – S. 33–78.

8. Abraham W. Zur grammatischen Grundlegung von Modalität – semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation // Funktionen der Modalität. – Berlin: de Gruyter, 2013. – S. 25–75.

9. Averina A. Dependenzrelationen im Satzgefüge und Modalpartikeln im Nebensatz // Sprache und Sprachen. – 2014. – №41 (2).

10. Coniglio M. Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen / M. Coniglio. – Berlin: Akademieverlag, 2011. – 220 S.

11. Engel S. Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft? – Peter Lang, 1998. – 207 S.

12. Kiparsky P. & Kiparsky C. Fact // Syntax und generative Grammatik. – Bd. 1. – Athenaiion, 1974. – P. 257–304.

13. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1992. – 341 S.

14. Leiss E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. – Berlin, New York: de Gruyter, 2000. – 307 S.

УДК 811.112.2

Шипова Ирина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
schipowa@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА XXI ВЕКА

В статье рассматриваются четыре текста современных немецкоязычных авторов, на базе которых представлены варианты лингвистической организации художественного текста XXI века. Й. Винклер предлагает в новелле «Natura morta. Eine römischen Novelle» (2001) австрийскую концептуальную прозу, имитируя в своем тексте изобразительную технику натюрморта, красками в которой становятся многочисленные прилагательные и причастия, а темы организованы по принципу прогрессии со многими производными. Д. Глаттауер, написавший два популярных романа «Gut gegen Nordwind» (2006) и «Alle sieben Wellen» (2009) в виде электронных писем, использует все преимущества данного вида коммуникации – непосредственность, спонтанность реакций, выраженные через элементы разговорной речи как на лексическом, так и на синтаксическом уровне с многочисленными эллипсами, повторами, графическим выделением интонационных акцентов. Выбирая историко-культурологическую тематику в тексте «Wir sehn uns wieder in der Ewigkeit» (2011), Т. Лангер прибегает к интертекстуальным включениям, подражая некоторым приемам письма XIX века, о событиях которого повествует её текст. Д. Кельманн в романе «Die Vermessung der Welt» (2005) использует в диалогах исторических личностей почти исключительно косвенную речь и презентный конъюнктив, делая эту форму способом отстраненности от событий и героев текста, имена которых составляют славу Германии. Каждый из представленных авторов обладает индивидуальным стилем и своими языковыми предпочтениями, представить которые как некоторые тенденции немецкоязычного нарратива XXI века было целью данной публикации.

Ключевые слова: художественный текст, композиционно-речевая форма повествования, описание, повествование, тема-рематическая прогрессия, графическое выделение, вопросные комплексы, грамматический параллелизм; косвенная, прямая, авторская речь.

Каждая эпоха с её событиями, представлениями о нормах и правилах, моральными ориентирами и многими другими признаками и знаковыми чертами находит свое отражение в художественной литературе, иногда при непосредственном обращении к современности с её насущными проблемами, иногда опосредовано – через рассказ о других временах с их приоритетами, нравами, идеалами. XXI век не стал в этом смысле исключением. Читая книги, мы должны открывать в них что-то новое о нас самих, о нашем времени, даже если речь идет о прошлом, о будущем, или о фантастических мирах. Они не могут не отражать приметы современности с её ускоренными темпами, психологическим напряжением, невиданными прежде возможностями технического прогресса, все более ощутимым отчуждением людей друг от друга, обесцениванием прежних ценностей. В то же время все то, что пишется и издается, должно быть понятно читателю,

должно привлекать его, быть для него интересным, поскольку написанное должно стать успешным, быть проданным, принести прибыль не только автору, но и издателю. Обращаясь к современному немецкоязычному художественному тексту, можно выделить некоторые тенденции не только в выборе сюжета, но и в плане техники повествования, реализуемой, в первую очередь, в его лингвистических характеристиках. Небольшой срез, представленный четырьмя художественными произведениями, опубликованными после 2000 года, не может претендовать на сколько-нибудь исчерпывающий анализ написанного в течение последних полутора десятков лет. Но он, на наш взгляд, может дать представление о существующих тенденциях в немецкоязычном нарративе начала XXI века.

Начнем наше исследование с текста Йозефа Винклера (1953) – одного из значительных авторов литературного ландшафта Австрии, признанного литературными критиками как своей страны, так

и Германии. Его книга «Natura morta. Eine römischen Novelle» (2001) («Natura morta. Римская новелла» – русское издание 2006) получила массу положительных откликов в прессе. Автор не ставил перед собой задачу привлечь многочисленных читателей, а его произведение вряд ли могло стать популярным. Этот художественный текст представляет собой описание рынка площади Витторио-Эмануэле (piazza Vittorio Emanuele) в Риме, схожее с движением кинокамеры или с внимательным взглядом созерцателя картины какого-нибудь художника начала XVII века, присматривающегося к деталям того, что он видит на полотне. Наблюдатель переходит от изображения одного объекта к другому, чаще всего оставаясь бесстрастным: (1) Mit ihren von Henna rotgefärbten bloßen Füßen standen zwei marokkanische Knaben mit Fensterputzgeräten am Straßenrand und liefen, wenn die Ampel auf Rot schaltete, an die bremsenden Autos heran. Eine Taube flog auf den am Straßenrand stehenden Glaskasten zu, setzte sich neben das Pferdehufeisen, mit dem ein Stapel Glücklose beschwert wurde, und fraß der Lotterieverkäuferin Maiskörner aus der Handschale [6, S. 52]. Для такого почти бессюжетного повествования автор выбирает композиционно-речевую форму (КРФ) *описания*, что можно наблюдать в (1). В поле зрения читателя попадает изображение людей, ничем друг с другом не связанных. Это – обитатели и посетители рынка: торговцы, покупатели, цыгане, туристы, случайные прохожие, а также всё, что рынок окружает. В описании, как правило, преобладают признаки, что реализуется за счет частотного употребления прилагательных и причастий в функции определения (*rotgefärbt, bloß, marokkanisch, bremsend, stehend*). Всё представленное ограничивается, как в живописи эпохи маньеризма, лишь внешними деталями. Длинные перечислительные ряды, изобилие причастных групп значительно увеличивают пропозиционное содержание каждого предложения, максимально развернутый гипотаксис затрудняет восприятие написанного. Переход от одного описания к другому часто происходит спонтанно, по принципу прогрессии со многими производными темами (в терминологии Ф. Данеша 1974) [цит. по: 1, с. 38, 39], когда тема-рема-тематическая прогрессия одного высказывания не связана с последующими, а предлагает в каждом новом высказывании очередной объект описания: (2) Eine *schwarzverschleierte* Nonne (T1) hielt in der einen Hand mehrere mit Gurken, Aprikosen und Zwiebeln *gefüllte* Plastiksäcke (R1) und drückte mit der anderen zwei große, in Plastik *eingepackte* blondhaarige Barbiepuppen (R1) an ihre Brust, blieb beim Tomatenhändler (T2) stehen, der sein Gemüsemesser (R2) an einer Schnur vom Hals hängen hatte, setzte die Puppen (R1 – T3) auf einer Holzkiste ab und bestellte ein paar Kilo Strauchtomaten (R3). Die zum Verkauf *angebotenen*

Kleider (R4) einer alten, *schwarzgekleideten*, auf dem Boden *hockenden* Zigeunerin (T4) lagen in einem *aufgespannten* schwarzen Regenschirm (R4). Der kleine Bruder (T5) verzog sein Gesicht (R5) als ein sechsjähriges Zigeunermädchen (T6) aus einem Wäschebündel ein paar mit roten Herzen *bedruckte* Boxershorts (R6) herauszog, sie (R6 – T5) dem Knaben in die Hand drückte und ihn an der Schulter anstieß, (R7) er solle von Verkaufsstand zu Verkaufsstand gehen, die Wäsche zum Verkauf anbieten [6, S.17]. Рема-тематическая прогрессия фрагмента (2) демонстрирует, насколько мало темы связаны между собой (T 1, T2, T3, T4, T5), а почти каждая новая рема обрывается, не превращаясь в новый тематический ряд. Таким образом построена большая часть текстового материала книги. Однако тематическое единство текста всё же прослеживается благодаря доминирующему мотиву смерти. Он проявляется в подавляющем количестве деталей, начиная с изображения туш продаваемых на рынке животных с их внутренностями, капавшей кровью убиваемых кур (4), запаха несвежей рыбы и заканчивая описанием наркоманов, старых, больных людей, частым упоминанием распятия Христа: (3) Der junge Hühnerfleischverkäufer presste den Telefonhörer mit Schlüsselbein und hochgehobener Schulter an Wange und Ohr und *schlug*, während er sich unterhielt, einem lebenden, mit weit aufgerissenen Schnabel vor sich hinstarrenden Huhn *den Kopf ab*. Den *blutenden Schädel* warf er zu den anderen auf dem Boden liegenden *Hühnerköpfen und Hühnerbeinen* [6, S. 14]. Но центральной фигурой повествования является сын торговки фидами, пятнадцатилетний Пикколетто, который по трагической случайности попадает под машину во время проливного дождя и умирает на глазах у всех, кто в этот момент находится на площади. Из-за довлеющей атмосферы распада всего, некогда живого, юноша Пикколетто в момент его гибели (4) и при изображении прощания с ним в морге ассоциируется с образом Танатеса – символа смерти. Последние мгновения его жизни описаны иначе, чем картины многочисленных будничных наблюдений: (4) In weitem Bogen flog die Pizza auf den Asphalt. Der Junge wurde mehr als zehn Meter von der Feuerwehr mitgeschleift. Nur mehr mit einer gelben Unterhose und dem zerrissenen Leibchen bekleidet, auf dem die Beatles abgebildet waren, lag Piccoletto rücklings auf dem Asphalt. Der Regen platschte auf seinen Körper, auf sein Gesicht, auf seine offenen, unbeweglichen Augen und rann in seinen Mund hinein [6, S. 75]. Фрагмент (4) контрастирует с общим повествованием, в котором преобладают максимально распространенные предложения, что очевидно из приведенных ранее отрывков. В четырех предложениях (4) появляется столь редкая в тексте динамика, в каждом из них зафиксирован краткий момент происходившего. Столь своеобразный текст, заглавие которого – реминис-

ценция живописного жанра натюрморта – nature morte – переносит принципы изобразительной пространственной конструкции в литературно-художественный текст, объединяя многочисленные картины-фрагменты жизни в единую композицию, в которой царит ощущение смерти, воспринимаемое в эстетико-философском ключе.

Иные задачи ставит перед собой другой австрийский писатель – Даниэль Глаттауер (1960), автор дилогии «Gut gegen Nordwind» (2006) («Лучшее средство от северного ветра» – 2010) и «Alle sieben Wellen» (2009) («Все семь волн» 2011). Обе книги стали бестселлерами, причем первая послужила стимулом к написанию второй. Хотя каждая из них самостоятельное произведение, их объединяет общий сюжет: начатая в первом романе любовная история получает во втором свое продолжение и счастливое завершение. Особенность повествования этого вечного сюжета состоит в выборе формы: перед нами переписка по электронной почте случайно познакомившихся мужчины и женщины, никогда друг друга не видевших, но почувствовавших друг в друге родственные души. Мэйл – электронное письмо, которое требует соответствующего языкового оформления на стилистическом, лексическом, синтаксическом и графическом уровне. При этом автор должен развернуть сюжет, сделать его занимательным, а текст напряженным, понятным каждому и написанным в соответствующем стилистическом оформлении. Основными лингвистическими характеристиками здесь становятся элементы разговорной речи, передаваемые, в частности, графическими средствами (написание слов заглавными буквами, курсивом, увеличение числа восклицательных или вопросительных знаков, многоточие, заключенное в скобки, как в 6), эмоционально-экспрессивные компоненты как в лексическом плане, так и на уровне синтаксиса – многочисленные эллипсисы (5a; 6; 8a,b), повторы (6; 6a,b), обращения разговорного стиля (8):

(5) AW: Wir müssen uns nicht am Abend treffen, Emmi. Ich hatte eher an eine Nachmittagsstunde gedacht. 30 Sekunden später (5a) RE: Ah so. Ja. Klar. Leo! Nett. Wozu? [3, S. 133]. (6) Okay, Emmi, ich hab's verstanden, ich schreibe dir nicht mehr. Im Falle (...) Nordwind (...) dann weißt du (...) immer. Immer, immer, immer, immer! [3, S. 184]. (7) "Was weiß Pamela über uns beide?" ... Eine Minute später (7a). AW: Nichts! Zwei Minuten später (7b) RE: Echt nichts? Das ist unseriös wenig! [3, S. 127]. (8) Du, Emmi, ich muss dir etwas verraten, du bist die einzige Frau, der ich schreibe, der ich so schreibe, wie ich schreibe, wie ich bin, wonach mir ist [3, S. 102]. Выбирая новую художественную форму, автор приобретает ряд преимуществ по сравнению с традиционным нарративом: отсутствие авторской речи делает текст эмоционально заряженным, нет необ-

ходимости комментария и оценки действий героев. Но традиционные формы повествования все-таки неизбежны даже при столь новаторском подходе к художественному повествованию. Темпоральная структура текста соответствует в основном временным формам, типичным для разговорной речи: презенс и перфект (6; 8). Но фрагменты, написанные в КРФ повествование, формируются с помощью претерита (9), что не характерно для диалога: (9) Ich sehnte eine Aussprache herbei [...]. Vergeblich. Pamela blockte jedes Gespräch ab. Es gab keinen Streit, keinen Vorwurf, kein böses Wort, auch keine bösen Blicke. Nein, es gab gar keine Blicke mehr, nur noch Streifschüsse. Ihre Stimme kam wie Tonband. Ihre Bemühungen schmerzten, je weicher sie wurden. So taten wir weiter, als wäre nichts geschehen [3, S. 196]. Среди экспрессивных синтаксических структур частотны вопросные комплексы (10), парцелляции (11), являющиеся показателями повышенной эмотивности текста: (10) Liebe Emmi, ist das dein Ernst? Geht es dir schlecht? Willst du dich aussprechen? Natürlich kannst du kommen. Aber es ist zwei Uhr früh. Wollen wir uns nicht lieber morgen treffen? [3, S. 85] (11). Die gesamte Mail ist peinlich. Eitel. Angerührt. Anbiedernd. Zickig. Iiiiiiih! [3, S. 61]. Фрагменты писем монтируются с прямой речью, но она не интегрирована в повествование, а напоминает построение текста драматического жанра: (12) Ihre erste Frage: «Warum sagst du mir das alles?» Ich: «Weil es zu meinem Leben gehört hat». Sie: «Es?» Ich: «Emmi». Sie: «Hat?» Ich schwieg. Sie: «Ist es für dich abgeschlossen?» Ich: «Wir sind Freunde geworden, [...]» [3, S. 195]. Перечисленные языковые характеристики позволили автору создать эмоционально насыщенный текст, повествование в котором ориентировано на отражение внутренних душевных переживаний героев. Понимание механизмов действия современных средств коммуникации, использование типичных для них элементов в сочетании с традиционными формами повествования дало возможность Д. Гаттауеру показать динамику и статику отношений людей в обществе, сделать роман захватывающим, привлекающим широкую читательскую аудиторию.

Среди немецких публикаций последних лет остановимся также на двух художественных текстах, которые объединяет некоторое тематическое единство, а именно, обращение к историческому прошлому Германии. Конечно, нельзя говорить, опираясь только на два произведения, о какой-либо выраженной тенденции современной немецкой художественной литературы, однако сам факт не может не быть симптоматичным. Текст Тани Лангер (1962) «Wir sehnen uns wieder in der Ewigkeit» (2011) («Мы увидимся снова в вечности») – в России не издан. И не удивительно. Он повествует о загадочных отношениях немецкого писателя Генриха фон Клейста и его странной под-

руги Генриетты Фогель, совершивших двойное самоубийство 21 ноября 1811 года на берегу Ваннзее между Берлином и Потсдамом, о чем в России знают в основном германисты, да и то отнюдь не все. История стала предметом пристального внимания писательницы, поведавшей о последней ночи писателя и мало чем примечательной женщины, решившейся на смерть вместе с ним. Важное место в данном повествовании занимают художественные тексты того времени, документы, сохранившиеся письма Клейста и Фогель, что делает интертекстуальность важной составной частью произведения. Как некоторая реминисценция воспринимается обозначение текста словом *Erzählung* – рассказ, что странно для объема в 233 страницы. Возможно, что это некая отсылка к самому Клейсту, называвшему свои прозаические тексты *Erzählungen*, хотя по основным признакам их следовало бы причислять к новеллам. В том же ключе можно рассматривать и авторские комментарии, типичные для художественной прозы XIX века, позволяющие идентифицировать автора и читателя *wir-мы*, как путешествующих во времени наблюдателей событий: (13) Während wir Heinrich in seine Erinnerungen hinein begleiten, bereitet die Köchin im Gasthof Stimming am Wannsee für die Gäste das Abendessen vor [5, S.50]. Лангер ограничивает время повествования двумя днями: приездом Генриха и Генриетты в гостиницу Штимминг у озера, где они, после ночи воспоминаний, размышлений, переживаний и разговоров, отправляются на берег. Там Клейст сначала стреляет в свою подругу, а затем убивает себя. Композиционно текст строится из фрагментов, в каждом из которых автор высвечивает или воспоминания одного из героев, или их размышления о своей судьбе, об окружающих людях, о пережитых исторических событиях и многом другом, о чем могли бы думать эти два человека накануне смерти. Т. Лангер вводит в текст себя, озвучивая свои мысли, пытаясь найти ответ на вопрос, почему все произошло: (14) Ich denke immer wieder an Heinrich von Kleist in dieser letzten Nacht seines Lebens, in der er seinerseits an viele andere Nächte denken mochte, vielleicht an die Nacht in Paris, in der er sein erstes Stück zerriss und fortrante, oder vielleicht die Nächte im Gefängnis, in französischer Kriegsgefangenschaft, im *Fort de Joux*, im Jura, einer Gegend, durch die ich durch Zufall einmal gekommen bin, in der ich sogar selbst eine Nacht verbracht habe [5, S. 6]. Со стилистической точки зрения в (14) интересно выделение слова *Nacht/ Nächte*, повтор которого превращается в лейтмотив целой главы и, в определенной степени, всего произведения. Отметим и включение в текст личностного фактора – косвенной сопричастности автора к описываемым событиям через использование местоимения *ich* -я. В тексте преобладают сложные синтаксические периоды как в (14), грамматический

параллелизм (15), избыточность повторов создает особые акценты, графическое выделение курсивом текстовых элементов, начиная от словосочетаний и заканчивая целыми фрагментами (16c): (15) Ich liebe deine Traurigkeit, Heinrich, sie ist dir in die Seele gesenkt wie eine große Schönheit, wie der weiteste Himmel, den ich kenne, wie die Vögel, die über in hinweg liege in die Fern, und du lässt mich darin dir nahekomen, du stießt mich nicht fort [5, S. 218]. (16) Und meine Schwester, meine geliebte Ulrike? Sie lässt mich hängen. Der König gibt mir eine Anstellung, die Anstellung verlangt eine Equipage. Ich habe keine Equipage. (16a) Ich also nach Frankfurt, Ulrike, bitte, kannst du nicht, ein letztes Mal, ich habe kein Geld für eine Equi... – Ulrike hat mich abblitzen lassen, (16b) vier Wochen ist es her, oder sind es sechs, ich sei ein Nichts, (16c) *ein nichtsnutziges Glied der menschlichen Gesellschaft*, keine Teilnahme wert! [5, S. 188]. Несмотря на то что текст обращен к прошлому, в нем присутствует имитация разговорной речи современного человека в виде кратких высказываний, обрывочных эллипсисов, апозиопезиса, то есть опущения необходимых членов предложения (16a), парантезы (16b) эксclamатива (16c). Такие элементы создают иллюзию непринужденности коммуникации персонажей и контрастируют с длинными периодами. Переходя от сложных структур, в которых сконцентрировано основное повествование часто в виде КРФ *рассуждение*, Т. Лангер подражает некоторым формам, типичным для прозы XIX века, таким как конвенциональные обращение того времени (17), или опущение вспомогательного глагола (18): (17) Die Oder, sagt er, breit und träge erscheinend, hat gefährliche und gefährlich viele Stromschnellen, liebe Freundin, man muss sie kennen [5, S. 141]. (18) So muss er gewesen sein, mit seinen Freunden, denkt Henriette, wie schön! So anders als alle, die sie jemals gekannt [5, S. 140]. Хотя произведение Т. Лангер не имело особого успеха, по его мотивам в 2012 году ею было написано либретто для оперы «Клейст» Райнера Рубберта. Этот текст небезынтересен, своеобразен и трогает своим сюжетом, облаченным в языковую форму постмодернизма.

Более успешен роман-бестселлер Даниэля Кельманна (1975) «Die Vermessung der Welt» 2005 («Измеряя мир», 2009), повествующий о двух гениях немецкой науки – ученом-энциклопедисте и исследователе Александре фон Гумбольдте и математике и астрономе Карле Фридрихе Гауссе. Роман Д. Кельманна стал бестселлером, его успех свидетельствует о том, что автор нашел тот подход к теме, который сделал книгу интересной и понятной современному читателю. Он, так же как и текст Т. Лангер, имеет документальную основу и рассказывает о событиях, реально происходивших в жизни каждого из героев, включая их знакомство и общение. Д. Кельманн не ставит перед

собой задачу пересказа фактов прошлого, он предлагает свое видение событий и их участников, не стилизуя свой текст в соответствии с языковыми нормами предшествующей эпохой, как это иногда делает Т. Лангер. В его тексте косвенная речь повсеместно преобладает не только над прямой, но и над авторской речью: (19) *Nein, flüsterte Gauß, er zähle Primzahlen, das mache er immer; wenn er nervös sei* [4, S. 65]. (20) *Der gnädige Herr; wiederholte der Diener; empfangen nicht* [4, S. 94]. В противоположность прямой речи косвенная речь передает только пропозицию исходного высказывания. При этом в ней, как правило, отсутствуют элементы, свойственные разговорной речи: частицы, эмпатический словоупотребление, а также вокативы, формализованные приветствия, признаки выраженной экспрессии [7, S.1759]. Воспринимая изложенные факты *de re* (то есть в виде интерпретации, а не *de dicto* – в виде репортажа) [2, с. 34], реципиент отстраняется от ситуации непосредственного общения, оставаясь в рамках предлагаемой автором референциальной основы текста:

(21) *Bifokalgläser; erklärte er; sehr brauchbar; eine der vielen Erfindungen seines Freundes Franklin* [4, S. 213].

(22) *Er werde nicht ausweichen, rief er; während der Polizist ihn zu den Stiegen führte, dem Zwang nicht und keiner Bitte* [4, S. 233].

Примеры (19–21) демонстрируют, как, опуская одни смыслы, акцентируя другие, автор оценивает говорящего или его высказывание, сокращает или расширяет сказанное за счёт вводящих косвенную речь глаголов или дистанцируется от него. Превалирование косвенной речи превращает авторский текст в речь посредника, передающего читателю историю, рассказанную её участниками. Такая форма воздействует на восприятие адресата как косвенное доказательство правдоподобности написанного, минимальной степени авторского участия в содержательном и в оценочном плане. Проанализировав тексты четырех немецкоязычных авторов XXI века, попытаемся обобщить сказанное:

1. Очевидно тематическое и жанровое разнообразие предлагаемых текстов. Каждый из них оригинален тематически и лингвистически.

2. Австрийские авторы в определенной степени выступают как авторы-новаторы. Техника письма

Й. Винклера – сложный текст описательного характера, напоминающий документальную хронику, в которой сделаны авторские акценты, выделены релевантные для него детали. А Д. Глаттауер пишет для читателя и даже по его запросу. Он нашел новую, яркую форму для своего текста и сумел использовать все её преимущества, чтобы создать яркий и оригинальный художественный текст.

3. Тексты немецких авторов интертекстуальны, поскольку их тематика связана с историческими событиями и имеет документальную основу. В обоих текстах отражено авторское отношение к героям и событиям, их эксплицитная и имплицитная оценка, связанная с индивидуальностью художников (заметим, что в романе Т. Лангер доминирует женский взгляд на изображаемое).

4. Современный немецкоязычный художественный текст представляет собой многоплановое лингвистическое образование с яркими выразительными возможностями, использование которых варьируется в зависимости от предпочтений и таланта создающего его художника.

Библиографический список

1. Головкина С.Х., Смольников С.Н. Лингвистический анализ текста. – Вологда: Изд. центр ВИРО, 2006 – 124 с.
2. Гундарева У.С., Кострова О.А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточным объектным). – Тольятти: ТТУ, 2005. – 130 с.
3. Glattauer Daniel. Gut gegen Nordwind. – Wien: Paul Zsolnay Verlag, 2009. – 224 S.
4. Kehlmann Daniel. Die Vermessung der Welt. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuchverlag, 2009. – 303 S.
5. Langer T. Wir sehnen uns wieder in der Ewigkeit // Die letzte Nacht von Henriette Vogel und Heinrich von Kleist. Erzählung. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2011. – 140 S.
6. Winkler Josef. Natura morta. Eine römische Novelle. – Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 2001. – 104 S.
7. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker D. Grammatik der deutschen Sprache. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997. – 2549 S.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается становление института права граждан на обращение в органы государственной власти в России, его история и современное состояние. Автор работы прослеживает историю указанного института со времен его появления до наших дней, показывая, как по мере развития общества и государства возрастали частные и публичные интересы человека, в связи с чем возникала необходимость создания эффективного средства их отражения и защиты. В статье рассмотрены фактически все основные «законодательные своды», содержащие какие-либо положения, регулирующие возможность обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления. Анализируя и систематизируя множество имеющихся сведений, автор приходит к выводу, что с момента учреждения российской прокуратуры в январе 1722 г. и до октября 1917 г. в России не было единого нормативного правового акта, регулирующего деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере правовых отношений, хотя прокуроры осуществляли эту работу, руководствуясь действующими правовыми актами и указаниями вышестоящих прокуроров. В статье подробно рассматривается деятельность прокуратуры СССР по работе с гражданами, указывается значительная роль Генерального прокурора СССР, возглавлявшего указанный вид работы и следившего за четкостью и слаженностью действий подчиненных, приводится ценная статистическая информация – данные о работе прокуратуры и прокуроров по работе с обращениями граждан в последние годы.

Ключевые слова: прокуратура, Генеральный прокурор, обращения граждан, государственная власть, органы местного самоуправления.

Конституция Российской Федерации в ст. 33 предусматривает, что «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [11].

По мнению М.В. Баглая, «обращения граждан являются одним из наиболее важных средств осуществления и охраны прав личности, укрепления связей государственного аппарата с населением. Будучи одновременно одной из форм участия граждан в управлении делами государства, обращения граждан способствуют усилению контроля населения за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления [2, с. 215].

В праве на обращение проявляется возможность удовлетворения личных, государственных и общественных интересов. Обращения граждан способствуют усилению контроля граждан за деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления, борьбе с различными недостатками в их работе. Праву граждан на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления соответствует обязанность этих органов, а также должностных лиц, которым они направлены, в установленном законом порядке и в установленные сроки рассмотреть обращения и принять по ним обоснованное и законное решение [18, с. 22].

По мнению Н.Ю. Хамановой, обращение граждан можно рассматривать как инструмент охраны прав граждан, как гарантию их защиты и как способ восстановления нарушенного права [24, с. 10].

Ю.Н. Алистратов полагает, что право граждан на обращение является комплексным институтом конституционного права и может рассматриваться: а) как личное субъективное право, составная часть правового статуса человека и гражданина; б) как одна из форм непосредственной демократии; в) как элемент обратной связи между гражданами и формируемыми ими органами государственной власти и местного самоуправления и в этом смысле – неотъемлемой составной частью системы представительной демократии [1, с. 10, 11]. И мы разделяем позиции этих авторов.

Становление института права граждан на обращение имеет в России довольно длительную историю. Первоначально формировалось само это право, определялись субъекты обращений, порядок работы с челобитными во властных структурах, меры ответственности должностных лиц и жалобщиков.

По сути, это право стало одним из первых прав человека, которое появилось у жителей Древней Руси. «Бить челом» на Руси означало подавать жалобу лицам, олицетворяющим власть – вплоть до самого государя. Первоначальный период (IX–XV вв.) развития института обращения характеризуется отсутствием его правового закрепления. На этом этапе на уровне обычаев был сформирован порядок работы с челобитными во властных структурах, который носил сословный характер и лишал некоторые категории населения права обращаться в органы власти.

По мере развития общества и государства возрастали частные и публичные интересы человека,

в связи с чем возникла необходимость создания эффективного средства их отражения и защиты. Так, потребность в систематизации и координации многочисленных правовых актов, скопившихся к концу XV в., вылилась в работу по составлению первых общерусских правовых сводов – Судебника 1497 г. (великокняжеского) и Судебника 1550 г. (царского) [9, с. 150]. Можно заключить, что Судебник 1497 г. предоставил право, говоря современным языком, обращаться с челобитными вплоть до государя. В Судебнике 1550 г. регламентация по данному вопросу была уточнена и конкретизирована [9, с. 54–62, 97–120].

Важным правовым актом, касающимся рассматриваемого института, было Соборное уложение 1649 г. [17, с. 83–257]. Источниками Уложения стали судебники, указные книги приказов, царские указы, думские приговоры, решения Земских соборов, большая часть статей составлена по челобитным гласных собора, Стоглав, литовское и византийское законодательство [9, с. 173–174].

В соответствии со ст. 20 гл. II Уложения, жалобщикам было запрещено обращаться с челобитной непосредственно к царю. Устанавливалась субординация подачи челобитных. Приказ как орган управления стал обязательной инстанцией, предшествующей обращению к суду самого государя. Только в случае отказа в приеме челобитной или нерешения принятого дела жалобщик мог обратиться непосредственно к монарху.

Создав Сенат и коллегии, император Петр I не смог освободиться от наплыва челобитных и челобитчиков. И император ввел должность рекетмейстера. Работа с челобитными была конкретизирована в именном указе Петра I от 27 апреля 1722 г. «Должность Сената». Указ определил, что жалобы рекетмейстеру на неправый суд коллегий и канцелярий, которые им не подчинены, докладывать императору. При рассмотрении жалоб царь предписывал решать дела «по регламентам, по присяге, по злобе не посягая, и по дружбе и свойству не маня» [9, с. 77]. Особую значимость Указу Петра I придает то, что этим нормативным документом впервые была образована служба по работе с челобитными.

В июне 1763 г. императрица Екатерина II подписала Манифест о порядке рассмотрения жалоб и просьб на высочайшее имя, которым был установлен порядок рассмотрения жалоб по существу. Дела, подлежащие судебному разбирательству, возвращали просителям для передачи в суд [16, с. 303–304]. Таким образом, впервые было введено разделение обращений, поданных в государственные органы, для их рассмотрения в административном или судебном производстве.

Наиболее радикальные изменения в работе с прошениями произошли во время царствования Александра I. Его Манифестом от 1 января 1810 г. учреждался Государственный Совет, при котором

наряду с другими органами были образованы: Комиссия составления законов, Комиссия прошений, Государственная канцелярия. Комиссия прошений возникла из существовавшей до 1810 года при Сенате канторы генерал-рекетмейстера.

Указом от 21 марта 1890 г. на базе Комиссии прошений была создана Канцелярия его императорского величества по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых. Этим же Указом устанавливался порядок работы Канцелярии.

Манифестом 1895 г. были внесены незначительные изменения в порядок рассмотрения прошений, определен перечень прошений, подлежащих и не подлежащих рассмотрению, заявители освобождались от гербового сбора, вводилось обязательное уведомление заявителя об окончательном рассмотрении жалобы или передаче её в другую инстанцию.

Следует отметить, что до 1905 г. прошения подавались строго по сословному признаку [15, с. 8]. В соответствии с Указом императора Николая II от 18 февраля 1905 г., право подачи прошений было предоставлено всем гражданам России без исключения. Но нормы этого Указа не были включены в текст основных государственных законов и не стали конституционными [7; 23].

Именно отмеченными правовыми актами руководствовались прокуроры после учреждения Императором Петром I в России нового государственного института, доселе не существовавшего в России – прокуратуры. Цель, поставленная перед прокуратурой, – проведение в жизнь экономических, социальных и политических реформ царя вопреки скрытому, а нередко и открытому, сопротивлению местных органов власти.

Следует отметить, что в изданном еще в 1802 г. Министром юстиции России Генерал-прокурором Г.Р. Державиным документе «Учреждение Департамента министра юстиции или Генерал-прокурора» отмечалась необходимость разделения Департамента Министра юстиции или Генерал-прокурора, на 3 экспедиции, одна из которых должна была рассматривать «все жалобы на губернские и присутственные места от Государя Императора присылаемые и от просителей исходящие», а также принято решение об организации в Департаменте дежурства: «По сделанному расписанию учреждается в Департаменте дежурство из двух человек, которые непрерывно должны быть в оном и один из них ночевать» [14, с. 341, 342].

Подводя итог изложенным материалам, следует заключить, что с момента учреждения российской прокуратуры в январе 1722 г. и до октября 1917 г. в России не было единого нормативного правового акта, регулирующего деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере правовых отношений [3, с. 111], хотя прокуроры осуществляли эту работу, руководствуясь действующими правовыми актами и указаниями вышестоящих прокуроров.

После Октябрьской революции органы прокуратуры были ликвидированы, и все ранее действовавшие правила о работе с обращениями также были упразднены; органы советской власти были вынуждены формировать новую законодательную систему регулирования права на обращения в органы публичной власти.

26 мая 1922 г. III сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре, 28 мая оно было подписано Председателем ВЦИК М.И. Калининым и стало законом, который вводился в действие с 1 августа 1922 г.

Особо отметим, что в 1920-е годы прошлого века в отличие от ряда десятилетий дальнейшего развития, органы прокуратуры РСФСР ставили перед собой задачу быть «ближе к населению», используя для этого различные формы.

Как отмечал «Еженедельник советской юстиции», «показателем большой популярности прокуратуры у населения служат цифры, характеризующие работу по приему жалоб на действия административных органов. Таких жалоб за отмеченное время (по состоянию на 1 января 1924 г.) принято 17746 и из них оставлено без последствий 3127. В Москве, например, на прием в прокуратуру приходило по 100 и более человек в день. И, как правило, это были рабочие и крестьяне. Прокуратура сумела тогда так поставить работу по приему граждан, чтобы каждый трудящийся понял, что в лице прокурора он всегда имеет первого и самого близкого защитника и охранителя его интересов» [6, с. 64].

Основным нормативным актом, определяющим в тот период порядок рассмотрения всеми органами власти и управления жалоб граждан, являлось постановление ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» [20, ст. 274].

В автономных республиках, краях, областях, городах, районах и сельских Советах персональная ответственность за постановку приема и разрешения жалоб трудящихся возлагалась на председателей исполкомов Советов. Они должны были установить точный порядок приема, направления и рассмотрения жалоб, а также дни и часы приема жалобщиков как ими самими, так и их заместителями и членами исполкомов.

Постановление требовало привлечения к строгой ответственности, вплоть до предания суду лиц, не выполняющих решений, принимаемых по жалобам, а также лиц, виновных в волоките, невнимательном и небрежном отношении к жалобщикам.

22–26 мая 1936 г. состоялся III пленум Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР. Пленум рассмотрел по докладу товарища М.И. Ульяновой вопрос «О рассмотрении жалоб трудящихся». В этом постановлении указывалось на ряд чрезвычайно серьезных и совершенно недопустимых

ошибок и фактов невнимательного, нередко бездушно бюрократического отношения к различным заявлениям и жалобам трудящихся [20, ст. 276].

В соответствии с этим документом 3 июня 1936 г. был издан Циркуляр Прокуратуры Союза ССР № 37123 «О перестройке системы и методов работы по рассмотрению жалоб трудящихся на основе постановления III пленума КСК СНК Союза ССР 22–26 мая 1936 года», в котором, в частности, отмечалось, что имеющиеся в Прокуратуре Союза ССР материалы свидетельствуют о том, что указанные в Постановлении III пленума Комиссии советского контроля грубейшие недостатки в работе с жалобами трудящихся имеют место и в работе органов прокуратуры.

При этом личная ответственность за систематическую проверку постановки работы по жалобам во всех звеньях аппарата возлагалась на прокуроров союзных республик, прокуроров краев и областей, военных и транспортных прокуроров [19, с. 141, 142].

В дальнейшем основные положения организации работы по жалобам в органах прокуратуры были определены приказом Генерального Прокурора СССР №112 от 3 июля 1946 г. «Об улучшении работы по рассмотрению жалоб в органах прокуратуры» [21, с. 540], в котором прокурорам республик, краев и областей рекомендовалось шире практиковать проверку жалоб, заслуживающих серьезного внимания, с выездом на места. Тот прокурор, которому поручалось окончательное рассмотрение жалобы, обязался сообщить жалобщику результаты её рассмотрения. Во всех случаях оставления жалоб без удовлетворения жалобщикам следовало (письменно) подробно сообщить мотивы отказа со ссылкой на закон, на основании которого был сделан вывод о необоснованности жалобы.

При этом органы прокуратуры были обязаны не только обеспечить своевременное и правильное рассмотрение поступающих к ним жалоб, но, что особенно важно, и осуществлять надзор за соблюдением законов, определяющих порядок рассмотрения жалоб другими учреждениями [12, с. 232–234].

Но следует особо отметить, что в первых советских конституциях право граждан на обращение в органы государственной власти зафиксировано не было, и оно продолжало регулироваться постановлениями правительства и другими подзаконными актами. Не было закреплено право граждан на обращение в органы государственной власти ни в Конституции СССР 1936 г., ни в конституциях республик, входивших в состав СССР. До конца 60-х годов прошлого века оно продолжало регулироваться постановлениями ЦИК СССР, а так же постановлениями руководящих органов коммунистической партии.

12 апреля 1968 г. Президиум Верховного Совета СССР принял разработанный Комиссией Указ № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» [4]. Нормы, включенные в него, позволили строить работу с обращениями граждан с учетом происшедших политических и социально-экономических изменений в стране.

В Указе отмечалось, что обращения граждан в государственные и общественные органы с предложениями, заявлениями, жалобами – важное средство осуществления и охраны прав личности, укрепления связей государственного аппарата с населением, существенный источник информации, необходимый при решении текущих и перспективных вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Но впервые право граждан на обращение в Основном законе было закреплено только в Конституции СССР 1977 года. В ст. 49 Конституции СССР отмечалось, что граждане имеют право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе. Это означало, что институт права на обращение стал конституционной нормой, конституционным правом на непосредственное участие граждан в управлении государственными и общественными делами.

Тем не менее, следует отметить, что после вступления в силу Конституции СССР 1977 г. закон о порядке рассмотрения писем, жалоб и заявлений граждан так и не был принят.

Закон «О прокуратуре СССР» от 30 ноября 1979 г. [5] в ст. 10 «Рассмотрение в органах прокуратуры предложений, заявлений и жалоб» закрепил обязанность прокуроров в установленном законом порядке рассматривать предложения, заявления и жалобы граждан, государственных и общественных организаций и принимать меры к восстановлению нарушенных прав и защите законных интересов граждан и организаций. В нем особо подчеркивалось, что прокуроры проводят личный прием граждан.

После принятия этого Закона основой организации работы в прокуратуре по рассмотрению предложений, заявлений и жалоб являлся приказ Генерального Прокурора СССР № 14 от 4 апреля 1980 г. «Об организации работы органов прокуратуры по исполнению законодательства о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан».

Генеральный прокурор СССР обязал всех подчиненных прокуроров проявлять максимум чуткости, внимания к людям, тщательно проверять их заявления и жалобы; в необходимых случаях истребовать уголовные, гражданские дела, другие материалы, производить проверки с выездом на место; принимать исчерпывающие меры для

удовлетворения обоснованных жалоб, к устранению выявленных нарушений законов, привлекать к ответственности должностных лиц; направлять заявителям мотивированные, со ссылкой на закон, ответы; добиваться, чтобы каждая жалоба находила правильное и окончательное решение на местах; разбираться с конкретными случаями необоснованного отклонения жалоб и принимать меры к устранению причин, повлекших принятие ошибочных решений; решительно искоренять проявления бюрократизма, волокиты, бездушного отношения к заявителям.

Часть 2 отмеченной статьи устанавливала, что прокуроры проводят личный прием граждан. Независимо от ранее принятых решений отказ в приеме от граждан жалоб не допускался [10, с. 63–64].

В жалобах, направляемых в органы прокуратуры, граждане более чем в 50% случаев указывали на нарушения их трудовых и жилищных прав. Они часто выражали возмущение существующими порядками работы с ними государственных и общественных органов, безответственным отношением должностных лиц к их правам и законным интересам. Много критических замечаний высказывалось и в адрес прокуратуры [22, с. 3]. В 1986 г. в органы прокуратуры поступило 1,1 млн. обращений, а в 1987 г. – 1,2 млн. [8, с. 65].

После распада СССР на территории Российской Федерации продолжали действовать некоторые законодательные акты Союза ССР, так как регулируемые ими вопросы не нашли еще своего нормативного закрепления в российском законодательстве. По сути, действовавшее законодательство о рассмотрении обращений граждан, за исключением Конституции Российской Федерации, не представляло собой стройной системы норм, объединенных в рамках одного или нескольких специальных федеральных законов. Процедура подачи и рассмотрения обращений граждан регламентировать более чем 80 различными нормативными актами, что существенно затрудняло реализацию права граждан на обращения. Все эти правовые нормы нуждались в систематизации на базе общих принципов и концепций [13, с. 67].

Прокуроры при работе с обращениями руководствовались Конституцией Российской Федерации, ст. 9 «Рассмотрение и разрешение в прокуратуре заявлений и жалоб» Закона Российской Федерации от 17. 01. 1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», определившей, что в органах прокуратуры в соответствии с ее полномочиями разрешаются неподведомственные суду заявления и жалобы, содержащие сведения о нарушениях закона, а также жалобы на вступившие в силу судебные решения от лиц, имеющих процессуальное право их обжаловать.

После внесения в Закон «О прокуратуре Российской Федерации» изменений и дополнений

и принятия новой редакции Федерального закона от 17.11. 1995 № 168-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в него была включена ст. 10 «Рассмотрение и разрешение в органах прокуратуры заявлений и иных обращений», ставшая основанием для работы прокуроров с обращениями граждан. Но одновременно все более остро встал вопрос о необходимости принятия федерального закона, регулирующего порядок рассмотрения обращений граждан.

В первоначальной редакции закон был принят Государственной Думой еще 15 ноября 1996 г., однако только после многочисленных отклонений и доработок 2 мая 2006 г. законодатель принял Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В этом законе конституционная норма – право на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления, логично интегрируясь в систему норм, составляющих гл. 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина», создает условия для широкого привлечения к правоохранительной и правозащитной деятельности и отдельных граждан, и их объединений и, как показывает правоприменительная практика, превращается в действенный элемент системы защиты их прав, свобод и законных интересов, органами государственной власти, в том числе органами прокуратуры.

В современный период деятельность прокуратуры и прокуроров по работе с обращениями граждан регулируется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», приказом Генерального прокурора РФ от 30.01. 2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции и порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации», приказом Генерального прокурора РФ от 07.05.2010 № 195 «О мерах по совершенствованию взаимодействия с общественными организациями ветеранов и пенсионеров прокуратуры», приказом Генерального прокурора РФ от 08.12. 2010 № 435 «Об участии прокуроров в работе мобильной приемной Президента Российской Федерации, приемных Президента Российской Федерации в федеральных округах и административных центрах субъектов Российской Федерации», приказом Генерального прокурора РФ от 31. 05. 2011 № 153 «Об организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» и рядом других нормативных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. То есть можно заключить, что в стране создана достаточная правовая база для организации соответствующей требова-

ниям времени работы органов прокуратуры с обращениями граждан.

Основанные на соответствующей нормативно-правовой базе, в последние годы органы прокуратуры все более активизируют и совершенствуют свою деятельность по рассмотрению обращений и приему граждан в целях защиты их конституционного права на обращение, считая работу с обращениями граждан одним из приоритетных направлений в деятельности прокуратуры.

Так, анализ статистических данных за 2012 г. свидетельствуют об устойчивой тенденции роста количества жалоб и заявлений. Всего в органы прокуратуры поступило 3637314 обращений, что на 3,9% больше, чем в 2011 г. (3500 304). Обращения в основном рассматривались своевременно и качественно.

Ежегодно растет число граждан, обратившихся на личный прием в органы прокуратуры Российской Федерации. В 2013 г. прокурорами принято 1005975 человек, в 2012 г. – 950589, увеличение составило 5,8%. Наибольшее количество граждан обратилось на личный прием в прокуратурах: Московской области – 60156 (в 2012 г. – 53 361), г. Москва – 54716 (53301), Краснодарского края – 43018 (45291), Свердловской области – 28777 (28984), Республика Татарстан – 28572 (27733).

Лично прокурорами и их заместителями в 2013 г. принято 330318 человек, или 32,8% (в 2012 г. – 305560, или 32,1%). Руководителями большинства прокуратур уделяется необходимое внимание организации личного приема граждан. Высока доля принятых граждан прокурорами и их заместителями в прокуратурах: республик Саха (Якутия) – 72,3%, Алтай – 70,23%, Северная Осетия – Алания – 67,3%, Коми – 50,64% и Псковской области – 66,4%.

Только в первом полугодии 2014 года в органы прокуратуры поступило около 2 млн. обращений, что на 1,9% превысило показатели прошлого года. При этом наибольшая активность граждан проявлялась в Центральном, Приволжском и Сибирском федеральных округах.

По результатам рассмотрения этих обращений в целях устранения и пресечения нарушений законности использовался весь спектр мер прокурорского реагирования. Так, количество направленных в суд исков превысило 126 тысяч, по результатам удовлетворения каждого третьего обращения прокурорами вносились представления об устранении нарушений закона, их число составило более 65 тысяч. Кроме того, в ходе проверок инициировались административные дела, вносились протесты и предостережения.

Снизилось количество повторных жалоб на отказ в удовлетворении ранее разрешенных, что является важнейшим показателем качества проводимой работы по рассмотрению обращений. Луч-

шие результаты показали прокуратуры республик Адыгея, Ингушетия и Чечня.

Наиболее часто граждане обращались с жалобами на нарушения трудового, жилищного, земельного законодательства, интересов несовершеннолетних, бездействие судебных приставов-исполнителей, по вопросам пенсионного обеспечения, окружающей среды и природопользования.

Вместе с тем представляется, что необходимо расширить практику использования прокурорами различных форм организации приема граждан. Активизировать участие в выездных приемах, в работе приемных Президента Российской Федерации, уделять больше внимания вопросам оказания правовой помощи населению. В целях оперативного получения информации о нарушениях прав и законных интересов граждан использовать возможности «горячих линий», «телефонов доверия».

В целях устранения нарушений действующего законодательства по результатам рассмотрения жалоб принимать весь комплекс мер прокурорского реагирования. Практиковать рассмотрение обращений граждан с привлечением специалистов контролирующих органов. Добиваться фактического устранения нарушений закона при направлении обращений для рассмотрения в компетентные органы, осуществляя должный контроль за их разрешением.

В работе с обращениями активной реализовывать полномочия, предоставленные органам прокуратуры приказом Генерального прокурора РФ от 17.09.2007 № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшения взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления». Активнее использовать возможности сайтов прокуратур, средств массовой информации для разъяснения законодательства.

Полагаем, что осуществление прокурорами всех уровней указанных мер будет способствовать повышению эффективности деятельности прокуратуры по реализации гражданами своего права на обращение в органы государственной власти, местного самоуправления и, в конечном счете, повысит уровень доверия населения к прокуратуре современной России.

Библиографический список

1. *Алистратов Ю.Н.* Право граждан на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.
2. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учеб. для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998.

3. *Беляков П.А.* Право человека на обращение в до-революционной России и прокуратура // Актуальные вопросы российского права: сборник научных статей. – Вып. 26. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1968. – № 17. – Ст. 144.
5. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – № 49. – Ст. 843.
6. Ежедельник советской юстиции. – 1924. – № 16.
7. Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг. – СПб. 1906. – С. 615–667.
8. *Измайлова Ф.Ш.* Производство по делам о решениях и действиях органов власти и местного самоуправления и должностных лиц, нарушающих конституционные права и свободы граждан. Проблемы теории законности, методологии и методики прокурорского надзора. Сб. научных трудов. – М.: НИИ ГП РФ, 1994.
9. *Исаев И.А.* История государства и права России: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2006.
10. Комментарий к Закону о прокуратуре СССР / под ред. А.М. Рекункова. – М., 1984.
11. Конституция Российской Федерации. – М.: Юрид. лит., 1993.
12. *Лебединский В.Г., Каленов Ю.А.* Прокурорский надзор в СССР (очерки по курсу) / под общ. ред. Зам. Генпрокурора СССР В.А. Болдырева. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 232–234.
13. *Любимов А.П.* Проблемы правового формирования лоббизма // Государство и право. – 1999. – № 7.
14. Министерство юстиции за сто лет. – СПб., 1902.
15. *Мионов М.А.* Обращения граждан: организация и порядок рассмотрения: сб. нормативных актов. – М., 2001.
16. ПСЗРИ. – Т. XVI. – № 11867.
17. Российское законодательство X–XX веков Т. 3. – М., 1985.
18. *Савосина Н.Г.* О некоторых аспектах правового регулирования права граждан на обращение в органы государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 9.
19. Сборник циркуляров и разъяснений Прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 сентября 1936 г. / под ред. и с предисловием Прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского. – М., 1936.
20. СЗ СССР. – 1936. – № 31.
21. Справочник для судебно-прокурорских работников. – М.: Госюриздат, 1949. – Т. 3.
22. *Соболева С.Б.* Законность разрешения обращений граждан как фактор обеспечения их социальной защищенности (деликтологический и прокурорско-надзорный аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990.
23. Собрание узаконений. – 1905. – № 30. – Ст. 245.
24. *Хаманева Н.Ю.* Конституционное право граждан на подачу обращений (проблемы законодательного регулирования) // Государство и право. – 1996. – № 11.

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ Л.А. ТИХОМИРОВА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1905–1906 ГОДОВ В РОССИИ

Статья посвящена проблемам государственного единства в политико-правовых воззрениях видного политического публициста и ученого Л.А. Тихомирова. Анализ работ данного мыслителя показывает, что он последовательно, даже в период увлечения революционными идеями, отстаивал идею государственного единства России. Указывая на опасность центробежных тенденций в обширных многонациональных государствах, Тихомиров выработал рекомендации к сохранению их территориальной целостности. Сохранение единства Российской империи виделось учёному достижимым при условии развития правительством объединительной тенденции, связанной с поддержкой государствообразующей нации, общегосударственного языка и культуры. Вторым залогом территориальной целостности Тихомирову представлялась так называемая этическая монархия. Особенность такой специфической формы правления заключалась в рассматриваемой политико-правовой концепции в единоличной власти, опирающейся не на бюрократию, а на «народный дух», нацию. В этой связи глубокое неприятие вызвали у ученого политические реформы 1905–1906 гг., одним из основных направлений которых было введение в российскую политическую систему начал парламентаризма. Парламентаризм в данной связи рассматривался как конец единоличной власти монарха, без которой территориальная целостность находится в опасности. Кроме того, Тихомирову представлялось нецелесообразным допускать к решению общегосударственных дел представителей государственных окраин, склонных к сепаратизму. Острой критике ученого подверглись также основные законы 1906 года. В частности, он указывал на неконкретность и нелогичность формулировок, закрепляющих принцип единства Российской империи. Не ограничиваясь критикой действующего законодательства, Тихомиров предлагает свои проекты основных законов, выражая в последних свои принципы этической монархии и государственного национализма.

Ключевые слова: Л.А. Тихомиров, государственное единство, территориальная целостность, центробежные тенденции, сепаратизм, парламентаризм, Российская империя.

Для многих стран современного мира со всей актуальностью встает вопрос сохранения государственного единства. Данная проблема возникает в государствах независимо от их принадлежности к тому или иному континенту, главенствующего экономического уклада или политического режима. В юридической литературе государственное единство понимается как отказ от каких-либо проявлений сепаратизма, то есть такой политики в отдельных частях государства, которая не учитывает интересов всего государства, противопоставляя им местные интересы [4, с. 144]. Также отмечается, что государственное единство предполагает весьма значительный объем и высокий уровень согласованных позиций, интересов и отношений между институтами государственности, взаимосвязанных с политической и правовой системами, а также с гражданским обществом на основе взаимодействия в разрешении конкретных проблем общественного развития, что обеспечивает устойчивую структуру власти и властных отношений в государстве, его территориальную целостность [5, с. 13]. Как можно заметить, вопрос территориальной целостности является ключевым в проблеме государственного единства, в этой связи данные термины зачастую используются в одном и том же контексте.

Не обошёл своим вниманием проблему государственного единства России видный политический публицист, ученый и общественный деятель Л.А. Тихомиров (1852–1923). Внимание к подоб-

ным вопросам вообще было характерно для ученых и общественных деятелей консервативного, монархического направления, к которому принадлежал Тихомиров. Вместе с тем, к таким «охранительным», как тогда их характеризовали [1, с. 161], убеждениям он пришёл не сразу, пережив в молодости период увлечения революционными идеями. Так, до 1888 года Тихомиров принадлежал к организации «Народная воля», после чего отрекся от революционной линии и был помилован. Отход от революции не был следствием малодушия, но представлял собой итог глубокого переосмысления взглядов на государство и право, изложенного ученым в работе «Почему я перестал быть революционером». Из указанной работы можно заключить, что государственное единство России всегда рассматривалось Тихомировым как непреложная ценность: «...В мечтах о революции есть две стороны. Одного прельщает больше сторона разрушительная, другого – построение нового. Эта вторая задача издавна преобладала во мне над первой. Напомню только просто, что вполне сложившиеся идеи общественного порядка и твердой государственной власти издавна отличали меня в революционной среде; никогда я не забывал русских национальных интересов и всегда бы сложил голову за единство и целостность России» [8, с. 32]. Более того, ученый настолько предан идее государственного единства, что предполагает верность данному принципу и у других революционеров: «Собственно, патриотизм русский, и даже в смысле охраны

единства России, мог бы проявиться и у наших радикалов и социалистов, если бы они восторжествовали. Вспоминаю наши радикальные времена. Наиболее крупные люди, как А. Михайлов, Желябов и т.д., конечно, постояли бы – если бы были у власти – за единство России» [14, с. 160].

Затронутая проблема, как отмечено Тихомировым, особенно актуальна для обширных государств: «В течение долгой исторической жизни великие государства вводят в пределы своей территории не только различные племена, но и целые национальности, нередко обломки бывлой государственности, весьма отличной от той, в область мощи которой привела их потом историческая судьба. Всё это вводит в государственную жизнь множество элементов разномыслия, раздоров и даже внутренней борьбы. Задачей национальной политики является – справиться с этим затруднением и победить его созданием внутреннего единства» [9, с. 575]. При этом сам по себе многонациональный состав государства не представляется опасным, если центробежные силы сдерживаются некоторой объединяющей силой: «Само по себе существование племенных особенностей не только не вредит единству государства, а даже служит полезным источником разнообразия национального и государственного творчества. Но необходимо, чтобы при этом была некоторая общая сила, сдерживающая племенные и вообще партикуляристские тенденции» [9, с. 575]. Единство Российской империи, по мнению Тихомирова, возможно исключительно при ведущей роли или гегемонии русской нации, которую мыслитель считал государствообразующей [7, с. 175]: «Империя создана русскими и без них непременно должна распасться. Единый центр Империи может быть или русским, или его совсем не может существовать... Вообще никакой другой объединяющей силы, кроме национально русской, у нас не может быть. Для России поэтому нужна гегемония русского народа» [12]. Данный тезис ориентировал на устройство верховной власти в едином консолидирующем духе, при котором страна должна «устроиться сообразно русской исторической идее» [12]. По мнению ученого, политика современного ему Российского государства не позволяет достигнуть этой цели, пренебрегает интересами государствообразующей нации и в перспективе может привести к разрушению империи [7, с. 175]. В этой связи власть должна заботиться о том, чтобы объединительная тенденция, связанная с общегосударственным языком, общей культурой, совместным трудом была сильнее центробежных стремлений. В конечном итоге это объединительное движение должно привести к слиянию «всех народностей государства в одну великую нацию» [9, с. 579].

Нация в теоретических построениях мыслителя является первым элементом структуры «нацио-

нально-государственного тела» [9, с. 32]. В том случае, если государственная власть опирается не на нацию, это ведет к её ослаблению и конечном итоге – распадению государства на части под воздействием центробежных сил, как это случилось в Византии. Данная империя строилась не из нации, но образовывала «особую правящую корпорацию чиновников-политиков, которые действовали от имени императора» [9, с. 175]. Подобную же проблему видит Тихомиров и для современной ему Российской империи. Сохранить целостность империи и успешно противостоять сепаратистским выступлениям, по мнению мыслителя, может так называемая этическая монархия: «Чем сложнее внутренние отношения и споры в империи, среди её 70 племен, множества вер и неверия, борьбы экономических, классовых и всяких прочих интересов, тем необходимее выдвигается единоличная власть, которая подходит к решению этих споров с точки зрения этической» [9, с. 349]. Этичность монархии в данном случае проявляется в опоре не на бюрократию, а прежде всего, на «народный дух», во взаимодействии с нацией. Движение в сторону «этической» монархии представляется ученому истинным направлением в сторону демократизации, способным обеспечить целостность империи. В противовес этому внедрение в государственный механизм парламентаризма и децентрализации власти являет собой направление на либерализацию и чревато развитием сепаратизма окраин [2, с. 18].

Тихомиров был, безусловно, убежден, что единство империи может обеспечиваться в силу её многообразия только сильной централизованной властью, и в этой связи крайне негативно оценил изменение государственного строя, вызванное Манифестом 17 октября 1905 г. Целостность государства была теперь в серьезной опасности, поскольку империя, по его мнению, не могла существовать без возможности «моментального создания диктатуры» [3, с. 460].

Характерно, что Тихомиров не только теоретически осмысливал современные ему государственно-правовые институты, но и критиковал действующие нормативно-правовые акты, предлагая внести в них соответствующие изменения. Так, недоумение вызывала у него исходная норма статьи первой основных законов 1906 года: «Государство Российское едино и нераздельно». Вероятно, что данное положение считалось само собой разумеющимся. Вторая же статья, по мнению Тихомирова, противоречила первой, поскольку говорила об особом статусе Финляндии и ставила под сомнение единство Российской империи, несмотря даже на определение в третьей статье русского языка в качестве общегосударственного [6, с. 191–192].

В этой связи Тихомиров в своей работе «Недостатки узаконений 1906 года» замечает: «Единство

государства выражается совсем не в единстве языка, а в единстве закона и управления, а, следовательно, в единстве Верховной Власти. Когда есть последнее – есть и единство. Когда нет единства Верховной Власти – нет единства государственного» [10]. Однако введенные в государственный механизм начала парламентаризма, по мнению мыслителя, подрывали основы единства Верховной Власти. Речь идет о ситуации, когда разные по национальности, вероисповеданию, политическим предпочтениям депутаты пытаются согласовать свои мнения по важнейшим государственным вопросам, что вело к ослаблению, а в перспективе к возможному раздроблению России [6, с. 205, 207].

Выходом в данном случае, по мнению Тихомирова, является предоставление политических прав исключительно русскому населению как создавшему «своим духом и трудами» Империю, а также подданным иных национальностей за особые заслуги перед государством [6, с. 209]. Подданные же других национальностей, чуждые, как представляется мыслителю, Русской государственности, «получают только личные права, необходимые для исполнения обязанностей честной и добропорядочной жизни всякого человеческого существа. Политических же прав Государство им не дает» [11]. Таким образом, проблема согласования разнонаправленных волей в представительном органе устранилась, порождая, однако, с большой долей вероятности недовольство подданных нерусской национальности.

Возвращаясь к начальным тезисам Тихомирова, отметим также, что гегемония русской нации, по его мнению, требует закрепления на самом высоком уровне, в первой статье основных законов: «Государство Российское есть достояние не иной какой-либо народности, как именно русской». Данное положение поставлено даже перед провозглашением принципа Верховной Власти Императора, помещенного во второй статье проекта изменений в Основные Законы [6, с. 193].

Судя по всему, Тихомиров, как и другие мыслители консервативного направления [13, с. 161], осознавал, что Россия находится в том состоянии, когда политическими реформами, особенно такими, которые были предприняты в 1905–1906 гг., не представлялось возможным решить существующие проблемы, в том числе проблему государственного единства империи. Все его устремления были направлены к укреплению Российской государственности, монархической власти и государственного единства. Идеолог монархической государственности не шел на компромиссы в обосновании своей во многом утопической политико-правовой концепции. В этой связи и его теорети-

ческие работы направлялись, по всей видимости, искренним стремлением оградить Российскую империю от различных внешних и внутренних разрушительных тенденций, одной из которых, безусловно, являлся сепаратизм. Несмотря на то, что большинству идей Тихомирова не суждено было быть реализованными, анализ творческого наследия этого публициста и ученого представляется весьма интересным и полезным, особенно в свете кризиса государственности во многих современных странах.

Библиографический список

1. Биюшкина Н.И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса: 1870–1890 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. – Н.-Новгород, 2012. – 689 с.
2. Карцов А.С. Политическая теория Л.А. Тихомирова: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 1998. – 64 с.
3. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма: II половина XIX – начало XX веков: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 596 с.
4. Конституционное право: энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: НОРМА, 2001. – 688 с.
5. Левакин И.В. Государственное единство России: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 304 с.
6. Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 2004. – 273 с.
7. Тимохина Е.А. Лев Тихомиров и русский консерватизм рубежа XIX – XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. – Самара, 2001. – 223 с.
8. Тихомиров Л.А. Критика демократии. – М.: Москва, 1997. – 672 с.
9. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 624 с.
10. Тихомиров Л.А. Недостатки узаконений 1906 года // Московские ведомости. – 1912. – 16 июня.
11. Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gosudarstvo.voskres.ru/tikh/tikh6.htm> (дата обращения: 08. 11. 2014).
12. Тихомиров Л.А. Спасаящая личность и спасающая идея // Московские ведомости. – 1912. – 15 июня.
13. Цыганов В.И. К.П. Победоносцев об опасностях парламентаризма в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – №2. – С. 159–161.
14. Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: дис. ... канд. истор. наук. – М., 2010. – 352 с.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНОГО НАПИТКА В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРЕДМЕТ И СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос о предмете и составе преступления, которым в период раннего средневековья на мусульманском Ближнем Востоке считалось употребление спиртного напитка. Автор анализирует подходы различных правовых школ, оформленных как в рамках суннизма, так и в правовой традиции шиизма. В исследовании констатируется присутствие в исламском праве таких направлений, положения которых не предусматривали уголовное наказание за употребление алкогольного напитка. Особое внимание уделяется тем источникам исламского законодательства, на основании которых нормы об уголовной наказуемости были теоретизированы мыслителями-правоведами Арабского халифата. Подчеркивается важность аналогии и прецедента в процессе поэтапного и постепенного оформления основных положений о данном виде преступного деяния. Автор раскрывает различные подходы теоретиков исламской системы правосудия к вопросу о видах алкогольного напитка, запрещенного для потребления. В статье констатируется, что в вопросе о составе рассматриваемого вида преступления важная роль отводилась определению признаков преступного деяния, подход к которым также изменялся в различных правовых школах. Автор затрагивает аспекты действовавшего уголовного законодательства, которые позволяли избежать уголовного преследования за распитие алкогольного напитка. В исследовании также подчеркивается актуальность изучения обозначенной проблемы для российской юридической науки.

Ключевые слова: мусульманское право, употребление спиртного напитка, ханафитская правовая школа, маликитская правовая школа, ханбалитская правовая школа, источник права, предмет преступления, состав преступления.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, хотелось бы особо подчеркнуть один немаловажный момент. В данном исследовании речь идет исключительно о классическом мусульманском праве, сложившемся в эпоху раннего средневековья, а вопросы модернизации и современного влияния на формирование положений данной правовой семьи не затрагиваются. Напомним, что согласно установившейся в правоведении традиции, под классическим исламским правом понимают ту систему законодательства, а также развитую правоведами-мыслителями теоретическую базу правосудия, которые были характерны для мусульманской общины до падения столицы Арабского халифата Багдада в 1258 г. под натиском монголов.

Употребление спиртного напитка в исламской правовой доктрине в рассматриваемый отрезок времени считалось уголовно наказуемым деянием. Пожалуй, единственным исключением из данного правила был бекташизм, в правовых рамках которого оформился свой подход к рассматриваемому нами вопросу [9, с. 77]. Напомню, что бекташизм, иногда его именуют алевизм – это течение в исламе, распространенное на территории современной Турции, а также в Албании, Боснии и Герцеговине. Все остальные правовые школы, сложившиеся как в суннизме, так и в шиитском мире, в эпоху раннего средневековья рассматривали употребление алкогольного напитка в качестве преступления.

Предметом данного вида преступления являлся напиток, полученный путем брожения. Напомню, что современная юридическая наука под понятием предмет преступления понимает «вещи

материального мира или интеллектуальные ценности, воздействуя на которые преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом» [6, с. 115].

Уголовная ответственность за употребление спиртного напитка на мусульманском Ближнем Востоке оформилась поэтапно. Как констатируют исследователи мусульманской системы правосудия, «первоначально в трактатах мыслителей всего лишь оговаривались напитки, полученные в результате брожения винограда и фиников; впоследствии они стали указывать на нежелательность их употребления, ссылаясь на источники права; затем был введен запрет на появление членов общины в храмах и осуществление обрядов в нетрезвом виде; на следующем этапе употребление спиртных напитков было запрещено; и, наконец, было принято решение о введении наказания за их употребление» [7, с. 37]. Данная точка зрения видится вполне состоятельной, так как в основных источниках мусульманского права указывается лишь на нежелательность употребления спиртного напитка.

Так, в одном из аятов распитие вина наравне с азартными играми обозначено как деяние, от которого правоверному мусульманину необходимо воздерживаться. Это объясняется тем, что с помощью вина «в общину приносится ненависть и вражда» [11, с. 32]. В конце данного аята содержится вопрошание к читателям: «Отказались ли вы от этих деяний?» [11, с. 32]. Известны также многочисленные хадисы, осуждающие распитие вина. Напомню, что из хадисов состоит второй по важности источник мусульманского средневекового законодательства – Сунна. Так, наибольшую по-

пулярность получил хадис, в переводе на русский язык звучащий примерно так: «Все, что опьяняет человека – хамр. Хамр – это всегда грех» [11, с. 32]. Стоит особо подчеркнуть, что *хамр* в арабском языке раннего средневековья обозначал алкогольный напиток.

Как констатируют российские исследователи мусульманского уголовного права, в период раннего средневековья правоведы-мыслители Арабского халифата не различали понятия *преступление* и *вина* [4]. Добавим, что нередко наравне с вышеуказанными понятиями употреблялся термин *грех*, которым и считалось, как указано выше, употребление опьяняющего напитка. Однако данное обстоятельство требует пояснения. Понятия *грех*, *греховность*, *грешный* и т.д. более применимы к так называемому *фикху*, под которым понимались также и морально-этические нормы, а не только санкционированные государством юридические регуляторы общественных отношений [10, с. 29]. В ближневосточной раннесредневековой традиции считалось, что за такие формы *греха* как, например, потребление в пищу свинины, непослушание родителей, ростовщичество и т.д. человек будет отвечать в загробном мире. Санкции со стороны органов власти за данные грехи не предусматривались. Однако были и такие формы *греха*, как, например, употребление спиртных напитков, распутный образ жизни и т.д., которые несли с собой уголовную ответственность. Считается, что причина тому, что не все формы *греха* были уголовно наказуемы, кроется в том, что разнообразные деяния несли в себе различную степень угрозы для эрозии сложившихся общественных отношений.

Итак, как говорилось выше, в двух основных источниках исламской правовой доктрины констатируется нежелательность употребления спиртного напитка и греховность данного поступка. Идея о том, что распитие спиртного напитка представляет собой уголовно наказуемое деяние, была развита несколько позднее в ходе формирования правовых школ. Одновременно с этим в среде теоретиков мусульманского права обсуждался и детализировался предмет преступления.

Мыслителями-правоведами из числа приверженцев ханафитской правовой школы было развито положение, согласно которому, под понятием *хамр* следует понимать, прежде всего, «напиток, приготовленный на основе брожения зрелого винограда» [11, с. 32]. Вопрос о том, необходимо ли причислять к понятию *хамр* другие виды алкогольных напитков, как считают исследователи, в трактатах ханафитов не получил должного внимания и обоснования. Считается, что сторонники ханафизма предлагали судьям Арабского халифата решать проблему, отталкиваясь от *кияса*. Напомню, что в мусульманском законодательстве *кияс* рассматривался как аналогия [5, с. 124], реже – в каче-

стве прецедента [3, с. 47]. В ханафитской правовой школе *кияс* считался важным источником права, наряду с Кораном, Сунной и иджмой входящим в группу так называемых основных источников права [2, с. 21]. Добавлю, что некоторые известные мыслители-правоведы из числа сторонников ханафизма, предлагали не считать правонарушением употребление других алкогольных напитков, кроме виноградного вина, в том количестве, которое не оказывает существенное влияние на рассудок человека [11, с. 33].

Необходимо подчеркнуть, что ханафитская правовая школа многими отечественными исследователями исламского права характеризуется как относительно либеральная, открытая к диалогу с другими формами права, например, с нормами и положениями обычного права. Так, например, приверженцы ханафизма признавали традиции и обычаи народов, населяющих бескрайние широты севернее Арабского халифата в качестве источника права. Это объясняется тем, что ханафизм по своей природе был нацелен на расширение территории империи арабов. Благодаря гибкости в вопросах правоприменительной практики, как считают российские специалисты, ханафитской правовой школе удалось упрочить свое влияние среди тюрков-кочевников, что в дальнейшем позволило данному направлению исламского права стать доминирующим в Османской империи [3, с. 39–51]. Примерно такой же позиции придерживаются и зарубежные исследователи. Как удачно заметил современный известный турецкий исследователь исламского права Э. Экинджи, сравнивая основные суннитские правовые школы, «ханафитская концепция рациональна, она в первую очередь защищает интересы собственника и индивида; шафиитское направление диалектично и чрезвычайно академично; маликиты – известные аристократы, а ханбалиты – еще те консерваторы» [8, с. 80].

Тем не менее, значительная часть мыслителей-правоведов средневекового Ближнего Востока рассматривали употребление любого алкогольного напитка в качестве предмета преступления. Ими было семантически расширено понятие *хамр*, которое включало в себя «любой напиток, после распития которого человек становится пьяным» [11, с. 33]. Так, например, основоположник маликитской правовой школы Малик ибн Анас (713–795 гг.) полагал, что ограничиваться исключительно вином, полученным из винограда, в корне неверно, так как в тот момент, когда формировалась норма о нежелательности употребления спиртных напитков, арабы Медины вообще не знали вкус данного напитка. Малик ибн Анас утверждал, что аравийские арабы в начале VII в. до принятия ислама употребляли финиковое вино [11, с. 33].

Как известно, в юридической науке под понятием *состав преступления* понимается совокупность

объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление. Признак преступления рассматривается как «обобщенное юридическое значимое свойство, присущее всем преступлениям данного вида» [6, с. 98]. Так, например, признаком кражи выступает тайное хищение чужого имущества с причинением имущественного ущерба.

В эпоху раннего средневековья в рамках сравнительно молодой еще правоведческой науки, зародившейся в Багдаде, Медине и Мекке, оформился своеобразный подход к вопросу о том, благодаря каким признакам употребление спиртного напитка может квалифицироваться как уголовно наказуемое деяние. Мыслители-правоведы Арабского халифата выделяли два таких признака, в совокупности образующих состав рассматриваемого нами вида преступления: во-первых, сам факт употребление алкогольного напитка, и, во-вторых, умышленность в исполнении деяния [11, с. 35].

Итак, для того чтобы распитие спиртного напитка несло уголовную ответственность, как полагали мыслители прошлого, должен был присутствовать сам факт употребления данного напитка. Хранение, сбыт или транспортировка напитка преступлением не считались. Подавляющее большинство теоретиков законодательных норм полагали, что факт опьянения от употребления напитка не играл существенной роли в определении вины человека. Однако как говорилось выше, приверженцы ханафитской правовой школы в качестве запрещенного не признавали другие напитки кроме вина, полученного на основе винограда. В силу этого, как констатируют исследователи, в том случае, если подозреваемый употребил не виноградное вино, а любой другой спиртной напиток, присутствие алкогольного опьянения необходимо для возбуждения дела. В данном случае судье в вынесении вердикта предлагалось отталкиваться от аналогии или прецедента. В рамках развитой собственной концепции определения факта употребления спиртного напитка ханафитами были теоретизированы так называемые «условия употребления напитка» и «условия алкогольного опьянения», которые рассматривались по отдельности [11, с. 35].

Мыслителями-правоведами раннесредневекового Ближнего Востока не был обойден вопрос и о способах потребления алкогольного напитка. Так, сторонники ханафизма и маликизма настаивали на том, чтобы считать преступным деянием употребление напитка «через рот». Все другие способы они не рассматривали в качестве преступления. Шафииты и, особенно, ханбалиты не разделяли данную точку зрения, полагая, что все способы потребления алкоголя должны быть уголовно наказуемы. Напомним, что ханбалитская правовая школа – наиболее консервативная из числа суннитских школ, получившая широкое распространение

только в Аравии [3, с. 64–70]. В этой связи заслуживает интереса и проблема потребления наркотических веществ. В целом, в виду того, что, как полагали мыслители-правоведы прошлого, наркотические вещества не потреблялись в той же форме, что и спиртные напитки, а также по причине их отличного от жидкости физического состояния, наказание за их потребление должно регулироваться отдельными правовыми нормами [11, с. 36].

Вторым важным признаком состава рассматриваемого нами вида преступления, как считали приверженцы всех правовых школ раннесредневекового исламского права, являлось умышленное исполнение деяния. Под этим подразумевалось, что виновный в совершении преступления, во-первых, знал, что употребляемый им напиток содержит алкоголь, и, во-вторых, отчетливо осознавал, что распитие данного напитка наказуемо. Как констатируют исследователи, в том случае, если обвиняемый не знал о том, что потребляемый им напиток содержит алкоголь и может доказать этот факт, употреблял его под угрозой для собственного здоровья и жизни, или же, по причине отсутствия воды и других напитков, ответственность с него, как правило, снималась. Также не возбуждалось дело и в том случае, если употребление алкоголя было необходимо по медицинским причинам. Не привлекался к уголовной ответственности несовершеннолетний член общины и человек, страдающий психическими расстройствами. Освобождался от ответственности и человек, исповедующий любую другую религию. Данные положения, как известно, регулировались процессуальным законодательством Арабского халифата. Однако если обвиняемый знал о том, что потребляемый им напиток содержит алкоголь, однако не подозревал о том, что его употребление уголовно наказуемо, в большинстве случаев данный факт не считался поводом для оправдания. Это было обосновано тем, что «человек, родившийся и выросший в мусульманской общине обязательно должен знать хотя бы основы исламского права» [11, с. 36].

Понимание особенностей уголовного правосудия, оформившегося в рамках мусульманской правовой семьи, а также всех сопряженных с данным понятием правовых реалий в исламском мире чрезвычайно важно для российской юридической науки. Для мусульманской религии характерна одна важная особенность. Исламу не свойственно присутствие церкви как некой организационно-иерархической структуры со своими многочисленными титулами и почетными должностями (санами), мощным управленческим аппаратом и уединенными монастырями. Как справедливо пишут российские исследователи, отсутствие церкви как особой организации, через которую можно обрести спасение, приводит к тому, что «какой бы деятельностью ни занимался мусульманин, она рассматри-

вается им как реализация миссии, возложенной на него Богом в этом мире» [1, с. 69]. По этой причине нормы поведения приверженца мусульманской религии демонстрируют некую устойчивость, относительно слабую восприимчивость к внешним факторам. Более того, понимание данных норм поведения лежит через постижение уголовных аспектов исламской правовой доктрины.

Библиографический список

1. Кудряшова И.В. Ислам и политика в странах мусульманской традиции: параметры и вариативность взаимодействия // Политические системы и политические культуры: сборник учеб. материалов. – М.: МГИМО МИД России, 2008. – С. 66–112.
2. Миннихметов Р.А. К вопросу об основных источниках мусульманского права и их систематизации // Евразийский гуманитарный форум. – 2013. – №1. – С. 20–27.
3. Миннихметов Р. А., Нуриев Б.Д. История мусульманского права. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 104 с.
4. Миннихметов Р.А., Нуриев А. Д. Понятия «вина» и «преступление» в мусульманском праве раннего средневековья // Вестник Башкирского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 763–766.
5. Момотов В.В., Свечникова Л.Г. Основы исламского законодательства: учеб. пособие. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. – 128 с.
6. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 3-е изд. – М.: Проспект, 2011. – 528 с.
7. Ekinci E. İslam hukuku. – İstanbul: Arı sanat yayınevi, 2006. – 218 с.
8. Ekinci E. İslam hukuku tarihi. – İstanbul: Arı sanat yayınevi, 2006. – 300 с.
9. Rençber F. Alevi geleneğinde “cem evinin” tarihsel kökeni // Din bilimleri akademik araştırma dergisi. – 2012. – №3. – С. 73–86.
10. Türcan T. Fıkıh, hukuk ve islam hukuku / İslam hukuku. – Ankara: Grafikler yayınları, 2012. – С. 27–40.
11. Yıldırım M. İslam hukukunda içki içme suçu ve cezası // Dokuz Eylül üniversitesi İlahiyat fakültesi dergisi. – 2001. – № 8–9. – С. 31–52.

Груздев Владислав Владимировичдоктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе
Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова
bora@kmt.ru

ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Автор статьи рассматривает понятие «правовое состояние личности» и выделяет основные его признаки, рассматривая правовое состояние личности как установленные нормами права или предусмотренные в правовых моделях юридически значимые свойства или системы свойств человека, в определенной момент или период времени обуславливающие возникновение и (или) разрешение и/или возможность возникновения и (или) изменения правовой ситуации. Автор объясняет, что ценность понятия «правовая ситуация» проявляется в его обозначении сформировавшейся картины юридически значимых элементов социальной ситуации в комплексном виде, где отражение получают обстоятельства, предусматриваемые гипотезами различных норм права, в иллюстрации набора не представляемых субъектом, а объективно существующих обстоятельств.

Правовые состояния, по мнению автора, отличаются тем, что они являются не статической, а динамической данностью, движением, изменением, процессом. Особое значение категории «правовое состояние» заключается в том, что она позволяет научно характеризовать процесс изменения и развития юридических явлений, выявлять ту «систему отсчета», по отношению к которой становится возможным фиксировать происшедшие изменения как изменения в состоянии.

Ключевые слова: человек, личность, свойство, правовое состояние, юридическое условие, юридический факт.

Права и свободы человека, гарантии их реализации и защиты являются ключевыми показателями уровня демократизма общества и являются критериями оценки государства в качестве правового и социального. Однако проблемы взаимодействия личности, государства и права данными вопросами далеко не исчерпываются. Связано это с тем, что реализация права зависит не только от наличия самих прав, возникающих на основе норм действующего законодательства, но и от иных факторов, отражающих соотношение реального и идеального положения человека как субъекта права.

В современных условиях интенсификации общественных отношений актуализируется вопрос изучения юридически значимых свойств личности, решение которого способно придать новый импульс познанию глубинных аспектов действия права. Разнообразие свойств человека оказывает определенное воздействие на претворение и воплощение возможностей, заложенных в правоспособность и субъективные права, в действительность — реальное поведение субъекта. Многоаспектность правовых интересов личности предопределяет исследование правовых явлений, с которыми связано их практическое удовлетворение.

Необходимость реализации гражданами равных возможностей обуславливает юридическое закрепление правовых средств, которые способны их обеспечить. Особое место занимают нормативные модели правовых состояний личности, позволяющие не только сообщить или отразить определенные свойства (характеристики) человека, придать им юридическую значимость, но и создать условия возникновения последующих юридических эффектов. Их важность проявляется в том, что ожидаемые правовые последствия возникнуть не могут, если необходимые свойства

личности остаются без соответствующего правового опосредования.

Указанные обстоятельства обуславливают исследовательский интерес к понятию правового состояния личности, поскольку его осмысление позволит не только более эффективно претворять в жизнь идеологию Конституции Российской Федерации, но и упрочить роль права в качестве эффективного средства социального управления.

В российской правовой науке вопросам правового состояния уделялось относительно мало внимания [3; 4; 6; 9; 11; 12; 14; 19]. Следует констатировать отсутствие комплексных монографических работ, в которых логически непротиворечиво раскрывается понятие правового состояния личности, что является фактором, который сдерживает дальнейшее развитие теории правового состояния.

Научное понятие, в отличие от восприятия и представления, отражает и фиксирует не все признаки предметов и явлений, а лишь существенные, т.е. такие, каждый из которых необходим, а все вместе взятые достаточны, чтобы с их помощью можно было отличить данный предмет от всех остальных. Следовательно, раскрыть содержание понятия «правовое состояние личности» означает выявить основные, существенные признаки явления или отношения, существующего между рядом явлений, отраженных в данном понятии.

Любое явление, как правило, обладает множеством разнообразных свойств, которые в своем сочетании образуют их общий комплекс. Свойство — это качество, признак, который составляет отличительную особенность явления [13, с. 704]. В случае отбора по определенным критериям тех или иных свойств явления, вполне возможно выделение отдельных видов состояния. Другими словами, разнообразные явления постоянно находятся в каком-либо состоянии. При этом они (явления),

обладая множеством различного рода свойств, могут быть как материальными, так и идеальными. Выделенная таким образом модификация состояния явления будет учитывать не весь комплекс свойств, а лишь его часть.

Так, если рассматривать человека, то характеристика его свойств может быть проведена по его биологическим и социальным критериям. Первые проявляются в виде физиологических процессов человека, особенностей его психической сферы, душевного волнения и т.д. Вторые – как известная сумма социальных свойств человека. При этом социальные состояния человека, выражая его основные характеристики, будут выступать одним из условий его деятельности в человеческой среде и служить необходимой предпосылкой достижения тех или иных результатов. Учитывая первые, мы можем говорить о комплексе материальных, физических (фактических) свойств явления (состояние дороги, состояние здоровья и т.д.), рассматривая вторые – судить о комплексе идеальных, общественных свойств феномена (состояние здравоохранения, состояние экономики и т.д.).

В качестве явлений, имеющих свою систему свойств и, соответственно, различные модификации состояний, могут выступать объекты и субъекты общественной жизни. Все их состояния находятся в зависимости от набора и характера учитываемых свойств объекта или субъекта. Указание на область отношений, где эти свойства будут учитываться, модифицирует общее состояние, обозначая рамки и пределы конкретного вида состояния. Различные вариации свойств носителей состояний позволяют вести речь об экологических, экономических, религиозных, политических, идеологических и других состояниях. Из данного перечня достаточно важными и интересными в научном и практическом отношении являются правовые состояния. Их специфика проявляется в том, что право «накладывается» на все социальные структуры, вызывая в их организации определенные преобразования [10, с. 282]. Соответственно и правовые состояния выступают как форма существующего многообразия состояний.

Социальными (юридическими) и естественными (фактическими) свойствами обладают субъекты права. К субъектам права традиционно относят индивидов, организации и социальные общности. Любому из них присущи следующие признаки: известная внешняя обособленность, персонификация (выступление вовне в виде единого лица) и способность вырабатывать, выражать и осуществлять единую волю [2, с. 276].

Особенности свойств субъектов права выражаются в том, что, с одной стороны, все они обладают юридическим свойством правосубъектности, с другой – некоторым из них присущи определенные особенности фактических свойств, которые

имеют своим источником существующие независимо от права, но учитываемые им факторы, оказывающие определенное воздействие на них как субъектов правоотношений. Особенно это касается граждан. Такие естественные (фактические) свойства при наступлении предусмотренных нормами права обстоятельствах имеют правовое значение, оказываясь способными определять возникновение, изменение и прекращение правовых связей. Признание человека в качестве субъекта права предопределяет рассмотрение не только его социальных, но и естественных (фактических) свойств, которые получают свое отражение в действующем законодательстве. Существование у людей как субъектов права естественных (фактических) свойств не может не привести в право определенную степень личностного элемента. А многообразие и динамизм свойств человека не могут не привести к модификации правосубъектности, в проявлениях которой находит отражение факт существования таких свойств.

С помощью состояния выражается процесс изменения и развития, который, в конечном счете, сводится к изменению не только свойств личности, но и отношений, которые способны придать субъекту новые свойства, что, в свою очередь, приносит последующим отношениям определенную специфику.

Правовые состояния личности нередко выступают не просто в качестве отдельного свойства, а в виде определенной системы свойств, которая выступает как целостность, части которой взаимосвязаны и взаимозависимы. Свойства могут принадлежать различным явлениям, однако создаваемые ими правовые состояния есть реальность, которая имеет вполне самостоятельный характер, структуру и функции. Как особая система, целостность правового состояния личности характеризуется новыми качествами и свойствами, не присущими отдельным частям, но возникающими в результате их взаимодействия в определенной системе связей [5, с. 124]. При этом состояние сообщает его носителю известную характеристику, что позволяет выделить его из круга себе подобных.

На основании изложенного, наличие свойств (системы свойств) человека следует рассматривать в качестве первого признака правового состояния личности.

Одним из признаков правового состояния в литературе предложено считать фиксацию им момента устойчивости в изменении, развитии, движении юридических субъектов и объектов в некоторый момент времени. Обосновывается это тем, что с течением времени признак или группа признаков, характеристик любого объекта или субъекта права претерпевает изменения. Соответственно, значения показателей постоянно меняются. И только при выделении момента покоя, стабиль-

ности в движении и развитии явлений и процессов становится возможным снятие точных характеристик [14, с. 25–26].

Мы полагаем, что акцент в данном определении следует перенести с юридических субъектов и объектов на их свойства, поскольку фиксация момента устойчивости в изменении, развитии, движении проводится непосредственно в их свойствах. Дело в том, что состояние как свойство или система свойств – есть «снятая мерка» явлений в определенный момент их бытия, которая, к тому же, имманентно содержит в себе момент устойчивости данных свойств и отношений. Состояния, в том числе правовые состояния, могут выступать в качестве продолжающихся явлений. Однако существуют юридически значимые состояния, у которых фактор длительности не столь явно выражен. Соответственно, и юридическое значение они приобретают не всегда в значении длящегося явления. Сущность таких состояний – не периодический «срез» данных свойств и характеристик их носителя на протяжении определенного времени, а одномоментная фиксация их проявления и существования.

Например, в соответствии с п. 1 ст. 177 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения. Случаи, когда человек не может в полной мере отдавать отчет в своих действиях, могут быть самыми разными, а степень способности понимать значение своих действий или руководить ими даже на протяжении короткого периода времени неодинаковой. Поэтому Верховный Суд РФ справедливо указал, что во всех случаях, когда по обстоятельствам дела необходимо выяснить психическое состояние лица в момент совершения им определенного действия, должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза¹.

На основании изложенного следует признать, что устойчивость в динамике свойства предельного явления более точно будет отражена, если элементом признака рассматривать не фиксацию момента их устойчивости в изменении, развитии и движении, а фиксацию их наличия (отсутствия) в определенный момент или период времени.

Поэтому в качестве второго признака правового состояния личности следует определить признак наличия (отсутствия) свойств или системы свойств человека в определенный момент или период времени.

По мнению ряда ученых, правовое состояние – это вид социального состояния [3, с. 41; 12, с. 28–29], а не разновидность состояния вообще. Может возникнуть вопрос, каков в таком случае будет ста-

тус таких состояний, как здоровье гражданина или, например, его неспособность понимать значения своих действий или руководить ими?

С одной стороны, сами по себе естественные состояния не являются социальными состояниями, но с другой – в определенных социальных ситуациях они могут иметь известное юридическое значение. Более того, самим фактом их закрепления в праве они трансформируются в правовые состояния.

Важный аспект влияния социального на естественное (биологическое) в человеке состоит в том, что биологическое в человеке осуществляется и удовлетворяется в социальной форме. Природно-биологическая сторона существования человека опосредуется и «очеловечивается» социокультурными факторами. Естественное, трансформируясь в социальное, теряет свою чисто природную определенность, становится внеприродным объектом, сохраняя при этом свои функциональные и генетические связи с остальной природой лишь в той мере, в какой это обусловлено ее новой социальной формой [17, с. 677–678; 18, с. 587–588].

Мы считаем, что те состояния, основой которых являются естественные свойства человека, следует относить к правовым состояниям. Как образно заметил В.И. Синайский, «само по себе никакое обстоятельство не может вызывать юридических последствий, если за таким обстоятельством право не признает свойства производить эти последствия» [16, с. 142–143]. Если право как социальное явление в определенной ситуации придает юридическое значение определенным психофизическим свойствам человека, то наступление предусмотренных нормами права условий трансформирует потенциально юридическое правовое состояние в юридически релевантное правовое состояние. В таком понимании правовое состояние всегда выступает в качестве социального состояния.

Естественные состояния существуют независимо от наличия государства и права, однако некоторые из них законодатель учитывает при нормировании общественных отношений. Не создавая такие состояния, право «открывает» их, придает им правовую окраску и юридическое значение (состояния человека, иные состояния, встречающиеся в природе).

Другие состояния существуют исключительно в правовой сфере. Как правовые образования они конструируются, формируются с помощью права и вне права их бытие невозможно. К ним, в частности, относятся правоспособность, дееспособность, гражданство, судимость и т.д.

Указанные виды состояний в литературе предложено называть естественными и искусственными правовыми состояниями [14].

Естественные, фактические состояния как реальные свойства субъектов нормами права не закрепляются и не устанавливаются, поскольку

право не может воздействовать каким-либо активным образом на состояние здоровья, состояние алкогольного или наркотического опьянения, беременность и т.д., которые существуют объективно и независимо от права. Нормы права лишь могут предусмотреть естественные состояния гражданина, посредством отражения их признаков в своих нормативных моделях. Как реальные свойства конкретного человека, в таких моделях они выступают как определенного рода юридический «слепок» с фактической реальности, характеризующей человека как живое существо.

Правовые состояния отличает то, что они есть не статическая, а динамическая данность. Они – суть движение, изменение, процесс. Поэтому особое значение категории «правовое состояние» заключается в том, что она позволяет научно характеризовать процесс изменения и развития юридических явлений, выявлять ту «систему отсчета», по отношению к которой становится возможным фиксировать происшедшие изменения как изменения в состоянии. Они – явление «текущее» и полифункциональное [4, с. 142–144].

Их «текучесть», на наш взгляд, проявляется в том, что до определенного момента они выступают в значении потенциально юридических состояний. Юридически значимыми естественные состояния становятся при наступлении совокупности необходимых обстоятельств, с наличием которых нормы права связывают те или иные юридические эффекты. После этого они «возвращаются» в первоначальное положение, находясь в статусе потенциальных, до следующего подобного момента.

Что же касается состояний, существующих исключительно в правовой сфере, то право их устанавливает и закрепляет, и они реальны лишь в той же мере, в какой реально само право. Поэтому целесообразно их именовать не искусственными правовыми состояниями, а, собственно, нормативными правовыми состояниями.

Нормативное состояние личности как реальное юридическое свойство устанавливается нормами права, его содержание образуют признаки, которые выступают как заданные, не меняющиеся в зависимости от той или иной ситуации. Иными словами, в данном случае с некоторой долей условности можно поставить знак равенства между признаками нормативного состояния и самим нормативным состоянием.

В то же время, основанием существования нормативных состояний нередко являются их юридически значимые естественные состояния.

Например, ст. 29 ГК РФ определяет, что гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством.

Недееспособность, как нормативное правовое состояние, в данном случае есть результат такого юридически значимого естественного правового состояния человека как непонимание вследствие психического расстройства значения своих действий или неспособность руководства ими.

Появление конструкции нормативного правового состояния обусловлено тем, что она используется законодателем в качестве специального технико-юридического приема для того, чтобы однажды, предусмотрев наличие тех или иных естественных правовых свойств личности, в качестве нормативных состояний, в дальнейшем к ним не возвращаться. В противном случае, каждый раз для указания на разнообразные естественные правовые состояния личности, являющиеся их основой, в гипотезе нормы права пришлось бы перечислять все необходимые признаки естественных правовых состояний, что с точки зрения нормативной экономии было бы неэффективно.

На основании изложенного, казалось бы, можно было бы утверждать, что естественные или нормативные свойства или система свойств граждан устанавливаются или предусматриваются в нормах права. Однако такой вывод будет не совсем точным.

Рассматривая вопросы теории юридических фактов, М.А. Рожкова справедливо обращает внимание на необходимость проведения четкого разделения между обстоятельствами, установленными нормой права, и реальными жизненными обстоятельствами. Если юридический факт есть действительно существующее реальное жизненное обстоятельство (явление или процесс), которое подпадает под действие определенной нормы права, то норма права, как общее правило, абстрагирована от конкретных случаев и определяет эти правила, исходя из абстрактной модели обстоятельства. Норма права не может закреплять в своей гипотезе указание на конкретное жизненное обстоятельство – она предусматривает только общие для всех случаев правила, устанавливая модель обстоятельства, которое может произойти в будущем в реальной действительности. Поэтому М.А. Рожковой вводится понятие «правовая модель обстоятельства», под которой предлагается понимать абстрактное (типичное) обстоятельство, которое закреплено в норме права и с которым норма права связывает наступление определенных последствий [15, с. 8–9].

Как представляется, данный подход может быть применен и в отношении правовых состояний личности. В гипотезе нормы права, как правило, содержатся указания не на конкретные свойства личности в определенной социальной ситуации, которая может наступить, а на признаки таких свойств, которые образуют нормативную модель.

Однако признаки правовых состояний и сами правовые состояния – как правило, явления разные. Признаки естественных свойств человека

устанавливаются нормами права, но сами правовые состояния нормами права лишь предусматриваются. Если свойства человека соответствуют данным признакам, состояние становится правовым. Признаки социальных свойств устанавливаются нормами права, как устанавливаются и сами нормативные правовые состояния.

Таким образом, свойства человека устанавливаются нормами права, или посредством закрепления признаков данных свойств, предусматриваются в нормативных моделях, что составляет третий признак правового состояния личности.

Дальнейший анализ правовых состояний представляется перспективным со стороны их функционального предназначения, как активных действенно-регулятивных инструментов оптимального решения социальных задач, что позволит выйти на решение вопросов их юридической релевантности.

С середины XX века и вплоть до настоящего времени идет дискуссия о возможности выделения правовых (юридических) состояний в особую группу юридических фактов. Наша позиция основана на посылке, что правовое состояние, поскольку оно не может самостоятельно влечь юридические последствия, относится к юридическим условиям [7].

Правовое состояние личности – это обстоятельство, которое в силу норм права есть необходимое условие того, чтобы факты реальной действительности могли влечь юридические последствия. В этом смысле самим фактом своего существования правовое состояние личности создает юридическую возможность наступления правовых последствий, прежде всего, возможность возникновения, изменения и прекращения субъективных прав и обязанностей.

Поскольку правовое состояние не создает реальный правовой результат, а в качестве условия лишь обуславливают возможность его наступления, то разумно рассматривать их в соотношении с достаточно широкой категорией, которая охватывает сферу не только фактического, но и возможного. Такой категорией является понятие «правовая ситуация».

Ситуация, как сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение, может быть социальной. В этом значении она выступает в качестве результата взаимодействия различных элементов социальной структуры в конкретных условиях места и времени.

Определяющим фактором при отнесении социальной ситуации к правовой должен выступать факт того, является ли данная ситуация юридически значимой, а также существует ли юридический механизм ее разрешения (изменения), т.е. может ли она быть условием для использования специальных юридических средств.

С.С. Алексеев видит в правовых ситуациях исходное начало правового регулирования, момент, от которого разворачивается вся многосложная,

многоуровневая и многослойная цепь правовых средств, механизмов и процедур. В этом ракурсе правовые ситуации выступают как сложные жизненные обстоятельства, как фактический состав, т.е. определенное соединение юридических фактов [1, с. 25–28]. Юридические условия, как и юридические факты, есть необходимые элементы правовой ситуации. Не являясь юридическими фактами, такие обстоятельства в то же время есть необходимое условие для констатации того, что правовая ситуация существует.

Субъект права является основным элементом правовой ситуации. Именно субъект выступает центром притяжения различных обстоятельств, которые в итоге и образуют правовую ситуацию. Также к элементам правовой ситуации следует отнести свойства и поступки субъектов.

Поступок совершается во времени и пространстве, он не только имеет своим условием и целью правовую ситуацию, но сам он фактом совершения в определенный момент создает правовую ситуацию, которая изменяет предшествующую ему и служит основой следующей за ним ситуации.

К элементам ситуации относится и правовое состояние самого субъекта, если оно обуславливает или может обусловить его последующее поведение. Если это обусловлено обстоятельствами конкретной ситуации и предусмотрено нормативной абстракцией, присутствие правовых состояний личности составляет условие механизма образования и условие средств разрешения правовой ситуации. При этом способность свойств быть условиями образования и условиями средства разрешения правовой ситуации напрямую зависит от наличия их у носителя в определенный момент или период времени.

Ценность понятия «правовая ситуация» проявляется в том, что, во-первых, оно позволяет обозначить сформировавшуюся картину юридически значимых элементов социальной ситуации в общем, комплексном виде, где отражение получают обстоятельства, предусматриваемые гипотезами различных норм права. Во-вторых, правовая ситуация отражает набор не представляемых субъектом, а объективно существующих обстоятельств. В этом отношении правовая ситуация позволяет изучать характеристики существующей реальности не «вообще», а на основе систематизации конкретной информации, что позволяет её стандартизировать, хранить и накапливать в виде базы данных. В-третьих, обязательным элементом правовой ситуации является субъект права, а его правовые состояния выступают в качестве условия ее возникновения и (или) разрешения.

Поэтому в качестве функционального правового явления, т.е. со стороны его активной действенно-регулятивной роли, раскрытию понятия правового состояния личности служит следующий

четвертый признак: правовое состояние личности является условием (предпосылкой) возникновения и (или) разрешения либо возможности возникновения и (или) изменения правовой ситуации.

Выделенные признаки позволяют сформулировать дефиницию правового состояния личности как установленных нормами права или предусмотренных в правовых моделях юридически значимых свойств или системы свойств человека, в определенной момент или период времени обусловливающих возникновение и (или) разрешение либо возможность возникновения и (или) изменения правовой ситуации.

Примечания

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 9. – сентябрь, 2008.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М.: «Статут», 2000. – 256 с.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права: в 2 т. Т. 1. – Свердловск, 1972. – 396 с.
3. Байтин М.И., Баранов В.М. О логико-гносеологической и юридической природе правового состояния // Вопросы теории государства и права: перестройка и актуальные проблемы теории социалистического государства и права. Сб. науч. трудов. Вып. 9. – Саратов, 1991.
4. Баранов В.М. «Текущее» правовое состояние как элемент динамической правовой системы государства (опыт осмысления научной гипотезы профессора В.П. Казимирчука) // Ценности и образы права. – М.: ИГП РАН, 2007. – С. 142, 144.
5. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
6. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – 448 с.
7. Груздев В.В. Юридические факты, юридические условия и правовые состояния в механизме правового регулирования // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 5.
8. Ерошенко А.А. Проблемы гражданского состояния в развитом социалистическом обществе. – Краснодар: Краснодар. книжное изд-во, 1980. – 87 с.
9. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1984.
10. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
11. Комаров С.А. Советское общенародное государство и личность: Политико-правовые аспекты. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1986. – 135 с.
12. Новикова Ю.С. Категория «правовое состояние» в юриспруденции: Монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – 158 с.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Эксмо, 2008. – 1536 с.
14. Парфенов А.В. Правовое состояние: Монография. – М.: Юрист, 2007. – 124 с.
15. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. – М.: Статут, 2009. – 332 с.
16. Синайский В.И. Русское гражданское право. – М.: «Статут», 2002.
17. Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Ч. I: Расширяющаяся вселенная Абсолюта. Ч. II: Космо-антропо-социо-природогенез Человека. Изд. 2-е. – Новосибирск: Наука, 1996. – С. 677–678.
18. Философия: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 587–588.
19. Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. – М.: «Статут», 2004. – 542 с.

ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И ПРИНЯТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ПО ЕЕ РЕЗУЛЬТАТАМ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В данной статье рассматривается вопрос о процессуальном порядке рассмотрения сообщения о преступлении, который был принципиально изменен в связи с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Анализируются новеллы закона, связанные с расширением перечня процессуальных и следственных действий и процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу досудебного производства, приданием доказательственной силы сведениям, получаемым в ходе проверки сообщения о преступлении, при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. Несмотря на то, что данный шаг законодателя в целом имеет позитивное значение, авторы акцентируют внимание на тех проблемных вопросах, которые требуют корректировки законодательства. К ним авторы относят: отсутствие в УПК РФ порядка выполнения процессуальных действий, проводимых при проверке сообщения о преступлении и процессуальных форм их закрепления; отсутствие полноты и четкости формулирования норм о новых процессуальных действиях. Кроме того, авторы выделяют и третью проблему, которая снижает эффективность нововведений в правоприменительной практике: нарушение законодателем при формулировании уголовно-процессуальных норм правила системности и внутренней взаимосвязи, вследствие чего они вступили в противоречие с другими нормами УПК РФ, с устоявшимися фундаментальными положениями уголовно-процессуальной теории. В статье предлагаются пути решения проблемных вопросов.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщений о преступлении, процессуальные и следственные действия, участники проверки сообщения о преступлении.

Центральным этапом деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении является проведение проверки поступившей информации. И.Л. Петрухин считает «доследственную проверку» ядром стадии возбуждения уголовного дела [20, с. 67]. В.М. Быков определяет ее как регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность органа дознания, дознавателя, следователя и руководителя следственного органа, направленную на собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления наличия или отсутствия повода и основания для возбуждения уголовного дела или для отказа в возбуждении уголовного дела [7, с. 24–30]. И.В. Овсянников полагает, что проверка предназначена для оценки, имеющейся в сообщении о преступлении информации с целью установления признаков преступления [16, с. 85]. Исходя из вышеизложенного, представляется, что проверка сообщения о преступлении осуществляется для всестороннего и объективного изучения, анализа и оценки имеющейся исходной информации, содержащейся в поступившем сообщении о преступлении. С этой целью уполномоченными должностными лицами проводится комплекс процессуальных и следственных действий, устанавливается наличие или отсутствие материально-правовых и процессуальных предпосылок для расследования уголовного дела и принятия решения.

Порядок проведения проверки регулируется ст. 144 УПК РФ, в которую за истекшее десятилетие внесены многочисленные дополнения. Изменения уголовно-процессуальной деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении произошли в связи с вступлением в силу Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ). Статья 144 УПК РФ была дополнена ч. 1.1 и 1.2, а ч. 1 и ч. 3 изложены в новой редакции. Оценка данного шага законодателя научным сообществом в большинстве своем позитивная. Так, В.М. Быков считает, что новый закон создает необходимые правовые основания для своевременной и глубокой проверки сообщений о преступлении и принятии на этой основе обоснованных и законных процессуальных решений [7, с. 24–30]. И.О. Воскобойник и М.Г. Гайдышева полагают, что внесенные изменения направлены на упрощение процесса доследственной проверки и повышение качества деятельности органов предварительного расследования по формированию доказательственной базы в стадии возбуждения уголовного дела [8, с. 23–26]. В.Н. Жадан акцентирует внимание на оперативности досудебного производства, создании правовых условий для оптимизации деятельности правоохранительных органов, которые стали реально возможными в связи с при-

нятием закона [11, с. 553–558]. В.И. Зажицкий высказывает опасение, что существенное расширение способов проверки превратит познавательную деятельность в стадии возбуждения уголовного дела в неформальное расследование [13, с. 28–31].

Изменения и дополнения, внесенные в ст. 144 УПК РФ ФЗ от 04.03. 2013 № 23-ФЗ, затрагивают большой спектр вопросов правового регулирования проверки сообщения о преступлении. Их анализ позволяет сгруппировать законодательные новации в три основных блока. Безусловно, к первому следует отнести существенное расширение перечня средств проверки сообщения о преступлении за счет введения дополнительных процессуальных и следственных действий. Так, при проведении проверки дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Вторым существенным изменением процессуальной деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении стало расширение процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу досудебного производства. В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, участники проверки сообщения о преступлении при производстве процессуальных действий имеют право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, обеспечение безопасности участника досудебного производства. Кроме того, этим лицам разъясняются права и обязанности, обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. По мнению В.М. Быкова, эта норма имеет особое значение для потерпевшего. Аналогичное мнение высказывает и А.П. Рыжаков, считая ее одной из наиболее значимых новшеств, введенных в уголовный процесс России последними изменениями [22].

И, наконец, третьим, нововведением процессуального порядка рассмотрения сообщения о пре-

ступлении является ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, согласно которой, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств, при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. По мнению В.В. Терехина, внесенные законодателем изменения позволяют поставить вопрос о допустимости проведения любых процессуальных (следственных) действий, если при их проведении не будут затрагиваться интересы конкретных лиц [23]. Этой позиции придерживаются А.Р. Белкин [6, с. 5], В.В. Аксенов [1, с. 36] и другие.

На наш взгляд, изменение традиционной следственной парадигмы стадии возбуждения уголовного дела имеет существенное значение, как в научной, так и практической сферах. Законодателем поставлена точка в длительной дискуссии ученых и практиков о спорном доказательственном значении материалов «доследственной» проверки. Кроме того, вектор начала доказывания сместился в стадию возбуждения уголовного дела. И, наконец, внесенные дополнения стали правовой предпосылкой положительных изменений в сфере соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Однако, несмотря на столь позитивное значение, реализация на практике не привела к упорядочению процедурного порядка, а, наоборот, вызвала затруднения в единообразном понимании, трактовке и применении. Анализ научной литературы и практики применения позволяет выделить ряд проблемных вопросов, которые требуют корректировки законодательства. Одной из проблем, разрешению которой отдают приоритет большинство ученых-процессуалистов и практических работников, является отсутствие в УПК РФ порядка выполнения процессуальных действий, проводимых при проверке сообщения о преступлении и процессуальных форм их закрепления. По мнению А.В. Петрова, вопросы о процедуре проверки, компетенции лиц, ее осуществляющих, процессуальных формах реализации таких полномочий, способах документального оформления полученных сведений, порождают правовую неопределенность, что не способствует точному и единообразному применению закона [19, с. 49–54]. И.А. Цховребова высказывает критические замечания по поводу законодательной регламентации процедурных вопросов проверки, полномочий лиц, ее осуществляющих, способов документального оформления результатов [25, с. 22–24]. С ними солидарен А.Н. Халиков, полагая, что использование в качестве доказательств сведений, получаемых в ходе проверки сообщения о преступлении, требуют определения новых правил выполнения проверочных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК [24, с. 54–57]. Об этом говорят и другие авторы, полагая, что максимальное законодательное

закрепление основных правил проверки обеспечит достижение задач уголовного судопроизводства. В этой связи следует иметь в виду справедливое утверждение А.П. Рыжакова о том, что по общему правилу действие становится уголовно-процессуальным только после того, как процедура его осуществления будет детально регламентирована уголовно-процессуальным законом [22].

Второй проблемой нормативного регулирования проверки сообщения о преступлении, на которую обращают внимание ученые и практики, является отсутствие полноты и четкости формулирования норм о новых процессуальных действиях. Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ. Уязвимость этого положения в том, что в УПК РФ не существует самостоятельного следственного действия, именуемого «изъятием». Подобные действия допускаются лишь в рамках проведения осмотра места происшествия, выемки и обыска. При этом два последних не входят в число допустимых в стадии возбуждения уголовного дела. Подобная формулировка вызывает неоднозначное понимание учеными и практиками позиции законодателя. А.С. Александров, М.В. Лапатников полагают, что законодатель вводит новое проверочное действие [2, с. 23–28]. Аналогичную точку зрения высказывают И.О. Воскобойник и М.Г. Гайдышева, считая его важным средством формирования доказательственной базы в ходе доследственной проверки [8, с. 23–26]. В.В. Артемова предостерегает правоприменителей не рассматривать его как возможность проведения выемки до возбуждения дела и не отождествлять эти два понятия [5, с. 3–5].

Серьезные противоречия вызывает норма об истребовании документов и предметов. К недостаткам авторы относят отсутствие указания на процессуальную форму такого действия как истребование [7, с. 24–30], на срок, в течение которого должны быть высланы запрошенные материалы [25, с. 22–24], на расширительное толкование терминов «документы и предметы» [22], на противоречивость использования его в качестве способа собирания доказательств [13, с. 28–31]. Правовую неопределенность имеет и такое процессуальное действие, как получение объяснений, сущность которого состоит в устной беседе, проводимой субъектом проверки сообщения о преступлении с физическим лицом, результаты которой заносятся в бланк объяснения [12, с. 16–18]. Современная позиция законодателя, изложенная в ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ, изменяет традиционный подход к содержанию и значению объяснения, связанный с приданием им доказательственной силы. Это требует более полной и развернутой регламен-

тации, обоснованной научной интерпретацией, точного толкования и единообразного понимания закона. К сожалению, действующая норма далека от совершенства. В ней отсутствуют процессуальный порядок дачи и получения объяснений [9, с. 145–148], перечень должностных лиц, имеющих право на их получение [7, с. 24–30], процессуальная форма закрепления результатов сведений и статуса лиц, от которых следует получать объяснения [12, с. 16–18], последствия отказа заявителя от дачи объяснений или дачи заведомо ложных объяснений [4, с. 469–474].

Таким образом, упущения законодателя при конструировании ч. 1 ст. 144 УПК РФ, приводят к отсутствию правовых предпосылок для полноценного проведения процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, к многовариативности интерпретации и практической реализации должностными лицами неясно выраженной позиции законодателя, следствием которых являются нарушения законности и злоупотребление правом. Кроме того, реализация на практике ч. 1 ст. 144 УПК РФ о новых процессуальных средствах проверки сообщения о преступлении вызывает у правоприменителей многочисленные вопросы, ответы на которые он не в состоянии получить по причине отсутствия четкого нормативного регулирования. Это существенно снижает эффективность и востребованность познавательных средств проверки, способствует искусственному сдерживанию тех процессуальных возможностей, которые так необходимы в данной стадии [25, с. 22–24]. Согласно исследованию, проведенному И.А. Цховребовой, такие новые процессуальные средства проверки сообщения о преступлении, как истребование документов и предметов, изъятие их в установленном порядке; назначение и производство судебной экспертизы; получение образцов для сравнительного исследования, практически не используются [25, с. 22–24].

И, наконец, третья проблема, которая на наш взгляд, снижает эффективность нововведений в правоприменительной практике. Полагаем, что при формулировании уголовно-процессуальных норм законодателем отчасти были нарушены правила системности и внутренней взаимосвязи, вследствие чего они вступили в противоречие с другими нормами УПК РФ, с устоявшимися фундаментальными положениями уголовно-процессуальной теории [14, с. 37–42]. Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе назначать судебную экспертизу, производить освидетельствование. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ, освидетельствованию может быть подвергнут лишь определенный круг участников уголовного судопроизводства, к числу которых относятся подозреваемый, обвиняемый,

потерпевший, а также свидетель с его согласия. Законодатель не включил в этот круг лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Аналогичный процессуальный парадокс складывается и при реализации права на назначение судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении. Законодатель не указал эту категорию лиц в ч. 3 и ч. 4 ст. 195 УПК РФ, а также в ст. 198 УПК РФ.

Дискуссионным остается вопрос с таким следственным действием, как получение образцов для сравнительного исследования. Так, В.И. Зажицкий считает, что получение образцов для сравнительного исследования служит органическим элементом такого следственного действия, как производство судебной экспертизы, вследствие чего они не могут содержать сведений, которые можно было бы использовать для проверки сообщения о преступлении [13, с. 28–31]. И.А. Цховребова указывает на пробел, связанный с возможностью принудительного изъятия образцов и пределами их применения [25, с. 22–24]. А.М. Панокин утверждает, что применение мер принуждения создает потенциальную угрозу нарушения прав личности в уголовном судопроизводстве [18, с. 1461–1465].

В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, субъектами стадии возбуждения уголовного дела являются «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», «участники проверки сообщения о преступлении» и «участники досудебного производства». Однако в УПК РФ не определены их правовое положение, права и обязанности, процессуальные гарантии и ответственность. Вследствие этого обязанность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа разъяснять права и обязанности данной категории лиц носит скорее декларативный характер. Более того, те права, которые прямо перечислены в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, противоречат нормам УПК РФ, регламентирующим порядок их выполнения. Так, согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, при необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, где указан исчерпывающий перечень лиц. В нем отсутствуют «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», «участники проверки сообщения о преступлении». Еще одним юридическим казусом является предупреждение участников проверки сообщения о преступлении о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ. Парадокс заключается в том, что ст. 161 УПК РФ называется «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», а не данных досудебного производства, как указано в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Кроме того, объективную сторону

состава преступления по ст. 310 УК РФ образует деяние по разглашению данных предварительного расследования, а не досудебного производства.

Таким образом, несмотря на позитивное значение дополнений, внесенных в редакцию ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, практика их применения выявила ряд проблемных вопросов, которые требуют обоснованного научного изучения, практической апробации и корректировки законодательства в части урегулирования процедурного порядка проведения проверки и новых процессуальных действий, процессуальных форм их закрепления, устранения несогласованности и правовой неопределенности норм. Полагаем, что это конкретизирует процессуальную природу проверочных действий, повысит профессиональную компетенцию должностных лиц, выступит гарантом устранения нарушений закона при рассмотрении сообщений о преступлении.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять решение по поступившему сообщению о преступлении в срок до 3 суток. Установление сроков рассмотрения сообщений является условием своевременного реагирования на него, средством уголовно-процессуального регулирования отношений между участниками [10, с. 5–6], предпосылкой обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов и эффективным механизмом, гарантирующим защиту конституционных прав. Срок, предусмотренный ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не является предельным; он может быть продлен до 10 суток по ходатайству следователя или дознавателя, а при необходимости проведения документальных проверок и ревизий до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Анализ ч. 1 ст. 144 УПК РФ показал, что трех, десяти и тридцати суточный срок, относится в целом к рассмотрению сообщений, а, следовательно, к приему, проверке и принятию решения. Однако ведомственные нормативные правовые акты устанавливают свой, отличный от норм УПК РФ срок рассмотрения сообщения. Сравнительный анализ Типового положения и ведомственных Инструкций показал, что данный срок распространяется лишь на проверку сообщений о преступлениях. Так, в п. 32 Типового положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации 29. 12. 2005 № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Министерства юстиции России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 (далее Типовое положение), записано: «сроки проверки сообщений о преступлениях, предусмотренные ст. ст. 144 и 146 УПК РФ». Пункт 37 Инструкции Следственного комитета Российской Федерации

устанавливает, что проверка сообщения о преступлении должна быть завершена не позднее 3 суток. Аналогичные положения содержатся в инструкциях других ведомств. Полагаем, что содержащаяся в тексте ведомственных нормативных правовых актов терминологическая неточность, по меньшей мере, некорректна по отношению к УПК РФ. Кроме того, искажение смысла уголовно-правовых норм на стадии рассмотрения сообщений влечет за собой многочисленные нарушения законности, и, что более опасно, становится одним из условий их возникновения. По мнению сотрудников органов внутренних дел, сроки установлены ведомственными инструкциями исключительно для проведения проверки. Этому ошибочному заблуждению подвержены и ученые-процессуалисты: А.П. Кругликов [15, с. 56–58], М.А. Алпеева [3, с. 10–12].

Представляется, что формулировка положений ведомственных нормативных актов, регламентирующих сроки, является неудачной. В связи с изложенным полагаем, что замена в п. 32 Типового положения «сроки проверки» на словосочетание «сроки рассмотрения сообщения о преступлении, предусмотренные ст. 144 УПК РФ» будет способствовать оптимизации процедурного порядка, единообразному толкованию среди правоприменителей.

Продление сроков рассмотрения сообщений о преступлениях осуществляется в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 144 УПК РФ. Основанием для такого продления является процессуальный документ, именуемый «мотивированное ходатайство», при продлении до 10 суток и «ходатайство, в котором в обязательном порядке указываются конкретные обстоятельства, послужившие основанием для продления срока рассмотрения сообщения до 30 суток». На наш взгляд, данная диспозиция имеет ряд существенных ошибок и противоречий. Законодатель допустил семантическую ошибку при формулировании нормы – использовал два одинаковых по сущности и содержанию термина в различной интерпретации, что существенно усложнило ее конструкцию. В толковом словаре С.И. Ожегова слово «ходатайство» определяется как официальная просьба [17, с. 801], а «мотивированный» трактуется как совокупность мотивов и доводов в пользу чего-либо [17, с. 321]. Таким образом, под мотивированным ходатайством следует понимать обоснованную просьбу, в которой изложены доводы и мотивы, необходимые для ее разрешения.

Основным процессуальным документом при продлении срока рассмотрения сообщений до 30 суток также является «ходатайство, в котором указываются конкретные обстоятельства, послужившие основанием для продления срока». Иными словами, в нем также должны быть указаны мотивы и приведены доводы принятия такого решения.

Таким образом, два терминологических понятия имеют одинаковое смысловое значение и фактически определяют одно и то же действие, которое необходимо выполнить должностному лицу – указать в процессуальном документе основания для продления срока.

Использование неудачного терминологического определения привело к правовой неэффективности нормы, сделало ее процессуально уязвимой, что дало возможность должностным лицам пренебрегать требованиями закона. Практика показывает, что при продлении срока проверки они формально подходят к составлению «мотивированного ходатайства». В качестве аргументов, как правило, используют общие фразы, стандартные формулировки, такие как «в целях установления преступника», «для истребования документов», «в целях опроса лиц», «для сбора улик» [19, с. 20]. Информационная составляющая такого «ходатайства» не содержит ответа на вопросы «что сделано?» и «что еще предстоит сделать?». В условиях отсутствия прозрачности проверочной деятельности лица, продлевающие сроки проверки не могут объективно оценить ее результаты, убедиться в том, что продление действительно необходимо, а не является сокрытием факта волокиты и недобросовестного отношения, определить, какой еще объем проверочной деятельности необходимо осуществить, какие процессуальные и следственные действия выполнить и в какой срок.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что в настоящее время такой документ, как «мотивированное ходатайство» утратил свое процессуальное значение, поскольку он не способствует соблюдению законности и не отвечает современным законодательным требованиям и потребностям правоприменительной практики. На наш взгляд, принятие решения о продлении срока рассмотрения сообщений о преступлениях целесообразно документально оформлять постановлением. Эта процессуальная форма является элементом гарантии обеспечения законности и соблюдения порядка при рассмотрении сообщений о преступлениях и активно используется в досудебном производстве. Так, следователи Следственного комитета Российской Федерации согласно с п. 38. Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации (далее Инструкция СК России), оформляют ходатайство о продлении срока проверки в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ постановлением [21]. Подобное суждение имеется и у А. Петрова, который приравнивает продление срока проверки к продлению сроков предварительного следствия и предлагает выносить мотивированное постановление [19, с. 20].

В связи с изложенным представляется необходимым в ч. 3 ст. 144 УПК РФ слово «по ходатайству» заменить на слово «по постановлению» и изложить в следующей редакции: «Руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по постановлению соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, установленный частью первой настоящей статьи. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов руководитель следственного органа по постановлению следователя, а прокурор – по постановлению дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток.

Библиографический список

1. Аксенов В.В. Проверка сообщения о преступлении как форма уголовно-процессуального доказывания: дис... канд. юрид. наук. – М., 2004.
2. Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22.
3. Алтеева М.А. К вопросу о порядке рассмотрения сообщения о преступлениях по делам экстремистской направленности таможенными органами // Российский следователь. – 2011. – № 3.
4. Амельков Н.С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3.
5. Артемова В.В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2014. – № 3.
6. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства – шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. – 2013. – №3.
7. Быков В.М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Российская юстиция. – 2013. – № 5.
8. Воскобойник И.О., Гайдышева М.Г. Проблемы формирования доказательственной базы при проверке сообщений о преступлениях // Адвокатская практика. – 2013. – № 5.
9. Григорьев А.И. Допустимость объяснений в качестве доказательств по уголовному делу // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5.
10. Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. – М.: Юридическая литература, 1976. – 144 с.
11. Жадан В.Н. О развитии и значении проверки сообщения о преступлении в досудебном производстве // Молодой ученый. – 2013. – № 6.
12. Жамкова О.Е. Процедура получения объяснений при проверке сообщений о преступлении нуждается в регулировании // Российский следователь. – 2013. – № 2.
13. Зажицкий В.И. Дополнения к ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы // Российская юстиция. – 2013. – № 11.
14. Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. – 2014. – № 7.
15. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. – 2011. – № 6.
16. Овсянников И.В. Рассмотрение сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические проблемы: научно-практическое и учебное пособие. – М.: Юрлитинформ. – 2010.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. – 553 с.
18. Панокин А.М. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 11.
19. Петров А.В. Пределы проверки сообщения о преступлении и процессуальные способы ее осуществления // Законность. – 2012. – № 5.
20. Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. – 2005. – №1.
21. Приказ СК России от 11.10.2012 №72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации»: // СПС «Консультант Плюс» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143040/ (дата обращения 04.01.2014).
22. Рыжаков А.П. Новые средства проверки сообщения о преступлении // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=CJI&n=70668&req=doc> (дата обращения 04.01.2014).
23. Терехин В.В. Новеллы стадии возбуждения уголовного дела и допустимость материалов проверки как доказательств по УПК РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corp-iguvd.lg.ua/dl130502.html> (дата обращения 04.01.2014).
24. Халиков А.Н. Собираение доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. – 2013. – № 12.
25. Цховребова И.А. Новые процессуальные средства проверки сообщений о преступлении: что изменилось? // Российский следователь. – 2013. – № 21.

Демидюк Виктор Александрович

кандидат юридических наук, доцент
Нижегородский филиал «Московского института права»
demidyuk-victor@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена правовой природе представительства, в том числе с участием федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования (ФГБОУ ВПО), в ней рассмотрены различные точки зрения относительно правовой природы, содержания и видов представительства, показаны случаи использования института представительства, рассмотрены субъекты представительства. В работе дается классификация представительства в зависимости от оснований его возникновения, исследованы термины, встречающиеся в литературе: законное представительство, судебное и процессуальное представительство. Дается критика термина «судебное представительство», обосновывается позиция о переименовании термина «представительство» в институт «содействия». Показаны имеющиеся на практике проблемы участия субъектов содействия в деятельности федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования. Автор исследует несоответствие гражданско-правовых требований, предъявляемых к оформлению доверенности, требованиям законодательства о бухгалтерском учете. Рассмотрена судебная практика, применяемая для разрешения имеющихся коллизий. Предлагается внести дополнения в Устав федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования (ФГБОУ ВПО) и в трудовой договор для четкого оформления доверенности при передаче полномочий ректоров вузов субъектам содействия путем издания надлежащего приказа.

Ключевые слова: законное представительство, судебное представительство, содействие, проблемы передачи полномочий.

Представительство — это отношение, в соответствии с которым сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акта уполномоченного на то органа (государственного, местного самоуправления), непосредственно создает, изменяет или прекращает гражданские права и обязанности представляемого [2, с. 86]. В связи с этим автор не может согласиться с мнением М.В. Карпычева и А.М. Хужина о том, что термин «представительство» легального определения не имеет [3, с. 94].

Институт представительства находит свое закрепление в Конституции РФ, которая гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 45), предоставляет каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45), на судебную защиту (ст. 46), на разбирательство дел судом на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 123).

Институт представительства также закреплен в главе 10 Гражданского кодекса РФ.

Институт представительства за время своего существования получил широкую сферу применения в гражданском обороте. Потребность в представителе возникает в тех случаях, когда сам представляемый в силу закона (например, из-за отсутствия дееспособности) или конкретных жизненных обстоятельств (например, из-за болезни, командировки, занятости) не может лично осуществлять свои

права и обязанности. Кроме того, к услугам представителей обращаются, чтобы воспользоваться их специальными знаниями и опытом, сэкономить время, средства. Деятельность большинства юридических лиц вообще немыслима без постоянного или хотя бы эпизодического обращения к представительству, в том числе, функционирование филиалов федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования и представительство в суде.

Институт представительства применяется в следующих случаях:

- 1) неполная дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет;
- 2) ограничение дееспособности гражданина вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, которое ставит его семью в тяжелое материальное положение;
- 3) признание гражданина недееспособным вследствие психического расстройства;
- 4) невозможность защищать свои гражданские права и исполнять обязанности по причине болезненного состояния;
- 5) юридическая безграмотность в тех правовых ситуациях, где требуется квалифицированный специалист при отсутствии специальных познаний у субъекта;
- 6) сложившаяся практика представлять интересы юридического лица не его руководителем, а представителем;
- 7) вследствие стечения объективных обстоятельств, связанных с отсутствием в месте жительства и требующих защиты интересов представляемого;

8) нежелание уполномоченного или обязанного лица лично осуществлять права и обязанности.

В юридической литературе в отношении представительства традиционно различают трех субъектов: а) представляемого, б) представителя, в) третье лицо, с которым у представляемого возникает правовая связь благодаря действиям представителя. В качестве представляемого по закону может выступать любой субъект гражданского права или юридическое лицо, в том числе федеральные государственные бюджетные образовательные учреждения высшего профессионального образования (в дальнейшем ФГБОУ ВПО).

Федеральные государственные бюджетные образовательные учреждения высшего профессионального образования могут принимать на себя также функции представителей, если это не расходится с теми целями и задачами, которые указаны в их уставе.

Законодательство содержит ряд прямых запретов в отношении выполнения представительских функций некоторыми субъектами гражданского права.

Банковское законодательство устанавливает запрет главным бухгалтерам (в том числе ФГБОУ ВПО) в получении по доверенности денежных средств по чекам и другим документам в банках, а также товароматериальных ценностей для организаций, в которых они работают.

Закон также запрещает представителю совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично, а также в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случая коммерческого представительства (п. 3 ст. 182 ГК РФ).

В качестве третьего лица, с которыми представляемый с помощью представителя заключает гражданско-правовую сделку или совершает иное юридическое действие, может выступать также любой субъект гражданского права, в том числе и федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования.

В юридической литературе представительство традиционно классифицируется в зависимости от основания его возникновения на:

а) *законное представительство*, как основанное на административном акте либо на законе.

Особенностью такого представительства является то, что возникает оно независимо от волеизъявления представляемого и что полномочия представителя непосредственно определены законом. В отдельных ситуациях представитель действует в обстановке, где отпадает проверка полномочий, т.к. об этом свидетельствует сама обстановка, например, продавцы, кассиры, кондукторы, контролеры и т.д.

б) *добровольное представительство*, как основанное на договоре.

Представительство, основанное на договоре, также именуют представительством добровольным, то есть возникающим по воле представляемого, который определяет не только фигуру представителя, но и его полномочия. На совершение юридических действий от имени представляемого требуется согласие самого представителя и между представляемым и представителем заключается договор, определяющий их внутренние взаимоотношения (договор поручения или агентирования). Обязанностью доверителя по договору поручения является выдача доверенности как отдельного документа, удостоверяющего полномочия представителя (п.1 ст. 975 ГК РФ).

В ст. 182 (главы 10) ГК РФ законодатель перечисляет лишь основания для возникновения полномочий у представителя, однако при этом четкого разграничения субъектов-представителей не проводится.

Любой представитель – родитель, опекун, усыновитель, коммерческий представитель – выступает в имущественных и личных неимущественных отношениях на законном основании:

а) в силу родства с представляемым, если он является родителем;

б) на основании опекунского удостоверения, выданного органом опеки и попечительства;

в) на основании доверенности, выданной на его имя и оформленной надлежащим способом. Подобные доверенности выдаются законными представителями указанных лиц (п. 2 ст.185 ГК РФ в новой редакции).

В рассмотренном случае и законодатель, и ученые цивилисты, в сущности, при использовании подобной терминологии необоснованно сузили ее в процессе толкования. Если законодатель закрепляет в ГК РФ, СК РФ, ГПК РФ основания представительства – это означает, что все они являются законными.

Соответственно, употребление словосочетаний «законный представитель», «законное представительство», «представитель в силу указания в законе» считаем недопустимым, так как употребление подобной терминологии развивает науку гражданского права в ложном направлении и вносит путаницу в понимание сущности отдельных институтов, категорий и терминов, а равно, вводит в заблуждение правоприменителя.

В юридической литературе также встречается позиция, согласно которой «законное представительство» рассматривается как вид *судебного представительства*. В связи с этим Г. Осокина отметила: «Рассматриваемый вид судебного представительства называется законным потому, что представляемый в силу различных причин не в состоянии самостоятельно выбрать себе представителя. В связи с этим представитель определяется законом» [5, с. 43]. К «законным представителям»

данный автор также относит консулов, капитанов морских судов, издателей.

О.В. Невская, с учетом положений главы 5 ГК РФ, выделила перечень лиц, могущих осуществлять судебное представительство и защиту, при наличии следующих признаков: а) дееспособное лицо; б) лицо, чьи полномочия надлежаще оформлены; в) лицо, не являющееся судьей, следователем, прокурором, за исключением случаев их участия в качестве представителей соответствующих органов и законных представителей [4].

В одной из своих работ «Правовой институт судебного представительства» Н. Пиксин и Д. Смирнов называли институт представительства то судебным, то процессуальным. При этом авторы в рамках данного института обозначили следующих субъектов: а) законных представителей; б) иных лиц, оказывающих юридическую помощь; в) представителей юридических лиц [6].

Использование учеными разнообразной терминологии об отдельно взятом явлении – представительстве, безусловно, неоправданно. Положения действующего законодательства требуют доработки с позиции юридической техники.

Так, главы 3 и 10 ГК РФ ориентированы на случаи представления прав и законных интересов, исполнения обязанностей субъектами в лице представителя в имущественных и личных неимущественных отношениях. При этом данные положения также распространяются и на случаи участия представителя в гражданском судопроизводстве.

Оперирование термином «судебное представительство» не во всех случаях правильно. Так, если в судебном заседании одновременно участвует и сам представляемый и его представитель (несколько представителей), то откуда у таких «представителей» *воля представляемого*, если она находится непосредственно у самого представляемого? Как можно совершать действия *вместо представляемого*, если он сам присутствует в судебном заседании?

Кроме того, представляется, что разграничение «представительства» на «законное», «судебное», «процессуальное», есть ни что иное, как рассмотрение одного явления под разными углами зрения.

Считаем целесообразным для участия всех лиц, действующих в чьих-либо интересах, использовать обобщающий термин «*содействие*» вместо понятия «представительство». Сам «институт представительства», по нашему мнению, следует переименовать в «*институт содействия*».

Действия субъектов содействия создают, изменяют или прекращают гражданские права и обязанности представляемого лица лишь в тех случаях, когда они совершаются в пределах предоставленных им полномочий, а их превышение освобождает представляемого от обязательств перед третьим лицом, с которым представитель вступил в правовые отношения от его имени.

В случае «содействия в силу обстоятельств» представляемый может одобрить сделку, если она совершена от имени и в его интересах письменно или совершением действий, свидетельствующих об этом, а если это не было одобрено в разумный срок, то данная сделка совершена в интересах самого представителя.

На практике имеют место проблемы участия субъектов содействия.

Например, ректор ФГБОУ ВПО, уходя в очередной отпуск, устно возложил на проректора весь объем принадлежащих ему полномочий, а вот официальным образом права не передал. Во время отсутствия ректора в ФГБОУ ВПО возникла ситуация, требующая решительных действий со стороны первого лица, – подвернулся выгодный контракт на покупку учебного оборудования, столь необходимого ФГБОУ ВПО. Вопреки возражениям юриста, проректор подписал предложенный поставщиками договор.

Довольно часто в ФГБОУ ВПО возникает ситуация, которая диктует необходимость передачи полномочий должностного лица тому или иному сотруднику ФГБОУ ВПО. И вызвано это обстоятельство совершенно разными причинами – необходимостью замены временно отсутствующего руководителя, делегированием избыточных функций, мешающих эффективной работе заведующего кафедрой, наконец, просто децентрализацией управленческого процесса.

Действующее законодательство не предлагает по этому поводу каких-либо специальных нормативных актов. Ситуация приобретает решающее значение, если это касается сделок, заключаемых от имени ФГБОУ ВПО. Важное значение приобретает способ передачи полномочий, поскольку это влияет на правомерность действий, совершенных правопреемником. Существует два варианта передачи полномочий должностного лица:

- 1) в силу издания внутреннего нормативного акта (приказа, распоряжения);
- 2) путем выдачи доверенности, оформленной в порядке ст. 185 ГК РФ.

Гражданский кодекс РФ в главе 10 четко определил требования, предъявляемые к форме и порядку составления доверенности. Каких-либо иных условий составления доверенности действующее гражданское законодательство не содержит.

Институт доверенности нашел свое отражение и в других отраслях права. Так, согласно статье 9 Федерального закона РФ «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в ред. От 28.06.2013) (далее – Закон о бухгалтерском учете) все хозяйственные операции, проводимые организацией, должны оформляться оправдательными документами – первичными учетными документами, которые принимаются к учету только в том случае, если составлены по форме и имеют установленные Законом обязательные реквизиты.

Доверенность в этом случае оформляет бухгалтерия и выдает ее в одном экземпляре под расписку получателю. При этом выдача доверенностей лицам, не работающим в организации, не допускается [8].

Очевидно, что поскольку доверенность на получение товарно-материальных ценностей отнесена законодательством к первичным учетным документам, то, помимо общих требований к ее оформлению, она должна также содержать обязательные реквизиты, предъявляемые к первичным учетным документам, а именно:

1) подпись главного бухгалтера федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования;

2) срок окончания;

3) перечень товарно-материальных ценностей и сопроводительных документов;

4) образец подписи доверенного лица, являющегося к тому же штатным сотрудником федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования, выдавшей доверенность.

На первый взгляд, явное несоответствие гражданско-правовых требований, предъявляемых к оформлению доверенностей, требованиям законодательства о бухгалтерском учете не кажется существенным, поскольку основной целью законодательства о бухгалтерском учете является обеспечение единообразного ведения учета и бухгалтерской отчетности в организации (ст. 3 Закона о бухгалтерском учете). Однако в силу п. 2 ст. 3 ГК РФ нормы гражданского законодательства, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ. Следовательно, несоблюдение требований, предъявляемых к доверенности на получение денежных средств или товарно-материальных ценностей законодательством о бухгалтерском учете, должно повлечь наступление лишь финансовых последствий для федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования, а именно – непринятие такой доверенности к учету. Если же доверенность не содержит всех необходимых реквизитов, но соответствует ст. 185, 186 ГК РФ (даже если она выдана лицу, не состоящему в трудовых юридических отношениях с ФГБОУ ВПО), такая доверенность должна быть признана действительной по гражданскому законодательству.

Возможно, разрешить имеющуюся коллизию в законодательстве поможет судебная практика. Однако судебная практика в этом вопросе достаточно противоречива (см. например, постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 сентября 1994 г. № 29; пост. Федерального Арбитражного Суда Волго-Вятского округа от 24 февраля 2007 г. № А43-14376/2006-8-81; по-

становление Федерального Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 24 февраля 1999 г. № ФО8-37/99; пункт 11 пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 декабря 2002 г. № 11; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 сентября 2007 г. № 10435/07; постановление Федерального Арбитражного Суда Уральского округа от 19 мая 2008 г. № Фо9-2294/08-С5). Нередко полномочия на совершение сделок возлагаются на представителя путем издания исполнительным органом приказа или иного локального нормативного акта. Строго говоря, приказ – это документ, регулирующий отношения внутри организации и не имеющий юридического значения в отношениях с третьими лицами. Однако такой приказ, если в нем отражены все условия, которые обязательны для доверенности в силу ст. 185, 186 ГК РФ, может быть признан доверенностью. Тем не менее в отношениях с третьими лицами полномочия лица, совершающего сделки (выдающего доверенности) от имени юридического лица, целесообразно подтвердить именно доверенностью (см. постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 марта 2011 г. № 13АП-1037/2011) [1].

Согласно ст. 456 ГК РФ основной обязанностью продавца-организации по договору купли-продажи (поставки) является передача товара, сопровождающаяся рядом действий, производимых продавцом, третьими лицами (транспортными организациями, органами связи и т.д.) и покупателем, в том числе, оформление всех предусмотренных законодательством товарных документов, к которым в первую очередь относятся товарные накладные, товарно-транспортные накладные и доверенности (пп. 45, 49, 120, 208 Методических указаний по бухгалтерскому учету материально-производственных запасов).

В случае возникновения спора, вытекающего из договора купли-продажи (поставки), в качестве подтверждения факта надлежащего исполнения условий договора, продавцу надлежит доказать именно факт передачи им товара покупателю. Причем документы, представляемые в суд и подтверждающие совершение юридически значимых действий, должны соответствовать требованиям, установленным для данного вида документов (п. 4 ст. 75 Арбитражно-процессуального кодекса РФ).

Таким образом, строго следуя логике процессуального закона, доверенность на получение от имени ФГБОУ ВПО товарно-материальных ценностей (в том числе и денежных средств), предъявляемая в суд, должна отвечать признакам доверенности, предусмотренным законодательством о бухгалтерском учете. С этой позиции несоответствие доверенности требованиям законодательства о бухгалтерском учете должно повлечь недействительность подписанного на основании такой доверенности документа и как результат – неподтвержденность

факта передачи имущества. Данному положению корреспондирует ст. 312 ГК РФ, возлагающая риск последствий исполнения должником обязательства ненадлежащему кредитору.

Указанная позиция нашла отражение и в ряде судебных актов. В частности, Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ были отменены решения первой и апелляционной инстанций, поскольку «судами не установлено с достоверностью, что доверенность на получение товара исходила от предприятия и подписана его уполномоченными работниками». Учитывался также и тот факт, что не было установлено наличие трудовых юридических отношений предприятия с доверенным лицом, а также сделана отсылка к требованиям ст. 312 ГК РФ, «в соответствии с которыми должник вправе при исполнении обязательства потребовать доказательства того, что исполнение принимается самим кредитором или уполномоченным им на это лицом, и несет риск последствий не предъявления такого требования» [7].

Через призму положений статьи 185 ГК РФ не имеют правового значения и трудовые отношения доверенного лица с ФГБОУ ВПО, выдавшим доверенность. С позиции норм гражданского законодательства должно быть признано юридически значимым любое действие уполномоченного лица в рамках оформленной согласно требованиям ГК РФ доверенности, в том числе получение им товарно-материальных ценностей (либо денежных средств). Более того, статья 402 ГК РФ является императивной, поскольку содержит норму об ответственности организации-должника за действия своих работников.

С учетом вышеизложенного считаем, что отсутствие в доверенности на получение товарно-материальных ценностей непредусмотренных ст. 185, 186 ГК РФ реквизитов должны касаться лишь возможности отражения данной операции в бухгалтерском учете ФГБОУ ВПО, но не могут являться основанием для непризнания полномочий на совершение указанных действий.

Чтобы не возникало каких-либо недоразумений при делегировании полномочий, в устав федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования целесообразно внести соответствующие дополнения. Смысл этих дополнений заклю-

чался в следующем. Руководитель федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования в рамках имеющихся у него полномочий вправе передать свои полномочия (полностью или частично) проректору либо другому работнику путем издания надлежащего приказа. Эти положения следует также включать и в трудовой договор с работниками ФГБОУ ВПО.

Вышесказанное позволяет нам прийти к выводу: только четко сформулированные в уставе ФГБОУ ВПО права и обязанности ректора, проректора и других должностных лиц позволят говорить о законности совершенных им действий, в том числе и при передаче своих полномочий субъекту содействия.

Библиографический список

1. Бахтина А. Доверенность на получение товарно-материальных ценностей. [Электронный ресурс]. – Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». – Режим доступа: [www.garant.ru / forumyuristov.ru/](http://www.garant.ru/forumyuristov.ru/) (дата обращения 28.09.2012).
2. Гражданское право / под общей ред. С.С. Алексеева, С.А. Степанова. – М.: «Проспект», 2015. – 434 с.
3. Карпычев М.В., Хужин А.М. Гражданское право. – М.: ИД «Форум»; ИНФРА-М, 2014. – 784 с.
4. Невская О.В. Кто может быть судебным представителем и защитником? // Адвокат. – 2004. – № 10. [Электронный ресурс]. – Юридическая библиотека «Юрист.Либ» – Режим доступа: www.juristlib.ru (дата обращения 28.09.2012).
5. Осокина Г. Понятие, виды и основания законного представительства // Российская юстиция. – 1999. – № 1. [Электронный ресурс]. – Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения 28.09.2012).
6. Пиксин Н., Смирнов Д. Правовой институт судебного представительства // Российская правовая газета «эж-Юрист». – 2003. – № 38.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.04.2001. № 6659/99 // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 4.
8. Степанов О. Два способа передать полномочия // Кадровое дело. – 2004. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e.kdelo.ru> (дата обращения 28.09.2012).

Черкасов Константин Валерьевич

доктор юридических наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Нижегородский институт управления)
cherkasovkv1978@yandex.ru

Фаузер Вильгельм Эдуардович

Сыктывкарский государственный университет
wilhelmfau@gmail.com

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Статья посвящена основным проблемам административно-правовой регламентации предоставления государственных услуг. Рассматриваются наиболее часто встречающиеся противоречия и несоответствия федеральному законодательству норм административных регламентов, регулирующих предоставление государственных услуг. Раскрываются основные аспекты, а также практическое проявление указанных нарушений.

Выявлены, в том числе, следующие моменты, вызывающие сложности в реализации государственных услуг:

- нарушение сроков предоставления государственных услуг и исполнения административных процедур;
- отсутствие указания на право заявителя на получение информации и документов, необходимых для обоснования и рассмотрения жалобы;
- смешивание оснований для возврата документов, отказа в приеме документов, а также отказа в предоставлении государственных услуг;
- отсутствие полного перечня запретов, установленных Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»;
- несоответствие перечня документов, необходимых для предоставления государственной услуги, перечню, закрепленному в вышестоящих актах;

Сделан вывод о том, что некоторые из этих проблем могут быть устранены путем более четкого формулирования норм права, гармонизации законодательства, иные – путем издания руководящих положений, разработки методических рекомендаций, проведения работ с составителями административных регламентов.

Вместе с тем особую важность и необходимость устранения таких нарушений в сфере реализации государственных услуг представляет собой тот факт, что они являются одним из каналов непосредственного взаимодействия граждан и публично-правовых образований, в результате которого прокладывается множество путей для нарушений прав граждан, что недопустимо.

Ключевые слова: административное право, государственная услуга, административный регламент, проблемы правового регулирования, административная процедура, досудебное обжалование.

В связи с принятием Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3] (далее – Федеральный закон) оказание государственных услуг было выведено на новый уровень, более современный и близкий к международным стандартам. Подробные требования к административным регламентам оказания государственных услуг устанавливаются подзаконными актами Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, а также субъектов Российской Федерации.

Следует присоединиться к точке зрения Н.Ф. Поповой, согласно которой в настоящее время институт предоставления государственных услуг находится в стадии активного развития, которое также сопровождается появлением множества проблем, часть из которых постепенно разрешаются, иные имеют длящийся характер [15, с. 5]. Как верно отметили А.В. Куракина и Е.И. Юлгина, качество предписаний административных регламентов имеет высокое значение для их грамотного и надлежащего исполнения всеми субъектами взаимодействия [14, с. 758].

Среди наиболее частых несоответствий федеральному законодательству, встречаемых в нормативных правовых актах, которыми утверждены административные регламенты предоставления государственных услуг, необходимо отметить следующие.

Во-первых, это нарушение сроков предоставления государственных услуг и исполнения административных процедур. Пункт 4 статьи 14 Федерального закона гласит, что стандарт предоставления государственной услуги (как правило, это раздел 2 административного регламента) содержит срок предоставления государственных услуг.

Весьма характерными являются следующие нарушения.

1) неуказание сроков оказания государственных услуг.

Данное противоречие, к примеру, содержалось в Административном регламенте предоставления государственной услуги по предоставлению единовременной денежной выплаты народному дружиннику в случае причинения ему увечья (ранения, травмы, контузии) в связи с участием в охране общественного порядка, членам семьи погибшего (умершего) народного дружинника и лицам, на-

ходившимся на его иждивении, в случае гибели (смерти) народного дружинника в связи с его участием в охране общественного порядка, утвержденном приказом Агентства Республики Коми по социальному развитию от 06.08.2013 № 1711[9].

2) указание иных сроков, не соответствующих срокам, установленным в вышестоящих актах.

Примером такого противоречия может послужить Административный регламент предоставления государственной услуги по оформлению, государственной регистрации и выдаче лицензий на пользование участками недр местного значения, внесению изменений в условия пользования участками недр местного значения, принятию решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр местного значения, утвержденный приказом Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми от 04.06.2013 № 250 [8].

В частности, абзацем седьмым пункта 2.6.2 указанного Регламента в противоречие части пятой статьи 12 в ее взаимосвязи с частью третьей статьи 10 Закона Российской Федерации № 2395-1 от 21.02.1992 «О недрах» [2] был установлен пресекательный срок для подачи заявления, тем самым неправомерно ограничивший право пользователя на продление срока пользования участком недр, определенный вышестоящим законодательством.

3) отсутствие указания на момент времени, с которого требуется отсчитывать срок исполнения административной процедуры или оказания государственной услуги.

4) смешивание понятий рабочих и календарных дней.

В качестве одного из примеров данного нарушения можно указать Административный регламент государственной услуги по предоставлению участникам долевого строительства, включенным в реестр участников долевого строительства, социальных выплат в виде компенсации на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным участниками долевого строительства в кредитных организациях на строительство или приобретение жилых помещений на территории Республики Коми, в том числе, на строительство жилых помещений по договорам участия в долевом строительстве, утвержденный приказом Министерства экономического развития Республики Коми от 25.03.2014 № 109 [11]. Пункт 5.8 данного Регламента противоречит части 8 статьи 11.2 Федерального закона в части установления срока направления мотивированного ответа по жалобе в 1 рабочий день. Вместе с тем, Федеральным законом установлен срок в 1 календарный день.

Подводя итог, следует отметить, что неверно либо некорректно закрепленный в акте срок может повлечь затягивание предоставления государствен-

ной услуги в лучшем случае, в худшем – невозможность верно или четко истолковать положения акта.

В качестве иной серьезной проблемы можно отметить, что часто в административных регламентах отсутствует указание на право заявителя на получение информации и документов, необходимых для обоснования и рассмотрения жалобы. Требование об указании этого права заявителя вытекает из содержания подпункта «к» пункта 19 Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 (далее – Правила разработки и утверждения регламентов) [5], а также аналогичных правил субъектов Российской Федерации.

Кроме того, согласно части 2 статьи 24 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 [1], органы государственной власти и их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы.

Данная норма, в частности, отсутствовала в Указе Главы Республики Коми от 05.09.2012 № 109 «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по предоставлению в пределах земель лесного фонда лесных участков в аренду для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства в соответствии с охото-хозяйственными соглашениями» [6].

Таким образом, указанный выше пробел правового регулирования, содержащийся в ряде административных регламентов, напрямую нарушает конституционные права граждан.

Третьей важной проблемой является смешивание в административных регламентах оснований для возврата документов, для отказа в приеме документов, а также для отказа в предоставлении государственных услуг.

Например, пункт 2.18 Административного регламента предоставления государственной услуги по аккредитации на территории Республики Коми организаций, осуществляющих классификацию объектов туристской индустрии, включающих гостиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы, пляжи, утвержденного приказом Агентства Республики Коми по туризму от 23.06.2014 № 52-ОД [12], устанавливает в качестве оснований для отказа в предоставлении государственной услуги основания, предусмотренные федеральным законодательством для возврата документов.

Описываемое нарушение также может проявляться на практике в случаях, когда административный регламент одновременно указывает один и тот же юридический факт как основание для воз-

врата документов и для отказа в предоставлении соответствующей государственной услуги.

Последствия такая коллизия может иметь самые негативные. По сути, орган, который был обязан возвратить гражданину документы, например, в случае некомплектности (и тем самым дав ему возможность реализовать свое право на повторную подачу документов), вместо этого принимает их, а затем выносит решение об отказе в предоставлении государственной услуги. Срок ожидания гражданина при этом многократно увеличивается, и происходит это на совершенно законных основаниях, как способ органа «подстраховаться» от своей же ошибки за счет увеличения времени ожидания гражданина.

В-четвертых, нередко органы-разработчики административных регламентов не включают в них полный перечень запретов, установленных Федеральным законом (часть 1 статьи 7).

Данные запреты (например, осуществления действий, в том числе согласований, необходимых для получения государственных и муниципальных услуг и связанных с обращением в иные государственные органы, органы местного самоуправления, организации, за исключением предусмотренных Федеральным законом случаев) представляют собой, по сути, дополнительную гарантию для гражданина. Это способ для заявителя безапелляционно сослаться на норму, могущую защитить его права, если иные нормы административного регламента неясны или противоречивы.

Запреты устанавливают наиболее важные, базовые гарантии для заявителя при предоставлении государственной услуги. Их неуказание влечет за собой серьезную угрозу нарушения прав заявителей.

Среди примеров указанного несоответствия федеральному законодательству можно привести нормы приказа Управления Республики Коми по занятости населения от 30.12.2013 № 142-п «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по организации проведения оплачиваемых общественных работ» [10], в котором отсутствует один из указанных запретов.

В целях раскрытия существа данного вопроса необходимо также указать на следующее. Нередко в административных регламентах среди публично-правовых субъектов предоставления государственных услуг разделяются органы, предоставляющие государственную услугу и органы, участвующие в предоставлении государственной услуги. При этом указанные в статье 7 Федерального закона запреты распространяются только на орган, предоставляющий государственную услугу.

Федеральный закон не содержит ясного разъяснения данных понятий. Следовательно, орган, разрабатывающий административный регламент, вправе самостоятельно распределить объем обя-

занностей между органами, связанными с государственной услугой.

При этом порой участвующий в предоставлении государственной услуги орган может и самостоятельно принимать решение о предоставлении или об отказе в предоставлении государственной услуги. В этом случае невозможность применить к такому органу указанные выше запреты является опасным пробелом, лишаящим установленных правовых гарантий заявителя.

Пятой проблемой является несоответствие в административном регламенте перечня документов, необходимых для предоставления государственной услуги, перечню, закрепленному в вышестоящих актах.

Документы, которые гражданин обязан предоставить для оказания государственной услуги, должны быть указаны в виде исчерпывающего перечня (пункт 6 статьи 14 Федерального закона, подпункт «е» пункта 14 Правил разработки и утверждения регламентов).

Среди форм проявления данной проблемы можно выделить случаи:

1) в административном регламенте документы, которые заявитель вправе предоставить, указываются как документы, которые он обязан предоставить.

2) административный регламент требует предоставления дополнительных документов.

Например, подпунктом 5 пункта 18 Административного регламента предоставления государственной услуги по назначению и выплате ежемесячных, ежегодных, единовременных денежных компенсаций гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне», утвержденного приказом Агентства Республики Коми по социальному развитию от 16.05.2012 № 900 [7], установлен перечень документов, необходимых для получения ежемесячной компенсации за потерю кормильца – участника ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС, в том числе заверенная копия удостоверения, дающего право на меры социальной поддержки.

Однако данный документ не предусмотрен в перечне документов, установленном пунктом 3 Правил выплаты гражданам компенсаций за вред, нанесенный здоровью вследствие чернобыльской катастрофы, компенсации на оздоровление, а также компенсаций семьям за потерю кормильца, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 31.12.2004 № 907 [4].

3) помимо определенного перечня документов в административном регламенте присутствует указание на предоставление также «иных документов».

Все указанные факторы будут являться обременительными требованиями и условиями реали-

зации прав в виду необходимости представления тех документов, которые заявитель представлять не обязан.

Таким образом, как верно указывает В.О. Буряга, сама идея административного регламента предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций выдержала испытание временем. Данные акты прочно вошли в практику регламентации административных процедур, прежде всего, как инструмент закрепления результатов административной реформы по упорядочению и оптимизации управленческой деятельности [13, с. 43].

Некоторые из рассмотренных проблем могут быть устранены путем более четкого формулирования норм права, гармонизации законодательства, иные – путем издания руководящих положений, разработки методических рекомендаций, проведения работ с составителями административных регламентов. Вместе с тем особую важность и необходимость устранения нарушений в сфере реализации государственных услуг представляет собой то, что они являются одним из каналов непосредственного взаимодействия граждан и публично-правовых образований, в результате которого прокладывается множество путей для нарушений прав граждан, что недопустимо.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ; от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; 2008. – 31 декабря; 2014. – 7 февраля; 2014. – 23 июля).
2. Закон Российской Федерации № 2395-1 от 21.02.1992 «О недрах» (ред. от 29.12.2014) // Российская газета. – 1995. – 15 марта; 2014. – 31 декабря.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. – 2010. – 30 июля; 2014. – 30 июля.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2004 № 907 «О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (ред. от 04.03.2015) // Российская газета. – 2005. – 20 января; Официальный интернет-портал правовой информации, 06 марта 2015 г.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» (ред. от 23.01.2014) // СЗ РФ, 30.05.2011, № 22, ст. 3169; 03.02.2014, № 5, ст. 506.
6. Указ Главы Республики Коми от 05.09.2012 № 109 «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по предоставлению в пределах земель лесного фонда лесных участков в аренду для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства в соответствии с охотохозяйственными соглашениями» // Официальный Интернет-портал Республики Коми. – 2012. – 11 сентября.
7. Приказ Агентства Республики Коми по социальному развитию от 16.05.2012 № 900 «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по назначению и выплате ежемесячных, ежегодных, единовременных денежных компенсаций гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» (ред. от 31.03.2014) // Официальный Интернет-портал Республики Коми. – 2012. – 22 мая; 2013. – 10 июля.
8. Приказ Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми от 04.06.2013 № 250 «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по оформлению, государственной регистрации и выдаче лицензий на пользование участками недр местного значения, внесению изменений в условия пользования участками недр местного значения, принятию решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр местного значения» // Официальный Интернет-портал Республики Коми. – 2013. – 21 октября.
9. Приказ Агентства Республики Коми по социальному развитию от 06.08.2013 № 1711 «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по предоставлению единовременной денежной выплаты народному дружиннику в случае причинения ему увечья (ранения, травмы, контузии) в связи с участием в охране общественного порядка, членам семьи погибшего (умершего) народного дружинника и лицам, находившимся на его иждивении, в случае гибели (смерти) народного дружинника в связи с его участием в охране общественного порядка» (ред. от 25.02.2014) // Официальный Интернет-портал Республики Коми. – 2012. – 08 апреля; 2014. – 26 февраля.
10. Приказ Управления Республики Коми по занятости населения от 30.12.2013 № 142-п «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по организации проведения оплачиваемых общественных работ» // Официальный Интернет-портал Республики Коми. – 2013. – 06 ноября.

11. Приказ Министерства экономического развития Республики Коми от 25.03.2014 № 109 «Об утверждении административного регламента государственной услуги по предоставлению участникам долевого строительства, включенным в реестр участников долевого строительства, социальных выплат в виде компенсации на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным участниками долевого строительства в кредитных организациях на строительство или приобретение жилых помещений на территории Республики Коми, в том числе на строительство жилых помещений по договорам участия в долевом строительстве» // Бюллетень органов государственной власти Республики Коми. – 2014. – 04 апреля.

12. Приказ Агентства Республики Коми по туризму от 23.06.2014 № 52-ОД «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по аккредитации на территории Республики Коми организаций, осуществ-

ляющих классификацию объектов туристской индустрии, включающих гостиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы, пляжи» // Сетевое издание «Перечень правовых актов, принятых органами государственной власти Республики Коми, иной официальной информации». – 2014. – 30 июня.

13. Буряга В.О. Административные регламенты: возникновение идеи и ее развитие // Юридический мир. – 2013. – № 7. – С. 42–46.

14. Куракин А.В., Юлегина Е.И. Административные регламенты исполнения государственных функций и оказания государственных услуг в области осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 7. – С. 758–766.

15. Попова Н.Ф. Роль административных процедур в реализации прав, свобод и обязанностей граждан Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2014. – № 1. – С. 5–9.

ОБ ОЦЕНКЕ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Осуществляемое государством нормативное правовое регулирование (правоотношений хозяйствующих субъектов) должно быть направлено на решение максимального количества экономических вопросов при минимальном негативном воздействии для бизнеса. Меры государственного регулирования представляются оправданными лишь в том случае, когда установление нового нормативного правового регулирования помогает избежать некоторых несовершенств существующих рыночных правоотношений при наименее дорогостоящем регулировании, то есть, когда полученные в итоге выгоды выше, чем связанные с ним издержки. Таким образом, целесообразно выработать такие подходы к регуляторной политике, которые были бы основаны на аналитической оценке последствий устанавливаемого регулирования.

Цель проведения оценки регулирующего воздействия (ОРВ) состоит в информировании (адресатов регулирования) о подготавливаемых проектах нормативных правовых актов и иных управленческих решений, а также создании условий для обеспечения выбора наилучшего регулирования только по результатам надлежащего рассмотрения вероятных последствий его принятия.

Данная статья описывает особенности порядка проведения ОРВ в Костромской области и связанные с ним проблемы практического применения данной процедуры.

Проведенный анализ этой технологии свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования ОРВ в Костромской области, в том числе порядка проведения публичных консультаций с заинтересованными сторонами.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, правотворчество, оценка регулирующего воздействия, публичные консультации.

Ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования, установлено в качестве одной из целей проведенной в 2006–2010 годах в России Административной реформы [7].

Доказательство необходимости вмешательства в предпринимательскую деятельность «имеет целью повышение качества принимаемых решений в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности, что подразумевает оптимизацию (повышение эффективности) системы регулирования, содействие упорядочению нормотворческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности, выявление, отмену и предотвращение появления экономически нецелесообразных и неэффективных нормативных правовых актов, сокращение административных, экономических и организационных барьеров для развития предпринимательства» [24, с. 6].

Содержательной основой, на которой должна строиться процедура доказательства необходимости вмешательства в предпринимательскую деятельность, является оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ), под которой понимается «процесс определения проблем и целей регулирования, выбора альтернатив достижения этих целей, с целью исключения излишнего и необдуманного регулирования, и, с использованием научных и поддающихся последующей проверке техник, применяемых на всей имеющейся доступной ин-

формации, а также с учетом различных мнений, полученных в ходе консультаций, анализа издержек и выгод выбранных альтернатив» [23, с. 12].

Обеспечить развитие на региональном уровне процедур ОРВ проектов нормативных правовых актов (далее – НПА) в целях дальнейшего совершенствования системы государственного управления было поручено Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 [3].

Во исполнение данного Указа Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 184-ФЗ) [1] дополнен статьей 26.3-3, устанавливающей условия и порядок проведения ОРВ проектов НПА субъектов Российской Федерации и экспертизы НПА субъектов Российской Федерации.

Закрепление процедуры ОРВ в порядке, установленном администрацией Костромской области, предусмотрено в пункте 6 статьи 13 Закона Костромской области от 11.01.2007 № 106-4-ЗКО «О нормативных правовых актах Костромской области» (далее – Закон № 106-4-ЗКО) [8].

Данный порядок вместе с Порядком проведения публичных консультаций были утверждены постановлением администрации Костромской области от 27.06.2013 № 265-а «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Костромской области» (далее – постановление № 265-а) [10].

Наличие указанных порядков, наряду с заключением соответствующих соглашений с пред-

ставителями субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности и размещением информации о проведении публичных консультаций по проектам НПА и заключений об ОРВ на проекты НПА на официальном сайте уполномоченного органа [18], позволяют сделать вывод о создании в Костромской области предпосылок для формирования механизма обратной связи между бизнес-сообществом и органами государственной власти Костромской области в вопросах разработки проектов НПА с целью содействия в определении достижимости целей и обоснованности предлагаемого проектом НПА регулирования, а также возможных рисков и негативных эффектов, связанных с его введением.

Вместе с тем, по сравнению со сложившейся на федеральном уровне и в ряде других субъектов Российской Федерации практикой проведения ОРВ, участие субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности в проводимых в Костромской области публичных консультациях является затруднительным.

На основе проведенного анализа представляется, что данная проблема может быть обусловлена следующими факторами:

1. Недостаточной информированностью субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности Костромской области о процедуре ОРВ и проводимых в ее рамках публичных консультациях по проектам НПА или их нежеланием принимать участие в таких консультациях.

В свою очередь, нежелание принимать участие в проводимых публичных консультациях может быть связано как с отсутствием у представителей субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности специализированных навыков оценки выгод и издержек для отрасли своего бизнеса от устанавливаемого проектом НПА регулирования, так и фактическим отсутствием влияния заключений об ОРВ на процесс дальнейшей подготовки проектов НПА в Костромской области.

Так, ни в одном из подготовленных к настоящему времени заключений об ОРВ [18] не было сделано вывода о наличии в проекте НПА положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности и консолидированного бюджета Костромской области. Попытка какой-либо оценки выгод и издержек каждого из рассматриваемых вариантов достижения поставленных в проекте НПА целей предпринята только в отношении трех проектов НПА [14]. При этом количественная оценка выгод и издержек от вводимого

проектом НПА регулирования в заключениях об ОРВ не проводилась. Остальные заключения об ОРВ вообще не несут в себе какой-либо полезной для разработчика проекта НПА информации.

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что ОРВ, проводимая в настоящее время в Костромской области, влияющая на изменение положений проекта НПА в процессе его подготовки фактически не оказывает.

Отсутствие возможности оказать фактическое влияние на процесс подготовки проекта НПА путем направления в рамках ОРВ предложений по проекту НПА может демотивировать субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности в участии в публичных консультациях.

2. Фактической закрытостью проводимых в Костромской области публичных консультаций при декларируемом принципе публичности их проведения с заинтересованными сторонами процесса ОРВ.

Подпунктом 5 пункта 5 Положения о порядке проведения ОРВ [10] закреплён принцип публичности проведения консультаций с заинтересованными сторонами процесса ОРВ.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 2 Приложения № 2 к постановлению № 265-а [10] публичные консультации проводятся только с региональными объединениями предпринимателей, с которыми уполномоченным исполнительным органом по ОРВ заключены соглашения о взаимодействии.

Отсюда может быть сделан вывод о том, что предложения, поступившие от других субъектов предпринимательской деятельности, граждан и общественных организаций, на практике могут не учитываться.

3. Коротким сроком проведения публичных консультаций, недостаточным для всесторонней оценки выгод и издержек от устанавливаемого проектом НПА регулирования.

Даже если с организацией заключено такое соглашение, вероятность того, что в установленный срок по проекту НПА будут направлены объективные предложения, остается крайне мало (в соответствии с пунктом 13 Положения о порядке проведения ОРВ [10] срок публичного обсуждения проекта НПА составляет **5 календарных дней** со дня его размещения на официальном сайте, за исключением проектов законов Костромской области, в отношении которых срок публичного обсуждения не может составлять менее 10 календарных дней).

При этом согласно пункту 4.6 Методических рекомендаций Минэкономразвития России [5], такой срок рекомендуется устанавливать не менее чем 15 календарных дней со дня размещения проекта НПА и сводного отчета на официальном сайте.

Таким образом, участие в проводимых в Костромской области публичных консультациях, по

сравнению со сложившейся на федеральном уровне и в ряде других субъектов Российской Федерации практикой проведения ОРВ, представляется затруднительным. Так, за весь 2014 год лишь единожды Костромской союз промышленников успел за период проведения публичных консультаций указать в своем отзыве об отсутствии замечаний и предложений [12].

4. Широкий перечень оснований для не проведения ОРВ.

В соответствии с пунктами 8, 10 Порядка проведения ОРВ в Костромской области [10], необходимость проведения ОРВ проекта НПА определяется должностным лицом разработчика проекта НПА самостоятельно, посредством заполнения контрольного листа (приложение № 1 к Порядку проведения ОРВ в Костромской области [10]). В случае если в указанном контрольном листе на поставленные вопросы не получено ни одного положительного ответа, разработчик проекта НПА принимает решение о том, что проведение ОРВ не требуется.

При этом Порядком проведения ОРВ в Костромской области [10] даже не предусмотрена обязанность разработчика проекта НПА приводить обоснования, по которым процедура ОРВ не должна проводиться.

Соответствует ли такой подход требованиям пункта 1 статьи 26.3-3 Федерального закона № 184-ФЗ [1], по смыслу которых «ОРВ проводится в отношении всех проектов НПА субъектов Российской Федерации, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной предпринимательской деятельности»? Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что не соответствует [6].

Помимо этого несоответствия, данный подход также противоречит положениям Методических рекомендаций Минэкономразвития России [5], в соответствии с подпунктом «а» пункта 2.8 которых вывод о том, что проект НПА не содержит положений, регулирующих общественные отношения, относящиеся к предметной области ОРВ, делается уполномоченным (на проведение ОРВ) органом (а не разработчиком проекта НПА) по результатам предварительного рассмотрения проекта НПА и сводного отчета к нему.

Кроме того, пунктом 6 Порядка проведения ОРВ в Костромской области [10] установлены составы проектов НПА, на которые действие данного Порядка не распространяется. В частности, ОРВ не проводится по проектам НПА:

- по вопросам областного бюджета, бюджета территориального государственного внебюджетного фонда и отчетов об их исполнении, межбюджетных отношений, администрирования доходов в бюджетную систему Российской Федерации;
- о предоставлении бюджетных инвестиций;

- о порядке предоставления субсидий из областного бюджета.

В этой связи на практике целая сфера бюджетных правоотношений, подлежащих ОРВ в соответствии с указанными требованиями законодательства, остается лишенной возможности проведения объективного анализа последствий принятия предлагаемого проектами НПА регулирования.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 1 статьи 26.3-3 Федерального закона № 184-ФЗ [1], выявление в проектах НПА положений, способствующих возникновению необоснованных расходов бюджетов субъектов Российской Федерации, является одной из целей проведения ОРВ.

Аналогичным образом цель проведения ОРВ обозначена в пункте 6 статьи 13 Закона № 106-4-ЗКО [8].

Таким образом, Порядком проведения ОРВ в Костромской области предусмотрен широкий перечень оснований для не проведения процедуры ОРВ, что напрямую отражается на интенсивности осуществления данной процедуры в Костромской области.

Так, согласно данным официального сайта департамента экономического развития Костромской области [18], с момента внедрения процедуры в Костромской области (27.06.2013) было подготовлено 10 заключений об ОРВ (оценить фактическое количество проведенных за определенный период оценок довольно проблематично, поскольку указывать дату проведения ОРВ на официальном сайте или хотя бы в тексте самих заключений посчитали излишним).

Для сравнения только за 2014 год проведено:

- в Липецкой области – 43 заключения [16];
- в Ульяновской области – 45 заключений [20];
- в Югре – 49 заключений [17];
- в Краснодарском крае – 126 заключений [19];
- в Вологодской области – 127 заключений [22].

В результате субъекты предпринимательской и инвестиционной деятельности оказываются лишенными возможности оказывать влияние на процесс подготовки значимых для их деятельности проектов НПА путем направления предложений в рамках публичных консультаций.

Так, под процедуру ОРВ не попали такие, связанные с регулированием предпринимательской и инвестиционной деятельности проекты НПА, как, например, Закон Костромской области «О внесении изменений в статьи 4 и 5 Закона Костромской области «О транспортном налоге», постановление администрации Костромской области «О порядке предоставления субсидии на создание собственного бизнеса начинающим субъектам малого и среднего предпринимательства на 2014–2015 годы» и даже Закон Костромской области «Об экспертизе муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпри-

нимательской и инвестиционной деятельности, и оценке регулирующего воздействия проектов таких актов».

5. Завуалированием ответственности за подготовленное заключение об ОРВ.

В соответствии с пунктом 2 постановления Администрации Костромской области от 14.09.2012 № 366-а «Об уполномоченном органе государственной власти Костромской области по оценке регулирующего воздействия» [9], уполномоченным исполнительным органом государственной власти Костромской области по ОРВ определен департамент экономического развития Костромской области.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 3 постановления № 265-а [5], проведение ОРВ осуществляется совместно департаментом экономического развития Костромской области и ОГБУ «Агентство по развитию предпринимательства Костромской области» [10].

Фактически, в соответствии с приказом департамента экономического развития Костромской области от 07.11.2013 № 74 [11], все основные процедуры, связанные с проведением данной процедуры, отнесены к функционалу подведомственного ему ОГБУ «Агентство по развитию предпринимательства Костромской области».

Получение и анализ замечаний и предложений хозяйствующих субъектов по проекту НПА, фактически проводимый другим хозяйствующим субъектом (а не органом государственной власти), с последующей подготовкой им же заключения об ОРВ:

- противоречит положениям Федерального закона № 184-ФЗ¹ [1];
- не предусмотрено Методическими рекомендациями Минэкономразвития России² [5];
- нивелирует смысл Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601³ [3], в целях реализации которого постановление № 265-а [10] было принято;
- содержит признаки нарушения требований Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2], в соответствии с пунктом 3 статьи 15 которого запрещается на общих основаниях совмещение функций органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и функций хозяйствующих субъектов, а также наделение хозяйствующих субъектов функциями и правами органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В связи с последним обстоятельством, Управлением ФАС России по Костромской области в настоящее время выдано определение о назначении дела о нарушении антимонопольного законодательства к рассмотрению [15].

Данный подход к распределению полномочий по организации проведения публичных консультаций и подготовке заключений об ОРВ способствует

завуалированию ответственности за подготовленное заключение об ОРВ и напрямую сказывается на объективности сделанных в нем выводов о последствиях устанавливаемого проектом НПА регулирования⁴.

Закрытость проводимых в Костромской области публичных консультаций и короткий срок их проведения, широкий перечень оснований, по которым ОРВ вообще может не проводиться, недостаточный контроль за анализом подготавливаемых проектов НПА и низкое качество подготовленных заключений об ОРВ не позволяют сделать вывод об отнесении данной процедуры в Костромской области к действенному средству снижения административных барьеров в экономике, призванному служить искоренению причин и условий, снижающих конкуренцию и порождающих коррупцию в российском обществе⁵.

Вместе с тем, основные этапы внедрения процедуры ОРВ были выполнены (соответствующий закон издан [8], порядок проведения ОРВ утвержден [10], уполномоченный орган назначен [9]), а определенные предпосылки для формирования механизма обратной связи между бизнес-сообществом и органами государственной власти Костромской области в вопросах разработки проектов НПА созданы.

Данные обстоятельства позволили Костромской области занять 31 место в общем рейтинге качества осуществления ОРВ и экспертизы в субъектах Российской Федерации, подготовленном Минэкономразвития России [21].

В конечном счете, Костромская область сейчас только начинает внедрять у себя данную процедуру, поэтому «не исключено, что принятая к настоящему времени модель реализации ОРВ претерпит изменения».

Примечания

¹ Учитывая, что Федеральным законом № 184-ФЗ [1] регулируются деятельность исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, их полномочия и ответственность, ОРВ в соответствии с пунктом 1 статьи 26.3-3 Федерального закона № 184-ФЗ, также должна осуществляться непосредственно органами государственной власти субъектов Российской Федерации

² Согласно пункту 1.5 Методических рекомендаций Минэкономразвития России [5], уполномоченным органом (на проведение ОРВ) является орган государственной власти субъекта Российской Федерации, ответственный за внедрение процедуры ОРВ и выполняющий функции нормативно-правового, информационного и методического обеспечения ОРВ, а также оценки качества проведения процедуры ОРВ разработчиками проектов нормативных правовых актов.

Иные заинтересованные лица в соответствии с пунктом 1.6 Методических рекомендаций Минэкономразвития России [5] являются участниками процедуры ОРВ и экспертизы и принимают участие в публичных консультациях в ходе проведения процедуры ОРВ и экспертизы.

³ В соответствии с абзацем пятым подпункта «д» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 [3]: «Правительству Российской Федерации поручено «до 01.01.2013 обеспечить реализацию мероприятий, направленных на дальнейшее совершенствование и развитие института ОРВ проектов нормативных правовых актов, в том числе обеспечить развитие на региональном уровне процедур ОРВ проектов нормативных правовых актов, а также экспертизы действующих нормативных правовых актов, **имея в виду законодательное закрепление таких процедур в отношении органов государственной власти субъектов Российской Федерации** – с 2014 года, органов местного самоуправления – с 2015 года».

⁴ Довод о необъективности сделанных в заключениях об ОРВ выводах наглядно демонстрируется в подготовленном ОГБУ «Агентство по развитию предпринимательства Костромской области» заключении об ОРВ на проект постановления администрации Костромской области «Об утверждении Порядка управления деятельностью бизнес-инкубатора Костромской области и признании утратившими силу отдельных правовых актов Костромской области», который непосредственно регулирует деятельность данной организации [13].

⁵ Такой процедура ОРВ рассматривается в Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы [7].

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 26.02.2015).
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 26.02.2015).
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170942/> (дата обращения: 26.02.2015).
4. Приказ Минэкономразвития России от 25.09.2012 № 623 «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению процедуры и поряд-

ка проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ar.gov.ru/files/page/320_623.pdf-d (дата обращения: 26.02.2015).

5. Приказ Минэкономразвития России от 26.03.2014 № 159 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 26.02.2015).

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2014 № 44-АПГ14-13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 26.02.2015).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10.06.2011 № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 26.02.2015).

8. Закон Костромской области от 11.01.2007 № 106-4-ЗКО «О нормативных правовых актах Костромской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 26.02.2015).

9. Постановление администрации Костромской области от 14.09.2012 № 366-а «Об уполномоченном органе государственной власти Костромской области по оценке регулирующего воздействия». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 26.02.2015).

10. Постановление администрации Костромской области от 27.06.2013 № 265-а «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Костромской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 26.02.2015).

11. Приказ департамента экономического развития приказа от 07.11.2013 № 74 «Об участии ОГБУ «Агентство по развитию предпринимательства Костромской области» в оценке регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов и экспертизе действующих правовых актов». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 26.02.2015).

12. Заключение об ОРВ на проект закона Костромской области «О внесении изменения в статью 17 Закона Костромской области «Об объектах

культурного наследия (памятниках истории и культуры), расположенных на территории Костромской области» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dep-economy44.ru/proceduraorv> (дата обращения: 26.02.2015).

13. Заключение об ОРВ на проект постановления администрации Костромской области «Об утверждении Порядка управления деятельностью бизнес-инкубатора Костромской области и признании утратившими силу отдельных правовых актов Костромской области», который непосредственно регулирует деятельность данной организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dep-economy44.ru/proceduraorv> (дата обращения: 26.02.2015).

14. Заключение об ОРВ на проект закона Костромской области «О внесении изменений в Закон Костромской области «О налоге на имущество организаций на территории Костромской области», на проект закона Костромской области «Об установлении случаев, при которых не требуется получение разрешения на строительство на территории Костромской области», на проект постановления администрации Костромской области «О внесении изменений в постановление администрации Костромской области от 12.10.2010 № 353-а» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dep-economy44.ru/proceduraorv> (дата обращения: 26.02.2015).

15. Материалы дела о нарушении антимонопольного законодательства № 04-83/1266.

16. Официальный сайт Администрации Липецкой области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://admlip.ru/activities/otsenka-reguliruyushchego-vozdeystviya/publicnyekonsultatsii-po-proektam-npa-2014> (дата обращения: 26.02.2015).

17. Официальный сайт государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа - Югры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.admhmao.ru/wps/portal/hmao/dokumenty/ocenka/zakl/!ut/p/b1/jc5LCsIwEIDhs3gAmUnTmumyLpKmuoN9qMIGKkgp9rERz28EXbioOruBb5gfHfGWCSEYJ8HgcG5s7l3b3LppbPrn7lYnFJTncclDGdSEiao1EieqK-6B9SDRVbHfKIYUM0QdlyKQqULMwv_uсWYs_HWfgWv76exTD-C-4ki8wLfYT2DIEOpUftXOGK4Uf7-Yz92m03AB65mYK2HIoQK7hsH1kq6dXqp28QD6r6Qz/pw/Z7_078MM9S34F2U80AGUI08388103/r_e_n/p=WCM_PI=1/p=ns_Z7_078MM9S34F2U80AGUI08388103_

WCM_PreviousPageSize.ede5ec85-d15a-4a39-b460-1c5d7b1003ca=20/p=CTX=QCPwebQCAcontentQCPConsumerQCP7e406964-7ccd-45b5-9494-4bb46ea518db/p=ns_Z7_078MM9S34F2U80AGUI08388103_WCM_Page.ede5ec85-d15a-4a39-b460-1c5d7b1003ca=1/-/ (дата обращения: 26.02.2015);

18. Официальный сайт департамента экономического развития Костромской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dep-economy44.ru/proceduraorv> (дата обращения: 26.02.2015);

19. Официальный сайт Министерства экономики Краснодарского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.krasnodar.ru/regulatory-impact-assessment/draft-normative-legal-acts-aimed-at-the-public-consultations/2014> (дата обращения: 26.02.2015).

20. Официальный сайт Министерства экономического развития Ульяновской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econom73.ru/structure/%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB-%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8-%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%8E%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE-%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 26.02.2015).

21. Официальный сайт Минэкономразвития России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depregulatinginfluence/201412163> (дата обращения: 26.02.2015);

22. Официальный сайт Правительства Вологодской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/dokumenty/otsenka_reguliruyushchego_vozdeystviya/?PAGEN_1=8 (дата обращения: 26.02.2015);

23. A comparative analysis of regulatory impact assessment in ten EU countries// Dublin. – 2004. – 199 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wbginvestmentclimate.org/uploads/9.ReportonRIAEU.pdf> (дата обращения: 26.02.2015);

24. Шитвак Е.Г., Мигин С.В., Шамрай А.А., Соболев Д.В., Куртов О.А. Повышение качества решений в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности. Оценка регулирующего воздействия // Дергулирование экономики и устранение административных барьеров. – М., 2005. – 74 с.

Бибиков Александр Иванович
доктор юридических наук, профессор
Ивановский государственный университет
aibibikov@yandex.ru

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ

*Принцип добросовестности, закрепленный в Гражданском кодексе РФ, призван обеспечить ограничение автономии воли сторон и социализацию гражданских правоотношений. В этой связи в статье анализируются высказанные в литературе взгляды на понимание этой правовой конструкции, указывается на недостаточность и неэффективность оценки добросовестности как нравственного явления. Обращение к судебной практике показывает, что суды в толковании принципа добросовестности исходят из материально-правовых критериев оценки добросовестного поведения, которое не должно входить в противоречие с балансом интересов сторон в гражданском правоотношении. Все проанализированные случаи в качестве общего знаменателя имеют под собой такую реализацию частнопредметной свободы, которая ведет к нарушению принципа равенства и, как следствие, извлечению необоснованных преимуществ, вызванных таким поведением. Исходя из этимологии римской *bona fidei*, где *bona* означает имущество, благо, ценность, а *fidei* – веру, доверие, удостоверение, в статье дается новое понимание добросовестности, содержание которого выражено в тех же ценностных измерителях, что и измерители свободы поведения контрагентов гражданских правоотношений. Это дает возможность рассматривать добросовестность (*bona fidei*) не только в виде нравственной категории, но и как категории гражданско-правовой, выраженной в требовании признания ценности прав и законных интересов контрагента как своих собственных. В таком понимании требование добросовестного поведения выступает объективным фактором поддержания сбалансированности в проявлении принципов равенства и частнопредметной свободы. С субъективной же стороны недобросовестное поведение придает окраску действию лица, как действию неправомерному и требующему соответствующей реакции со стороны права.*

Ключевые слова: автономия воли, как мера возможного, ценность благ контрагента, разумный баланс интересов.

Среди новелл Гражданского кодекса РФ, введенных ФЗ от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ, наиболее значимым и резонансным стало законодательное закрепление принципа добросовестности в ст. 1 ГК РФ и связанное с этим последовательное проведение его в жизнь в качестве критерия определения злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) и применения правила эстоппель, лишаящего сторону спора права на возражение по причине ее предшествующего поведения или соглашения (п. 2 и 5 ст. 166, п. 3 ст. 173.1, п. 1 ст. 183, п. 2 ст. 431.1 ГК РФ) и выступающего в качестве своеобразной санкции за нарушение принципа добросовестности.

Суть принципа изложена в п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ: при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения. Из этого положения следует, что, во-первых, принцип добросовестности распространяется на все стадии поведения участников гражданских правоотношений (и на установление прав, и осуществление и на защиту), и, во-вторых, выступает ограничителем (пределом) проявления автономии воли участников гражданских правоотношений, формой выражения которого выступает запрет на такое незаконное или недобросовестное поведение, которое может привести к извлечению преимуществ, вызванных этим поведением.

Именно эта, вторая составляющая принципа добросовестности была достаточно давно известна частнопредметному порядку. В частности, в римском праве предметной основой применения *iudiciae bonae fidei* выступали те формы злоупотребления автономией воли, которые в качестве меры возможного предоставлялись стороне старым позитивным правом (*ius strictum*). Так, недобросовестному использованию формального инструментария гражданского права была противопоставлена преторская защита, опирающаяся на выработанные ею эксцепции (*exceptio doli*) и иски доброй совести (*actio bonae fidei*). Претором выявлялись те или иные формы недобросовестного проявления воли в сделках, ответом на которые стали такие преторские способы защиты, как ввод во владение – *missio possessionis* и реституция. Таким образом, принцип добросовестности и раньше, и теперь используется в гражданском праве как естественный противовес (ограничитель) принципа частнопредметной свободы (автономии воли) участников гражданских правоотношений.

Вместе с тем ключевым остается вопрос: как следует толковать добросовестность применительно к поведению субъектов в рамках гражданского правоотношения? К сожалению, в доктрине единообразного подхода к ее определению нет. Для понимания этой конструкции и необходимости ее использования следует обратиться к онтологическим корням появления категории добросовестности в гражданском праве. Прежде всего, следует констатировать, что добросовестность не является

универсальной конструкцией гражданского права, поскольку таковыми в нем выступают правовые конструкции рыночных отношений. Добросовестность же является нравственной категорией, которую участники рыночных отношений не могут ставить в основу своего поведения в качестве всеобщего, универсального критерия.

Добросовестность, как и ранее, квалифицируется как «неопределенное» [11, с. 256–257], «неуловимое, несмотря на его “соблазнительную простоту”», понятие [15], вносящее в гражданское право не свойственные ему нравственные начала и несущее в себе одновременно объективное требование соблюдения определенного стандарта поведения и субъективный критерий оценки поведения участников гражданских правоотношений.

Действительно, добросовестность в новой редакции ГК РФ, с одной стороны, возводится в принцип, то есть позиционируется в качестве общего требования к поведению (п. 3–4 ст. 1, п. 2 ст. 6, п. 1 ст. 10 ГК РФ), имеющего универсальный характер. С другой стороны, добросовестность используется во множестве норм ГК РФ в качестве критерия поведения лица, установленного законом в данном конкретном правоотношении, то есть специального, особого предписания (ст.ст. 51, 53.1, 60.2, 145, 167, 220, 234, 302 ГК РФ и др.). Именно в такой двойственной конфигурации добросовестность и выступает теперь как естественный ограничитель частноправовой свободы участников гражданских правоотношений. Как справедливо отмечает Д.В. Дождев, добросовестность выступает дополнительным требованием, присутствие которого свидетельствует, что данная нормативная система не чужда нравственности, и правовая форма принимает известные содержательные ограничения, способные если не снять, то смягчить ее абстрактный уравнивающий характер [6, с. 97].

В этой связи возникает главный вопрос: одинаково ли понимание добросовестности в этих двух конфигурациях ее закрепления и применения в законе?

Добросовестность, как специальное предписание закона, уже давно и в литературе, и в судебной практике понимается как субъективное извинительное состояние лица, свидетельствующее о незнании существования юридического факта, придающего собственному действию данного лица или действию его контрагента значение действия противоправного [10, с. 125; 7, с. 91–93; 1, с. 535]. В этом смысле, как верно замечает В.И. Емельянов, понятие добросовестности совпадает с понятием невинности [7, с. 91], используемом, например, в п. 1 ст. 234, ст. 302 ГК РФ, и в значительной степени отражающем этимологию слова «совесть», как «совместное знание чего-то» [14, с. 184].

Напротив, добросовестность как общее объективное требование, во многих случаях обращенное

законом ко всем субъектам гражданского права вообще (ст.ст. 1, 6, 10 ГК РФ) или лишь к участникам данного конкретного гражданского правоотношения (п. 3 ст. 53; п. 3 ст. 53.1; п. 4 ст. 62; п. 3 ст. 602; ст. 662 ГК и др.), в своем понимании как ограничителя частноправовой свободы и, главное, механизма его действия в доктрине трактуется не однозначно.

По мнению большинства авторов, введение принципа добросовестности свидетельствует о социализации гражданского права и направлено на укрепление нравственных начал правового регулирования гражданских отношений [2, с. 34], в которых доминирующим началом все же является воля контрагентов. Как нравственная категория добросовестность корректирует свободу воли на формирование модели эталонного поведения, в основе которого лежат представления о честности, правдивости, почтительности, вежливости и доброты, должном проявлении уважения к справедливым интересам окружающих, допустимой степени проявления эгоизма в правовом поведении [10, с. 125; 3, с. 10–12; 9, с. 17–24].

Другая группа авторов полагает, что принцип добросовестности как критерий оценки поведения субъекта, осуществляющего право, не должен носить нравственной нагрузки и по существу должен все равно сводиться к оценке знания или незнания субъектом фактов, недопустимых с точки зрения закона [4, с. 532]. Если право разумно и признается гражданским оборотом, уточняет К.И. Скловский, то ему нет нужды апеллировать к доброй совести. Добрая совесть вытесняется из строя позитивных прав и занимает место среди общих предпосылок механизма правового регулирования (свободы воли, разумности, осмотрительности и проч.), где нравственный фон, сопровождающий добрую совесть, уже не составляет ее существа. И как следствие, делает вывод автор, действие добросовестности не может быть автоматическим и тотальным [12, с. 81–83]. Последовательное развитие этих идей, в конечном счете, приводит некоторых авторов к отрицанию существования добросовестности как принципа гражданского права. Добросовестность, пишет, в частности, А. В. Ульянов, – это этически нейтральная категория. Как субъективное состояние добросовестность относится к области формирования воли субъектов в правоотношении и встраивается в юридический состав (структуру юридических фактов) по воле законодателя [13, с. 133–140].

С последней точкой зрения можно было бы полностью согласиться, если бы не было новой редакции ст. 1 ГК РФ, которая все же называет добросовестность в качестве важнейшего начала гражданского законодательства. И это требует, с одной стороны, оценки данного принципа с точки зрения его места в системе гражданско-правовых

категорий, и с учетом этого, с другой стороны, выработки возможных подходов к законодательному закреплению механизма применения принципа добросовестности в тех или иных гражданских правоотношениях.

На наш взгляд, трактовка принципа добросовестности как чисто нравственной категории несовместима с природой отношений, регулируемых гражданским правом. Такой механистический перенос данной этической категории на почву экономических отношений ничего не меняет в существе этих гражданско-правовых отношений и в характере их реализации. Материальные объекты, по поводу которых формируются эти отношения, и тот материальный интерес, который выступает движущей силой их развития, предопределяют доминирующее положение автономии воли как ведущего начала в возникновении, реализации и прекращении гражданских правоотношений. Такая свобода воли, сколько бы мы ее не пытались идеологизировать призывами о честности и правдивости, вежливости и доброте, почтительности и справедливости, не может изменить своей эгоистической материальной ориентации. Следовательно, категория добросовестности для достижения целей социальной ориентации в реализации гражданских правоотношений должна приобрести ту же материальную окраску, какую имеют сами эти правоотношения.

В этом плане небезынтересен опыт судебного толкования понятия добросовестности. Трактовка принципа добросовестности как частноправового инструмента ограничения чрезмерного проявления автономии воли контрагентами гражданских правоотношений в конкретных судебных решениях, как можно увидеть, совершенно лишена какой-либо нравственной окраски.

Так, Президиум ВАС РФ, передавая дело на новое рассмотрение, указал, что суды не дали оценки добросовестности поведения банка, который должен был действовать в допустимых пределах осуществления гражданских прав. В ситуации, когда участниками кредитного договора являются, с одной стороны, предприниматель, а, с другой, – крупный банк, в силу положений ст.ст. 1 и 10 ГК РФ должна быть исключена возможность кредитной организации совершать действия по наложению на контрагентов неразумных ограничений или по установлению необоснованных условий реализации контрагентами своих прав (в деле – одностороннего изменения банком размера процентной ставки с 14% до 24,5% в случае изменения ставки рефинансирования в 2008 г.). Односторонне изменяя условие кредитного договора, банк должен был доказать наличие оснований, с которыми по условиям договора связана возможность одностороннего изменения банком размера платы (процентов) за кредит. Своими действиями банк *нарушил*

разумный баланс прав и обязанностей сторон, что противоречит устоявшимся деловым обычаям, нарушает основополагающие частноправовые принципы разумности и добросовестности (Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 г. № 13567/11 по делу № А71-10080/2010-Г33).

Анализируя разрешение споров, возникших между сторонами договора выкупного лизинга, об имущественных последствиях расторжения данного договора Пленум ВАС РФ, в частности, указал, что расторжение договора выкупного лизинга, в том числе по причине допущенной лизингополучателем просрочки уплаты лизинговых платежей, *не должно влечь за собой получение лизингодателем таких благ, которые поставили бы его в лучшее имущественное положение, чем то, в котором он находился бы при выполнении лизингополучателем договора в соответствии с его условиями* (пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ) (П. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»).

В споре о размере цены в договоре возмездного оказания услуг Президиум ВАС РФ указал, что суды удовлетворили исковое требование охранного предприятия, не установив объема фактически оказанных услуг и их действительной стоимости. Между тем, представленные заказчиком доказательства указывают на то, что годовая стоимость охранных услуг превышает стоимость активов заказчика. Названное обстоятельство, подчеркнул Президиум ВАС РФ, подразумевает необходимость *оценки со стороны суда действий сторон по согласованию столь высокой цены на охранные услуги с точки зрения добросовестности охранного предприятия по установлению такой цены за свои услуги и разумности заказчика по ее принятию* (ст.ст. 1 и 10 ГК РФ) (Постановление Президиума ВАС РФ от 14.11.2006 г. № 8259/06 по делу № А40-38670/04-63-424).

Нетрудно увидеть, что суд в толковании недобросовестности в качестве критериев берет не нравственные, а исключительно материально-правовые ценности спорных правоотношений: нарушение разумного баланса прав и обязанностей в первом случае, нарушение баланса имущественных благ, установленных условиями договора, во втором и некоторый аналог проявления доктрины *laesio enormis* в третьем. Все эти случаи в качестве общего знаменателя имеют под собой *такую реализацию частноправовой свободы, которая ведет к нарушению принципа равенства и, как следствие, извлечению необоснованных преимуществ, вызванных таким поведением*.

Отталкиваясь от приведенного выше судебного толкования добросовестности, можно сказать, что понимание частноправовой свободы и ее границ, в том числе, очерченных требованием равенства и добросовестности поведения, может быть пра-

вильно понято только в рамках общего представления о свободе как мере возможного [5, с. 302], то есть как некой совокупности предопределенных действительными факторами предпосылок проявления воли, ведущей к возникновению новой правовой действительности. В этом смысле частноправовая свобода, присущая участникам гражданских отношений, со стороны самих обладателей этой свободы выступает важнейшим инструментом реализации их потребностей и интересов, преобразования не только их частной жизни, но и всей частноправовой среды.

Однако частноправовая свобода как мера возможного имеет и другой аспект понимания, обусловленный действительными факторами существования самого правоотношения, в котором эта свобода реализуется. Именно правоотношение, в рамках которого свобода воли реализуется, позволяют оценить свободу как меру возможного не только со стороны восприятия объективных, но и субъективных факторов действительности. В частности, со стороны контрагентов правоотношения свобода каждого такого субъекта может представлять не только благо, но и неизбежное вторжение в свободу контрагента и, как следствие, ограничение этой свободы и даже зло, представленное в виде свободы злоупотребления частноправовой свободой. Свобода одной стороны в правоотношении, следовательно, ограничена свободой другого, как и наоборот, и в этом смысле задача реализации свободы каждого состоит в познании свободы другого как необходимости познания своей свободы для блага не только своего дела, но и интересов гражданского оборота.

Добросовестность, как принцип, исторически и в контексте нового содержания ст. 1 ГК РФ используется в качестве инструмента, облегчающего процесс взаимного познания контрагентами правоотношения свободы своего поведения. Поэтому в качестве инструмента познания свободы добросовестность должна выступать как ограничитель, содержание и параметры которого выражены в тех же ценностных измерителях, что и измерители самой свободы поведения контрагентов.

В силу п. 1 ст. 2 ГК РФ, определяющего предмет гражданско-правового регулирования, частноправовая свобода наряду с равенством, выступают основой гражданских имущественных и личных неимущественных правоотношений. Однако, будучи основой этих правоотношений, сама частноправовая свобода детерминирована материальным и иным нематериальным содержанием данных отношений, то есть ценностью тех благ, по поводу которых они возникли.

При таком понимании взаимосвязи гражданско-правовых отношений и свободы их реализации частноправовой инструментальной ограничении такой свободы через принцип добросовестности

должен быть детерминирован теми же ценностными измерителями. А сама *добросовестность поведения контрагента определяться как такое волевое действие, которое совершается с учетом ценности благ другого контрагента* («познания свободы другого»), и в этом смысле выступающее результатом необходимости познания свободы своего собственного волевого действия, совершаемого для блага своего дела.

Следует заметить, что этимология римской *bona fidei* дает почву именно для такой трактовки этой конструкции. Если *fides*, *fidei* с латинского переводится как вера, доверие, честность, обещание, клятва, доказательство, удостоверение, то слова *bonus*, *bonum*, *bona*, имеют двойное значение: с одной стороны, они несут в себе такие нравственные характеристики, как добрый, хороший, храбрый, справедливый, честный, порядочный, а с другой, означают добро (имущество, состояние), благо, пользу. Последний смысл в понимании добросовестности (*bona fidei*) представляет ее уже не только в виде нравственной категории, но и *как категории гражданско-правовой, выраженной в требовании признания ценности прав и законных интересов контрагента как своих собственных*. Соответственно, *явное пренебрежение ценностями прав и законных интересов своего контрагента ради ценностей исключительно своих прав и законных интересов будет характеризовать поведение как недобросовестное*.

Такой методологический подход в познании сущности добросовестности, по сути, объясняет диалектику объективного и субъективного моментов в этой категории. Объективная сторона добросовестности основывается на принципе равенства как основополагающем начале гражданского права. Дело в том, что в системе принципов гражданского права его основополагающие идеи выстраиваются на началах иерархии, в которой принципы равенства и частноправовой свободы занимают доминирующее положение по отношению к другим принципам. Равенство основывается на частноправовой свободе, а частноправовая свобода – на равенстве. Однако если равенство сторон выступает объективной основой гражданско-правовых отношений, то автономия воли сторон в правоотношении представляет собой объективную предпосылку формирования частноправового строя, который, как писал И.А. Покровский, предполагает для своего бытия «наличность множества самоопределяющихся центров», «носителей собственной воли и инициативы», а, следовательно, и особый прием, тип правового регулирования посредством юридической децентрализации [11, с. 43–44]. При таком типе регулирования частноправовая свобода получает субъективное выражение – действовать по своему усмотрению (ст.ст. 9, 209, 421 ГК РФ и др.). Такая свобода усмотрения вместе с тем может порождать

факты злоупотребления этой свободой, а значит – нарушать объективно выраженную взаимосвязь принципов равенства и частноправовой свободы. Поэтому ведущая роль равенства как основного начала требует установления границ частноправовой свободы, сдерживающих механизмов ее эгоистического проявления. Требование добросовестного поведения и выступает объективным фактором поддержания сбалансированности в проявлении принципов равенства и частноправовой свободы.

Однако требование добросовестности, будучи объективным фактором формирования воли субъектов гражданского права, имеет и свою обратную субъективную составляющую – психическое отношение к своим действиям, несущим осознание (или неосознание) того, насколько эти действия совершаются с учетом ценности благ другого контрагента. В этом смысле добросовестность, не будучи явлением материального мира, а значит, и юридическим фактом, тем не менее, как и вина [8, с. 108], придает окраску действию лица, как действию неправомерному и требующему соответствующей реакции со стороны права.

Библиографический список

1. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. – М., 2011. – 1093 с.
2. Богданов Е.В. Гражданское право России как регулятор экономических отношений // Законодательство и экономика. – 2008. – № 1. – С. 29–36.
3. Вороной В. Добросовестность как гражданско-правовая категория // Законодательство. – 2002. – № 6. – С. 10–20.
4. Гражданское право. В 4-х тт. Т. 1. Общая часть: Учебник / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – М., 2004. – 720 с.
5. Диалектический материализм. Учебное пособие / под ред. А.П. Шептулина. – М., 1974. – 328 с.
6. Дождев Д.В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность. – М., 2000. – С. 96–128.
7. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 160 с.
8. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права // Красавчиков О.А. Избранные труды. В 2-х т. Т. 2. – М., 2005. – 494 с.
9. Микрюков М.А. Принцип добросовестности – новым нравственным ограничителем гражданских прав // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 17–24.
10. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 2006. – Т. 6. – № 1. – С. 124–181.
11. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2003. – 351 с.
12. Скловский К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 79–94.
13. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 133–140.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. – М., 1994. – 562 с.
15. Zeller Bruno. Good Faith – The Scarlet Pimpernel of the CISG [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/zeller2.html> [2000 (дата обращения: 26.03.2015)].

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Svetlana A. Kurochkina

*Ministry of culture, press and national policy
of Mari El autonomy, Russia; Yoshkar-Ola City
kurochkina-sveta@bk.ru*

Bowls of the Lower Volga capitals of Ulus of Jochi

In the second half of the 13th—14th centuries, in the Lower Povolzhye small bowls appeared among the range of red clay ceramics. These were the vessels with a truncated cone and circular top part, and small bottom. However, they are found on many sites of ancient settlement of the Golden Horde, but this form has its own specific features in every case. It is connected with the fact that local traits of ceramics developed in the settlements of the Golden Horde. In the towns of Sarai-al-Maqrus and Sarai-al-Jadid, original schools of ceramics with the two groups of pottery associations emerged. The first group produced unglazed red clay ceramics. The other one released both unglazed and glazed red clay ceramics. In the pottery sector of these towns, red clay bowls can be divided in two groups: unglazed and glazed red clay ceramics. In terms of additional surface treatment in the group of unglazed bowls, one more section is singled out: ceramics without engobing and polishing. This article points out several variants of these items paying attention to their frame, collar and underpan. There are also two groups of glazed bowls in terms of nature of their additional treatment: with green glaze over engobing priming colour and with yellow glaze over engobing priming colour. In turn, it should be mentioned about a few variants of concerned objects by their frame, collar shape, underpan and colour of the covering glaze. At the same time, when characterizing glazed bowls, it's necessary to draw attention to the techniques of making the circular shape of underpan and to order of the item moulding. Craftsmen who made them worked under the influence of the Trans-Caucasian and Central Asian traditions. The most of people evidently used clay bowls to drink tea.

Keywords: ceramics, making techniques, red clay ceramics, glazed and unglazed ceramics, bowls.

Dmitriy I. Polyvyanny

*Ivanovo State University
dipol53@mail.ru*

Natal'ya V. Yeşilli

*Ivanovo State University
ecce_homo@mail.ru*

Brigandage in the Ottoman court records of the 16th—18th centuries: the problems of terminology

The article is devoted to the main reasons of the variety of terminology of hajduk movement as a form of brigandage in the Ottoman Shariat court records of the 16th—18th centuries. The synthetic nature of Ottoman Turkish language and its propensity for the assimilation of new terms (due to which a great amount of Arabic and Persian vocabulary was present in it), measurably reflected the typology of brigandage defined by

a vast range of concepts. Terminological diversity of the Ottoman court records reflects as well peculiarities of using Sharia that distinguished between different thieves categories concerning punishment for them. The word “hajduk” came to the territory of the Ottoman Empire in connection with the strained situation on the Hungarian border, further having turned into the equivalent of the most traditional denotation of banditry (“eşkiya”), and in the conditions of the growing structural crisis of the 18th century – into the equivalent of the term “rebel” which gained more widespread currency due to the Sharia norm intended to the removal of a group of people accused of armed riot against authorities. Several versions of which the most compelling is the version of the Romanian historian Traian Ionescu Nişkov, according to which, it originates from the Hungarian “hajdú” - “cattleman”, there is about the origin of the word “hajduk”. 14 documents in the original with the word “haydut” or combining it with other terms, were revealed by the analysis of the available data.

Keywords: Ottoman Empire, Sharia law, court, brigandage, terminology.

Anna N. Shigareva

*Nekrasov Kostroma State University
aufklaerung@yandex.ru*

Frederick the Great on the lessons of the European history

Trying to trace the role of addressing to the lessons of the European history in the ideas of the Enlightenment Absolutism eminent representative – Frederick II, the Hohenzollern king, reigning over the Kingdom of Prussia in 1712-1786 – has been made in the article. Not only the attitude of the king to certain historical figures or facts, but also his understanding of the historical process, of previous eras has been the subject of consideration. Historical representation of the monarch quite fit into the discourse of the Enlightenment: derogatory characteristics of the Middle Ages and the exaltation of Antiquity. He puts the value of his own era higher than the achievements of the predecessors. But, unlike the enlightened writers, in King Frederick, appealing to the past of European history could be dictated by pragmatic motives. Prussia's foreign policy during his reign (1740—1786) was aimed at changing the political borders in Central and Eastern Europe. Need to legitimize territorial increments often forced the king to resort to the method of historical associations, establishing parallels between modern and historical events. This rationally minded ruler was quite ready to part with the religious basis of the “old order”, but not with “benevolent despotism” doctrine. Defending the apogee of the absolute monarchy in France, the Sun King's (Louis XIV's) epoch, King Frederick shielded the Prussian political regime from criticism. The history of Europe for this enlightened king is a kind of textbook of big politics and at the same time a

means of representation of his own political line as a service to society and the state.

Keywords: international relations history, Modern history, Absolutism, Enlightenment.

Yelena M. Petrovicheva
The Stoletovs Vladimir State University
helenp94@mail.ru

Sergey S. Kharitonov
The Stoletovs Vladimir State University
ss.kharitonov@mail.ru

Problems of mutual relations of the intelligentsia, society and state in the works of the writer and the figure of Narodnik movement Ivan Kharlamov

Social and political views of Ivan Kharlamov are regarded at this paper as he was a typical representative of legal "Narodnik" movement. A short review of the Russian historiography on the movement is represented. Interpretation of the viewpoints of the Narodnik movement in the investigations of modern scientists Gennadiy Mokshin, Yuriy Zelenin, Tat'yana Kuznetsova who are the most close to the problemacy of this current work. Special attention is devoted to an up-to-date works of the historians. The authors analyze Ivan Ivan Kharlamov's views concerning such notions as the "people" and the "intelligentsia", the role of the state in social life and the perspectives of sociocultural development is emphasized. The position and role of the intelligentsia at the people's life is investigated, points of their divergence and convergence are stated, perspectives of their interrelations in the scope of Ivan Kharlamov's views are outlined. The issue of participation of the masses of people in social life has been analysed. The desire of the Narodnik figure to establish a dialogue of various social forces to the subject approach in relations between the different institutions of Russian society in the last quarter of the 19th century is commended. The role of the state in the sphere of social and political relationships are presented in a historical perspective, the ambiguous attitude of Ivan Kharlamov towards this issue is emphasized. Subject of expansion of civil liberties as a cornerstone problem that faced the Russian state the second half of the 19th century, has been raised in the article. Prospects for the development of Russian society, based on the belief systems of the Narodnik movement, have been scheduled.

Keywords: people, «Narodnik» movement, intelligentsia, state, society, social-political views, civil rights.

Vladimir P. Fedjuk
Demidov Yaroslavl State University
fedjuk@mail.ru

Alexander Kerensky: the phenomenon of political leadership

The article reveals the essence of the "phenomenon of Kerensky," as one of the most striking manifestations of public sentiment in Russia in 1917. Less than half a year saw the young politician Alexander Kerensky ascended to the pinnacle of power, which meant

being virtually sole ruler of Russia. However, only a few months later, the former enthusiastic admirers renounced Kerensky, accusing him of the collapse of the country and the connivance of the Bolsheviks. The explanation for this rise and fall can help better understand the reasons for the final result of the Russian Revolution. Leaders of the White still gather support within part of Russian population. But each of the political forces is slow to arm itself with Alexander Kerensky's name. Even for the great-power nationalists (the de facto rulers of today's Russia), Alexander Kerensky remains considered to be a person who messed a grand land up. Alexander Kerensky is part and parcel of the sign of the times of hopes, which the downfall of the Tsar's autocracy promised, but these times lasted only for a short while, just as Alexander Kerensky's rule. Alexander Kerensky was a discrepant personality and he ruled during the mad times when words meant more than deeds; when heady sense of permissiveness incited people to awful misdeeds; when meanness was masked as idealism while real idealism constituted justification for slaughter and treachery. Alexander Kerensky was lucky enough to enter the stage of the enormity, to give a benefit performance for hundreds of millions of people, many of which swore by him, but he just shortly became a political corpse.

Keywords: Alexander Kerensky, Russian Revolution, 1917 Russia, public sentiment, power, political leadership.

Gennadiy N. Kocheshkov
Ushinsky Yaroslavl State University
kocheshg@mail.ru

The February Revolution and agricultural legislation in Russia: failed liberal project

Land reform was one of the most difficult and complex socio-economic problems that mankind has ever been confronted with by history. Disposal of privately owned land, the area of which was ten-odd times as large as the land area of English landlords, rather than lease relations regulations, was a priority in Russia. New agricultural legislation working out was assumed on the basis of civic accord of various socio-political forces. Governmental and public bodies as represented by the Main and the local Committees of land were created for the purpose of this. Authority of general direction for collection of information and working it out for the sake of agrarian reform, as well as the drafting of land reform on the basis of all reasons which would be produced by local Committees of land, was conferred on the Main committee of land. During its existence, the Main committee of land has held four sessions, having debated the following questions: on draft of buyout and partial liquidation of large landholding; on conservation and strengthening of cultivated possessory manors; on estimate of norms and of land allotment order; the organization of the territory for the development of farming. Along with the Main committee of land and simultaneously with it, the oth-

er, informal but influential scientific and public organization – the Agrarian reforms league – was involved in the development of agrarian reform.

Keywords: Russian Provisional Government, Main committee of land, Agrarian reforms league, Ministry for Agriculture, socialization.

Mariya V. Vasekha

*Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences
maria.vasekha@gmail.com*

**Legal and illegal abortion practices actualization
in terms of demographic modernization in the
1920s (based on the Western Siberia materials)**

The article describes the reasons for actualization of practices of fetus expulsion (legal and illegal abortions) among Siberian women in connection with the implementation of the state family policy in the 1920s. The author examines the particular implementation of policy in the field of medical abortion in Siberia, shows a shortage of alternative methods to abortion in family planning. The paper presents new data on the status of this issue among Siberian peasant women and “adaptation” of these medical practices among village midwives. Illusory freedom of procreative choice, with little or no alternatives, has formed the tactics of family planning in Siberia and Russia as a whole throughout the 20th century. Against the background of the overall disruption of family life, of the fall of moral attitudes, still quite a small part of the Siberian peasant women, as compared to urban female citizens turned to this way of birth control, which was new to them, but if they did, they preferred midwives. The rural population in the 1920s was not prepared to actively use the new legislative opportunities still adhering to traditional views on this issue.

Keywords: family planning, fetus expulsion practices, abortion, emancipation, physicality, 1920s.

Ivan V. Danil'chenko

*Nekrasov Kostroma State University
ivandani@mail.ru*

**General economy state of the museums
of Kostroma Region in 1945–1991**

Conditions of the museum buildings of Kostroma Region and the maintenance work carried out over the period of time from 1945 till 1991 are described in the article. After the World War II, the state of things regarding premises, storage conditions of the exhibits and repairs remained virtually unchanged. This problem persisted for decades. Preparation of the exhibitions and collection of the exhibits were in direct dependence on the free space of the storage areas of the museum. Difficulties in obtaining more suitable premises for the museums took place either in the regional centre or in the districts. This problem was solved during many decades, as well as the problem of repairing new premises. Whereas Kostroma regional museum,

after conversion to the museum-reserve in 1958, managed to obtain the premises of the Monastery dedicated to the Holy Trinity and St. Hypatius of Gangra, which was void at that moment, and carry out repairs in nearly ten years, the other local museums remained in small premises without any repairs. With rare exception in some districts, museums obtained spacious premises in old buildings of the same kind. Some museums were positioned in secular or church architectural monuments which were not provided with water heating up till 1980s. Nevertheless, the main attention was paid to Kostroma regional museum particularly. The development of the other museums of Kostroma Region was more dependent on the attention of the local authorities.

Keywords: museum, museum building, monument, restoration, exposition premises, exhibits.

Irina A. Petrova

*Volgograd State Medical University
vip@sprint-v.com.ru*

Galina P. Kibasova

*Volgograd State Medical University
galina-kibasova@yandex.ru*

**Through the Americans' eyes:
USSR's foreign policy on the eve
of the participation in the World War II**

The objective prerequisites of the World War II, the nature and causes of Nazism accession to power and of militarism, which were condemned as long ago as during Nuremberg trials, but the ideological struggle on which are not a thing of the past, have been analyzed in modern historiography. In today's world, against the backdrop of global war on terror, we again observe how difficult it is for the peoples who aspire to peace, to unite to fight effectively against the aggression; how dangerous ideological blinders and the policy of double standards in international relations are. Today in the West, they often wonder, if “sanctions applied to Russia” mean return to the “Cold War”, not wanting to notice that the war has been ongoing for a long time already, not “Cold” at all. In modern conditions of Russophobic sentiment growth in Europe and in the United States, once again trying to “isolate” Russia, to subordinate it to the dictates of the West, the lessons of history are of particular interest. In this article, the authors analyze the evolution of the Anglo-American historiography and political propaganda on the assessment of the Soviet-German Non-Aggression Pact in 1939. On the basis of a wide range of works of English and American historians, as well as periodical materials, the contradictions in the estimates of Soviet foreign policy are analyzed, it is shown that short-sighted policy of “appeasement” became one of the causes of World War II.

Keywords: USSR's foreign policy, non-aggression pact, “appeasement” policy, historiography.

SCIENCE OF LITERATURE

Vera A. Ivanova

*Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
ivanova_vera-alex@mail.ru*

**The first nirat poem composed during
the Ayutthaya period “Kamsuan Sriprat”**

The article deals with the first poetic work of nirat genre “Kamsuan Sriprat” written during the Ayutthaya period of history of what is now Thailand by the great poet Sriprat; aiming at revealing this genre’s peculiarities. The purpose of the article is to explore this nirat poem and to analyze its plot and composition characteristics, as well as tropes (simile, metaphor), syntactical stylistic devices and expressive means (exclamation, anaphora etc.), and poetic diction, all brought to perfection. We conclude that nirat is a poetic genre which bears similarities to such genres as an elegy and travel writing, and that “Kamsuan Sriprat” has a range of unique features which differs it from classical poetical works of Thai literature. In this nirat poem, Sriprat praises the glory of Ayutthaya, the physical beauty and splendor of the temples, pagodas and palaces, gives descriptions of flora and fauna and relates them to his beloved whom he must have left behind. Thus, we can say that “Kamsuan Sriprat” is the acknowledged masterpiece of the nirat genre, and it has influenced many subsequent nirat poems. The poem was created by the talented Laureate Sriprat who was a somewhat innovator in literature.

Keywords: Nirat poem, Sriprat, Ayutthaya period in Thai history, “Kamsuan Sriprat”, Thai (Siamese) literature.

Andrey V. Golubkov

*Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
andreygolubkov@mail.ru*

**Florilegium and rhapsody: concerning the classic
background of the romantic fragment**

The article is dedicated to the analysis of the fragment as a favoured genre and narrative form of the Romantic era. Two collections of fragments, “Pollen” and “Preliminary sketches”, by Novalis are chosen as the material for the research. Fragmentary narrative conformed to the ideology of Novalis and Jena romantics. Novalis along with the Schlegel brothers looked upon the fragmented writing style as a revolutionary innovation, but this type of narration goes back to the medieval genre of “flowers”, with the term “florilegium” applied to it by the 17th century. Florilegium used to be an anthology of diverse, often didactic, information. With the Renaissance subjectivity intensification, the role of the compiler increased, extensive commentaries throughout a text did occur. The text of “Les Essais” by Michel de Montaigne, called the “Rhapsody” by the author himself, illustrates these changes. “Sensus Communis”, in which a fragment acts as a method for organization of a literary work with not taking into account traditional poetological categories of an artistic text, by 3rd Earl of Shaftesbury, served as a mediator

of learning “rhapsodic” form for the German romantics. This form of discourse was popularized by the German romanticists, who offered their view of the Universe, rejecting rational structure and order.

Keywords: romanticism, fragment, florilegium, rhapsody, Novalis, Michel de Montaigne, 3rd Earl of Shaftesbury.

Mariya R. Nenarokova

*Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
maria.nenarokova@yandex.ru*

**The Language of Flowers:
dead leaves in the European and Russian poetry
of the 1st half of the 19th century**

The article focuses on the image of dry leaves in the European language of flowers, an important cultural phenomenon of the 1st half of the 19th century. The symbolism of dry leaves is examined by the author in the European (French, English) and Russian poetry, as well as in the Baroque collections of emblems and the dictionaries of the language of flowers. It is argued that the image of dry leaves dates back to the Baroque era, symbolizing the withering, old age, melancholy. The analysis demonstrates the relationship of the French and English languages of flowers with the Baroque cultural tradition and with the French and English poetry as well. The researcher’s analysis of the English and French poetic texts reveals that contextual meanings of dry leaves, are “sorrow”, “loneliness”, “helplessness”, “a victim of passions”, “the transience of life”, “death”. These meanings are typical mainly of the genres of Elegy and Fable. It is stated that the given meanings were assimilated by Russian poets through the medium of French literature. The image of dry leaves in Russian poetic Epistles of the 1st half of the 19th century symbolizes a peaceful and joyful acceptance of the transience of life. The image of dry leaves in Russian poetry is a synthesis of French, English and Russian cultures. This is the main conclusion of the article.

Keywords: language of flowers, dead leaves, Europe, France, England, Russia, Russian culture, Russian 19th century poetry, Russian literature, symbolics.

Viktoriya V. Peshkova

*Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
stellavictory2106@gmail.com*

**The novel of Maurits Hansen “Othar av Bretagne”
in the context of European literary tradition of the
1st half of the 19th century**

The article presents the analysis of the novel of Norwegian writer Maurits Hansen “Othar av Bretagne”. It contains the review of the works of Maurits Hansen, one of the most eminent Norwegian writers of the 19th century. The article proves that the writer’s works were repeatedly published and his contemporaries highly appreciated his creative work. We emphasize the importance of the abovementioned novel for the formation of narrative literature in Norway of the 19th century. We analyze the first Maurits Hansen’s novel,

repeatedly praised by Norwegian critics and literature experts. The analysis shows that Hansen managed to assimilate and reinterpret European literary traditions, he created the first Norwegian novel at all, combining gothic, tales of chivalry and criminal novel, upbringing novel and romantic tradition. We make a conclusion that the novel "Othar av Bretagne" is an important milestone in Norwegian narrative tradition that was developed in short stories and novels of M. Hansen and is seen in works of Camilla Collett, peasant idylls of Bjørnstjerne Bjørnson, in realistic novel of Jonas Lie and in historic novel of Sigrid Undset.

Keywords: Norwegian literature, Maurits Hansen, Gothic novel, Bildungsroman, romanticism, mysticism.

Margarita V. Dubinskaya

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
geolea@bk.ru*

**"The voice" of the nature in the works
of Fyodor Dostoyevsky and André Gide:
on the poetics of the triple-based polyphony**

This paper examines the poetics of the polyphonic novel of Fyodor Dostoyevsky and some works of André Gide in the aspect of the principle of the triple-based polyphony. The adherents of "the new novel" in the French modernism, searching the new poetics forms, paid their attention to the experience of Russian literature of the 19th century. The main interest of French writers-modernists is directed to the understanding of the complicated poetics of the polyphonic novel of Fyodor Dostoyevsky. The author makes the comparative analysis of the poetics of the polyphonic novel of Fyodor Dostoyevsky and some works of André Gide and reveals the presence of the same methods of the description of the nature in the works of Fyodor Dostoyevsky and André Gide, influenced by the Russian author. In the "many-voiced" nature in the novels of Fyodor Dostoyevsky, also like in the works of André Gide, "the voice" of God is distinguished. This voice makes the dialogue with the character according to the principle of the triple-based polyphony. This paper proves that in the polyphonic novel of Fyodor Dostoyevsky and in some works of André Gide "the landscape of the spirit" has the more complete structure than "biaxial parallelism". The triple-based structure of "the landscape of the spirit" takes place thanks to the triple-based polyphony of the poetics of Fyodor Dostoyevsky's novels and of the triple-based polyphony of some works of André Gide.

Keywords: polyphonic novel, Fyodor Dostoyevsky, André Gide, "voice" of God, triple-based polyphony principle, "portrait framed of nature".

Vladimir V. Tikhomirov
*Nekrasov Kostroma State University
nov6409@kmt.ru*

**Literary criticism of the founders
of the Slavophile movement: Ivan Kireyevsky**

The specificity of the literary-critical method of one of the founders of the Slavophilia – Ivan Kireyevsky – is characterized in the article. The traditional view that the Slavophile ideas in Ivan Kireyevsky formed only at the end of the 1830s, is being questioned. He already in his youth set a target to define a particular path of development language and literature of the Russian nation in the Empire on the basis of Orthodox traditions that relied on combination of aesthetic and ethical dimensions of artistic creativity. Interest of the publisher of "The European Literary Magazine" of Western civilization was due to his desire to study it in detail in order to understand the main peculiarities. As a result, Ivan Kireyevsky came to the conclusion that it was impossible to reconcile the principles of Russian Orthodox culture with the European one, being based on Catholicism and Protestantism. Methodology of Slavophil literary criticism is based on this. The ethical principle of the unity of "truth and beauty", the conviction of the Slavophile ideologue, rooted in the traditions of Russian national feelings of the Orthodox conciliar. As a result, the concept of art according to Ivan Kireyevsky, acquired a kind of character of a political party, of ideology: he claims culture to be on the whole of sacred foundations, that excludes its worldly, secularized version. Ivan Kireyevsky hopes that in the future, Russian people will read spiritual literature exclusively; for this purpose, the critic offers to study in schools Church Slavonic other than European languages. In accordance with his views on the nature of art, the critic positively evaluated mainly writers who were close to the Orthodox worldview: Vasily Zhukovsky, Nikolai Gogol, Yevgeny Baratynsky, Nikolay Yazykov.

Keywords: Ivan Kireyevsky, criticism methodology, Slavophile ideology, conciliar sense, epic ideation, considering art being sacral with denial its secular nature.

Galina G. Yermilova
*Ivanovo State University
ermilova-galina@mail.ru*

Đặng Thị Thu Hương
*Ivanovo State University
phonghuong2603@gmail.com*

"Gospel text" in the novel "Resurrection" by Leo Tolstoy when translating into Vietnamese language

This article examines the role of "Gospel text" in the novel "Resurrection" by Leo Tolstoy and indicates the ability to transmit it to in Vietnamese translated version which was created by the two talented trans-

lators Phùng Ưông and Vũ Đình Phòng. – Chapters from XXXIX to XL in part I, which are the climax in the Gospel plot, which became the last straw that led Leo Tolstoy to excommunication under the determination of the Most Holy Governing Synod on February 20–22, 1901 – is the research object of our article. When translating “Resurrection”, the Vietnamese translators have encountered some difficulties. Firstly, it is misunderstanding of Russian Orthodoxy, which to this day, is apprehended to be some kind of exotica in Vietnam. As affected by ancient Chinese culture, Vietnam is rather more familiar to Taoism and Buddhism, therefore, translators have equated peculiar “Christianity” of Tolstoy to Taoism. The other difficulty is how to transfer exactly the blasphemous and humiliating manner of the author of “Resurrection” when describing divine service of the church. We have come to the following conclusion: translators have translated the final novel by Tolstoy without reference to the Bible in Vietnamese translated version made by reputable Vietnamese specialists in the field of Bible. Although Phùng Ưông and Vũ Đình Phòng do not convey the full meaning of “Gospel text” in the novel “Resurrection” accurately, they have nevertheless succeeded in keeping emotional and expressive nuances of the researched chapters, in feeling and conveying the style of Tolstoy. The merit of these translators is that they increased the interest of Vietnamese readers to doctrine of religious morality of Leo Tolstoy, which is still little known in Vietnam.

Keywords: “Gospel text” in “Resurrection”, Leo Tolstoy, Orthodoxy, Taoism, church service, translation, severity, equivalence.

Aleksandra A. Akatova
Nekrasov Kostroma State University
aaakatova@mail.ru

Semantics of paratextuality (based on the novel “The French Lieutenant’s Woman” by John Fowles)

Proceeding from Gérard Genette’s classification of types and functions of intertexts in the text, this study analyzes the category of “paratextuality” typical of postmodernistic discourse. The epigraph, regarded as a textual unit and represented as a union of two levels of the text (in-depth and surface), at its deep level encodes the meaning of the work, and at the surface level is one of the minimal decoding units, the location of which is determined by the plot prospects of a literary text. The analysis of John Fowles’ novel “The French Lieutenant’s Woman” from this perspective illustrates the multilevel character of the postmodernistic text. The polysemantic epigraphs of the novel have several areas of compliance, and they can manifest themselves both in the chapter that immediately follows, and the chapters that are at a considerable plot-distance. The epigraphs of the novel can also be divided into plot-forming, author-emotive and epigraphs, creating the historical background of the novel. Thus, the epigraph, having semantic-semiotic content, creates a commu-

nicative space of a literary text, and at the same time is determined by this communicative space. The epigraph of the novel communicates subjective, factual, conceptual, and the implied information, and it performs dialogizing and formative functions.

Keywords: epigraph, referent, paratext, intertext, text, semantics, John Fowles, Victorianism.

Nikolay G. Morozov
Nekrasov Kostroma State University

Motifs of literature of the Old Rus’ in Boris Zaytsev’s feature story “The Tale of Motherland”. Part 2

An attempt to uncover the genre and stylistic originality of Boris Zaytsev’s social and political journalism, as well as of spiritual one, to show the significance of works of literature of the Old Rus’ and of the heritage of the Russian classics of 19th century in Boris Zaytsev’s feature story “The Tale of Motherland” is carried out in the article. According to the author, Zaytsev defined himself in Russian literature as a writer, who had inherited the traditions of ancient Russian literacy, by the very fact of how the feature story was titled. In the minds of many Russian writers of early 20th century, the Bolshevik regime was perceived just as the infamous medieval Mongolian foray, from which they were trying to protect the believing Orthodox Russia. The author considers the features of different genres, peculiar to Zaytsev’s prose and simultaneously characteristic for works of scribes of the Old Rus’, stops on the phenomenon of genre universalism, characteristic for both epochs considered in this paper. Boris Zaytsev creates a new version of the monumental style of the Old Rus’, at the same time thinking about the legendary times of Rus’ during the rule of Vladimir the Great, about the golden age of classical Russian literature and of culture of the early 20th century. The author reflects on Boris Zaytsev’s social and political journalism on the whole, of its subjects, issues, analyzes its projected and actual impact on the reader.

Keywords: “Tale of Igor’s Campaign”, Vladimir Great, Alexander Pushkin, “Poet”, “Exegi Monumentum”, “Prophet”, saints Boris and Gleb.

Nataliya K. Il’ina
Nekrasov Kostroma State University
nk_ilina@mail.ru

Methods of determining rhythmic properties of prose

The article considers various methods of determining rhythmic properties of prose since the beginning of the 20th century. Karl Marbe was the first who tried to determine the law of German prose rhythm. The same methods helped Yevgeniy Kagarov to arrive at similar results in Russian fiction. Boris Tomashevsky’s study of “The Queen of Spades” by Alexander Pushkin set ground to determining prose rhythm using statistic methods. They led Mikhail Girschman to the conclusion that the beginnings and endings of colons were typical of each prose work as well as of each author

and literary style. Galina Ivanova-Luk'yanova used her method to show prose rhythm on the levels of syllables, phrases and intonation. Ninel Cheremisina defines phonetic words in syntagmas and presents them as figures with numerical degrees called schemes; both figures and schemes organize prose rhythm. Lyubov' Zlatoustova and Marina Krasnopyorova analyze rhythmic structures (stressed syllables with dependent words) which reveal rhythmic characteristics of the text. Present day rhythmic studies perspectives lie in the efforts of specialists in literature, language and computer programming.

Keywords: rhythm, rhythmic structures, beginnings and endings, syntagma, colon.

Margarita A. Khazova
Oryol State University
khazova-margarita@mail.ru

Valery Tarsis and Vladimir Maximov on the human fate in what is called a totalitarian state ("Ward 7" vs "Seven Days of Creation")

The question of relationship between the individual and mob, the citizen and the state has been repeatedly raised both in foreign and in Russian literature. Because of the fact that Russia's regime in the 20th century was considered to be a totalitarian one by those who were highly critical of Communists, writers more often turned to the analysis of tragedy of the human being who does not want to compromise with the mob and the state. In the 60s, many writers, including Valery Tarsis and Vladimir Maximov, consider this question referring to the phenomenon of psychiatry accused of being punitive, which is not new, but believed to be inherent in the USSR. In the story "Ward 7" and in the novel "Seven Days of Creation", the authors depict the psychiatric hospital that turned into punitive agency rather than into a patient care institution and must torment any person, who does not fit in the model of a loyal Soviet citizen's behaviour. The writers portray the tragedy of the Russian people which was depicted as a turned into a pitiful mob of slaves or affected sidekicks of the Soviet power. Equally tragic is the fate of people who dared to confront the mob. In Valery Tarsis' story, almost all characters who felt government's dictate encouraged to fight for their freedom by all necessary means, because only a free man can have a spirit to bring light and good to people. Vladimir Maximov's novel is first of all a story about the revival of the human soul and thus, the author suggest to everyone to comprehend oneself, to find one's destiny and inner freedom.

Keywords: Valery Tarsis, Vladimir Maximov, madhouse image, insanity, "punitive psychiatry", soul's revival, Christian motifs, light vs darkness motifs, "good vs evil" problem.

Tat'yana G. Kuchina
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
tgkuchina@mail.ru

Aleksey S. Bokarev
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
manrico@newmail.ru

**"All Around You May Be Just a Dream":
oneiric poetics of Alexei Tsvetkov**

The paper analyzes oneiric theme in the poetry of the well-known modern poet Alexei Tsvetkov who used to live in the Ukraine and in Russia but now lives in the USA, continuing publishing works in his motherland. Dream is considered within the paradigm of contextual and metatextual relations which form the unique language of self-reflection and self-representation. The interrelation of death and dream is thoroughly examined. In Alexei Tsvetkov's lyrics, this interrelation is realized through the images of ghostly forest, seabed, boatman, etc. The oneiric landscape is formed with the images of the banks of the Lethe and the outskirts of the Styx. According to Tsvetkov, in one's sleep a disintegration of lyrical self occurs, it is impossible to return from the other world and remain the same. The illusory alter ego finds temporary autonomy in the realm of dream, but in the end after return, it must be integrated with the "transitory human body". However, the poet disputes this union of substances. The most important attribute of Tsvetkov's oneiric poetry is mirror as a connecting link to the other world. The mirror-like insight of the dreamer is looked upon as a revelation, as hidden knowledge, unachievable in ordinary reality but accessible in the transparent space of refracted images. The ghostly world shows itself through the mirror and penetrates into wakeful reality, glimmering and glowing. Dream crystallizes into reality, its ephemeral substance acquires flesh.

Keywords: Alexey Tsvetkov, oneiric, oneiric poetics, motif of dream, alter ego.

SCIENCE OF LANGUAGE

Marina V. Golomidova
First Russia's President Yeltsin Federal University of the Urals,
City of Yekaterinburg
golomidova-marin@mail.ru

**Naming of the goldfields of the Urals as part
of the territory's cultural capital:
lingual and culturological aspect**

The article considers the goldfield place names of the Urals before the October Revolution in the context of regional social culture.

The analysis shows the effect of linguistic material in relation to objects of gold-mining of several branches of naming tradition. One of them is related to the whole-people culture and is explicated by attribution of conception on the spatial arrangement of objects and on private property rights. Another line is attributed of attitudes and axiological guidelines of public administration activity. Special tradition dates

back to the confessional naming and correlated with the priorities of faith, which are common in the field of risky business. Culture of prospector's mines itself, with behavioural rules, heroes, legends, superstitions, which are inherent in it, is one more stratum of views that are actualized in the nomination.

Goldfield place names, which are discussed in the historical dynamics, show the dependence of the changing socio-cultural context. In particular, with the development of bourgeois relations, the transition from the models, which are formed in the traditions of folk and "administrative" naming, to the style of the individual nominative advertising has been marked. Originality of proper names and uniqueness of language material names generally allow putting the question of popularizing the theme "gold names" and their possible use in the image on the territory of the narrative, which is addressed to both internal and external audience.

Keywords: cultural capital, toponym, goldfield place names, onomastical analysis, nomination motives, nomination topic, nomination culturological aspect.

Tat'yana Ye. Bazhenova

*Povolzhye State Socio-humanitarian Academy, City of Samara
tatyabazhenova@yandex.ru*

Yelena Yu. Dolgova

*Povolzhye State Socio-humanitarian Academy, City of Samara
leo6371@yandex.ru*

Areal characteristic of the lexical-semantic versions of dialect words in Samara patois

The objective of the article is summarizing of map-making results of the dialect vocabulary spread within the confines of Samara Region. The one-word designations reflected on the regional atlas' maps are the object for analysis. Basic groups of words denoted the land allotments of agricultural designation in the house and in the field, are separated in the article. Special attention is paid to the polysemants' character. The typology of dialect distinctions in the lexical-semantic level and the hierarchical relations of those differential signs, according to which they are contradicted to each other, has fundamental value with map-making of multinomial dialect correspondences. The lexical potential of dialect words is analyzed in the view of their territorial distribution, which is based on relationship between dialect lexical special features and the main phonetic characteristics of Samara patois. Lexical units, appurtenant to areas of the north-west and the centre on one hand and in the south on the other hand, in what patois are considered to be opposite from the point of view of their typological characteristics, are singled out in the work. The connection of the types of poly-semantic words' relations and synonymy with their areal characteristic is revealed, and that is relevant for the general theory of linguistic geography. The patterns of lexical and semantic variation, considered in the article, form base for further theoretical comprehension of such a phenomenon as high variance of word form and content in the dialect system.

Keywords: Russian language, dialect, Russian folk patois, dialect vocabulary, dialectology, semantics.

Nina S. Gantsovskaya

*Nekrasov Kostroma State University
gantsovsky_n@mail.ru*

Lyudmila A. Dmitruk

*Nekrasov Kostroma State University
lyudmila-dmitruk@mail.ru*

Semantization of vocabulary of Alexander Ablesimov's ballad opera "The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker" in the "Russian dictionary of 18th century"

Vocabulary of Alexander Ablesimov's ballad opera "The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker" is considered in this article in the discourse of the academic "Russian dictionary of 18th century". By the time of its creation, this work refers to monuments of pre-Pushkin's time, when the lexical and stylistic system base of Russian language started forming quite actively. During this period, the word condenses all the available meanings and connotations, some of which reflect the cultural traditions of society and are strongly associated with them in the minds of speakers. Dialogues of the play, almost entirely consisting of colloquial language, jargon, dialect, folklore and expressive conversational speech means, is a reliable fixation of the language of the 18th century. Alexander Ablesimov's work cannot be attributed to a number of "low style" works despite using people's conversational units in the play. It reflects the importance of vocabulary for all the people's elements of material and spiritual culture which can be seen in their beliefs and mental representations. Dialogues in Alexander Ablesimov's ballad opera as a practical source of documentary study of speech usage contemporary to the writer are analyzed in the background of our lexicographic discourse of "Russian dictionary of the 18th century" in order to semanticize and determine the functional-stylistic status of lexical units in Russian language at the end of the 18th century. Such a study of vocabulary in the background of these explanatory, historical and regional dictionaries ultimately allows establishing the specifics of words in Russian speech culture of the 18th century.

Keywords: Alexander Ablesimov, ballad opera, "18th century Russian language dictionary", semanticization, vocabulary, usage labels, popular spoken language.

Yuliya V. Zvereva

*Perm State Pedagogic University
zvereva_yuliya_2013@mail.ru*

Structural features of micro-toponyms in Perm Land

The article gives consideration to Perm Land micro-toponymy in respect of the word-formation aspect. In spite of the fact that micro-toponyms are used for naming small geographical objects (such as meadows, fields, spring wells, etc.), the study of these names allows drawing some conclusions regarding the history of Perm Land, as well as the process of formation of

Russian patois within the territory. The article reveals and describes the most productive word-building patterns for the micro-toponyms under review. Most of the micro-toponyms are considered to be a one-word ones, especially the names of agricultural lands (fields and meadows). As a rule, the micro-toponyms that have no formants are formed by metonymic interference from geographical terms or names of the nearby geographical objects (rivers, settlements). In addition to that, the group of non-affixal toponyms includes foreign names, that are usually adopted from Komi-Permyak language. Among the one-word affixed micro-toponyms, the names with the possessive suffixes such as -ов/-ев (о, а), -ин (о, а) are the most commonly encountered. In the names of agricultural lands, the formant -их (а) is also often used. Some of the considered micro-toponyms are formed by other topoformants: 1) -ы/-и, -а, 2) -щин(а), 3) -ж(е), 4) prefixes за-, под-, 5) prefixes за-, под- and suffix -ж(е); they are less common however. In the compound names, it is possible to distinguish a group formed by productive pattern (a phrase in which the key word is a noun and the subordinate one is an adjective). Such micro-toponyms are quite frequent and may name various geographic features: fields, forests, streams, small objects of topographical relief. Prepositional-case combinations are rare in occurrence. They are few in our materials. Their gradual transition into one-word prefixal derivatives might be one of the reasons for it.

Keywords: onomastics, place names, micro-toponym, topoformant, trans-onymization, Perm Land.

Irina A. Sukhanova
Ushinsky Yaroslavl State University
ioeirena1955@mail.ru

On partial and mimetic intermediality

The article continues a series of works, which are devoted to the material basis of inter-medial connection of a literary text with the works of art. The author examines the inter-medial connection as a phenomenon of the same order as inter-textual connection rather than a variant of inter-textual connection and insists on the need to distinguish between the concepts of inter-medial reference and inter-medial connection. The latter one is due to the specifics of intermediality: to find itself embed in a verbal text, a painting or a sculpture must undergo code conversion (verbalization). In the case of true inter-medial connection, it is proposed to distinguish between partial and intermediality mimetic, just as some inter-textual connection classification authors distinguish between partial and mimetic intermediality. We note the partial intermediality type in the case where the element of paintings, sculptures, frescoes, icons etc has been verbalized in the verbal text. Cases where the verbal text, as far as possible, mimics the methods of constructing images of works of art, correspond to mimetic intermediality. Fragments of Russian poetic texts of the second half of the 20th century, in which the elements Fine Art (Yev-

geniy Vinokurov, Vladimir Vysotsky, Joseph Brodsky, Bella Akhmadulina) are verbalized, are given as examples of partial type of connection. David Samoylov's poem "Free Verse" (1974), in the construction of which, techniques that are characteristic of the Italian Renaissance painting, are used, is an example of mimetic connection. The poet refers to the source in the end of the poem, thus accounting for the free circulation of historical facts; but the relationship is somewhat different than it is ironically stated by the poet. It is noteworthy that what plays a significant role in the implementation of techniques that come from an adjacent art, in the text of the poem, is true inter-medial connection with other verbal texts.

Keywords: inter-medial connection of artistic text, partial and mimetic intermediality, Russian poetry of 20th century second half, David Samoylov's poem "Free Verse".

Anna A. Dmitriyeva
Nekrasov Kostroma State University
anyadmitr87@gmail.com

Basic characteristics of genre-forming lingual tools in „Memoirs“ by Anna Dostoyevskaya

The article is devoted to lingual tools and speech signals, which form a genre specific character of the text under investigation. Semantic content of the terms "autobiography", "writing memoirs" and "memoirs and autobiographical genre" is regarded in the scientific work. Taking into account genre-forming language means of the text – tools of different levels of the language – is required for the differentiation of genres. The study of linguistic resources that form the basic concepts, create conceptsphere of the work by Anna Dostoyevskaya, which is a complete biography of a complex narrative structure, is carried out for this purpose. The author's position is represented in semantical volume, the text has semantic dynamics, personal expression of the author's "I" refers to the views of other subjects of speech, thus making the story polyphonic, containing a plurality of voice plans and votes. In this regard, the author of the the book under study uses the language tools that attach to the genre of autobiography and the memoir fiction genre in the complex, organizing distinctive life with inter-genre specificity by language material. The text of the article refers to the functioning of archtextuality that we see in the "Memoirs" book by Anna Dostoyevskaya, genre specificity of which manifests itself in the linguistic resources that are involved in the creation of story (or stories) and in accuracy of fixation of events (or history). Thus, we consider unique, in terms of genre structure, work of the wife of the great author Dostoyevsky – Anna – and linguistic tools (lexical, morphological, syntactic) which carry inter-genre interaction of memoir prose and autobiography.

Keywords: lingual tools, speech signals, genre form, archtextuality, narrative subjectivization, fiction-obtaining, chronology.

Đặng Thị Huệ
Ivanovo State University
huedang7@gmail.com

Quantity category in idiomatic language (on the basis of Russian phraseology)

Quantity category as a universal conceptual category is reflected both in the vocabulary and grammar of the language. Lexical and phraseological units are used in the vocabulary of the language to express this category. Reflection of the concepts associated with the category of quantity is described sufficiently in detail in the lexical system of the Russian language, but the study of quantity categories in phraseological system makes only the first steps. The purpose of this article is to show some characteristic features of the quantity category expression in the sphere of phraseology (using the Russian language material). Among these features are the following: 1) almost complete absence of phraseological units expressing a certain amount – the number in the “pure” form or the exact number of items; that is explained by the specific values of phraseological units and phraseological nomination generally; 2) the presence in the phraseological system of special lexical and grammatical category of indefinite-quantity phraseological units that, in the meaning and usage, correlate with the words a lot, a little, a bit; 3) sharp quantitative disproportion in the ways to express indefinite quantity between lexical and phraseological units: these meanings are expressed in the vocabulary by means of a few words in most general forms a lot, a little, not much, not little; in phraseology, they are expressed with the help of a few hundred units, which makes it possible to express the total value of the indefinite number more specifically, in a variety of shades relevant to a particular speech situation. That, ultimately, explains the very existence of such phraseological units in the language. The article outlines the possible ways of phraseological units study.

Keywords: Russian language, lexical-phraseological system, conceptual category, notion category, language category, quantity, indefinite plurality, indefinite-quantitative words, indefinite-quantitative idioms, parts of speech, lexical and grammatical levels of phraseology.

Yelena V. Kudryavtseva
Nekrasov Kostroma State University
lengoreva@yandex.ru

Phraseological units with the zoonym component dog: linguocultural aspect

The article is devoted to linguocultural analysis of phraseological units with zoonym components. An interest in researching such phraseologisms is evoked by the fact that animals' traits, which people transfer to characterize themselves, are revealed through images created with zoonyms. To describe their behaviour, appearance or lifestyle, people have chosen the animals which are familiar to them. A dog has become such an animal for the Russian people. Phraseological units

with the animalistic component dog, that are widely used in the modern Russian language, are the object of the study. The metaphorized zoonym is used to characterize a person: behaviour, emotions, physical condition, or to define typical situations in which people happen to be. The animalistic image is expounded in three stages: mythological, scientific and cultural. The analysis of the image allows eliciting dominant characteristics of a dog, that are used to describe people's interior and exterior nature, their lifestyle. Phraseologisms with the dog zoonym component differentiate in semantic motivation. Idioms with clear motivation, ones with a vague connection between the image and the phraseological semantics as well as euphemisms are recognized according to the level of image motivation. There is regularity in connection between semantic motivation and orientation on human characteristics. The image of the dog zoomorphism cannot be directly correlated with human description. Thus, the interpretation of a zoomorphism image and the analysis of phraseologisms with an animalistic component allow defining peculiarities of human views on themselves and on the world around.

Keywords: phraseological unit, animalistic image, meaning motivatedness, linguocultural aspect, cultural interpretation.

Yelena I. Shadzhanova
Ivanovo State University
elena_ivanova87@bk.ru

The concept DAY in the structure of the cognitive level of linguistic identity of Viktor Tsoi

Russian rock musician with Korean ancestry Viktor Tsoi is an iconic personality in the mass consciousness, he is perceived as a lone-hero, challenging the world that comes into opposition with him. The key to understanding the phenomenon of Viktor Tsoi is hidden in the study of linguistic identity. Studying conceptual level of linguistic identity, we can understand why simple, at first glance, lyrics by the rock poet has had a significant impact on the rock culture and Russian culture of the late 20th—early 21st centuries. In the structure of the lexicon of the rock poet, we have identified strategic concepts underlying the cognitive level of linguistic identity of Viktor Tsoi. Among them, HERO, STAR, NIGHT, DAY, DEATH present. The selection of concepts was carried out from the texts of the songs based on the frequency of tokens which they represent. Semantics of the concept of DAY is discussed in the present article. The evolution of the semantics of the DAY concept from album to album can be traced clearly. The chronological principle allows tracing the dynamics of semantic changes most accurately. In the process of formation and development of linguistic identity of Viktor Tsoi, semantics of the DAY concept changes. This change may be due to interaction with other concepts, for example, with antonymous concept of the NIGHT. Sustainable value concept is not considered in the early works by Viktor

Tsoi, but they have gradually formed a negative connotation. In the process of development and formation of linguistic identity of the rock poet, negative semantics has leveled and been replaced with positive. Step by step, the internal stress has been removed: the hero gains the strength to fight and confrontation, which are inherent in the romantic consciousness. The considered evolutionary processes largely determine the specificity of the linguistic identity of Viktor Tsoi.

Keywords: linguistic identity, linguistic identity cognitive level, concept, semantics, token, Viktor Tsoi, rock poet.

Yelena V. Shlyakhtina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
elenav_yar@mail.ru*

The translation of the job titles with the component specialist from English into Russian

The article considers Russian translation peculiarities of English job titles put up on American and Russian job search websites. The arrival of a great number of international companies at the Russian labour-market stimulates the necessity of finding Russian equivalents for English vacancies. Difficulties in translation arise when it is necessary to name newly appeared job titles, to make old names sound more prestigious by means of new, more beautiful ones, or when there is no similar profession at the Russian market. Studying the job sites, it was found out that there is a great number of job titles with the component specialist. Therefore, the article deals with the devices used in translation of two- and more component professions with the given word from English into Russian. The analysis of the examples shows that the most common translation devices are loan translation, addition of some components, and traditional equivalents. It is also possible to find English job titles without any translation on the Russian job sites. It means that the applicants should know the English language for a successful job search. In addition, it is highly possible to come across the situations when an English job title has several Russian equivalents. Besides, the latter can contain one or more elements of the original name. The attention of the interpreters is also likely to be attracted to the job titles that are difficult to translate adequately because they have no equivalents in the Russian language.

Keywords: translation, translation technique, vacancy, specialist, loan translation, equivalent, job title, job search website.

Mariya V. Izbitskaya

*Ivanovo State University for the Chemical Technology
maria.izbitskaya@gmail.com*

Neologisms in the field of gluttony (new words from the sphere "food and drinks") as the important components of everyday culture

Lexical system is booming at the moment. Modern dictionary-compiling technology to rapidly detect new words and expressions, to receive structured in-

formation from various databases, to participate in interactive operations, offers the user an interesting and informative interface. Striving expressively fixing the smallest details of daily life and eating become the cause of a large number of neologisms. On the materials of the English neologism e-dictionary Word Spy, new words from the concept "Food and Drinks" are considered. Their classification and semantic features of word formation in the context of the realities of everyday culture in several thematic groups is carried out, the main models of word formation in the field of gluttony are allocated. Appealing to the socio-cultural context of emergence of gluttony neologisms confirms the validity of their study as sociolinguistic realities, because they clearly fix new and fashionable trends in the rules of consumption of food and beverages, in the technologies of their preparation, of selling them to consumers. Along with the consumerism, consumer itself has been changing; its daily guidelines have been directed to a healthy diet as an important element of a healthy lifestyle.

Keywords: English neologisms, new words dictionary, "Food and drinks" concept, new words semantics, morphology peculiarities.

Anna V. Averina

*Moscow City Pedagogic University
anna.averina@list.ru*

The manifestation of properties of German modal particles in compound sentences and texts

This paper focuses with the issue how modal particles *ja* and *doch* in German can be used in objective, modal as well as in consequent dependent clauses. The semantic peculiarities of the matrix clause that assume the usage of particles in dependent clauses are analysed. The modal particles show that they may be used in such kinds of dependent sentences, in those cases when the subject of the matrix clause encodes the internal perspective or when the matrix / subordinate clause includes words with subjective semantics. The article analyses the idea of Elisabeth Leiss: The paper focuses on the aspect semantics that can be encoded in the noun system. Abstract nouns, impersonal pronouns, indefinite pronouns as well as evaluative words can encode the internal perspective which offers a particular modal particle in dependent clauses. The findings are based on the analysis and it can be concluded that the German modal particles can express the internal perspective. Grammar and lexical factors / aspects suppose the legitimation of modal particles in dependent clauses. The internal perspective encoding in the semantics of the matrix clause assume that they can be used in dependent clauses while the external perspective encoding can be blocked.

Keywords: modal particles, compound sentence, aspectuality, modality, grammar peculiarities, dependent clause, independent clause.

Irina A. Shipova
Moscow Pedagogic State University
shipova@mail.ru

**About certain linguistic peculiarities
of German fiction text of the 21st century**

The article deals with four texts by modern German authors, the variants of linguistic structure in fiction texts of the 21st century are shown on this base. Josef Winckler offers an Austrian conceptual prose in the novel "Natura morta. Eine römischen Novelle" (2001) by imitation of the technique of still life in his text. Different adjectives and participles are different colors of it, and the themes are organized on the principle of progression with different kinds of derivatives. Daniel Glattauer who has written two popular novels "Gut gegen Nordwind" (2006) and "Alle sieben Wellen" (2009) in the form of e-mails uses all advantages of this kind of communication – spontaneity of reactions which are encoded in the elements of the spoken language on the lexical and on the syntactical level with a lot of ellipses, repetitions, graphical underlining of intonation accents. Choosing the historical-cultural theme in the text «Wir sehnen uns wieder in der Ewigkeit» (2011), Tanja Langer uses intertextual inclusions imitating some techniques of the writing in the 19th century which are told in the text. Daniel Kehlmann uses in dialogues in his novel «Die Vermessung der Welt» (2005) exceptionally indirect speech and present conjunctive, making this form to one of the ways of detachment from events and text figures whose names make the fame of Germany. Each of the authors has peculiar style and language preferences, that's why the aim of the article was to show some trends of German narrative texts of the 21st century.

Keywords: fiction text, speech-composition narration form, description, narration, communicative perspective, graphical underlining, question complexes, grammar parallelism, indirect, direct and author's speech.

JUDICIAL SCIENCES

Vladimir G. Bessarabov
Russia's Prosecutor General Academy, City of Moscow
niigp@msk.rsnet.ru

**Russia's Procuracy activity in the field of
realization of citizens' constitutional right of
submitting application to governmental authorities
and local self government bodies**

Establishment of the institution of the right of citizens to appeal to the state authorities in Russia, as well as its history and current status are considered in the article. The author traces the history of the work of this institution since its appearance to the present day, showing how, as society and state develop, private and public interests of the person increase, and therefore an effective means of reflection and protection becomes necessary. Virtually all the major "legislative codes" that contain any provisions which regulate the opportunity of citizens' applications submitting to state authorities and local self-government, have been discussed in the article. Analyzing and systematizing the set of available data, the author concludes that, since

the establishment of the Russian Prosecutor's Office in January 1722 up to October 1917 there was no single legal act that would regulate the activities of prosecutors in this sphere of legal relations in Russia, although prosecutors exercised their work, guided by the current legislation and under guidance of supervising prosecutors. Activities of the USSR Prosecutor's Office to work with citizens are examined in detail in the article, the significant role of the Prosecutor General of the USSR, which led the specified type of work and watched the clarity and coherence of subordinates, are stated; valuable statistical information - data on the work of prosecutors and prosecutors' work with citizens in recent years – is adduced.

Keywords: Procuracy, Russia's Prosecutor General, citizens' applications, state authority, local self government bodies.

Fyodor S. Sosonkov
The Volga State Water Transport Academy,
City of Nizhny Novgorod
fss2005@rambler.ru

**Issues of state unity in political and legal views
of Lev Tikhomirov and political reforms
of 1905—1906 in Russia**

The article is dedicated to the problems of state unity in political and legal views of the notable political publicist and scientist Lev Tikhomirov. Analysis of the works of the philosopher shows that he consistently, even in the period of fascination with revolutionary ideas, defended the idea of national unity of Russia. Pointing to the danger of separatist tendencies in vast multinational states, Lev Tikhomirov made recommendations to preserve their territorial integrity. Preserving the unity of the Russian Empire was seen by the scientist as achievable, under condition of development of unifying tendency by the government, which is associated with the support of the nation, which forms the state itself; of national language and culture. The so-called ethical monarchy represents the second key to the territorial integrity, according to Lev Tikhomirov. The peculiarity of this specific form of government was the sole power that relied on "national spirit", on nation other than on bureaucracy, in the present political and legal concepts. In this regard, the political reforms of 1905—1906, one of the pillars of which was the introduction of the first principles of parliamentarism into Russian political system, caused a profound rejection of the scientist. Parliamentarism in this regard was seen as the end of one-man rule of the monarchy without which, territorial integrity was at risk. In addition, the decision allowing representatives of the state's outskirts, being inclined to separatism, solving common state affairs seems inappropriate to Lev Tikhomirov. The basic laws of 1906 was also sharply criticized by the scientist. In particular, he pointed to the vagueness and illogical language that enshrines the principle of the unity of the Russian Empire. Not limited to criticism of the current legislation, Lev Tikhomirov offers the draft Basic Law, expressing

his ethical principles of the monarchy and state nationalism in the latter.

Keywords: Lev Tikhomirov, state unity, territorial integrity, separatist tendencies, separatism, parliamentarianism, Russian Empire.

Akhat D. Nuriyev

*Ufa branch of State Law Academy of the Urals, city of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
adn09@yandex.ru*

**The use of alcoholic drink
in the Islamic law of the Early Middle Ages:
object and formal elements of crime**

The article discusses the issue of alcoholic beverage consumption as the object of crime and the corpus delicti, which was just so in the Early Middle Ages in the Muslim Middle East. The author analyzes the approaches of different legal schools, formalized both within Sunni Islam, and in legal traditions of the Shia. The study states presence of such directions, the provisions of which did not provide the use of alcoholic drink for criminal penalties, in Islamic law. Special attention is paid to the sources of Islamic law, under which the rules on criminal liability were theorized by thinkers of legal scholars of the Arab Caliphate. We stress the importance of analogy and precedent in the phased and gradual clearance of the main provisions of this criminal act. The author reveals different approaches of theorists of the Islamic system to justice to the question about the types of alcoholic beverage prohibited for consumption. The article states that, in the issue of the composition of this type of crime, an important role was given to identifying indicators of criminal acts, which also varied in the different legal schools. The author touches upon aspects of operating the criminal law, which allowed avoiding criminal prosecution for drinking alcohol. The study also highlights the topicality of the study of the identified problems in the Russian legal science.

Keywords: Muslim law, alcoholic drink use, Hanafi legal school, Mālikī madhhab, Hanbali legal school, legal source, crime object, corpus delicti.

Vladislav V. Gruzdev

*Nekrasov Kostroma State University
bora@kmtu.ru*

**Legal condition of the personality as substational
and functional legal phenomenon**

The author of the article considers the concept “legal condition of the personality” and allocates its main signs, considering legal conditions of the personality as legally significant properties or systems of properties of the person established by rules of law or provided in legal models, which in the defined moment or period of time cause emergence and (or) permission, and possibility and (or) changes legal situation. The author explains that the value of the concept “legal situation” is shown in its designation of the created picture of legally significant elements of a social situation in a complex look where reflection is received by the circumstances provided by hypotheses of vari-

ous rules of law, in an illustration of a set which isn't represented by the subject and objectively existing circumstances. Legal states, according to the author, are of not static, but of dynamic reality, the movement, change, process distinguishes. Special value of the category “legal state” is that it allows characterizing scientifically process of change and development of the legal phenomena, to reveal that “reference system” in relation to which becomes possible to fix the happened changes as changes in a state.

Keywords: person, personality, property, legal state, legal condition, legal fact.

Lyudmila A. Siverskaya

*Nekrasov Kostroma State University
lsiverskaya@yandex.ru*

Sergey B. Konardov

*Nekrasov Kostroma State University
skonardov@yandex.ru*

**Verifying a crime report and making procedural
decision by its results: chapters referring
to legislative regulation**

Question of the procedural order of crime report consideration, which was fundamentally changed with the adoption of the Federal Law as of March 4, 2013 # 23 ΦЗ “On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” is considered by the authors in this article. Chapters of the law, which are associated with the expansion of the list of procedural and investigative actions and procedural safeguards to ensure the rights and legitimate interests of the persons who are involved into the scope of pretrial proceedings; with imparting evidential force to information that is obtained during the crime report's verification, with subject to the provisions of Articles 75 and 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed. Despite the fact that this step of the legislator has in general a positive value, the authors focus on those problematic issues that require adjustment of the legislation. The authors refer to them: absence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the order of execution proceedings, which are conducted while verifying a crime report, and of procedural forms of consolidating them; lack of completeness and clarity of the formulation of standards for new proceedings. In addition, the authors identify the third problem as well – the one which reduces the effectiveness of innovations in law enforcement: a violation by the legislator, while formulating rules of criminal procedure, the rules of consistency and of internal relationships, so that they come into conflict with the other rules of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, with the well-established fundamental provisions of criminal procedure theory. Ways to solve the problematic issues are offered in the article.

Keywords: criminal procedure, pretrial management, action institution stage, verifying crime report, procedural and investigative actions, parties to verifying crime report.

Viktor A. Demidyuk

*Nizhny Novgorod branch of Moscow Institute of Law
demidyuk-viktor@yandex.ru*

Representation legal phenomenon with participation of federal state budgetary educative institutions of higher professional education

The article is dedicated to "representation" legal phenomenon, including cases with participation of federal state budgetary educative institutions of higher professional education; different points of view about the legal nature, content and forms of representation have been discussed in it, cases of counsel institution use have been shown, representation subjects have been discussed. Classification of counsel, depending on the reason of its occurrence is given in the work, the terms that appear in the literature, – legal and procedural representation, counsel, – have been investigated. Criticism of the term "legal representation" is given, the position of the renaming of the term "representation" into "assistance" institution is justified. Problems of participation of representation subjects in activity of federal state budgetary educative institutions of higher professional education, available in practice, have been shown. The author investigates the discrepancy of civil legal requirements that apply to the design of the power of attorney, of the requirements of the legislation on accounting. Judicial practice, which is used to resolve existing conflicts, has been considered. It is proposed to amend the Charter of federal state budgetary educative institutions of higher professional education and employment contract for precise registration of power of attorney while transferring of authority from higher education institutions' rectors to promote the subjects by issuing appropriate orders.

Keywords: legal representation, counsel, assistance, challenges of transfer of authority.

Konstantin V. Cherkasov

*Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
(Nizhny Novgorod Institute of Management)
cherkasovkv1978@yandex.ru*

Vil'gel'm E. Fauzer

*Syktvykar State University, City of Syktvykar,
Komi autonomy, Russia
wilhelmfau@gmail.com*

Administrative and legal regulation of rendering the state services in Russia: some problems on the example of the Komi Republic

The article is devoted to the basic problems of the legal regulation of state services. It considers the most frequent contradictions and inconsistencies with federal law in administrative regulations governing the provision of state services. It reveals the main aspects and the practical manifestation of these disorders. It also reveals the following points that cause difficulties in the implementation of state services: violation of the terms of state service delivery and implementation of administrative procedures; lack of reference to the applicant's right to receive information and documents that are necessary for the consideration of the complaint; mixing of reasons for returning documents, refusal to accept documents, and denial of state services; lack of a

complete list of prohibitions, established by the Federal law 27.07.2010 # 210-ФЗ «On the organization of state and municipal services»; different lists of documents, required for provision of state services, fixed in the administrative regulation and the list fixed in the higher acts. It is concluded that some of these problems can be solved by better articulating of the law, the harmonization of legislation, the others – by issuing guidelines, works with compilers of administrative regulations. However, which is of particular importance and the need to address violations in the implementation of state services is the fact that they are one of the channels of direct interaction between citizens and public law entities, which results in many ways for violations of citizens' rights, which is unacceptable.

Keywords: administrative law, state service, administrative regulations, legal regulation problems, administrative procedure, pretrial appeal.

Gleb A. Zenzinov

*Russian State University of Trade and Economics
zenzinovga@gmail.com*

On regulatory impact assessment in Kostroma Region

The legislative solutions adopted by the state should address a maximum of economic issues causing a minimum burden on business. Undertaking action of a legislative nature is justified when the adoption of a legal regulation helps to prevent some imperfections of the market, to adopt the least costly regulation, only when the net benefits are greater than cost. Thus, an appropriate design of regulatory policy and its effective application as an analytical and programmatic instrument, such as the evaluation of regulation effects, starts being of great importance. The purpose of the regulatory impact assessment (RIA) is to inform state decisions in advance of regulatory actions and to ensure that regulatory choices are made after appropriate consideration of the likely consequences. This article describes the features of the order of the RIA in Kostroma Region and the associated problems of practical application of this procedure. Analysis of this technology shows the need in improving legal regulation of RIA in Kostroma Region including the order of consultation with affected parties.

Keywords: antitrust laws, law-making, regulatory impact assessment, public consultation.

Aleksandr I. Bibikov

*Ivanovo State University
aibibikov@yandex.ru*

The principle of good faith in civil law doctrine and jurisprudence: problems of interpretation

The principle of good faith set forth in the Civil code of the Russian Federation, is intended to provide a limitation of the autonomy of will of the parties and socialization of civil relations. In this regard, the article analyzes views on the understanding of this legal construction, expressed in the literature; indicates the insufficiency and inefficiency of the assessment of integrity as a moral phenomenon. Recourse to judicial

practice shows that the courts, in the interpretation of the principle of good faith, come from the substantive criteria for the evaluation of good practice that should not be in conflict with the balance of interests of the parties in a civil relationship. All analysed cases in the denominator are such a realization of the private law of freedom, which leads to the violation of the principle of equality and, as a consequence, to recovery of unjustified benefits caused by such behaviour. Based on the etymology of the Roman *bona fidei*, where *bona* means property, benefit, value, and *fidei* – faith, trust, identity, the article gives a new understanding of good faith, the content of which is expressed in the same measure of value as the measure of the freedom of conduct of contractors civil relations. This gives the

opportunity to consider integrity (*bona fidei*) not only as a moral category, but also as a category of civil law, which is expressed in the requirement of recognition of the value of the rights and legitimate interests of the company as their own. In this sense, the requirement of integrity acts as an objective factor in maintaining balance in the manifestation of the principles of equality and private law of liberty. From the subjective side, unscrupulous behaviour tinges to a person's deed something unlawful and requiring appropriate response from the law.

Keywords: autonomy of the will as a measure of the possible, the value of the benefits contractor, a reasonable balance of interests.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы
kng@mail.ru
Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2015 – Т. 21 – № 2

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 01.04.2015.
Дата выхода в свет 10.06.2015.
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 28,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 28.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна